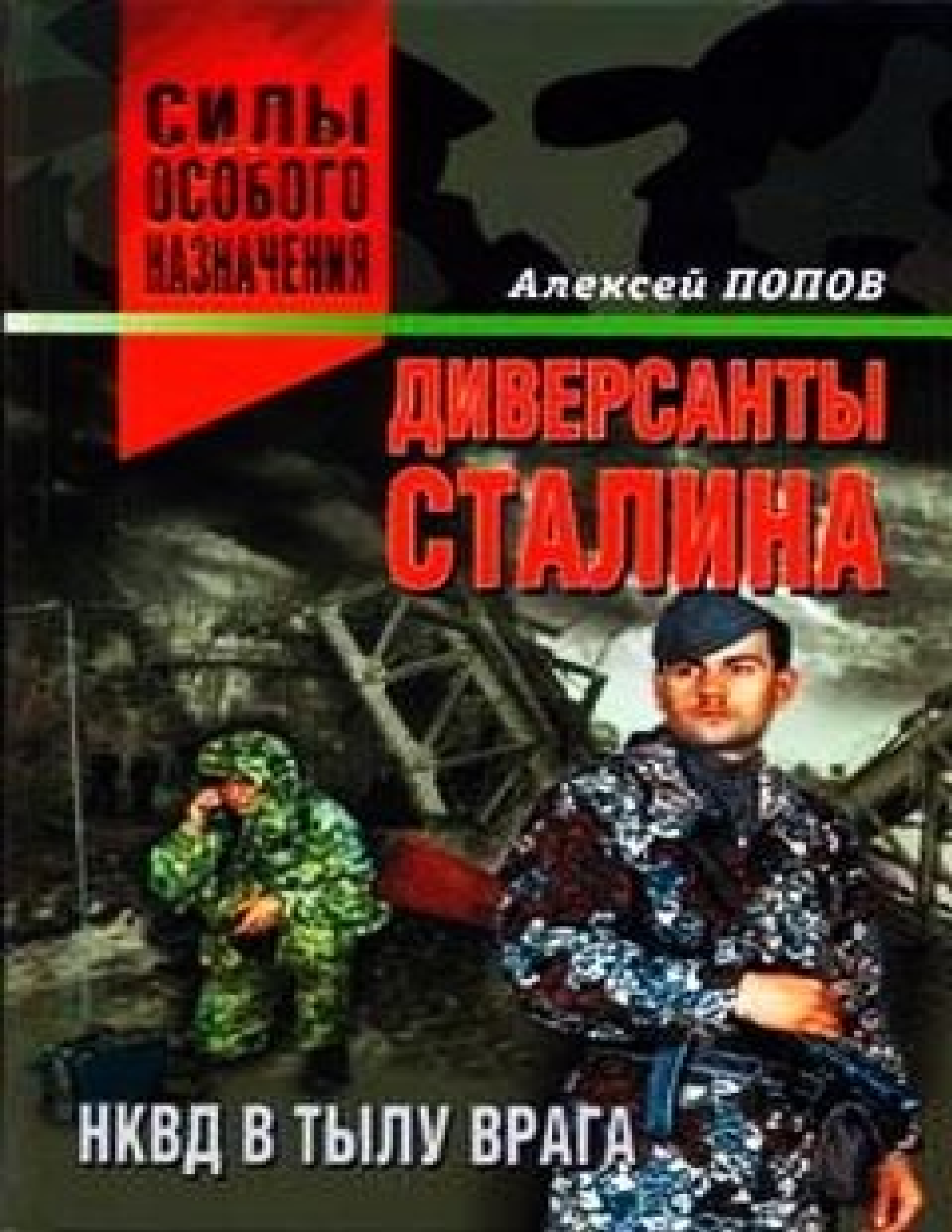

**СИЛЫ
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ**

Алексей ПОПОВ

ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

НКВД В ТЫЛУ ВРАГА

Annotation

В последние годы в нашей стране издано множество книг, воспевающих победы зарубежных спецподразделений в годы Второй мировой войны. Дошло до того, что российский читатель зачастую знает об успехах английских «коммандос» и немецких «бранденбургеров» куда больше, чем о подвигах отечественного спецназа. А ведь советские специалисты по разведывательно-диверсионной деятельности могли дать западным коллегам и противникам сто очков вперед. Диверсанты Сталина — бойцы и командиры знаменитого ОМСБОНа, входившие в состав 4-го управления НКВД-НКГБ, — считались лучшими и опаснейшими профессионалами в мире.

Однако до последнего времени достоверных книг, посвященных боевой работе советских «коммандос» в тылу врага, было прискорбно мало. Деятельность профессиональных диверсантов как бы растворилась в общенародном партизанском движении.

Книга Алексея Попова, основанная на архивных документах и аналитических материалах, впервые показывает подлинный масштаб и боевую эффективность спецназа НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны.

-
- [Попов Алексей Юрьевич](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Правомерность партизанской борьбы](#)
 - [Подготовка к борьбе в тылу врага накануне войны](#)
 - [Этот трудный первый год...](#)
 - [Глава 2. Оккупанты](#)
 - [Режим насилия и страха](#)
 - [Абвер и гестапо против партизан](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Разведка превыше всего](#)
 - [Эшелоны летят под откос](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Ограждение партизанских формирований от агентуры противника](#)
 - [Ликвидации гитлеровцев и их пособников](#)

- [Заключение](#)
- [Приложения](#)
 - [Партизанская разведка](#)
 - [Разведывательная работа советских партизан в первый год войны](#)
 - [Развитие разведки советских партизан и подпольщиков в ходе войны, задачи и организация работы](#)
 - [Разведка намерений противника](#)
 - [Разведка состава и дислокаций соединений и частей противника](#)
 - [Вскрытие перегруппировок и крупных сосредоточений вражеских войск](#)
 - [Разведка новых видов вооружения и средств борьбы](#)
 - [Разведка оборонительных рубежей к сооружениям](#)
 - [Разведка аэродромов, авиационных сил и средств ПВО противника](#)
 - [Выявление баз снабжения, крупных складов и предприятий, работавших на немецко—фашистскую армию, коммуникаций и линий связи](#)
 - [Метеорологическая разведка](#)
 - [Методы разведывательной работы партизан](#)
 - [Помощь советских партизан разведывательным органам Красной Армии](#)
 - [Недостатки и неиспользованные возможности разведывательной работы партизан](#)
 - [Боевые действия против партизан](#)
 - [А. Управление войсками](#)
 - [Б. Войсковые части](#)
 - [В. Ведение разведки против партизан](#)
 - [Г. Методы боевых действий](#)
 - [Меры охраны от партизан](#)
 - [Перечень нормативных актов, регламентирующих участие органов государственной безопасности СССР в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны](#)
 - [Биографии чекистов — разведчиков 4-го управления НКВД —НКГБ](#)
 - [Гриднев Вячеслав Васильевич](#)
 - [Дедюля Иван Прохорович](#)
 - [Карасев Виктор Александрович](#)

- [Колесников Юрий Антонович](#)
- [Корж Василий Захарович](#)
- [Кудря Иван Данилович](#)
- [Кузнецов Николай Иванович](#)
- [Куцин Эммануил Соломонович](#)
- [Лопатин Петр Григорьевич](#)
- [Лягин Виктор Александрович](#)
- [Маклярский Михаил \(Исидор\) Борисович](#)
- [Мирковский Евгений Иванович](#)
- [Михайлашев Николай Афанасьевич](#)
- [Молодцов Владимир Александрович](#)
- [Озмитель Федор Федорович](#)
- [Орловский Кирилл Прокофьевич](#)
- [Прокопюк Николай Архипович](#)
- [Прудников Михаил Сидорович](#)
- [Рабцевич Александр Маркович](#)
- [Судоплатов Павел Анатольевич](#)
- [Эйтингон Наум Исаакович](#)
- [Документы](#)
- [Статус комбатантов и военнопленных](#)
- [Из справки о структуре и деятельности карательных отрядов «ЕКА»](#)
- [Бегомльская операция противника против партизан в мае — июне 1943 г](#)
- [Бланк представительства ЦШПД На Брянском фронте](#)
- [Справка о приемах борьбы немцев с партизанами](#)
- [Тактика противника в борьбе с партизанами в летних условиях](#)
- [Из справки КГБ при Совете Министров УССР о диверсионно —разведывательной деятельности группы подпольщиков г. Киева под руководством И. Д. Кудри](#)
- [Доклад о состоянии разведывательной службы](#)
- [Докладная записка. О частичном провале агентурной сети в городе и на ж.—д. узле Брянска](#)
- [Программа подготовки агентурных разведчиков при спецшколе штаба партизанского движения](#)
- [В ЦК ВКП\(б\) тов. Сталину и. в. тов. Маленкову](#)
- [Главное управление контрразведки «СМЕРШ» товарищу Абакумову. На № 45620](#)

- [Секретарю Цк Кп\(б\) члену военного совета 3-й ударной армии тов. Пономаренко](#)
- [Сов. секретно](#)
- [Начальнику особого отдела соединения п/о Полесской области тов. Михайловскому](#)
- [Список использованных источников и литературы](#)
- [Библиография](#)
- [Список сокращений](#)
- [Список иллюстраций](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)

- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)

- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)

- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)

- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)

- [381](#)
 - [382](#)
 - [383](#)
 - [384](#)
 - [385](#)
 - [386](#)
 - [387](#)
 - [388](#)
 - [389](#)
 - [390](#)
 - [391](#)
 - [392](#)
 - [393](#)
 - [394](#)
 - [395](#)
 - [396](#)
 - [397](#)
 - [398](#)
 - [399](#)
 - [400](#)
 - [401](#)
 - [402](#)
 - [403](#)
 - [404](#)
 - [405](#)
 - [406](#)
 - [407](#)
 - [408](#)
-

Попов Алексей Юрьевич
Диверсанты Сталина:

Введение

В отечественной историографии тема деятельности органов государственной безопасности СССР в тылу противника в годы Великой Отечественной войны до сих пор остается малоизученной. На это есть определенные основания. Во—первых, это засекреченность источников по изучаемой проблеме. Во—вторых, господство определенных идеологических установок в историографии советского периода, где о роли чекистов в борьбе на оккупированной территории было принято умалчивать. Все это не позволяло исследователям объективно показать всю полноту проблем, связанных с зафронтной деятельностью органов госбезопасности СССР.

До последнего времени практически не говорилось и об участии органов госбезопасности в организации партизанского движения в 1941–1945 годах. И на это были причины. Официальная идеология в Советском Союзе не могла допустить, что партизанское движение организовывалось кем—то другим, а не Коммунистической партией.

Об актуальности темы исследования свидетельствует огромный интерес к проблемам Великой Отечественной войны, который сохраняется в российском обществе по прошествии почти 60 лет после ее завершения.

О важности и актуальности проблемы исследования можно говорить и с точки зрения возможности использования исторического опыта, необходимости извлечения уроков из прошлого. Опыт деятельности органов государственной безопасности СССР в гитлеровском тылу может использоваться российскими спецслужбами в современных локальных конфликтах.

Объектом исследования является деятельность органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны.

Предметом исследования — деятельность чекистских органов на оккупированной гитлеровцами советской территории в 1941–1944 годах.

Историография. Специальных исследований по данной проблеме в отечественной историографии до 70–х годов XX столетия, кроме закрытых трудов, не проводилось.^[1]

В конце 1970–х годов в связи с рассекречиванием документов партийных архивов начинают появляться научные работы по данной проблеме. Одними из первых занялись этой темой белорусские и украинские исследователи. Так, В. К. Киселев, Г. П. Мищенко и

Г. П. Мигрин на основе широкого использования архивных документов, периодической печати и мемуарной литературы показали в своих трудах участие чекистов в партизанском движении в Белоруссии и на Украине через призму партизанской разведки.^[2]

Заслуживает внимания один из последних трудов крупнейшего специалиста по истории партизанского движения В. Н. Андрианова.^[3] В нем автор доказал необходимость и неизбежность привлечения сотрудников органов государственной безопасности к развертыванию партизанской борьбы, их роль в разведывательно—диверсионной, боевой и контрразведывательной деятельности в тылу гитлеровских оккупантов в годы Великой Отечественной войны.

В 1991 году вышла совместная монография ветеранов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР А. И. Зевелева, Ф. Л. Курлата, А. С. Казицкого.^[4] Авторы впервые на основе богатого архивного материала и личных воспоминаний провели комплексное исследование деятельности бригады, заключавшейся в проведении партизанской, подпольной и разведывательной работы в тылу противника.

Интересные примеры агентурно—оперативной деятельности чекистов в партизанских формированиях приводит в своей работе В. В. Коровин.^[5] Так, исходя из анализа оперативной обстановки автор дает характеристику разведывательной и контрразведывательной деятельности оперативно—чекистских групп, действовавших на оккупированной территории Белоруссии, Украины и западных областей РСФСР.

Нельзя не отметить работы известного специалиста по диверсиям в тылу противника И. Г. Старинова.^[6] Заслуга этого автора в том, что он впервые поднял проблему подготовки органов государственной безопасности СССР к партизанской борьбе накануне Великой Отечественной войны. Интересен его взгляд на операцию «Рельсовая война», который идет вразрез с мнением большинства известных специалистов по истории партизанского движения. И. Г. Старинов считает неправильным решение руководства страны отдать приказ о взрыве только рельсов. По мнению исследователя, нужно было прежде всего подрывать поезда.

С этой точкой зрения согласен В. И. Боярский, который одним из первых историков в своих трудах объективно показал и обосновал роль органов государственной безопасности СССР в организации зафронтной борьбы, особенно в первые месяцы войны.^[7] Представляет определенный

интерес одна из последних работ этого исследователя. В ней проведен анализ партизанской борьбы различных народов в XIX–XX веках. Сделан вывод о том, что успех партизанской борьбы зависит от привлечения к ней профессионалов.^[8]

Несмотря на изученность отдельных вопросов, деятельность органов государственной безопасности СССР в тылу противника в годы Великой Отечественной войны, в целом, остается практически неисследованной, что дает право некоторым историкам совершенно игнорировать весомый вклад чекистов в дело развертывания борьбы советского народа на оккупированной территории СССР.^[9]

В некоторых работах кадровые сотрудники органов государственной безопасности СССР отождествляются с офицерами Красной Армии, в результате то, что сделали чекисты в тылу противника, приписывается совершенно иным людям. Так, в монографии В. А. Пережогина утверждается, что «...нередко разведку в интересах Красной Армии партизаны проводили с армейскими разведывательными группами... Именно таким образом действовала группа разведчиков во главе с Н. И. Кузнецовым, заброшенная летом 1942 года в район г. Ровно, где к тому времени обосновался партизанский отряд под командованием полковника Д. Н. Медведева».^[10]

Представляется, что нужно более четко показывать ведомственную принадлежность партизанских разведчиков, так как ни Н. И. Кузнецов, ни Д. Н. Медведев к армейской разведке никогда никакого отношения не имели, а подчинялись непосредственно 4-му Управлению НКВД, ведавшему зафронтовой деятельностью органов госбезопасности.

Более того, некоторые авторы пытаются обвинить чекистов, работавших в тылу врага, в различного рода преступлениях, искажают конкретные исторические события по изучаемой проблеме. Так, Б. В. Соколов утверждает, что просмотренные им документы вызывают «... гнев не против немцев и их пособников, а против чинов НКВД и советских партийных лидеров, не менее своих германских коллег повинных в преступлении против человечности».^[11] Б. В. Соколов восхищается и украинскими националистами, и генералом А. А. Власовым, и локотскими изменниками Каминским и Воскобойником, и откровенными бандитами братьями Болтуновыми. Создается впечатление, что автор не просто делает попытку пересмотреть историографию данной проблемы, обелить предателей, выдать их низменные чувства за искренние убеждения, аргументировать измену как несогласие с существующим советским

строем. Хочется отметить, что подобная интерпретация событий на оккупированной территории еще раз подчеркивает актуальность темы исследования, дает возможность научно показать необоснованность подобных выводов.

Занимаясь вопросами деятельности органов госбезопасности в тылу противника, автор настоящей монографии опубликовал ряд работ, которые затронули некоторые вопросы разведывательно—диверсионной и контрразведывательной деятельности органов госбезопасности в тылу противника. [\[12\]](#)

Цель настоящей монографии состоит в том, чтобы на основе анализа и обобщения известных, а также ранее не вводившихся в научный оборот документов и материалов показать роль органов государственной безопасности СССР в борьбе советского народа на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны.

Достижение указанной цели потребовало решения следующих научных задач:

- выявить и систематизировать нормативно—правовые акты, регулирующие деятельность чекистов на оккупированной советской территории;

- проанализировать подготовку органов государственной безопасности СССР к работе в тылу врага в 1920–1930–е годы;

- показать особенности оккупационного режима и борьбу гитлеровских спецслужб против партизан;

- определить место и роль чекистских органов в партизанском движении;

- дать анализ разведывательно—диверсионной, контрразведывательной и специальной деятельности органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в различные периоды Великой Отечественной войны и раскрыть их содержание.

Следует отметить, что в большинстве исследований по истории всенародной борьбы на оккупированной советской территории анализ источников практически не проводился. В этой связи проблема источниковедения остается малоизученной.

Важными источниками по изучаемой проблеме явились документы и материалы ВКП(б), нормативно—правовые акты Советского правительства и Государственного Комитета Обороны, регулирующие деятельность советских партизанских формирований. К ним относятся постановления, директивы, приказы. Следует отметить важную деталь. В начальный период войны в этих документах была только обозначена проблема

партизанской борьбы, в целом они носили декларативный характер, призывали к изначально невыполнимым действиям. Несмотря на это, на их основании строилась вся борьба советского народа на оккупированной территории. С развертыванием партизанского движения появляются документы, конкретно ставящие задачи перед партизанскими формированиями. Как пример, можно привести приказ Народного Комиссара Оборона СССР № 00189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения».^[13]

Значимыми источниками по теме исследования также являются распорядительные документы Центрального штаба партизанского движения и органов НКВД — НКГБ СССР в области развертывания борьбы в тылу врага. К ним относятся приказы, указания, директивы, докладные записки и т. д.^[14]

О конкретной боевой деятельности можно узнать из отчетных документов партизанских отрядов и оперативных групп органов госбезопасности — разведсводок, сообщений, спецсообщений, планов, отчетов, донесений, справок и т. д.

Эти источники представляют собой огромный массив документов, дающий достаточное представление о борьбе советского народа на оккупированной территории.

Более критично подойти к изучаемой проблеме позволяют трофейные документы гитлеровцев и их союзников — инструкции по борьбе с партизанами, указания по обращению с перебежчиками, приказы, доклады и т. д.

Образ оккупанта в отечественной историографии представлен достаточно подробно. Вместе с тем нельзя забывать, что некоторые гитлеровские военачальники понимали, что нельзя применять по отношению к местному населению одни репрессии. Так, в 4-м пункте «10 основных положений для немецкого солдата по борьбе с партизанами» прямо указано: «Не мародерствовать».^[15] Это касалось местного населения, ну, а партизан согласно этому документу после допроса следовало расстрелять.^[16]

Интересные сведения о специальных формах и методах борьбы с партизанами можно почерпнуть из различного рода указаний по борьбе с партизанами. В частности, как проводить допрос пленных, на какие категории населения опираться в борьбе с партизанами.^[17]

Не менее значимые сведения доносят до нас документы гитлеровцев о формах и методах борьбы советских партизанских формирований.^[18]

Довольно много в трофейных документах говорится об агентуре органов госбезопасности, использующей яд для отравления немецких офицеров и солдат.^[19]

Определенное место в формировании источниковой базы проблемы занимают публикации на страницах советских газет очерков о борьбе советского народа на оккупированной территории. Так, уже 22 июля 1941 года в газете «Правда» была напечатана статья первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко «Разгорается пламя партизанской войны в Белоруссии», а 25 июля — статья секретаря ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко «Партизанская война против немецких фашистов на Украине».

Важное место на страницах печати заняло освещение боевой деятельности партизан и подпольщиков. Только в течение шести военных месяцев 1941 года «Правда» поместила более 100 статей и корреспонденции о партизанском движении и военно—политическом положении на оккупированной врагом советской территории, в 1942 году — более 230 статей и корреспонденций.^[20] Такое же внимание вопросам всенародной борьбы в тылу врага уделяли и другие газеты.

Представляют интерес статьи и брошюры, опубликованные на эту тему секретарями республиканских и областных партийных организаций, некоторые из которых имели непосредственное отношение к органам госбезопасности СССР.^[21] В их работах содержались сведения об организации и руководстве партизанским движением, конкретных подвигах партизан.

Напечатанные подпольщиками и партизанами газеты и листовки в гитлеровском тылу являются важным историческим источником. Выходившие в условиях глубокого подполья, они донесли до настоящего времени героические будни советских людей, боровшихся во вражеском тылу.^[22]

Издавали свои газеты гитлеровцы и различные националистические формирования. На оккупированной советской территории шла борьба «за умы». В настоящее время для объективного изучения проблемы нельзя не учитывать и эти источники.

Наряду с газетами немаловажное значение в политической работе среди населения оккупированных противником районов страны придавалось листовкам — самому доступному виду массовой печати. Их издавали и распространяли партийные подпольные органы, политорганы фронтов, непосредственно сами партизанские формирования. Например, с

февраля по май 1942 года Политуправление Северо—Западного фронта переправило в оккупированные врагом южные и западные районы Ленинградской области 175 500 экз. листовок. За это же время непосредственно в партизанские отряды было доставлено 22 000 экз. «Правды» и 470 000 листовок.^[23]

Информацию о деятельности органов госбезопасности в гитлеровском тылу можно почерпнуть также из мемуаров чекистов — непосредственных участников изучаемых событий. В настоящее время эти мемуары продолжают являться ценным источником по теме исследования.^[24]

Интересные факты, существенно дополнившие архивные источники, были получены в ходе личных встреч с непосредственными участниками изучаемых событий. Автор провел беседы с руководителями и непосредственными участниками борьбы на оккупированной советской территории — С. С. Бельченко, И. Г. Стариновым, А. И. Зевелевым, Ю. Н. Калашниковым и др.

Значительная часть архивных материалов была извлечена из фонда Центрального штаба партизанского движения, хранящегося в Российском государственном архиве социально—политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), а также Центрального оперативного архива ФСБ (ЦОА ФСБ России).

В исследовании использованы фотокопии документов, заказанные в архиве Управления ФСБ России по Тверской области, а также бывшем партийном архиве Брянской области.

Кроме этого, при работе над монографией автор работал с документами личных фондов руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны — генерал—лейтенанта П. К. Пономаренко (РГАСПИ), полковника И. Г. Старинова (РГВА), а также с материалами, хранящимися в семье генерал—полковника С. С. Бельченко.

Работа в архивах с различными по степени важности документами и материалами позволила автору по каким—то эпизодам найти документы разных ведомств. При их сравнении появилась возможность с большей степенью достоверности отобразить реалии того времени.

Помимо архивных материалов, в книге использовались опубликованные документы, существенно обогатившие источниковую базу исследования по отдельным ее аспектам.^[25]

Цель исследования предопределила логику изложения материала монографии и ее структуру, состоящую из четырех глав, что позволило

получить целостное представление о содержании и особенностях деятельности чекистских органов на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны.

Я благодарен всем, кто оказывал мне помощь на разных этапах работы над книгой. Особую признательность выражаю своему научному консультанту доктору исторических наук А. И. Сенявскому. Хочу сказать спасибо сотрудникам ИРИ РАН, которые взяли на себя труд прочитать рукопись книги и чьи рекомендации и советы способствовали ее совершенствованию: докторам исторических наук И. В. Быстровой, Ю. Н. Жукову, Г. М. Ивановой, А. А. Иголкину, В. Н. Земскову, В. Ф. Зиме, кандидатам исторических наук Г. В. Костырченко и Г. Б. Куликовой.

Отдельная моя благодарность — благожелательным рецензентам данной работы доктору исторических наук, профессору ГА. Куманеву и доктору военных наук, профессору А. И. Цветкову.

Монография подготовлена в Центре «Россия, СССР в истории XX века», обсуждена на совместном заседании с Центром военной истории России и рекомендована к печати решением секции Ученого совета по истории Новейшего времени Института российской истории РАН.

Глава 1

Как все начиналось

Правомерность партизанской борьбы

При выяснении вопроса о правомерности борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками на оккупированной территории прежде всего нужно отметить, что об этой борьбе в Советском Союзе до начала 1990-х годов писалось только с положительной стороны. Исследователи предпочитали обходить так называемые «скользкие» вопросы. Однако отсутствие данных о негативных явлениях, которые имели место в некоторых партизанских отрядах,^[26] привело к тому, что в настоящее время появилась точка зрения о том, что партизанское движение в СССР было неправомерным и чуть ли не бандитским. Произошел переход, как это часто бывает в России, из одной крайности в другую.

Так, известная белорусская писательница, ныне проживающая в Италии, Светлана Алексиевич, опубликовала в газете «Известия» статью, где все партизанское движение, развернувшееся на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны, назвала преступным.^[27] Возмущенными ветеранами—чекистами — участниками партизанского движения было подготовлено опровержение, но газета его не напечатала. После судебного разбирательства по этому делу 17 апреля 1996 года вынесено решение № 8 (91) Судебной палатой по информационным спорам при Президенте Российской Федерации обязать газету «Известия» опубликовать опровержение.^[28]

Данная проблема затронута и в одном из трудов В. И. Боярского, который пишет, что «партизанская война — обоюдоострое оружие. Она становится инструментом в руках сепаратистов, различного рода экстремистских организаций. Тот факт, что благородное слово «партизан» легко превращается в презрительное прозвище «бандит», свидетельствует, что мы имеем дело с очень непростым явлением».^[29]

Анализ многочисленных документов и беседы с ветеранами партизанского движения показывают, что партизанская борьба советского народа против немецко—фашистских захватчиков началась с первых дней войны, т. е. до принятия нормативных актов, регламентирующих эту борьбу. Однако это не дает никакого повода относить партизан к

незаконным вооруженным формированиям.

Уместно отметить, что советские партизаны боролись на основании Основного закона государства — Конституции СССР 1936 года, где в статье 133 прямо написано, что «защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».^[30] Измена Родине, т. е. нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж, — карались, согласно Конституции СССР 1936 года, по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.^[31]

Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны являлась составной частью партизанского движения и регламентировалась комплексом нормативно—правовых актов. По мнению автора, можно выделить два вида нормативно—правовых источников:

1) нормативно—правовые акты СССР — Конституция 1936 года, директивы, постановления, распоряжения Государственного комитета обороны СССР, Совнаркома СССР и совместные с ним постановления ЦК ВКП(б);

2) ведомственные нормативные документы — директивы, приказы, инструкции, указания центральных и территориальных органов государственной безопасности СССР.

Боевая программа развертывания всенародной борьбы в тылу немецко—фашистских войск была сформулирована в совместной директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 года, которая в отношении развертывания партизанского движения сводилась к следующему: «...в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах».^[32]

Можно считать, что это было первым и важным документом, регулирующим партизанское движение с точки зрения права. Несмотря на

то, что в нем ничего не было сказано о роли и месте органов государственной безопасности в партизанском движении, участие в нем органов НКВД и НКГБ подспудно подразумевалось. В мирное время сотрудники и агентура именно этих государственных органов обучались и владели искусством партизанской борьбы, совершения диверсий, конспирации.

3 июля 1941 года эта директива была фактически озвучена И. В. Сталиным в его обращении к советскому народу. В частности, он сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия, при вынужденном отходе частей Красной Армии не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено».^[33]

Партизанские действия в тылу сильного, специально подготовленного к контрпартизанской борьбе противника требовали всесторонней подготовки партизанских сил и оптимального планирования их действий. Ничего подобного Сталиным в его выступлении не предусматривалось.^[34]

В подобных условиях вывоз и уничтожение, вместо раздачи, продуктов питания, и прежде всего зерна, обрекал на голодную смерть население оккупированных врагом территорий. Дословное выполнение этих распоряжений привело бы только к резкому увеличению числа коллаборационистов, вызвало бы у местных жителей ненависть к советской власти и армии и толкнуло бы многих на службу противнику. После выступления Сталина усилились скоропалительное формирование и переброска в тыл врага без должной подготовки партизанских отрядов и диверсионных групп. Между тем, не была даже сформулирована их основная задача: отрезать вражеские войска от источников их снабжения.^[35]

На основании Постановления от 29 июня 1941 года 5 июля была создана Особая группа при наркомате внутренних дел. Одной из задач данного подразделения была организация партизанской борьбы в тылу противника.^[36]

Сразу после создания Особой группы НКВД началось формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР. Оно было связано с необходимостью выполнения специальных заданий в борьбе с фашистскими захватчиками, вторгшимися на территорию Советского Союза. После обнаружения директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года эта общая задача уточняется и конкретизируется. ОМСБОН был призван вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении патриотов в тылу врага.^[37]

Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» 18 июля 1941 года хотя и не являлось нормативным актом, но имело огромное значение. На основании этого Постановления вырабатывались нормативно—правовые акты и строилась зафронтовая работа всех советских государственных органов, в том числе органов государственной безопасности.

В Постановлении говорилось: «...для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников Гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и др. В эти же группы должны быть влиты коммунисты и комсомольцы, которые не используются для работы в подпольных ячейках.

Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы.

Необходимо также заблаговременно позаботиться об организации связи подпольных ячеек и партизанских отрядов с советскими районами, для чего их снабдить радиоаппаратами, использовать ходоков, тайнопись и проч., а также обеспечить посылку и печатание на месте листовок, лозунгов, газет».^[38]

В Постановлении были уже упомянуты и органы государственной безопасности, сотрудники которых в первые недели войны встали во главе

многих партизанских отрядов.

Постановления ЦК ВЛКСМ, как и партийных органов, явились для молодежи руководством к действию. 3 сентября 1941 года ЦК ВЛКСМ принял специальное Постановление «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы НКВД СССР». На основании этого постановления в ОМСБОН НКВД СССР прибыло 800 комсомольцев из Москвы и ряда областей страны.^[39]

На наш взгляд, было бы неправильным не сказать о правовых актах, регламентирующих деятельность Центрального штаба партизанского движения, так как представители органов государственной безопасности, помимо деятельности оперативных групп ОМСБОН, принимали непосредственное участие в работе Центрального и местных штабов партизанского движения. Так, в приказе ГКО СССР о создании ЦШПД от 30 мая 1942 года пять из шести начальников местных штабов партизанского движения являлись чекистами.^[40]

Положение о ЦШПД было готово и утверждено П. К. Пономаренко в декабре 1942 года. Однако форму законодательного акта так и не приняло. Это случилось, по—видимому, из—за первого расформирования Центрального штаба партизанского движения. Вообще, этот факт поставил в недоумение многих руководителей партизан. Так, в одной из бесед с автором бывший заместитель начальника ЦШПД генерал—полковник в отставке С. С. Бельченко заявил, что известие о роспуске ЦШПД было подобно шоку.^[41] Одной из причин прекращения работы ЦШПД, по мнению последнего, явились интриги Л. П. Берия, который хотел лично руководить всей зафронтовой деятельностью, в том числе и партизанским движением.

После воссоздания ЦШПД над его законодательным оформлением трудились заместитель начальника Центрального штаба майор госбезопасности С. С. Бельченко и начальник отдела пропаганды В. Н. Малин. Но, со слов С. С. Бельченко, Положение о ЦШПД так и осталось проектом.

На основании приказов Народного Комиссара Оборона СССР строилась работа всех советских партизан и органов, контролирующих их деятельность. Так, Приказ № 00189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения», подписанный И. В. Сталиным, явился основой для дальнейшей деятельности советских партизанских формирований, в том числе и участия органов госбезопасности в партизанском движении.^[42] В частности, там говорилось об усилении агентурной разведки, в которой

чекисты должны были оказать помощь партизанским формированиям.

Деятельность на оккупированной советской территории руководилась и координировалась из Центра. Им и их семьям выдавались денежные содержания и пособия. Согласно Постановлению ГКО № 1567с, распространялось Постановление СНКСССР № 1269 от 16.07.40 г. «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава и их семьям» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.40 г. «О порядке назначения и выплаты пособий, пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».^[43]

Следует заметить, что Совнарком заботился и о семьях чекистов— партизан, находившихся в тылу противника, если им угрожала опасность. Так, распоряжение СНКСССР № 21456 рс от 11 ноября 1942 г. обязало СНК РСФСР принять и разместить в Ярославской области 1000 детей партизан и 62 взрослых члена семей партизан, эвакуированных из брянских лесов, среди которых было немалое число детей сотрудников органов госбезопасности СССР.^[44]

Таким образом, деятельность советских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны регламентировалась целым рядом государственных нормативных актов и с этой точки зрения носила вполне законный характер.

Согласно Постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б), 25 августа 1941 года приказом НКВД СССР № 001151 оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоять парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в 4-е отделы НКВД — УНКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР.^[45]

На 4-е отделы возлагались следующие задачи: повседневное руководство организацией истребительных батальонов и диверсионных групп; организация связи с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп, разведки тыла противника и мест переправы партизанских отрядов, изучение настроения местного населения и обстановки в районах вероятных действий партизанских отрядов и групп.^[46]

В положении о работе 4-х отделов указывалось, что свои действия по организации партизанских отрядов и диверсионных групп они координируют с особыми отделами НКВД, войсковым командованием,

партийными и советскими организациями. Для осуществления более тесного контакта между командованием и 4-ми отделами последние имели своих представителей при штабах фронтов. В задачи представителей входило тщательное изучение обстановки на фронте, районов сосредоточения противника, расположения его штабов, а также участков фронта, где наиболее целесообразно проводить переброски отрядов и групп.

Анализ задач, возложенных на 4-е отделы, показывает, что они в основном сводились к организации в тылу противника агентурно—войсковой разведки, проведения диверсий силами и средствами партизанских отрядов и разведывательно—диверсионных групп. Между тем, перед органами государственной безопасности в связи с началом военных действий встали очень сложные и ответственные задачи по борьбе с подрывной деятельностью немецко—фашистской разведки на фронте, в тылу и на временно оккупированной врагом советской территории. Для этого нужно было хорошо организовать зафронтную работу чекистских органов, которая в начальный период Отечественной войны страдала серьезными недостатками, основными из которых являлись следующие: подбор агентуры для зафронтной работы проводился иногда без учета возможностей вербуемых решать поставленные перед ними задачи; агентура органов государственной безопасности забрасывалась в тыл противника на глубину до 100 км от линии фронта преимущественно с заданиями военно—разведывательного характера; агенты из числа военнослужащих забрасывались за линию фронта под видом выходцев социально чуждой среды. После разоблачения ряда наших агентов, заброшенных с такими легендами, противник к этой категории лиц стал относиться с подозрением и, как правило, направлял их не в разведывательные школы, а в лагеря военнопленных.

В тылу противника отсутствовали базы для обеспечения легализации забрасываемой агентуры и поддержания с ней связи.

Следует отметить, что правовой основой для деятельности территориальных органов государственной безопасности по организации партизанских отрядов и оперативных групп явились директивы Центра. Соответственно, для городских и районных аппаратов НКВД — НКГБ — директивные указания начальников областных Управлений.

В целях организации активного противодействия подрывной деятельности спецслужб фашистской Германии 10 октября 1941 года в составе 2-го отдела НКВД СССР было образовано прифронтное отделение. Это позволило лучше координировать работу с 4-ми отделами

республиканских и областных НКВД — УНКВД для руководства оперативной и боевой деятельностью партизанских отрядов и разведывательно—диверсионных групп в тылу врага.^[47]

Фактическая ликвидация партизанских кадров, баз снабжения, всей той огромной работы, которая велась в СССР в конце 1920–х — начале 1930–х годов, привела к тому, что в начальный период войны органы государственной безопасности столкнулись с рядом трудностей при организации партизанского движения.

Ведомственные нормативные акты позволяют увидеть недостатки, которые имелись при формировании чекистами партизанских отрядов. Так, в Директиве Народного комиссара государственной безопасности СССР от 16 июля 1941 г. за № 222 отмечалось, что в организации партизанских отрядов, предназначенных для действия в тылу противника, допускался целый ряд недостатков: отряды комплектовались наспех из людей неопытных, не знающих местных условий и не владеющих оружием; партизаны, посылаемые на боевую работу, достаточно не инструктировались.^[48]

В целях устранения отмеченных выше недостатков и создания условий, обеспечивающих высокие боевые качества партизанских отрядов, предлагалось руководствоваться следующим: партизанские отряды формировать из местного, всесторонне проверенного партийного и советского актива, бойцов истребительных батальонов и вполне надежной, преданной советской власти агентуры, как действующей, так и состоящей на консервации.

В документе говорилось о том, что агентуру, сведенную в резидентуры, предназначенные для действия в тылу противника, нужно включать в состав формируемых партизанских отрядов «за исключением лишь тех резидентур и отдельных агентов—осведомов» (так в тексте документа — *Прим. автора*), которые по своим индивидуальным качествам являлись неподходящими для партизанской борьбы или имели узкоспециальное назначение (совершение террористических актов, производство диверсий на определенных важных объектах и т. п.). При отборе людей в партизанские отряды рекомендовалось подходить во всех случаях персонально, учитывать личные качества каждого отдельного партизана и не допускать в состав отрядов лиц, не внушающих доверия и вызывающих сомнения в их боевых качествах.

Перед отправкой для практических действий каждого партизана нужно было тщательно проинструктировать, ознакомить с местностью (где

предстоит движение) по карте, а также с политико—экономическим состоянием района действий. Перед отправкой рекомендовалось продумать методы и формы связи с партизанскими отрядами и возможность оказания им помощи как материально, так и оружием и боеприпасами; для большей маскировки партизан в районах, где прошла поголовная мобилизация, необходимо в случае задержания немцами заявлять, что «служил в Красной Армии, попал в плен и затем освобожден для работы в поле, так как являюсь жителем данного района».^[49]

Данный документ говорит и о снабжении партизанских отрядов оружием и боеприпасами, которые было необходимо производить при комплектовании отрядов, но также использовать возможность добыть их (оружие и боеприпасы) в прифронтовой полосе за счет брошенного немцами и нашими войсками, для чего необходимо высылать в прифронтовую полосу небольшими группами партизан для сбора оружия и боеприпасов, чтобы закопать их в определенных местах, для того чтобы по прибытии на место партизанский отряд мог использовать это оружие для боевых действий; ни в коем случае не допускать того, чтобы сформированные партизанские отряды под нажимом частей противника отступали вместе с населением. Необходимо было в таких случаях использовать разрывы между наступающими частями противника и проникать через эти разрывы в тыл противника для проведения диверсионной, подрывной работы; в пунктах, где дислоцированы территориальные и железнодорожные органы НКГБ, последние выполняют работу, предусмотренную настоящей директивой, совместно.^[50]

В директиве начальников УНКГБ и УНКВД Калининской области начальникам ГО, РО НКВД и МРО НКГБ «О недостатках в руководстве партизанским движением и мерах по их устранению» от 29 июля 1941 года говорится о недопустимости и преступности организации перебрасываемых в тыл противника неподготовленных диверсионных групп и партизанских отрядов.^[51]

Несмотря на эти указания по улучшению организации и заброски в тыл партизанских отрядов и диверсионных групп, из—за тяжелейшего положения Красной Армии на фронтах, осенью положение не изменилось. Так, в директиве НКВД СССР Начальнику УНКВД по Калининской области «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения» от 11 сентября 1941 года указано, что «работа УНКВД Калининской области по подготовке и развертыванию партизанского движения в районах, захваченных противником, поставлена явно неудовлетворительно».^[52]

Важным нормативным актом явилось указание НКВД СССР № 07435 «Об организации деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп» от 6 декабря 1941 года. Оно с предельной четкостью сформулировало задачи диверсионной деятельности: «диверсионные группы имеют назначение — совершать систематические взрывы, поджоги, порчу и разрушения на промышленных предприятиях, электростанциях и железных дорогах в тылу противника». Таким образом, были определены основные объекты диверсий, способы совершения и некоторые вопросы тактики использования сил и средств органов госбезопасности. Суть их сводилась к нанесению ущерба противнику, не вступая с ним в боевое соприкосновение.

Подводя итоги, нужно отметить, что деятельность органов государственной безопасности в тылу противника в полной мере регламентировалась нормативно—правовыми актами СССР. Участвуя в партизанском движении, чекисты четко выполняли постановления, приказы, директивы и указания ГКО, СНК, ЦШПД и НКВД СССР. И если действия сотрудников госбезопасности были незаконными, то тогда деятельность советского народа, прилагающего неимоверные усилия для победы над врагом, тоже, получается, нужно назвать незаконной. А это уже абсурд.

Подготовка к борьбе в тылу врага накануне войны

Борьба советского народа против гитлеровцев на оккупированной советской территории не сразу стала мощной и всесторонней. Рождалась эта борьба в муках, хотя подготовка в этом направлении велась задолго до войны. Обратимся к истории.

Молодое Советское государство, окруженное врагами при постоянной угрозе нападения, после кровопролитной Гражданской войны не располагало еще сильной армией, ввиду этого партизанской борьбе придавалось большое значение. Проводился учет кадров, прошедших большую школу подпольной и партизанской борьбы в период Гражданской войны и иностранной интервенции.^[53] Органы государственной безопасности продолжали повышать искусство борьбы в тылу противника. Так, в начале 1920–х годов диверсионные группы, одетые в гражданскую одежду, переходили польскую линию фронта для развертывания партизанской борьбы в тылу польских войск на территории Западной Белоруссии.^[54]

Позднее, в соответствии с решениями военно—политического руководства СССР, началась широкомасштабная подготовка к партизанской борьбе против возможной агрессии со стороны капиталистических держав.

К большому сожалению, по этой проблеме практически не осталось документов. Зачастую данные о подготовке органов государственной безопасности к партизанской борьбе в 1920–1930–х годах автор находил из документов, прямо не затрагивающих этот вопрос. Так, например, из справки на оперативного источника НКВД УССР «Никитина» от 25 декабря 1942 года прямо указано, что он в 1929 г. успешно окончил школу руководителей партизанского движения при ГПУ УССР и был назначен командиром отряда для действия в случае возникновения войны в Шепетовском районе УССР.^[55] Это позволяет говорить о целой системе подготовки партизан, организованной ОГПУ, распространившейся, по крайней мере, на приграничные районы.

Опыт партизанской войны, накопленный в 1914–1920–е годы русской армией, был развит советскими военными теоретиками и положен в основу военной доктрины молодого государства.^[56]

Несомненная заслуга в подготовке борьбы в тылу противника, развернувшейся в СССР в начале 1920–х годов, принадлежит М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинскому, под руководством которых была развернута серьезная работа по написанию пособий по тактике партизанской борьбы и по созданию особых партизанских школ, а также приобретению специальной техники и вооружения для партизанских формирований.^[57]

В июле 1921 года была опубликована статья М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия». Автор намеренно подчеркивал ту огромную роль, какую может сыграть в организации обороны страны подготовка к ведению партизанской войны: «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».^[58]

Обязательным условием успеха «малой войны», по мнению М. В. Фрунзе, была заблаговременная разработка ее плана и создание предпосылок, обеспечивающих ее успех. В основу партизанской доктрины была положена ленинская мысль о том, что «партизанские выступления не месть, а военные действия».^[59]

М. В. Фрунзе сформулировал нормы и условия ведения партизанской войны: «Способы и формы ведения войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития и, прежде всего, от развития производства. Военная тактика, в первую очередь, зависит от уровня военной техники. Второе средство борьбы с техническим превосходством армии противника мы видим в подготовке партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Но обязательным условием плодотворности идеи малой войны является, повторяю, заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих ее широкое развитие. Отсюда задачей нашего Генерального Штаба должна стать разработка идеи малой войны».^[60]

До 1933 года Красной Армии внушалось, что в будущей войне с ее маневренными операциями «крупная роль будет принадлежать «... партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе».^[61]

Именно в соответствии с решениями военно—политического руководства СССР в 1924—1936 годах производилась серьезная подготовка к партизанской войне. Она включала: создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов—одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии укрепленных районов; формирование и всестороннюю подготовку маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать на незнакомой местности, в том числе за пределами страны; переподготовку командного состава, имевшего опыт партизанской борьбы в Гражданской войне, и подготовку некоторых молодых командиров в специальных партизанских учебных заведениях; отработку вопросов партизанской борьбы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и некоторых общевойсковых учениях; совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы, наиболее пригодных для применения в партизанских действиях; материально—техническое обеспечение партизанских формирований.^[62]

В конце 1920-х и начале 1930-х годов подготовка партизан и диверсантов проводилась в специальных школах и учебных пунктах, различных по величине, по структуре и по способам конспирации. Спецшколы, как правило, размещались в городах и пригородах, в нескольких зданиях. Они имели хорошие мастерские, лаборатории, а некоторые имели закрытые тиры и небольшие полигоны, на которых можно было устанавливать и даже подрывать различные мины и заряды до 1

килограмма.

В учебных пунктах, которые являлись филиалами основных спецшкол, обучались командиры и специалисты, диверсионные, разведывательные, организаторские группы и даже целые отряды. Здесь же готовили подпольщиков—одиночек и небольшие группы диверсантов для совершения операций на случай вторжения противника в приграничную полосу. Одновременно обучалось не менее 12 человек. Все имели псевдонимы.

Состав будущих партизанских формирований был самый различный, но на каждом сборе имелись партизаны, одинаковые по возрасту. Обычно в партизаны готовились мужчины в возрасте 45 лет и старше, а также молодые мужчины, освобожденные от военной службы по здоровью. На сборы призывались и женщины в возрасте от 20 до 40 лет. Большинство обучающихся были коммунистами и комсомольцами. В целях строжайшей конспирации их под различными предлогами «исключали» из партии и комсомола, и они «устраивались» на работу, где должны были действовать на случай вторжения противника. Таких диверсантов обучали 1–2 месяца.

Подбор для диверсионной борьбы в тылу противника из самых различных категорий населения, в частности лиц пожилого возраста, а также лиц, имевших опыт партизанской борьбы, был целесообразным и продуктивным. Их обучали только тому, что нужно было для выполнения конкретных задач. Например, пожилых партизан учили только совершению диверсий на транспорте и в отраслях промышленности, вблизи которых они проживали. Этот контингент не подлежал мобилизации и должен быть остаться на оккупированной территории в случае нападения агрессора.

При обучении диверсионных партизанских групп, предназначенных для базирования и действий в городах, особое внимание обращалось на соблюдение конспирации и поддержание тайной связи.

Диверсанты, которые предназначались для переброски в тыл противника через линию фронта, проходили и воздушно—десантную подготовку, вплоть до ночных прыжков с парашютом.^[63]

Теоретические занятия проводились по 6 часов, а практические по 8–10 часов в сутки. Для маскировки эти курсы назывались, например, в одном случае «сбором собаководов», и тогда действительно на курсах было много собак. В других случаях — семинаром пчеловодов, и на участке дачи появлялись ульи; на берегу Днепра и в Одессе проводились курсы «рыбаков», в Полесье — «лесоводов».^[64]

Почти всех курсантов пожилого возраста под различными предлогами

переводили в новые районы, находившиеся к западу от строящихся оборонительных рубежей. Там они оседали, ничем не проявляя себя.

После обучения, начиная с лета 1931 года, на каждого подготовленного диверсанта закладывался один или несколько складов с оружием, боеприпасами, минно—подрывными и поджигательными средствами.

Командиры и комиссары будущих партизанских бригад и отрядов отбирались из числа активных участников партизанской борьбы в годы Гражданской войны. Начальники штабов комплектовались из общевойсковых командиров. Численность организаторской группы отряда, в зависимости от задач и местных условий, состояла от 8 до 12 человек, бригады — от 30 до 40 человек. Отдельно действующие диверсионные и разведывательные группы в основном комплектовались из частей Красной Армии и пограничников, но почти в каждой группе были и опытные партизаны.

Личный состав организаторских групп отрядов и бригад подбирался при участии их командиров, комиссаров, начальников штабов. Как правило, заместители командиров имели опыт партизанской борьбы в годы Гражданской войны, а остальные были из рядов Красной Армии, пограничных войск, работников органов ОГПУ и из рабочих и колхозников, обладающих нужными данными.^[65]

Как показало время, проблема подбора кадров для командного состава партизанских формирований остро встала в первые дни Великой Отечественной войны. Органы государственной безопасности СССР старались учитывать опыт 1929–1934 годов и подбирать людей, преданных своей Родине, а самое главное — имеющих опыт ведения зафронтной борьбы.

Подготовка диверсантов в 1920–1930–х годах не ограничивалась только краткосрочными курсами. Лица, окончившие курсы Осоавиахима и показавшие по всем данным свою пригодность к борьбе в тылу противника, зачислялись в секретные школы и там обучались специальным дисциплинам.

Вначале в специальных школах будущих партизан и диверсантов учили всему, что было нужно в тылу противника. Потом убедились, что для этого мало не только года, но и двух лет.

Обучение было трехступенчатым. Первая ступень включала заочную подготовку с продолжительностью около года. Вторая ступень — подготовку командиров и специалистов в школах в течение 6 месяцев. Третья ступень — сколачивание разведывательных, диверсионных и организаторских групп отрядов в течение 1 месяца, организаторских групп

бригад — 2 месяца.^[66]

Будущие диверсанты приобретали нужные им гражданские и военные специальности без отрыва от производства. Весь состав организаторских, диверсионных и других специальных групп еще до учебных сборов овладевал одной, двумя, а некоторые и тремя специальностями, необходимыми в тылу противника. Так, при организаторских группах отрядов, численностью в 8–12 человек, могло быть до 20–30 следующих специалистов: 2–3 радиста, 3–4 подрывника, 3–4 стрелка, 1–2 фельдшера, 1–2 химика, 1–2 электрика, 2–3 водителя, фотографа, оружейника, переводчика, а в некоторых отрядах были летчики. Все могли плавать, ездить верхом на лошадях, на велосипедах, ходить на лыжах. Все, за исключением пожилых командиров и комиссаров, обладали большой физической выносливостью.

Начиная со второй половины 1929 года в спецшколах обучали только специальным дисциплинам, а именно: организации и тактике партизанской борьбы; специальной политической подготовке, в которой большое внимание уделялось борьбе с вражеской пропагандой, работе среди населения других стран; разложению войск противника; минно—подрывному и поджигательному делу; изучению иностранного оружия; использованию приемов конспирации и маскировки; воздушно—десантной подготовке; преодолению водных преград и др. дисциплинам.^[67]

Специальная подготовка партизанских кадров обычно велась в составе групп диверсантов, разведчиков, снайперов, радистов. Группы, как правило, формировались в ходе предварительной подготовки. При отборе кандидатов для специальной партизанской подготовки особое внимание обращалось на морально—политические качества, физическую подготовку, выносливость, дисциплинированность, инициативность. При этом группы по обучению диверсантов комплектовались в основном из лиц, обладающих знаниями в области электротехники, химии; разведчиков — из лиц с острым зрением и отличным слухом, знающих топографию и фотодело; снайперов — из отличных стрелков; радистов — из радиолюбителей; оружейников — из слесарей.^[68]

До 10 процентов занятий проводились в ночное время с выходом в лагеря. По всем дисциплинам были зачеты, по основным — экзамены, на которых требовалось показать не только знания, но и умения. Обучаемые делали мины и зажигательные снаряды, которые устанавливали на объектах, проводили различные «диверсии», решали тактические задачи. Таким образом, создавалась обстановка, максимально приближенная к

боевой.

К концу обучения радисты могли не только принимать, передавать, шифровать и расшифровывать радиogramмы, не только устранять неисправности в радиостанциях, но и из имеющихся в продаже деталей самостоятельно изготовить приемо—передающую радиостанцию.^[69]

В годы Великой Отечественной войны, особенно в начальный период, проблема связи партизанских формирований с Большой землей стояла очень остро. А таких специалистов, которые могли самостоятельно изготовить приемо—передающую радиостанцию, практически не было.

После подготовки диверсанты и партизанские командиры могли изготавливать из подручных, продающихся в магазине материалов и деталей взрывчатые вещества, зажигательные снаряды, электрозапалы, противопехотные, противотранспортные мины мгновенного и замедленного действия, производить диверсии как с применением самых совершенных по тому времени мин, так и без применения взрывчатых веществ на транспорте, промышленных и других объектах, имеющих военное значение. Особое внимание обращалось на умение произвести диверсии, не оставляя не только никаких следов, но и направляя противника по ложному следу.^[70]

Данный момент, по мнению автора, очень важен, т. к. наибольший вред коммуникациям противника в годы Великой Отечественной войны, применяя мины замедленного действия, принесли именно такие «невидимые» для врага диверсионные группы советских партизан.^[71]

После сдачи экзаменов группы выводили в лагеря, и там сами их командиры проводили занятия по плану, разработанному совместно с преподавателями. Не менее 75 процентов занятий проводилось в ночное время.^[72] Данная практика оправдывала себя ввиду того, что партизанские операции зачастую проходят именно в это время суток.

С конца 1931 года одновременно производилась и закладка скрытых складов с оружием, боеприпасами и минно—подрывным имуществом.

Необходимо отметить, что в конце 1920–х и начале 1930–х годов специальные органы ОГПУ и 4–го управления Генерального Штаба РККА, занимавшиеся вопросами партизанской войны, оказали большую помощь народам других стран.^[73] Так, на Украине готовились партизанские кадры не только из жителей районов, оккупированных Польшей и Румынией, но и из поляков и румын, которые были вынуждены покинуть свои страны, спасаясь от террора реакционных режимов. Из этого контингента готовили минеров, разведчиков, командиров групп и отрядов. Обычно это были

небольшие группы и одиночки. Подготовка групп велась в спецшколе ОГПУ УССР в г. Купянске и на курсах разведотдела Украинского военного округа в Киеве и Одессе. Одиночки обучались на конспиративных квартирах.^[74]

Диверсантов же предполагалось использовать, если будет необходимость, как партизанских командиров. Иностранцев готовили по особым программам с учетом особенностей страны, тоже иногда в несколько приемов.

Опыт партизанской борьбы, а также созданная в начале 1930-х годов специальная партизанская техника широко и весьма эффективно использовались в ходе национально—революционной войны испанского народа против фашизма. Один из самых известных курсантов этих школ, герой войны в Испании — генерал «Вальтер» (Кароль Сверчевский). В Испании на практике применяли опыт, полученный в партизанских школах, чекисты — будущие командиры партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны: В. А. Ваупшасов, Н. А. Прокопюк, А. М. Рабцевич и др.

Диверсантов обучали обычно два, реже три инструктора. В их распоряжении всегда были мастерские и лаборатории, которые обеспечивались необходимой техникой. Комплектовались преподаватели и работники мастерских и лабораторий из состава обучавшихся групп.

От старших инструкторов требовалось знание иностранных языков (на Украине польского и румынского). Иностранцев редко обучали через переводчиков. А если и привлекали, то только таких, которые после 2–3 сборов могли стать инструкторами.

В ходе обучения диверсанты и особенно бывалые партизанские командиры на основе опыта прошлого вносили серьезные предложения по усовершенствованию средств и способов ведения партизанской борьбы.

Уже тогда вместо Наставления «Подрывные работы» и пособия по подрывному делу, предназначенных для войск Красной Армии, приходилось издавать конспекты «Минно—подрывное и поджигательное дело» для партизан, в которых менее одной трети бралось из указанного Наставления, а две трети было специфически диверсионным.^[75]

Если планировалась переброска групп в тыл противника по воздуху, то весь состав совершал один—два ночных прыжка. При этом дневные прыжки и предварительная подготовка к ним, как правило, проводились в кружках Осоавиахима.

К 1 января 1930 года в приграничной полосе Юго—Западной

железной дороги глубиной до 200 км из личного состава погранвойск и военизированной охраны железных дорог были подготовлены, кроме подрывных команд двух железнодорожных полков, более 60 партизанских подрывных команд общей численностью около 1400 человек. На железной дороге и на объектах были оборудованы специальные минные трубы, ниши и камеры. Аналогичная работа проводилась в Белорусском и Ленинградском военных округах.

Детали и особенности этой работы хорошо представлены в воспоминаниях И. Г. Старинова, который в те годы занимался подготовкой диверсантов по линии 4-го управления Генштаба РККА. В БССР, например, создали Специальное бюро ГПУ. С 1930 по 1936 год оно провело целый комплекс мероприятий по подготовке к партизанской борьбе. Так, уполномоченный Спецбюро ГПУ Белоруссии А. К. Спрогис был начальником специальной школы, в которой прошли обучение многие будущие партизаны.^[76]

Боеготовность и обучение этих кадров обеспечивались достаточным количеством учебных пособий. В партизанских школах было много специальной литературы, начиная с трудов Д. В. Давыдова, Н. С. Голицына, В. Н. Клембовского, до труда по тактике партизанской борьбы П. И. Коротыгина, сборников боевых примеров из опыта партизанской борьбы и диверсий Первой мировой и Гражданской войн, а также большое количество пособий по тактике партизанской борьбы, средствам и способам диверсий. Большинство их до 1934 года было без грифа секретности и без указания о том, кто их печатал.

Качество подготовки, боевые возможности маневренных партизанских формирований проверялись на специальных и общевойсковых учениях. Целая серия этих учений помогла обобщить опыт и оценить эффективность системы подготовки партизанских кадров в 1920–1930-х годах. Были проведены специальные маневры в 1932 году под Москвой. В них участвовали дивизия Особого назначения войск ОГПУ, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа, партизаны—парашютисты под командованием С. А. Ваупшасова.

Диверсионные группы иногда участвовали в общевойсковых учениях. Особенно поучительными они были в Ленинградском военном округе осенью 1932 года. В них участвовали отборные спецгруппы Ленинградского, Белорусского и Украинского военных округов, всего свыше 500 партизан, подготавливаемых по линии 4-го управления Штаба РККА и ОГПУ.^[77]

У «партизан» было оружие иностранного производства, а у «диверсантов» учебные мины. Все были в гражданской одежде, в головных уборах с красными полосками, имели плащи и рюкзаки.

В ходе учений «партизаны» проникали в «тыл противника» наземным путем через «линию фронта» и по воздуху с парашютами. «Противник» проводил контрпартизанские мероприятия. Был успешно осуществлен ряд засад, но налеты на штабы армий оказались неудачными из-за бдительности охраны.

Исключительно эффективно действовали небольшие диверсионные группы на путях сообщения «противника». На сильно охраняемых участках «партизаны» ухитрялись применять так называемые «нахальные мины», установка которых занимала менее 30 секунд. На слабо охраняемых участках железной дороги «партизаны» успешно использовали учебные неизвлекаемые противопоездные мины.

Характерно, что если крупные партизанские отряды обнаруживались еще на подходах, то мелким диверсионным группам партизан удавалось проникать в населенные пункты, где располагались штабы, и с помощью учебных мин создавать тревожное положение. При этом все группы оставались неуловимыми.^[78]

Одну из таких групп возглавлял Н. А. Прокопюк, будущий Герой Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны руководитель оперативной группы ОМСБОН НКВД «Охотники». Умелые действия этой группы были положительно отмечены на разборе действий партизан.

Полевые учения и командно—штабные игры 1928–1929 годов показали, что на местности, доступной для бронетанковой и транспортной техники, партизаны теряли преимущество перед регулярными войсками в маневренности и подвижности. Однако моторизация войск повысила эффективность засад. Это заставило обратить большое внимание на устройство засад и применение средств, дающих возможность наносить урон врагу, не вступая с ним в боевое столкновение и даже без проникновения исполнителей на объекты противника.^[79]

Эти учения показали качества партизанских групп и отрядов: волю к выполнению боевой задачи, разумную инициативу, выносливость, дисциплинированность, но выявились и существенные недостатки в технике и тактике: группы и отряды долго собирались после десантирования, оставались следы, по которым «противник» начинал преследовать десантников, не все группы справились с обеспечением сохранности скрытых складов. Мины, хорошо показавшие себя с учебными

«взрывчатыми веществами» и «электродетонаторами», не срабатывали из— за больших допусков при их применении с боевыми взрывчатыми веществами. Учения показали, что погоня за штабами, налеты на них при должной охране приводили к большим «потерям» партизан и только вызывали нервозность среди работников штаба, но действия групп и отрядов на коммуникациях превзошли все ожидания и были реально ощутимы. Весьма удачно действовали засады против автомобильных колонн и при захвате поездов.^[80]

Все эти мероприятия практически показали, какие методы наиболее эффективны в партизанской борьбе. Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность многих выводов, сделанных после этих учений, в частности, вывода о более высокой эффективности мелких маневренных диверсионных групп.

При подготовке партизанских формирований иногда учитывалось, что данные формирования могут перерасти в войсковые части, способные вести боевые действия и на фронте. Однако практика Великой Отечественной войны показала неэффективность действий партизанских формирований в случае использования их как кадровых армейских подразделений. Так, например, начальник оперативно—чекистских групп по Витебской области капитан госбезопасности С. В. Юрин 16 мая 1942 года докладывал в Центр о том, что «перевод руководством 4-й ударной армии партизанской бригады т. Шмырева на методы позиционной войны отрицательно сказался на оперативно—боевых качествах бригады и моральном духе партизан».^[81] Более того, противник умышленно старался объединить партизанские отряды и бригады в крупное соединение армейского типа, чтобы покончить с ними одним ударом.

Занятия не ограничивались только тактической подготовкой диверсантов. Она была частью военной доктрины страны и должна была обеспечиваться комплексом мероприятий политического, военно—стратегического и экономического характера.

Одновременно с подготовкой партизанских кадров и средств борьбы с противником на случай войны разрабатывались и совершенствовались мобилизационные планы, предусматривающие использование партизанских формирований; принимались меры к тому, чтобы задания, включенные в мобилизационные планы, при необходимости были быстро доведены до исполнителей и материально обеспечены.

Оперативниками транспортных отделов ОГПУ активно вербовалась агентура на железных дорогах к западу от линии тыловых укреплённых

районов из подготовленных к диверсионной деятельности специалистов—железнодорожников, без которых не мог обойтись противник (стрелочники, дежурные по станциям, паровозные машинисты, связисты, путевые рабочие и т. д.), которые, используя самодельные мины замедленного действия, зажигательные средства и подручные материалы и инструменты, могли бы совершать диверсии, оставаясь вне подозрения контр— разведки противника.^[82]

Широко использовались новые достижения в технике. Были сконструированы так называемые угольные и другие мины, которые партизаны могли сами изготавливать в тылу врага. Успешно применялись угольные мины группой Константина Заслонова, оперировавшей в Белоруссии.

Особое внимание обращалось на средства радиосвязи. Уже в начале 1930-х годов считалось, что радиосвязь с Большой землей — основной вопрос организации партизанской борьбы. Несмотря на это, особенно в первый год Великой Отечественной войны, проблема нехватки радиосредств оставалась очень острой. Из—за этого недостатка эффективность партизанской разведки зачастую равнялась нулю.

Важное значение придавалось заблаговременной закладке в полосе между границей и линией укрепленных районов запасов материальных средств для будущей партизанской борьбы.

Предварительно были проверены способы обеспечения сохранности материальных средств, помещенных в тайники. Закладку тайников проводили командный состав партизанских формирований под руководством инструкторов и специальные группы разведотдела штаба Украинского военного округа, ОГПУ УССР и дорожно—транспортные отделы ОГПУ Юго—Западной железной дороги.^[83]

Общее количество заложенных материальных средств на Украине и в плавнях Бессарабии составило сотни тонн. В некоторых районах в 1930—1933 годах было заложено больше средств, чем там получили партизаны за все время Великой Отечественной войны. Это, в первую очередь, относится к районам Олевска, Славуты, Овруча, Коростеня.^[84]

Большинство этих баз с оружием, боеприпасами, взрывчаткой было уничтожено накануне войны. В 1937—1938 годах была разрушена и сама система подготовки партизанских кадров. Главной причиной стала смена военной концепции, не допускавшая ведение войны на собственной территории. Но сама эта концепция была порождением атмосферы страха, сопровождавшегося террором в отношении собственного народа.

Практически все партизанские кадры были уничтожены в результате репрессий в 1937–1938 годах. Были репрессированы многие работники Генштаба, НКВД, секретари обкомов, которые в начале 30–х годов занимались подготовкой к партизанской войне, а также командиры Красной Армии, имевшие специальную партизанскую подготовку. Была ликвидирована сеть партизанских школ во главе с компетентными руководителями. Были расформированы партизанские отряды и группы.^[85]

Поэтому многие руководители партизанского движения в годы Великой Отечественной войны ничего не знали о заблаговременной подготовке к партизанской борьбе, проводившейся в СССР в конце 1920–х — начале 1930–х годов.^[86]

Частично уцелели лишь те партизанские кадры, которым довелось принять участие в первой вооруженной схватке с фашизмом в Испании, в частности А. К. Спрогис, С. А. Ваупшасов, Н. А. Прокопюк, И. Г. Старинов и ряд других.

Более четкое представление о свертывании всей работы по подготовке к партизанской борьбе дает докладная записка, направленная А. К. Спрогисом в адрес вышестоящего командования после возвращения из Испании. В течение года он не мог найти применения своему опыту и знаниям.

«Около восьми лет, — писал А. К. Спрогис, — я занимался подбором людей для партизанских и диверсионных групп, руководя ими и непосредственно участвуя в организации диверсионных актов. На практике я встретился с недооценкой этой работы, неоднократными случаями недоброжелательного отношения к ней вышестоящих лиц... работа «Д»^[87] требует, с моей точки зрения, серьезного улучшения. Говоря об этой работе, я имею в виду два учреждения, организующих ее, а именно НКВД (до 1937 года его Особый отдел, а потом 3–й отдел) и 5–й отдел Генштаба РККА (Разведуправление)... Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого не было не только в БССР, но и на Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники использовались не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, нагрузка дежурствами и т. д. и т. п.»^[88]

Таким образом, отказ от военной доктрины, предусматривавшей возможность партизанской войны, и разрушение системы подготовки к ней, несомненно, сказались в начальный период Великой Отечественной войны. Неумолимая логика первых дней войны показала ошибочность подобного

подхода.

Руководство страны, убедившись в этом, призвало советский народ на партизанскую войну. ЦК ВКП(б), ЦК Компартий союзных республик, обкомы партии и Военные Советы фронтов с помощью органов государственной безопасности и ГРУ развернули большую работу в этом направлении. Начали вновь создаваться спецшколы по образцу начала тридцатых годов, но только уже не было тех хорошо оборудованных мастерских, лабораторий, не было уже тех кадров преподавателей. Начальники этих новых спецшкол сами были и преподавателями. Готовили одновременно и партизанские отряды, и диверсионные группы и тут же отбирали способных к учебной работе и обучали инструкторов.^[89]

Но опытных кадров осталось очень мало — единицы. В том числе несколько человек, принимавших участие в борьбе с мятежниками и фашистскими интервентами в Испании. Их всех привлекли к подготовке диверсионных групп и партизанских отрядов. Уцелевшие кадры в Великой Отечественной войне были первыми начальниками партизанских школ, более 10 человек стали командирами и комиссарами прославленных партизанских отрядов и соединений.^[90]

Размах формирования, подготовки и переброски групп и отрядов на оккупированную территорию резко увеличился после Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года, в котором предписывалось, впервые после Гражданской войны, формировать диверсионные группы. Политбюро ЦК ВКП(б) в Постановлении от 18 июля 1941 года, отметив недостатки в развертывании партизанской борьбы, наметило и мероприятия по улучшению подбора и подготовки партизанских кадров. Однако все это было потом, а пока — продолжавшееся наступление немецко—фашистских армий и отсутствие необходимых опытных кадров еще не давали возможности вести подготовку групп и отрядов на уровне начала 1930–х годов.

Вначале партизанские группы и даже отряды готовили за 2–5 суток. В основном подготовку осуществляли работники органов НКВД — НКГБ, а также общевойсковые командиры и подрывники, не имевшие и представления об организации и тактике партизанской борьбы. Только бывшие работники, имевшие опыт действий в тылу врага в Испании, готовили группы со знанием дела. Но, несмотря на весь свой опыт, и они не смогли за 2–5 суток подготовить наспех сформированные группы и превратить их в формирование, способное выдержать все трудности развертывания борьбы в тылу врага.

Все это было прямым следствием отказа, во—первых, от военной доктрины, предусматривающей партизанскую борьбу, и, во—вторых, от опыта подготовки 1920–1930–х годов. Все это во многом обусловило те проблемы, с которыми столкнулось партизанское движение в первый год войны.

Этот трудный первый год...

Борьба в тылу противника не сразу приняла большой размах, не сразу достигла высокой эффективности. Внезапность нападения фашистской Германии, недооценка в предвоенные годы военной теорией Советского государства роли партизанских действий, отсутствие перед войной широкой подготовки кадров, способных организовывать и успешно вести партизанскую борьбу, отрицательно повлияли на размах и результативность партизанского движения в первые месяцы войны.

Военнослужащие Красной Армии, которые перешли к партизанским действиям, на первых порах столкнулись с большими трудностями. Некоторые кадровые офицеры растерялись и не смогли командовать в партизанских условиях. Те, которые учились в специальных военных школах, с сожалением отмечали, что о тактике партизанской борьбы им ничего или почти ничего не говорили.^[91]

Еще с большими трудностями встретились партийные и советские органы, работники которых не только не знали особенностей организации и ведения партизанской борьбы, но и зачастую не имели никакой военной подготовки. К тому же следует учитывать высокие темпы продвижения оккупантов в глубь страны и стремление многочисленного контрразведывательного и полицейского аппарата врага задушить партизанское движение в зародыше.

Поспешно созданные партизанские формирования горели желанием громить врага, но не имели ни опыта, ни достаточной подготовки для ведения эффективной борьбы в тылу противника. Вследствие этого многие из них либо несли крупные неоправданные потери, либо были просто не способны организованно вступать в боевые столкновения с оккупантами, когда этого требовала обстановка.

Действия многих партизанских формирований были разрозненными, нецелеустремленными, малоэффективными, а для успешного ведения борьбы нужно было умело учитывать особенности партизанских действий и в соответствии с этим применять присущие им средства и способы.

Условия борьбы в тылу противника требовали умения действовать мелкими группами, самостоятельно решать сложные задачи, не рассчитывая на помощь в течение длительного времени. И этим требованиям в большей мере отвечали пограничники и сотрудники органов госбезопасности. Специфика службы приучила их быстро ориентироваться на местности, проявлять хитрость и смекалку, постоянно быть бдительными, действовать решительно и быстро, умело маскироваться, внезапно появляться там, где противник не ожидает.

В этой связи органы НКВД — НКГБ, являясь частью государственного аппарата СССР с первых дней Великой Отечественной войны, приступили к развертыванию партизанской борьбы на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза.

Повседневная служба чекистов в мирное время на границе, знание приемов и ухищрений противника способствовали выработке таких качеств, которые позволяли эффективно противодействовать контрразведывательным и карательным акциям противника во вражеском тылу.

Поэтому именно сотрудники органов государственной безопасности в первые тяжелейшие месяцы войны оказали неоценимую помощь партийным и советским органам в вопросах организации вооруженной борьбы на временно оккупированных противником территориях СССР.

Чекисты занимались подбором кадров для партизанских отрядов; лично участвовали в борьбе против гитлеровцев, являясь командирами партизанских отрядов, заместителями по разведке и т. д.; инструктировали партизан по вопросам разведки, контрразведки, проведению диверсий и основам конспирации; информировали Центр об оперативной обстановке на временно оккупированной советской территории; выбирали места базирования партизан и закладывали базы с продовольствием и вооружением; организовывали связь партизанских отрядов с Большой землей; обеспечивали безопасность партизанских формирований.

В составе первых партизанских отрядов было много бойцов и командиров — сотрудников органов государственной безопасности. Именно они стали основной силой еще неопытных партизанских формирований.

Несмотря на то, что руководство борьбой советского народа в тылу врага в целом взяла на себя Коммунистическая партия Советского Союза, не остались в стороне и органы государственной безопасности. Представители чекистских органов входили в так называемые тройки в прифронтовых областных центрах.^[92] Так, в августе 1941 года

Ленинградским обкомом ВКП(б) и Военным Советом Ленинградского фронта была создана тройка по организации партизанского движения и практическому руководству им на оккупированной немцами территории Ленинградской области. В состав тройки вошел начальник разведотдела УНКВД по Ленинградской области майор госбезопасности Л. И. Кожевников.

Одним из главных аспектов зафронтовой деятельности органов государственной безопасности явилась помощь чекистов партийным и советским органам в кадровом подборе в партизанские отряды. С первых дней войны чекистские органы приступили к этой задаче. Уже 26 июня 1941 года на территории Минской, Могилевской и Витебской областей Белоруссии органами госбезопасности этой республики было создано 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека. В их составе оперативных и руководящих работников НКГБ было 539 человек, работников НКВД и милиции — 623 человека.^[93]

За несколько часов до начала войны начальник Управления НКГБ по Белостокской области майор государственной безопасности С. С. Бельченко сформировал под командованием своих заместителей старших лейтенантов госбезопасности Н. Ф. Сотикова и С. В. Юрина две разведывательно— диверсионные группы, которые вскоре превратились в партизанские отряды.^[94]

На Украине органы государственной безопасности с августа 1941 по июнь 1942 года оставили в тылу врага и перебросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионные группы общей численностью 28 754 человека.^[95]

Одним из факторов оказания помощи партийным и советским органам в организации борьбы советского народа на оккупированной территории явилась деятельность оперативных групп органов государственной безопасности. Следует отметить, что оперативные группы НКВД забрасывались в тыл противника как из Центра (Москвы), так и прифронтовыми территориальными органами госбезопасности. Однако в начальный период войны деятельность оперативных групп была не столь активна. Только с весны 1942 года начинается их массовая засылка во вражеский тыл.^[96]

Уже в конце июня 1941 года для выполнения специальных задач командования началось формирование полноценного войскового соединения, получившего впоследствии наименование «войска Особой группы при Наркоме НКВД». Войска Особой группы состояли из двух

бригад, делили свои батальоны на отряды, а отряды на спецгруппы. 26 июня 1941 года соединение возглавил бывший начальник Отдела боевой подготовки Главного управления местной ПВО НКВД СССР комбриг П. М. Богданов, начальник штаба — В. В. Гриднев. В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД.^[97]

Кузницей кадров для партизанских отрядов стали спецшколы при различных подразделениях органов госбезопасности. 18 июля 1941 года при ЦК КП(б) Белоруссии, при непосредственном участии чекистов, была организована партизанская школа под руководством полковника И. Г. Старинова.^[98] Там готовили диверсионные группы и отряды по разложению тыла противника. Первый набор составил 400 человек.^[99]

Многие чекисты являлись преподавателями и инструкторами партизанских школ и учебных центров. Самым крупным учебным центром по подготовке специалистов партизанской борьбы стала Отдельная мотострелковая бригада Особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН).

Органы госбезопасности оказывали большую помощь местным партийным организациям в подготовке диверсантов для партизанских формирований и подполья. Так, например, чекисты Орловской области совместно с областным комитетом партии в августе 1941 года организовали специальную школу, которая уже в сентябре подготовила около 500 диверсантов.^[100] В этой же школе проходили обучение инструкторы подрывного дела для Курской, Московской, Смоленской и Тульской областей. Помимо обучения кадров школа изготовляла диверсионную технику из местных ресурсов на местных предприятиях (противопоездные мины Старинова, зажигательные снаряды, противотранспортные мины для шоссежных дорог и др.).^[101]

Использование специальных средств в диверсионной деятельности позволяло непрерывно наносить чувствительные удары по врагу, избегая потерь и сохраняя высокую маневренность.

Уже в первые месяцы войны время на подготовку групп и отрядов, забрасываемых в тыл противника для развертывания партизанского движения, увеличилось до двух—трех недель, потом до одного и двух месяцев, однако поспешная подготовка, да иногда еще недостаточно опытными инструкторами, отсутствие средств радиосвязи, ошибки в постановке задач привели к большим потерям. Это вполне объяснимо. В партизанских спецшколах ОГПУ в 1920–1930-х годах, основываясь на практике партизанских действий Гражданской войны, готовили от 6

месяцев и более. Естественно, что при такой подготовке потери были бы куда меньшими.

В Ленинградской области для подготовки квалифицированной агентуры, способной решать поставленные перед чекистами задачи в тылу у врага, была создана сеть конспиративных квартир по обучению кадров разведывательно—диверсионной работы и 3 школы по подготовке агентов—радистов. Эти же школы готовили из числа проверенных на работе в тылу врага агентов—боевиков, которые придавались в качестве физического прикрытия оперативным работникам при проведении ими мероприятий в тылу противника.

Школы готовили также агентов—маршрутников, связников, вербовщиков, которые оседали затем на оккупированной территории.

Одной из важнейших сторон зафронтной деятельности чекистских органов являлась помощь партизанским отрядам в обеспечении связи с Большой землей. В первые месяцы войны обеспечение связью партизанских отрядов было большой проблемой. Радиостанций не хватало. На Украине в первый год войны из всех партизанских формирований только около 1,4 процента имели радиосвязь с Большой землей.^[102] Связь осуществлялась через курьеров—связников, что в процессе отступления Красной Армии было крайне неэффективно. При этом разведывательные данные партизан теряли всю свою значимость. Однако такой способ связи в первый год войны из—за нехватки раций был зачастую единственно возможным.

Одним из решающих условий, обеспечивающих связь с партизанскими отрядами, явилось создание на линии фронта областными Управлениями НКВД оперативных пунктов. Указанные пункты обслуживались оперативными работниками разведотделов территориальных органов государственной безопасности. Их задачей было: обеспечение связи с партизанскими отрядами, проведение боевой разведывательной работы и переправка за линию фронта вновь созданных партизанских отрядов.^[103]

Так, в течение 5 месяцев конца 1941 года в прифронтных и тыловых районах Ленинградской области было сформировано и через оперативные пункты переправлено через линию фронта 287 партизанских отрядов и групп, общей численностью 11 683 человека.^[104]

Наряду с этим из числа личного состава войск НКВД и истребительных батальонов было сформировано 15 отрядов для ведения боевых операций в тылу противника. Часть этих отрядов по заданию Военного Совета Ленинградского фронта проводила боевые операции и на

отдельных участках фронта. В числе действовавших партизанских отрядов 58 оперативных работников занимали командные должности.^[105]

Но одной из основных функций оперативных пунктов оставалась организация связи с партизанами.

Курьеры выполняли следующие основные задачи: передавали на Большую землю сведения и получали оттуда указания; связывались с разведывательно—диверсионными группами и подпольем в занятых противником районах; доставляли другим отрядам, бригадам и соединениям интересующие их разведматериалы. Кроме того, связные сообщали командованию о своих наблюдениях в пути. Это позволяло более совершенно проводить войсковую и агентурную разведку.

Организация связи с партизанскими отрядами осуществлялась органами госбезопасности через специальную агентуру как путем направления связников, действовавших в составе отрядов, так и посылкой курьеров по обусловленному паролю. Например, в Ленинградской области до 1 ноября 1941 года было подобрано и направлено в тыл противника 57 связников, через которых была установлена связь с 24 партизанскими отрядами, действующими в тылу врага.

Связные (курьеры—связники) для партизанских отрядов подготавливались при спецшколах органов государственной безопасности. Целью обучения было подготовить курьера—связника, способного умело выполнить задачу в тылу врага. Система обучения строилась на принципе личного показа и повторения действий со стороны обучаемого. Подготовка была приближена к реальной боевой обстановке. Занятия проводились на местности, половина учебного времени ночью.^[106]

За короткий срок обучения курьеры—связники должны были освоить топографию — научиться читать карту, схему и находить по ним свою цель, ориентироваться на местности, сличать карту с местностью, двигаться по азимуту с помощью компаса, по солнцу, звездам, местным предметам днем и ночью; спецподготовку — умение скрытно двигаться, по пути следования вести разведку, обходить засады, посты, наряды врага, обезвреживать погоню сыскной собаки, при необходимости скрывать и уничтожать корреспонденцию, соблюдать конспирацию и хранить военную тайну; политическую, огневую, санитарную, физическую подготовку и инженерное дело.

На спецподготовку отводилось 24 часа, на топографию и огневую подготовку по 12 часов, на остальные занятия по 4 часа.^[107]

Партизанский отряд, оставленный в определенном районе, для

действий в тылу противника по мере сбора разведывательных данных высылал своих связных через линию фронта. Иногда эти связные, получив от командования регулярных частей новые задачи, возвращались в отряды, чем закрепляли связь между партизанами и нашим тылом. Подобные моменты характерны для тех периодов и тех участков фронта, где линия фронта стабилизировалась на более или менее длительный отрезок времени и где возможен был переход ее пешим порядком.

Как правило, связники не получали информацию от агентов на встречах, а осуществляли безличную связь при помощи почтовых ящиков, куда мог безопасно подойти как связник, так и агент. Почтовым ящиком могло служить никем не посещаемое тайное место в виде развалин строений, дупла дерева и т. д. На связников возлагалась доставка агитационной литературы и взрывчатки для диверсий.^[108]

Кроме этого, агентура и разведчики засылались на оккупированную противником территорию из советского тыла. Забрасываемой агентуре, помимо других задач, давалась установка выявлять, в какой степени развито партизанское движение в тылу вражеских войск. Часть агентуры направлялась для непосредственной связи с партизанскими отрядами.

Отдельные разведывательно—диверсионные группы и агенты—одиночки выбрасывались в тыл врага не только самолетами, но и направлялись непосредственно через линию фронта. В этих целях на отдельных участках, например, Ленинградского и Волховского фронтов было создано 5 оперативных (переправочных) пунктов на линиях обороны. Каждый переправочный пункт состоял из 5–7 оперативных работников, радиста с рацией, материальной базы, включавшей необходимое количество боеприпасов, обмундирования и питания.

Боевым группам и агентам—одиночкам сотрудники переправочных пунктов вырабатывали задания, маршруты продвижения в тыл врага, определяли сроки выполнения задания и пути возвращения обратно.

По возвращении с задания агентура отчитывалась о проделанной работе, после краткого отдыха и соответствующей подготовки вновь направлялась на задания.

Переброска агентуры в тыл противника, характер заданий и маршруты согласовывались с командованием воинских частей.

Переправочные пункты имели также в резерве боевые группы и агентов—разведчиков, которые использовались для выполнения заданий командования по разведке линии обороны и нарушения коммуникаций противника.

Обстановка первого года войны определила и еще одно направление

деятельности чекистов — стремительное наступление немецко—фашистских войск заставило территориальные органы госбезопасности начать подготовку партизанских отрядов под руководством своих сотрудников в целях оставления их на территории, которая находилась под угрозой оккупации противником.

В большинстве случаев партизанские отряды территориальных органов госбезопасности создавались из истребительных батальонов. То есть контингент будущих партизанских отрядов был подготовлен к реальным военным действиям, а некоторые бойцы уже участвовали в боестолкновениях с противником.

Ярким примером деятельности территориальных органов госбезопасности по организации партизанского движения является соединение Героя Советского Союза Д. В. Емлютина. Его история началась с того, что 1 сентября 1941 года для организации и руководства партизанскими отрядами в юго—западных районах Орловской области была создана оперативная группа 4—го отдела областного Управления НКВД. Ее возглавил младший лейтенант госбезопасности Дмитрий Емлютин. Уже тогда на Орловщине были намечены районы базирования партизанских отрядов, заложены базы с вооружением и продовольствием. Не имея связи с Большой землей (появилась только в феврале 1942 года), партизанские отряды, возглавляемые в большей степени чекистами, освободили 348 населенных пунктов с населением более 170 000 человек. Полностью были освобождены Суземский и Навлинский районы Орловской области.^[109]

Подобное направление деятельности чекистов можно наблюдать и в Ленинградской области. Некоторые периферийные аппараты Управления НКВД полностью остались в тылу у противника, где вели партизанскую борьбу. В составе гдовского отряда находился весь оперативный состав межрайотдела и милиции. Подготовленность чекистов была очевидной, что позволило отрядам за короткий отрезок времени уничтожить свыше 200 немецких солдат и офицеров, разгромить штаб немецкой воинской части, причем в этой операции был убит фашистский генерал.^[110]

Следует отметить, что практика оставления подготовленных, хорошо знающих местность партизанских отрядов, возглавляемых чекистами, в ряде мест полностью себя оправдала. Сотрудники органов государственной безопасности действовали на территории, где работали в мирное время. Они хорошо владели оперативной обстановкой, имели агентуру, знали людей, на которых можно было положиться. Да и сами они были людьми

известными и в своем лице олицетворяли советскую власть.

Но так было не везде. Например, на Украине с начала войны и до лета 1942 года было подготовлено и оставлено для действий в тылу противника два партизанских полка, 1565 партизанских отрядов и групп общей численностью 34 979 человек, а к 10.06.42 г. на связи считалось всего 110 отрядов. Если это и не была катастрофа, то неэффективность проделанной работы видна налицо. Выжило всего 7 процентов от сформированных и переброшенных в первый год войны в тыл противника партизанских отрядов.^[111]

На наш взгляд, это произошло, во—первых, из—за неоправданно больших размеров подразделений (полки), оставленных в тылу противника (как показала практика, самостоятельной, эффективной боевой единицей являлся отряд до 200 человек), а во—вторых, из—за недостаточного учета географических условий (степная зона).

Хочется особо подчеркнуть, что только органы государственной безопасности могли оказать квалифицированную помощь в освоении основ конспирации, разведывательно—диверсионной деятельности, работы с агентурой партийным и советским работникам, оставленным в тылу врага для организации партизанского движения.

Так, только НКВД БССР завербовал и оставил в тылу противника 1192 агента. Одновременно с этой агентурой для проведения диверсионной работы в тылу германских войск было создано 73 диверсионно—террористические резидентуры.^[112]

Помощь органов госбезопасности партийным и советским органам выразилась и в развертывании подпольной работы в городах. Данный аспект очень существенен и важен, т. к. подполье, как правило, было тесно связано с партизанскими отрядами. В случае, когда такой связи не было, подполье долго не функционировало.^[113] Контрразведка противника быстро выходила на его след и арестовывала участников.

Помогая местным партийным организациям в создании сети подполья на оккупированной территории, многие чекисты сами стали организаторами и руководителями подпольной деятельности в тылу. Так, в г. Одессе капитан госбезопасности В. А. Молодцов создал подпольную организацию, сформировал несколько диверсионных и разведывательных групп.

Капитан госбезопасности В. А. Лягин и руководимая им группа чекистов с первых дней оккупации г. Николаева легализовались, устроившись на работу на промышленные и военные объекты противника.

Установив связь с подпольными группами и созданным обкомом партии «Николаевским центром», В. А. Лягин вскоре стал идейным руководителем подполья в городе. Для выполнения отдельных боевых заданий подпольщики привлекали более тысячи советских патриотов.^[114] Деятельность этих руководителей подпольных организаций оказалась достаточно эффективной и получила высокую оценку — В. А. Молодцову и В. А. Лягину впоследствии посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В г. Киеве действовала разведывательная группа под руководством старшего лейтенанта госбезопасности И. Д. Кудри (Максима). С первых дней войны до своего ареста контрразведкой противника 5 июля 1942 года Максим развернул активную разведывательно—диверсионную деятельность.

В г. Людиново Калужской области все подпольщики (разведчики и резиденты) были подготовлены для деятельности в оккупированном городе начальником гораппарата НКВД сержантом госбезопасности В. И. Золотухиным. По мнению некоторых исследователей, людиновское подполье по своей значимости можно поставить на один уровень с «молодогвардейцами».^[115]

Во взаимодействии с районными и местными партийными организациями органы государственной безопасности засылали партизанские отряды в тыл противника, включая в их состав опытных чекистов и радистов.^[116] Организация партизанского движения стала одной из основных задач в деятельности органов госбезопасности СССР в годы Великой Отечественной войны и в первые шесть месяцев после ее начала.

Однако далеко не все группы и отряды действовали достаточно эффективно. Поэтому, несмотря на большую работу органов госбезопасности по развертыванию партизанской борьбы на временно оккупированной противником территории, Центр постоянно приказывал активизировать эту деятельность. Особенно отмечалась слабая работа по вовлечению в партизанскую борьбу местного населения.

11 сентября 1941 года директивой НКВД СССР «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения» начальникам прифронтовых территориальных Управлений НКВД предлагалось: «Лично организовать работу по развертыванию партизанских действий в тылу противника, как путем укрепления существующих отрядов, так и формирования новых отрядов и групп из местного населения. В качестве организаторов и руководителей партизанских отрядов выделять тщательно отобранных,

хорошо подготовленных и проинструктированных оперативных работников или лиц, эвакуировавшихся с территории, занятой противником, знакомых с местными условиями, располагающих необходимыми связями с населением. В качестве командиров партизанских отрядов назначать людей преданных, волевых, настойчивых. Предупредить командиров партизанских отрядов о необходимости пополнения отрядов в строго индивидуальном порядке, предварительно проверяя, не находится ли данное лицо в связи с немецкими властями. Продолжать отбор лучшей части бойцов истребительных батальонов для партизанских действий, формировать партизанские отряды и направлять их для подрывной работы в тылу врага. Особо тщательно подбирать состав для диверсионных групп. Помимо отбора честных, проверенных и смелых людей, стремиться подбирать тех, кто знаком с техникой. При подготовке их уделить внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и производству расчетов на разрушение и умение оценить жизненные части сооружений и агрегатов». [\[117\]](#)

Из этого документа видно, что Центр перед территориальными органами государственной безопасности ставил задачу напрямую заниматься развертыванием партизанских действий в тылу противника — как путем укрепления существующих отрядов, так и путем формирования новых отрядов и групп из местного населения.

К январю 1942 года вносятся изменения в деятельность органов безопасности на оккупированной территории. В связи с тяжелой обстановкой в тылу врага, морозами, отсутствием продовольствия и недостатком вооружения и боеприпасов значительная часть партизанских отрядов по решению Военных Советов фронтов вышла в советский тыл и была передана в ряды Красной Армии, а органы госбезопасности начали заниматься только разведывательно—диверсионной, контрразведывательной и боевой работой в тылу у врага.

Перед чекистами, действовавшими в тылу врага, были поставлены следующие задачи: проведение активной разведывательной и диверсионной работы; внедрение агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника, выявление и пресечение подрывной деятельности вражеской агентуры; внедрение агентуры в административно—хозяйственные органы и полицейские аппараты оккупированных районов, выявление и активная борьба с предателями, изменниками Родины, немецкими пособниками; внедрение агентуры в созданные немцами различные антисоветские организации и карательные органы с целью разложения личного состава этих подразделений, перевода

их на сторону партизан для борьбы с немецко—фашистскими захватчиками; организация контрразведывательной работы среди личного состава партизанских отрядов и бригад.^[118]

Возможно, на подобное решение оказал влияние и текущий момент — эйфория у руководства страны от результатов Московской битвы, преувеличенные надежды на зимне—весеннее наступление 1942 года на широком фронте и освобождение оккупированных территорий, когда чекистам действительно пришлось бы решать в основном оперативно—агентурные задачи в тылу гитлеровских оккупантов.

Уже с самого начала развития партизанского движения профессионалы доказывали, что необходимо, по крайней мере, два действия со стороны Центра. Объединение руководства всех партизанских сил и направление деятельности чекистов на теснейшую связь с местным населением.

Так, 8 ноября 1941 года руководитель одного из созданных органами НКВД партизанского отряда,^[119] выявив недостатки в руководстве партизанским движением, докладывал в Центр: «Чтобы превратить партизанское движение в могучую силу, необходимо: основывать работу партизанских отрядов на установлении тесной связи с местным населением; организовывать отряды так, чтобы в них были местные работники, знающие население и местные условия; выделить организаторов для работы среди населения по организации вооруженной борьбы; создать в тылу центр, который осуществлял бы общее руководство в работе отрядов; вооружить партизанские отряды радиосвязью». ^[120] Эти краткие рекомендации явились пророческими.

Несмотря на высокую активность всех органов государства по организации народного сопротивления на оккупированной территории, в первые месяцы войны партизанские формирования понесли наибольшие потери. Так, в Белоруссии к июню 1942 года осталось на связи менее 13 процентов отрядов, подготовленных и переброшенных в первые месяцы войны.^[121]

На оккупированной территории Ленинградской области к сентябрю 1941 года действовало до 400 партизанских отрядов и групп общей численностью до 18 000 человек.^[122] На 10 июня 1942 года на оккупированной территории Ленинградской области действовало 72 партизанских отряда (в том числе 48 отрядов, что составляло 12 процентов от числа 400 действовавших осенью 1941 г.). Значительно лучше обстояли дела у смоленских, брянских и калининских партизан, где через год осталось до 23—30 процентов отрядов и групп, переброшенных или

оставленных при отходе.^[123]

Из 2500 групп, отрядов и 8 полков, общей численностью свыше 45 000 человек, которые не смогли удержаться в тылу противника в первый год войны, значительная часть, потеряв связь с органами руководства, вышла в наш тыл, другие погибли. Так, на оккупированной территории Ленинградской области в первый период войны гитлеровцам удалось разбить 4 партизанские бригады, 41 партизанский отряд, уничтожить десятки подпольных организаций и групп.^[124]

На Украине оккупанты под Олевском ликвидировали 1-й партизанский полк под командованием Е. К. Чехова, павшего в неравном бою. Мало кто остался в живых из этого полка, да и те отошли вслед отступающему на восток фронту. Еще более трагична судьба командира 2-го партизанского полка Щедрина, казненного эсэсовцами в Черкассах. Погиб почти и весь полк, окруженный карателями в Иордынских болотах. В боях с наступающими частями погибли и многие отряды и группы.^[125]

Другие отряды и группы ушли в подполье, «законспирировались» и погибли. Третьи пытались пережить зиму на базах и в лесах, но многие из них тоже не выжили. И все это по неопытности, из—за отсутствия должной подготовки, да иногда и неудачного скороспешного подбора состава групп и отрядов. В это время успешно и почти без потерь действовали отряды во главе с опытными или хорошо подготовленными командирами, особенно теми, кто в борьбе с врагом умело использовал технику.

Замерзали на путях составы с паровозами, выведенными из строя бойцами К. Заслонова с помощью «угольных мин». Участник партизанской войны в Испании В. З. Корж рейдировал в тылу врага в Белоруссии, громил противника и разрушал его коммуникации отряд под командой бывалого партизана С. А. Ковпака и комиссара С. В. Руднева, прошедшего подготовку в спецшколе еще в начале 30-х годов.^[126]

Следует отметить, что, помимо органов государственной безопасности, заброской диверсантов в тыл противника занимались партийные, комсомольские органы, а также военная разведка. Однако, судя по архивным документам, наиболее боеспособными оказались именно партизанские отряды, созданные чекистскими органами.

В начальный период войны ни одна поспешно созданная партийными и комсомольскими организациями подпольная группа не уцелела. Незначительная часть этих групп вошла в партизанские отряды, остальные или погибли, или распались.^[127]

Если в начале Великой Отечественной войны из—за слабой

подготовки, отсутствия радиосвязи, да и самих органов руководства действиями по разрушению тыла противника при весьма благоприятных условиях для ведения борьбы с врагом в его тылу (что подтверждается действиями групп и отрядов во главе с опытными командирами) из 2800 уцелело только около 270 отрядов и групп, то в 1944–1945 годах потери групп, выброшенных в тыл противника за пределы нашей Родины, были меньше 10 процентов. Численность групп за два—три месяца увеличилась больше чем в 20 раз, а отдельные группы за два месяца вырастали более чем в 50 и даже 100 раз. [\[128\]](#)

Основываясь на опыте Великой Отечественной войны, с твердостью можно сказать, что для успешного ведения партизанской войны нужна была тщательная подготовка в мирное время. Состав отрядов и групп должен был формироваться из людей, которые по роду своей работы наиболее вероятно приспособятся к партизанским действиям в возможных военных конфликтах. Командир группы (отряда) и его заместители должны были иметь опыт партизанских действий в тылу противника или длительное время глубоко изучать организацию и тактику партизанской борьбы, средства и способы связи, средства и способы диверсий.

Характерно, что к концу первого года Великой Отечественной войны, когда на связь вышло только 1,5–15 процентов переброшенных в тыл противника групп и отрядов, уцелели почти все группы и отряды во главе с бывальыми партизанами или людьми, длительное время глубоко занимавшимися вопросами партизанской борьбы. Не погиб в тылу противника ни один командир, имевший опыт партизанских действий в Испании.

Таким образом, опыт первого года войны требовал серьезных перемен в партизанском движении, остро ставил вопрос об организации и управлении им, распределении функций между участвовавшими в нем государственными структурами — в частности, и о формах наиболее эффективного участия в нем органов государственной безопасности СССР.

***Создание специальных подразделений органов госбезопасности СССР
для деятельности в гитлеровском тылу***

В связи с началом Великой Отечественной войны органы государственной безопасности были вынуждены в срочном порядке перестроить свою деятельность, чтобы не только противостоять спецслужбам гитлеровской Германии, но и организовать диверсионную

борьбу против немецко—фашистских захватчиков в тылу противника. В этих целях еще 5 июля 1941 года была создана Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, которую возглавил П. А. Судоплатов.

На Особую группу НКВД СССР были возложены следующие функции: разработка и проведение разведывательно—диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиограммами с немецкой разведкой с целью дезинформации противника. [\[129\]](#)

Войска Особой группы при наркомате НКВД СССР состояли из двух полков, которые делились на батальоны, отряды, спецгруппы.

В июле — октябре 1941 года оба полка дислоцировались в ближнем Подмосковье. Проводилась интенсивная боевая учеба по специальным программам (минно—подрывное дело, тактика лесного боя, тактика партизанской борьбы и т. д.). Но уже в этот период в тыл врага были направлены первые отряды, группы и одиночные исполнители. Первыми летом 1941 года ушли отряды Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко.

25 августа 1941 года приказом НКВД СССР оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоять парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в 4-е отделы Управлений НКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР.

Тем же приказом было объявлено Положение о работе 4-х отделов и штатное расписание. Согласно этому документу перед 4-ми отделами ставились следующие задачи: повседневный контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп; разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов; обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением. [\[130\]](#)

3 сентября 1941 года, в связи с расширением объема работ, Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР.

Начальником подразделения остался П. А. Судоплатов. Его заместителями были утверждены Л. И. Эйтингон и В. А. Какучая.

Задачами 2-го отдела НКВД СССР и вошедших в его оперативное подчинение 4-х отделов территориальных Управлений НКВД являлись: формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними; восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории; внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные и административные органы; подбор и переброска квалифицированных агентов органов госбезопасности на оккупированную врагом территорию в целях их дальнейшего проникновения на территорию Германии и других европейских стран; направление в оккупированные противником районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными задачами; подготовка и переброска в тыл врага разведывательно—диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними; организация в районах, находящихся под угрозой вторжения противника, резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе лиц; обеспечение разведывательно—диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров и маршрутных агентов оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи и соответствующими документами.^[131]

В октябре 1941 года войска при Особой группе НКВД были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехбатальонного со специальными подразделениями (саперно—подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов).

Перед бригадой ставились задачи: оказание помощи Красной Армии средствами разведывательных, диверсионных, военно—инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

Руководящее звено отрядов ОМСБОН составили опытные оперативные работники органов госбезопасности и командиры пограничных и внутренних войск НКВД. Личный состав набирался из

числа политэмигрантов, в том числе прошедших Гражданскую войну в Испании, спортсменов, специалистов по иностранным языкам.

В ОМСБОНе было более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В бригаду вступили лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике — они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага.

ОМСБОН был призван вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении патриотов в тылу врага.

В соответствии с этими целями необходимо было создать такое формирование, подобного которому Красная Армия фактически еще не знала. Его подразделениям предстояло действовать не на одном каком-то участке фронта, как это было с другими воюющими частями, а в самых разных местах всех фронтов — от Баренцева до Черного моря, а главное — не только на линии самого фронта, но и далеко за его пределами, вплоть до Берлина.

Комплектование войск Особой группы, а затем и бригады, началось в связи с указанием ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. Она состояла в основном из добровольцев: рабочих, студентов, спортсменов, выпускников школ, командиров пограничных и внутренних войск. Пограничники, преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР составили костяк командного состава бригады, а ее рядовые бойцы в основном пришли в бригаду по путевкам ЦК ВЛКСМ. Исполком III Коммунистического Интернационала направил в бригаду большую группу коммунистов — эмигрантов из стран Европы и Востока.^[132]

Уже летом 1941 года командование ОМСБОНа приступило к формированию и заброске в тыл врага первых отрядов и групп. Перед ними, наряду с разведывательными и диверсионными, были поставлены задачи сбора подробной и квалифицированной информации о конкретной обстановке, сложившейся на оккупированной территории; о политике оккупационных властей; о системе охраны тыла гитлеровских войск; о развитии партизанского движения и борьбе подпольщиков, о характере

необходимой им помощи.^[133]

Первые отряды ОМСБОНа были призваны установить контакты с партизанами, наладить их связь с Москвой, способствовать формированию новых отрядов и активизации боевых действий партизан. Им предстояло также создать на местах базы для развертывания деятельности отрядов ОМСБОНа; проверить на практике эффективность предложенных командованием тактики и методов борьбы в условиях вражеского тыла, выявить новые возможности их развития; накопить определенный опыт, который был бы взят на вооружение теми отрядами и группами, которые вслед за ними будут направлены в тыл врага.

При формировании отрядов командование ОМСБОНа руководствовалось рекомендацией ЦК ВКП(б) выделять на посты руководителей партизанского движения боевых, преданных Родине офицеров, имевших опыт партизанской борьбы, разведывательной и диверсионной работы, полученный в годы Гражданской войны, и проявивших себя в истребительных батальонах и в отрядах народного ополчения.^[134]

Командирами первых отрядов, ушедших в августе 1941 года в тыл врага, стали чекисты Д. Н. Медведев и А. К. Флегонтов, имевшие опыт партизанской и подпольной деятельности. Под командованием последнего отряд проводил смелые налеты на вражеские кавалерийские разъезды и обозы, осуществил несколько диверсий на коммуникациях противника, собрал ценные разведывательные данные и в октябре 1941 года вернулся в Москву.

В ноябре 1941 года произошло событие, сыгравшее важную роль во всей боевой последующей деятельности брянских и калужских партизан: в районе г. Людиново появился прибывший сюда с белорусских земель отряд «Митя» под командованием легендарного капитана госбезопасности, впоследствии известного писателя Дмитрия Николаевича Медведева.

Только немногие посвященные знали тогда, что это не обычный отряд, каких на оккупированной территории действовали уже сотни и тысячи, а разведывательно—диверсионная резидентура (РДР) № 4/70 Особой группы при наркомне НКВД СССР, заброшенная в немецкий тыл со специальными заданиями.^[135]

Отряд «Митя» в сентябре перешел линию фронта в количестве всего тридцати трех человек, но очень быстро вырос до нескольких сот бойцов и командиров за счет присоединившихся к нему окруженцев, бежавших из плена красноармейцев и местных жителей. При этом Д. Н. Медведев

«отпочковал» от «Мити» несколько дочерних отрядов, назначив в них хорошо проявивших себя в боях командиров и начальников штабов.

В отличие от многих местных отрядов, «Митя» вел активную боевую, диверсионную и разведывательную деятельность. Его бойцы едва ли не ежедневно нападали на гарнизоны и автоколонны врага, сжигали и взрывали мосты, склады, узлы связи, уничтожали живую силу, в частности, на их счету было даже два убитых немецких генерала.^[136]

И, что весьма важно, всюду, где появлялся Медведев, он непременно встречался с командирами местных отрядов, помогал им практическими советами, порой боеприпасами и вооружением, когда требовалось — укреплял командный состав и, наконец (что на этом этапе партизанской войны было новинкой), — координировал их деятельность по проведению совместных операций, что значительно увеличивало эффективность боевых действий. За короткий срок — всего несколько недель — Д. Н. Медведев активизировал деятельность около двадцати местных отрядов.^[137] Забрасываемые в тыл врага группы обычно насчитывали 30–50 человек. Но после первых же операций они быстро вырастали за счет местного населения и военнослужащих, выходивших из окружения, и превращались в мощные партизанские отряды и соединения. Так, отряд «Неуловимые», возглавляемый М. С. Прудниковым, из опергруппы в 28 человек к лету 1944 года вырос в мощное соединение численностью более 3000 партизан.^[138]

Как правило, личный состав оперативных групп перебрасывался в тыл противника посредством авиации с приземлением на парашютах в заданном районе. Многие из оперативных групп сами превращались в партизанские отряды.

Командированный в Смоленскую область для организации партизанской работы А. К. Флегонтов уже 16 августа 1941 года докладывал П. А. Судоплатову радиотелеграммой, что в Смоленской области под его руководством действуют 4 партизанских отряда численностью в 174 человека.

Таким образом, уже первые месяцы войны продемонстрировали эффективность работы нового чекистского подразделения. Но опыт первого года войны потребовал еще более значительной реорганизации в структуре органов государственной безопасности.

18 января 1942 года для осуществления широкомасштабной разведывательно—диверсионной зафронтальной работы против Германии и ее союзников как на советской территории, так и в оккупированных странах Европы, на Дальнем и Ближнем Востоке, а также для оказания

содействия советским и партийным органам в организации и боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага, 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е Управление НКВД СССР. В составе наркоматов внутренних дел Украины и Белоруссии создавались собственные 4-е управления. Образованные ранее 4-е отделы УНКВД краев и областей были переподчинены 4-му Управлению Центра и соответствующим управлениям наркоматов внутренних дел УССР и БССР.

На 4-е Управление возлагались следующие задачи. В области разведывательной деятельности (сбор и передача командованию РККА разведанных о противнике): о дислокации, численном составе и вооружении войсковых его соединений и частей; о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ; о строительстве оборонительных сооружений; изучение режимных, политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной администрации. В области диверсионной деятельности: нарушение работы железнодорожного и автотранспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага; вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и пр. имущества; нарушение линий связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектов, имеющих военно—хозяйственное значение. В области контрразведывательной деятельности: установление мест дислокации разведывательно—диверсионных и контрразведывательных органов и школ немецких спецслужб, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, путей их проникновения в части и соединения РККА, партизанские отряды и советский тыл; выявление вражеских агентов, подготавливаемых к заброске или заброшенных в советский тыл для проведения шпионско—диверсионной и террористической деятельности, а также оставляемых в тылу советских войск после отступления немецкой армии; установление способов связи агентуры противника с ее разведцентрами; разложение частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих РККА, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий; ограждение партизанских отрядов от проникновения вражеской агентуры.

Нетрудно заметить, что задачи нового Управления в области организации партизанской борьбы были существенно сужены. Однако подобное решение было далеко не бесспорным, а дискуссии в руководстве страны по вопросам партизанского движения далеко еще не завершились. Одной из самых серьезных проблем оставалась задача организации и

управления им.

Следует отметить, что вопрос о руководстве партизанским движением остро встал уже в первые месяцы войны и приобрел характер нездорового соперничества между некоторыми партийными лидерами и руководством НКВД.

В конце лета 1941 года первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко по своей инициативе разработал записку «К вопросу о постановке диверсионной работы» в тылу врага.^[139] Записка после обсуждения в ЦК КП(б) Белоруссии была направлена И. В. Сталину. Ее содержание было основано на трехмесячном опыте партизанской борьбы, показавшем, какую огромную силу представляет диверсионная работа в тылу врага, особенно на коммуникациях.

В записке в первую очередь как раз и доказывалась необходимость организации широкой систематической диверсионной работы и предлагались необходимые для этого меры. Указывалось, в частности, на то, что танковый батальон — грозная сила на поле сражения — в эшелоне совершенно беззащитен и может быть легко ликвидирован двумя—тремя партизанами—диверсантами. Доказывалось, что систематическими диверсиями можно будет закрыть движение на железнодорожных магистралях, ночное движение на автомобильных дорогах и сделать неполноценным дневное движение. Это заставит противника снять с фронта десятки дивизий на охрану коммуникаций, которые, в конечном счете, затруднят диверсии, но не ликвидируют их.^[140]

Как пример, приводились результаты работы диверсионных пятерок, подготовленных в первые месяцы войны Гомельской диверсионной школой при ЦК КП(б) Белоруссии, осуществлявших крушение эшелонов, взрывы мостов и путей, минирование шоссейных дорог и т. п. Делался вывод, что в целом постановка диверсионной работы неудовлетворительна, не соответствует огромным возможностям, которыми располагает страна. Предлагалось от длительной подготовки одиночек или групп «классиков—диверсантов» перейти к широко организованной, планомерной массовой диверсионной работе, решительно искоренять кустарщину, разобщенность, использовать охотно оказываемую помощь населения.

Среди необходимых мер для развития массовой диверсионной работы в тылу врага в записке выдвигались: организация сети специальных школ для краткосрочной подготовки партизан—диверсантов; превращение диверсионной школы при ЦК КП(б) Белоруссии в Центральную диверсионную школу; централизация руководства партизанским

движением и диверсионной работой в тылу врага; участие фронтов в организации диверсионной работы; подготовка диверсантов в прифронтовых районах в полосе 100–150 км от фронта; налаживание производства взрывателей замедленного действия с диапазоном действия от двух часов до 100 суток.^[141]

В декабре 1941 года председатель ГКО и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал к себе П. К. Пономаренко. Состоялась двухчасовая беседа по вопросам развития и руководства партизанским движением.

Вопрос о создании органа централизованного руководства партизанским движением, который ставили все ЦК и обкомы партии оккупированных областей и республик, а также некоторые военные советы фронтов, И. В. Сталин считал правильным и своевременным. Центральный Комитет уже тогда пришел к определенным выводам и в целом согласился с доводами П. К. Пономаренко и руководителей оккупированных территорий.

Работа по созданию штабов партизанского движения проводилась нарастающими темпами. Но неожиданно в конце января 1942 года по решению ГКО работа по созданию штабов партизанского движения была приостановлена.

Создание системы централизованного руководства партизанским движением было отложено из—за позиции руководства НКВД, оказавшего сопротивление созданию штабов партизанского движения и повлиявшего в этом смысле на некоторых членов ГКО.^[142]

Л.П. Берия подал И. В. Сталину записку, в которой доказывалась нецелесообразность создания ЦШПД. Мотивировалось это тем, что якобы стихийные, разрозненные партизанские выступления населения не могут быть охвачены руководством, да и вряд ли в нем нуждаются. Высказывалось сомнение, что партизанские диверсии могут дать оперативный эффект. Подчеркивалось, что подобные операции под силу лишь квалифицированным диверсантам, для подготовки и руководства которыми специальный штаб не нужен.^[143]

Можно предположить, что Л. П. Берия боялся потерять монополию на информацию, поступающую от партизанских формирований на оккупированной территории, и пытался доказать И. В. Сталину, что целесообразнее готовить партизанские отряды в советском тылу и затем перебрасывать их за линию фронта. Л. П. Берия основывался на практике отрядов ОМСБОНа и 4–х отделов территориальных управлений НКВД, в

некоторых случаях успешно организовывавших и руководивших партизанскими формированиями. Но НКВД не мог полностью охватить все партизанское движение, развернувшееся на оккупированной территории СССР, и это стало очевидным уже в ближайшие месяцы.

К лету 1942 года необходимость в органах военно—оперативного руководства партизанским движением была настолько назревшей, а требования об их создании со стороны партийных органов республик и областей, а также военсоветов и политорганов фронтов и армий столь настойчивы, что ЦК партии вновь вернулся к необходимости разработки предложений по организации Центрального и местных штабов партизанского движения.^[144]

Разработанные комиссией проекты 30 мая были представлены на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО. После значительных поправок, вызванных тем, что некоторые пункты проектов ограничивали роль создаваемых штабов как военно—оперативных органов партии по руководству партизанским движением и придавали этому руководству ведомственный характер, в тот же день вышло решение ГКО. Согласно этому решению в целях объединения руководства партизанским движением в тылу врага и для дальнейшего развития этого движения создавался Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Этим же решением были образованы Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело—Финский штабы партизанского движения.^[145]

В основной руководящий состав Центрального штаба входили партийные работники, сотрудники органов государственной безопасности, имеющие опыт организации партизанского движения в первый год войны или необходимую для работы в Центральном штабе специальность.

Руководителями штабов партизанского движения стали: П. К. Пономаренко (первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии) — начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, Т. Л. Строкам (НКВД) — Украинского, С. С. Бельченко (НКВД) — Западного, П. З. Калинин (второй секретарь ЦК Компартии Белоруссии) — Белорусского, С. Я. Вершинин (НКВД) — Карело—Финского, М. Н. Никитин (секретарь Ленинградского обкома) — Ленинградского, А. П. Матвеев (первый секретарь Орловского обкома) — Орловского (Брянского) и др.^[146]

Создание представительств Центрального и республиканских штабов партизанского движения при Военных Советах фронтов и армий завершило

образование системы гибкого руководства партизанским движением.

До осени 1942 года руководство Центрального штаба партизанского движения представляло коллегия в составе начальника штаба и двух его членов. Это были представители руководящего партийного органа, НКВД и ГРУ.^[147] Представителем от органов госбезопасности был В. Т. Сергиенко.^[148]

Коллегиальность руководства в штабах партизанского движения мотивировалась необходимостью концентрации опыта партийных и специальных органов в вопросах организации партизанского движения, подпольной борьбы, конспирации, связи и т. д., а так же опыта борьбы с проникновением в партизанские отряды и подпольные организации агентов гитлеровских спецслужб.

Кроме того, имелось в виду, что подобный состав коллегии будет способствовать наиболее целесообразному использованию обширной разведывательной информации партизан. Однако очень быстро практика работы показала, что эффективное решение этих задач успешнее достигалось не формальным представительством, а тесной связью и взаимопониманием штабов партизанского движения и соответствующих отделов и управлений органов безопасности и разведки, которые имели место в течение всей войны. Поэтому коллегиальное руководство было упразднено.^[149]

С первых дней существования перед штабами партизанского движения встали вопросы организации партизанских сил, тактики и техники их борьбы, а также практические вопросы налаживания связи, материально—технического и боевого снабжения, медицинского обслуживания и многие другие. Самой важной задачей для них стало быстрейшее освоение накопленного партизанами и подпольщиками опыта борьбы с гитлеровскими оккупантами.

Как правило, начальники штабов партизанского движения являлись членами Военных Советов фронтов, что обеспечивало координацию действий партизанских формирований с регулярными частями Красной Армии. Соответственно роль чекистов, возглавляющих эти штабы, приобретала дополнительные функции. При их непосредственном участии разрабатывались оперативные мероприятия по активизации партизанских действий в прифронтовой зоне; партизанские отряды снабжались продовольствием, оружием и медикаментами; увозились раненые партизаны из зоны действий партизанских формирований.^[150]

Штабы партизанского движения принимали порой и болезненные решения, поддерживая дисциплину и борясь за чистоту партизанских

рядов. Например, приказ № 01 от 7 октября 1942 года, подписанный командующим Калининским фронтом генерал—полковником Пуркаевым и членом Военного Совета фронта, представителем Центрального штаба партизанского движения С. С. Бельченко, положил конец крупному партизанскому соединению «Батя», в котором имелись случаи пьянства и мародерства среди командного и рядового состава.

С созданием штабов партизанского движения как управляющих и координирующих органов была начата и внутренняя реорганизация ряда партизанских формирований. Она состояла в том, что партизанские бригады должны были быть усилены представителями чекистских органов и превращались в самостоятельные боевые единицы с непосредственным подчинением представительству Центрального штаба партизанского движения при Военных Советах фронтов.^[151]

Таким образом, с созданием центральных органов руководства партизанским движением был преодолён ряд важных недостатков и проблем начального периода войны: достигнута необходимая координация действий партизанских формирований различных типов; решены многие организационные и технические проблемы; была обеспечена более тесная и оперативная связь с армейским руководством; достигнута необходимая территориальная концентрация партизанских сил. В решении всех этих задач активно участвовали и чекисты. Органы государственной безопасности СССР не только оказывали различную помощь Центральному и местным штабам партизанского движения, но и принимали непосредственное участие в повышении качества работы по организации и управлению партизанским движением.

Было бы неправильно не сказать и о деятельности в этом направлении армейской разведки. В августе 1941 года при разведотделе штаба Западного фронта была создана войсковая часть Особого назначения с кодовым номером 9903.^[152] Возглавил её Артур Карлович Спрогис, имевший богатый чекистский опыт.

В то время бывали случаи, когда чекисты направлялись служить в Разведуправление (с 1942 года Главное Разведуправление — ГРУ) Генштаба Красной Армии.

Войсковая часть 9903 формировалась из кадровых разведчиков, из особо отличившихся в боях офицеров и сержантов действующей армии, а также из добровольцев, обученных на специальных курсах. Как правило, Спрогис сам отбирал, инструктировал и нередко лично сопровождал отдельных разведчиков в тыл врага, чтобы на месте сориентировать их и

направить на нужные объекты.

В подборе и подготовке молодых добровольцев части 9903 особая роль принадлежала ЦК ВЛКСМ. Секретари Московского комитета комсомола совместно с политуправлениями родов войск комплектовали парашютно— десантные бригады, гвардейские минометные подразделения и лыжные батальоны, отбирали юношей и девушек для борьбы в тылу врага.

Отбор добровольцев, в для партизанской разведки проходил строго индивидуально, бескомпромиссно. Заботились не только об их экипировке, вооружении и снаряжении, но и о моральной и физической подготовке бойцов, подборе опытных командиров и наставников.

Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Елена Колесова и другие были бойцами части 9903.

Еще до прибытия комсомольцев в часть Спрогис подобрал несколько офицеров—оперативников разных специальностей и организовал учебный центр. По прибытии на базу добровольцы после непродолжительного отдыха приступали к занятиям. Изучали материальную часть и стрельбу из личного оружия, учились ориентироваться на местности днем и ночью по карте и компасу, обращаться со взрывчаткой, рацией.

После победы Красной Армии под Москвой Гитлер потребовал от адмирала Канариса и службы СД решительной активизации всех германских разведслужб против СССР. На советско—германском фронте гитлеровцы сосредоточили свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов, создали более 60 школ по подготовке агентуры. На фронтах и за линией фронта развернулась ожесточенная тайная война разведок и контрразведок двух противоборствующих сторон, в которой немалая роль принадлежала войсковой части 9903.

В январе — феврале началась активная заброска советских диверсионных групп в районы Полоцка, Борисова, Орши, Могилева, Гомеля, Бреста, Кричева, Пинска, Дятькова, Новозыбкова — на территорию соседних областей, где развернулись активные боевые действия партизан. Кадровые разведчики и добровольцы переправлялись туда на самолетах. Посадка производилась в местах, подготовленных партизанами. С Большой земли прибывали в глубокий вражеский тыл также радисты, медики, минеры.

Глава 2. Оккупанты

Режим насилия и страха

Подготовка органами государственной безопасности партизанских отрядов и оперативных групп не могла не учитывать такой важный элемент, как оперативная обстановка на оккупированной территории, что в той или иной степени всегда влияло на характер борьбы чекистов в тылу врага, в том числе и агентурной работы. Механическое перенесение одних и тех же организационных форм и методов с одной оккупированной области в другую без правильного учета оперативной обстановки, которая сложилась к этому времени, было недопустимым, так как влекло за собой негативные последствия. Порой из—за некомпетентности летчиков оперативные группы ОМСБОН НКВД сбрасывались не в назначенные места, а иногда на территорию, контролируемую противником. Так погибла группа лейтенанта Виктора Шепеля, ошибочно сброшенная вместо Днепровских плавней в район дислокации одной из частей противника.^[153] Без учета погодных условий был переправлен в тыл врага отряд ОМСБОН НКВД СССР «Решительный», который практически перестал существовать и впоследствии слился с отрядом «Славный».^[154]

Под оперативной (в документах изучаемого периода — агентурной) обстановкой понималось положение страны, области, района, села с точки зрения возможности ведения агентурной разведывательной работы на данной территории, или, иначе говоря, совокупность условий и особенностей, благоприятствующих и не препятствующих деятельности агентурной разведки. Оперативная обстановка слагалась из элементов, характеризующих театр оперативных действий, и элементов, характеризующих противника. Поэтому при изучении оперативной обстановки все вопросы рассматривались с точки зрения возможности ведения агентурной разведки.

Каждая область, район, город или село в тылу гитлеровских войск имели свои специфические особенности (свою оперативную обстановку), зависящие от географических, экономических, военных, административных и прочих условий.

Оккупационный режим на территории СССР не был одинаков. Так, в прибалтийских республиках он был намного мягче, чем в Белоруссии, западных областях РСФСР и Украине.

Существенные изменения в оперативную обстановку внесло наличие на оккупированной советской территории националистических формирований. Они явились прислужниками разведывательных и карательных органов фашистской Германии. Они поставляли агентурные кадры для шпионско—диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности против СССР. Так, с передовыми частями фашистских войск Государственную границу СССР перешли два отряда бендеровцев, насчитывавших более 400 одетых в немецкую форму боевиков. Они были вооружены и обучены в лагерях фашистской разведки. Гитлеровцы именовали их легионами «Роланд» и «Нахтигаль». Эти легионы входили в состав известных всему миру бранденбургских диверсионных частей.^[155]

Активно сотрудничали с гестапо и другими разведывательными службами фашистской Германии белорусские буржуазные националисты. Немецко—фашистская разведка не жалела средств для борьбы с Советским государством. Такие деятели, как Акинчиц, Козловский, Ермаченко и другие одиозные фигуры, являлись основой для гитлеровского «нового порядка» в Белоруссии.

Значительную помощь спецслужбам Германии оказали литовские, латышские и эстонские националисты. Достаточное количество предателей было на службе у оккупантов из числа русских. РОА — наиболее выпуклая сторона этой проблемы.

Существенно менялась оперативная обстановка на оккупированной территории в зависимости от положения на фронтах. Так, в начальный период войны оккупанты чувствовали себя хозяевами на советской территории. Коренной перелом в Великой Отечественной войне внесли существенные коррективы и в оперативную обстановку.

В районе железнодорожных и шоссейных магистралей, по которым шло снабжение немецких войск, обстановка была сложнее, так как коммуникации охранялись более тщательно, контроль по отношению к жителям намного ужесточался. Значительно легче было вести работу в районах, отдаленных от магистралей.

Чекистам необходимо было хорошо знать географию и топографию оккупированной области, состояние железнодорожных магистралей, шоссейных и проселочных дорог, какими путями и средствами можно проникнуть в район предстоящей агентурной работы и по каким дорогам вернуться обратно.

Линия фронта протянулась на несколько тысяч километров, и понятно, что на отдельных участках фронта сплошная оборонительная линия отсутствовала. Такие участки благоприятствовали проникновению

оперативно—чекистских групп в оккупированные области. Обычно это происходило на стыке вражеских воинских соединений.

Глубина фронта фашистских армий обычно не превышала десяти километров. В этой полосе вслед за передовыми частями находились штабы и тылы передовых частей, штабы крупных соединений, части, уходящие с фронта на отдых, армейские резервы. Далее, в глубь оккупированных областей, воинские части, за исключением крупных населенных пунктов, встречались редко. Вдоль железных и шоссейных дорог располагались преимущественно резервные и охранные части противника.

На расстоянии 30–50 километров от магистралей, питающих фронт, войсковых частей почти не было. Изредка сюда заходили карательные отряды по борьбе с партизанами и отряды по изъятию продовольствия.

Административная деятельность фашистов на оккупированных территориях СССР являлась прямым продолжением военных действий. Для местного населения создавались такие условия, при которых исключалась всякая возможность общения с партизанами, помощь населения им и проникновение в населенные пункты нежелательных для оккупантов элементов. [\[156\]](#)

Гитлеровскими военными властями в прифронтовой полосе учреждались «запретные зоны», устанавливались щиты, на которых надписи предупреждали о запрете гражданским лицам появляться без сопровождения немецкого солдата. В закрытых зонах гражданскому населению выдавались временные удостоверения на 10–15 дней или пропуска.

Таким образом, наиболее сложной оперативная обстановка была в прифронтовых областях. При переброске оперативно—чекистской группы или партизанского отряда в тыл противника требовалось как можно быстрее преодолеть территорию (линию фронта и прифронтовые районы), где спецслужбы и карательные отряды противника были наиболее активны.

Административное управление в ближайшем тылу осуществлялось комендатурами или непосредственно командованием частей.

Как правило, оккупанты стремились расквартировать свои войска небольшими подразделениями.

Заняв населенный пункт, фашисты без замедления назначали бургомистра или старосту. Их обязанности и полномочия обычно оповещались в приказах на русском языке. Приказ, как правило, гласил: «Все бургомистры и сельские старосты отвечают за полную безопасность своего района, главным образом, за безопасность дорог до соседних

деревенских границ. Охрана днем и ночью производится назначенной местной стражей порядка, привлекаются к этому и другие местные жители. Отличительный знак стражей порядка — белая повязка на рукаве. За всякое партизанское нападение, случившееся в районе населенного пункта, жители последнего привлекаются к ответственности. При этом, в случае недосмотра местного населения, из него будет расстреляно не менее чем двойное число пострадавших при нападении немецких солдат. За всякое повреждение дорог; разрушение мостов, закладывание мин и т. п. будет расстреляно, в зависимости от серьезности случая, известное число, но не менее трех местных жителей. Тот, кто без разрешения бургомистра или сельского старосты дает убежище или питание посторонним или оказывает им какую—либо другую помощь, будет, безразлично, мужчина или женщина, повешен».^[157]

В городах и крупных населенных пунктах верховная власть принадлежала военной комендатуре и отделениям гестапо, которые проводили свои мероприятия по восстановлению «порядка» через гражданское самоуправление, организованное в городскую управу, которую возглавлял городской голова.^[158]

Городская управа имела в своей структуре отделы, а также полицейское управление, возглавляемое полицмейстером.

Городской голова и полицейское управление целиком подчинялись военной комендатуре и гестапо. Последние осуществляли руководство всей деятельностью городской управы.

На направлениях многочисленного продвижения немецких войск в городах, кроме военного, имелся гражданский комендант. Последний назначался из офицеров немецких войск и на его обязанностях лежало руководство деятельностью городского самоуправления. Военный же комендант в таких случаях занимался вопросами обеспечения передвигающихся войск.^[159]

В отдельных пунктах с большим количеством промышленных объектов, железнодорожных мостов, баз и т. д. оккупантами организовывалась вспомогательная полиция, которая охраняла эти объекты.

Надзор за соблюдением порядка и очищения окружающей территории, таким образом, осуществлялся гражданским и военным комендантами, отделениями гестапо, полевой полицией, полицейскими управлениями городской управы, уголовно—сыскной полицией, которая состояла из немецких полицейских.

В функции полевой полиции входило: сбор с населения продуктов и

вещей; поимка лиц, враждебно настроенных к оккупационному режиму; охрана военных объектов и заводов; сбор населения на работу.

Полицейский надзор осуществлялся через участковых надзирателей, квартальных, комендантов домов и управдомов.

В результате такой структуры гласная агентура доходила до колоссальных размеров и оказывала фашистам большую услугу по вылавливанию всех подозрительных лиц. Так, в г. Калинин агентура исчислялась в 1500–1600 человек, в Калуге 600–700 человек.^[160] Если учесть еще агентуру гестапо, абвера, полицейских управлений, завербованную из местного населения, то эти цифры во много раз увеличивались.

Следует отметить, что такое количество осведомителей должно было полностью обеспечивать гитлеровские спецслужбы интересующей их информацией. Однако на деле это было не совсем так. Как правило, учет гласной агентуры гитлеровцами не велся. Бывали случаи, что осведомитель вербовался дважды, а то и трижды, недоумевая, почему он не был передан на связь своими предыдущими «хозяевами».^[161]

В небольших городах, преимущественно с сельскохозяйственным уклоном, помимо городской управы фашистами организовывалась земская управа, которая осуществляла и проводила мероприятия германского командования в сельском хозяйстве.

Кадры городского самоуправления, полицейского управления, вспомогательной полиции, а также привлекаемые на службу в немецкие органы различные переводчики, секретари и т. д. набирались из местного населения, ставшего на путь предательства.

В городском самоуправлении и его руководстве основными кадрами явились в большинстве представители интеллигенции в лице учителей, агрономов и инженерно—технического персонала. В какой—то момент гитлеровцы пытались привлечь эту категорию населения к сотрудничеству и, видимо, неспроста подвергали допросам партизан из интеллигенции. Об этом свидетельствует суточный приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31 октября 1941 года: «Пленных партизан, производящих впечатление интеллигентных людей, сразу не следует расстреливать... их следует доставить в штаб бригады».^[162]

В полицейские органы набирались преимущественно уголовники и люди, «обиженные» советской властью.

В деревнях власть оккупантов осуществлялась через старост, которыми назначали в некоторых—случаях председателей сельсоветов и

колхозов. Это положение использовалось партизанами для насаждения своей агентуры в оккупационных административных органах.

Гитлеровцы активно привлекали кадры из числа жителей, которые в 1914–1918 годах были в плену в Германии. Документы свидетельствуют также о том, что определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами.

Значительные трудности для партизан представлял и паспортный режим, который на оккупированных территориях не имел единообразия. По Смоленской, Калининской, Московской областям Западного фронта немецкие власти приступили с 1 сентября 1941 года к выдаче удостоверений личности или документов на право проживания. Для их получения нужно было предоставить советский паспорт с пропиской в месте, где собираешься получить новые документы, и стандартную справку от коменданта дома о месте жительства. Документы представлялись в городскую управу, которая через 3–4 дня выдавала удостоверение личности и возвращала паспорт.

Удостоверения, выданные на проживание в нескольких населенных пунктах, считались недействительными. При отсутствии в паспорте прописки удостоверение не выдавалось.

В городах Калинин, Клин, Калуга за все время оккупации были действительны советские паспорта или профсоюзные билеты. Однако все жители подвергались регистрации.^[163]

При отсутствии паспорта временные удостоверения выдавались по заявлению с указанием причин отсутствия паспорта или других документов, удостоверяющих личность. Особых препятствий в получении удостоверения личности не было. Наиболее уважительными причинами, объясняющими отсутствие советских документов, являлись заявления об утере военного билета и паспорта с целью уклонения от мобилизации, отборе документов органами НКВД или милиции при привлечении к ответственности и т. д.

Несмотря на установленную регистрацию и отметку в паспортах с пропиской, немцами при задержании подозрительных лиц считался наиболее верным документом советский паспорт со штампом прописки в том городе, где находился владелец паспорта.^[164]

Отметки в паспортах о регистрации не были единообразными и проводились произвольно. Так, в г. Калинин на чистом листе паспорта просто писалось от руки, что «такой—то гражданин зарегистрирован в таком—то городе», при этом печать не ставилась. В г. Калуге на последнем

листе паспорта писали две буквы от руки «ПП» (прописку прошел) и вензель. В городах Старица и Таруса никаких отметок не делалось.

Более жесткий режим был введен оккупантами на Украине, согласно которому каждый житель всех населенных пунктов обязан был иметь паспорт с немецкой печатью, а также оттиски пальцев с описанием примет владельца.

Жители села должны были иметь паспорт и справку от сельского старосты, удостоверяющие их личность и место жительства.

При передвижении из города в село для покупки продуктов питания необходимо было иметь специальный пропуск, в котором указывался маршрут следования и сроки годности пропуска.

Для передвижения из одного села в другое старостой выдавалась справка с указанием пункта следования данного лица и цель. Здесь же указывался точный срок, а также благонадежность предъявителя.

Движение местных жителей по улицам было разрешено в селах с 6.00 до 17.00 часов, в городах с 8.00 до 16.00. В остальные часы всех появившихся на улице без соответствующих документов немецкие патрули арестовывали, а то и расстреливали на месте.^[165]

Доходило до того, что в некоторых оккупированных районах фашистский патруль мог без предупреждения открыть огонь на поражение по любому прохожему, если тот держал руки в карманах.^[166]

На подступах к городам устанавливались посты, которые проверяли документы у проходящих лиц. Для ночлега в сельской местности нужно было получить разрешение у старосты, оставив у него до утра свои документы.^[167]

В городах был установлен такой же порядок. Нуждающийся в ночлеге должен был явиться к бургомистру города или районной управы, после чего его направляли к квартальному полицейскому.

Фашисты, разыскивая партизан и тех, кто оказывал им помощь, устанавливали особо строгий контроль за недавно появившимися в данной местности учителями, агрономами, молодежью, евреями, лицами, владеющими иностранными языками, и иностранцами.^[168]

По приказу командования немецких войск, к числу шпионов относили всех, кто ходил обросшим, одетым в ватник или в оборванную одежду, а также имеющих пугливый вид.^[169]

Зачастую оккупантами издавались распоряжения задерживать всех, кто передвигался по населенным пунктам под предлогом поиска хлеба или другого продовольствия.

Несмотря на инструкцию немецкого верховного командования об аресте и соблюдении под стражей лиц, не проживающих в данной местности, это положение практически нигде не соблюдалось. Зачастую их просто отпускали, а наиболее подозрительных расстреливали.

Ходить группами в несколько человек было опасно, так как патрули, боясь партизан, могли открыть стрельбу издали.

Без предупреждения расстреливались лица, идущие вне дорог, появившиеся в ночное время в лесу или в расположении немецких частей. [\[170\]](#)

Однако, по оценкам советской разведки, несмотря на оккупационный режим, передвижение людей было возможным в любых направлениях. Для этого было нужно: не делать того, что запрещено оккупантами; иметь документы, удостоверяющие личность, и хорошо продуманную легенду; передвигаться пешком, в редких случаях на подводе, как исключение — железнодорожным транспортом; без документов передвигаться только вне дорог, ночью, избегая населенных пунктов; стараться проходить мосты и переправы в промежутки времени, когда местное население идет с базара или на базар; в городах избегать движения по главным улицам. [\[171\]](#)

При отсутствии документов рекомендовалось избегать больших населенных пунктов и ночевать в маленьких деревеньках или хуторах, где надзор полиции и властей был незначительным. Предписывалось в обход старост и квартальных напрямую обращаться к местным жителям, которые, в большинстве своем, предоставляли угол, не спрашивая документов.

Во всех случаях при ночлеге у местных жителей нужно было категорически избегать разговоров на политические или военные темы, чтобы не нарваться на вражескую агентуру.

В устройстве на ночлег очень выручал табак. Увидев курящего прохожего, хозяин часто сам звал его на ночлег и за табак мог даже хорошо накормить. [\[172\]](#)

Таким образом, инструкции, создаваемые на основе партизанской разведки, учитывали особенности административного оккупационного режима и давали четкие рекомендации органам госбезопасности и ГРУ при инструктажах забрасываемых оперативных групп для ведения разведывательно—диверсионной деятельности в тылу противника.

Абвер и гестапо против партизан

При довольно большом объеме публикуемой литературы по этой

проблеме практически не изучены формы и методы борьбы гитлеровских спецслужб против советских партизан. Исследователи, как правило, акцентируют внимание на зверствах оккупантов в отношении местного населения.

По мнению автора, непосредственно борьба фашистов против партизан заключалась в боевых операциях, разведке, охране коммуникаций и пропаганде.

Один из первых приказов по проведению боевых действий против партизан появился 19 июля 1941 года. Он требовал фактически непрерывного поддерживания в немецких частях состояния тревоги, запрещал передвижение одиночных солдат, предписывал всегда держать оружие наготове для открытия огня. Предусматривалось создание специальных конных патрулей для охраны дорог, проведение внезапных и повторных налетов на населенные пункты, прочесывание местности и т. д. [\[173\]](#)

По мере расширения и усиления партизанского движения ожесточается характер немецких приказов. Так, в приказе 4-й танковой армии от 30 августа 1941 года предписывалось: «До наступления темноты упаковывать и сохранять секретные документы таким образом, чтобы, в случае нужды, гарантировалось их полное уничтожение». [\[174\]](#) Запрещалось говорить о служебных делах в присутствии «безобидных» крестьян, которые различными незначительными вопросами, по мнению германского командования, преследовали шпионские цели.

Начиная с августа 1941 года, немецкое командование приступает к формированию для борьбы с партизанами специальных моторизированных и конных отрядов, вооруженных вплоть до минометов. [\[175\]](#)

С осени 1941 года при многих германских дивизиях были созданы истребительные команды, отряды и батальоны по борьбе с партизанами. Там, где партизанское движение уже в первые месяцы войны приняло широкий размах, немцы использовали против них целые соединения. Однако не всегда крупномасштабные войсковые операции против партизан были удачными. Так, операция кавалерийской бригады СС, проведенная с 28 августа по 3 сентября 1941 года в районе Пинских болот и реки Припять, провалилась. [\[176\]](#) Таким образом, гитлеровцы пришли к выводу, что тактика проведения малых операций, мелкими группами, наиболее эффективна. Но развернувшееся партизанское движение вынуждало немцев применять в борьбе с партизанами крупные силы, вплоть до дивизий. [\[177\]](#)

То же постигло и войсковые операции гитлеровцев «Михаэль» и «Дрейк», проведенные осенью 1942 года в Белоруссии и на Украине.^[178] Танки в лесу показали свою непригодность, застревали в болотах, а шум их моторов предупреждал партизан об опасности, так как был слышен за несколько километров. Личный же состав немецких батальонов особого желания нападать на партизан без поддержки танков не испытывал.^[179]

Уже осенью 1941 года наиболее трезвые немецкие генералы признавали, что инициатива принадлежит партизанам и что для успешной борьбы против них немцы должны учиться у самих партизан. Так, генерал Роквес в секретном приказе № 1198/41 от 14 сентября 1941 года прямо говорил: «В лице русских партизан мы встречаем очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность, проводит свои операции преимущественно по ночам и, действуя в собственной стране, в большинстве случаев, пользуется поддержкой населения».^[180] Подобное откровенное заявление в приказе № 52 от 14 сентября 1941 года высказывал и генерал Шенкендорф: «Для более успешной борьбы с партизанами... части дивизий охраны тыла расчленить вплоть до взводов и занять возможно большее число населенных пунктов. При этом внезапное наступление на рассвете или незаметный захват населенного пункта в темноте. Повторный удар провести спустя 2–3 дня».^[181]

Командир 2-го армейского корпуса в секретном приказе 1540/441 от 23 ноября 1941 года дает такую установку: «Русских следует бить их же оружием».^[182]

Для борьбы с партизанскими формированиями, кроме своих войск, гитлеровцы использовали войска союзников и полицейские батальоны из предателей и изменников Родины. Так, в Старо—Дубском районе Смоленской области против партизан действовал отряд из 30 процентов мадьяр, 30 процентов румын, 30 процентов русских, 10 процентов чехов.^[183] Причем при наступлении на партизан немецкие части, как правило, шли последними, пропуская вперед союзников, впереди которых шла полиция из местного населения.^[184]

В начальный период войны гитлеровцы вели разведку армейскими частями, а в ближнем тылу частями СС, дивизиями охраны тыла и полицейскими батальонами. В дальнейшем для разведки партизанских формирований немцы стали формировать разведгруппы от двух до четырех человек до взвода. Кроме наземной, фашисты вели авиаразведку, а также добывали сведения путем захвата документов. Особенно стремились

захватить списки партизан и советских работников.^[185]

Подобные попытки были особенно эффективны в начале войны. Так, например, 14 июля 1941 года в самолете, совершившем вынужденную посадку, было захвачено донесение начальника Управления политической пропаганды Северо—Западного фронта бригадного комиссара Рябчего на имя заместителя наркома обороны Л. З. Мехлиса. В донесении сообщалось о численности, организации, районах действия, задачах, вооружении и кадрах партизанских отрядов в районе Северо—Западного фронта. Документ был доставлен в главную ставку германского командования и на другой же день разослан в штабы соединений.^[186]

Обращает на себя внимание то недопустимое обстоятельство, что донесение бригадного комиссара либо не было зашифровано, либо очень быстро поддавалось расшифровке.

В связи с захватом этого документа Германское Верховное командование издало приказ, приравнивающий партизан к вооруженным бандитам и предписывающий их беспощадное и поголовное уничтожение.

В руки германской разведки попала также инструкция для партизанских групп, которая была переведена на немецкий язык. По мнению аналитиков Разведупра, она была использована при разработке «Наставления по борьбе с партизанами».^[187]

Оккупантам удавалось захватывать секретные документы и благодаря оплошности отдельных партизанских отрядов. Так, 23 ноября 1941 года штаб 123–й немецкой пехотной дивизии разослал список бойцов отряда и памятку, разработанную комиссаром партизанского отряда. Оба документа были найдены в седле лошади, которая без чьего—либо присмотра паслась на лугу.^[188]

Одним из источников информации, получаемой германской разведкой, были допросы пленных, при которых гитлеровцы не гнушались никакими способами, чтобы выбить показания от пленных красноармейцев, партизан и гражданских лиц. Давались прямые указания избивать допрашиваемых, угрожать им смертью, для того чтобы те сообщили нужные сведения.^[189] Так, в директиве штаба 256–й немецкой пехотной дивизии от 5 августа 1941 года указывалось: «Опыт показывает, что арестованные только тогда дают показания, когда к ним применяется принуждение или угроза смертью. Мягкость не должна иметь место».^[190]

Германским командованием был также издан приказ, чтобы расстреливать пленных партизан только после того, как получают от них нужные сведения.^[191]

С этой целью оккупанты активно использовали внутрикамерную разработку. Приказ по 25-й мотопехотной дивизии от 8 ноября 1941 года гласил: «Подслушивать арестованных нужно с помощью переводчиков и посаженных к ним русских, склонных к предательству. Это может привести к настоящим открытиям относительно партизан».^[192]

Осуществляя борьбу с партизанским движением, фашисты активно использовали агентуру, насаждая своих негласных помощников в партизанских отрядах и среди местного населения.^[193] Как только немецкие войска занимали тот или другой населенный пункт, гестаповцы сразу же приступали к вербовке населения. Пускали в ход все, начиная с хорошего обращения и кончая пытками, вплоть до расстрела, заставляя жителей давать подписку в том, что обязуются служить им верой и правдой и работать по их заданиям.

Начальник тылового района Северного фронта в директиве № 1198/41 от 14 сентября приказывал: «Создать широкую сеть секретных агентов, хорошо инструктированных и знающих ближайшие пункты явки. Создание этой организации является совместной задачей дивизий охраны тыла и тайной полевой полиции».^[194]

Комендатурам на местах, согласно распоряжению верховного командования, вменялось в обязанность создавать информационную сеть агентов и доверенных лиц из местного населения.^[195] В местах наиболее активной деятельности партизан агентурная сеть соответственно увеличивалась.

Для усиления борьбы с партизанским движением и советской разведкой на Украине, в Белоруссии, Крыму и республиках Прибалтики наряду с управлениями полиции безопасности и СД в марте 1942 года был создан специальный орган — Зондерштаб Р (Особый штаб «Россия»). Он организовывал работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности, партийной прослойки, по совершению террористических актов над их командно—политическим составом.^[196]

На борьбу с партизанами были мобилизованы все карательные органы Германии, но наиболее широко в этих целях использовалось гестапо.

Существует точка зрения, что этой организации фашистов на оккупированных территориях СССР не существовало.^[197] Подобные взгляды нашли отражение, в частности, в книге Т. Гладкова и Ю. Калиниченко «Людиново — воздание и возмездие». Цитирую: «... непосредственно в компетенцию гестапо — «тайной государственной полиции» — «гехаймстатсполицай» — входила лишь территория самой

Германии, а также Западной Польши, что была включена в состав Третьего рейха, и оккупированной части Франции. Функции же этого зловещего учреждения на оккупированной территории СССР выполняли органы СД — «службы безопасности» СС — «зихерхайтдинст», а в прифронтовой полосе — ГФП, этот военный аналог гестапо».

Возможно, что вышеуказанные авторы и правы, однако в документах, и в частности, в документах ГРУ и НКВД, в отношении спецслужбы, ведущей борьбу против советских партизан, применяется именно термин гестапо.

В функции гестапо входили борьба с саботажем, диверсиями, партизанским движением, розыск разведчиков Красной Армии, выявление коммунистов, комсомольцев, сотрудников НКВД, а также проведение карательных экспедиций.^[198]

В задачи агентов гестапо входили разведка местонахождения, численного состава и вооружения партизанских отрядов, организация провокационной работы, террористических актов против командного состава, работа по разложению партизанских формирований.^[199]

При вербовке немцы использовали методы ареста, запугивания, подкупа, заигрывания, заложничества.^[200]

«Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало вербовать агентуру преимущественно из числа граждан окраинных республик или лиц, семьи которых пострадали от советской власти.^[201] Это было вполне целесообразно, так как под окраиной гитлеровцы подразумевали земли Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, часть жителей которых не приняли советскую власть. Зная о масштабах репрессий, проводимых в СССР в тридцатых годах, фашисты рассчитывали на поддержку огромной массы пострадавшего населения и их родственников. Следует отметить, что не все попавшие в мясорубку сталинских репрессий пошли служить оккупантам. Однако таковых было немало.

Для того чтобы выявить деятельность подпольных организаций и партизанских отрядов, затруднить их работу, гестапо стремилось всеми мерами внедрить в них своих агентов, что производилось разными способами — либо путем перевербовки нелегального работника или партизана, либо путем подсылки своего агента в партизанский отряд. Пытались использовать выявленных, попавших в плен неустойчивых партизан.

Разведчиков партизанских отрядов, попавших в плен, а также представителей местного населения шантажировали тем, что их семьи

будут арестованы и расстреляны, если они откажутся сотрудничать с гестапо. Так, после ареста Антонины Круковской, жительницы г. Орджоникидзеграда Брянской области, ей было предложено стать разведчицей гестапо, иначе ее обещали расстрелять, причем вместе с матерью и родным братом..^[202]

Гитлеровцы не жалели средств на разведывательную работу и очень часто просто покупали местное население, особенно молодых девушек, пользуясь тяжелыми материальными условиями. Покупали за деньги, одежду, пропитание, а иногда за пудру и одеколон.^[203] Стоит отметить, что агентура, как со стороны фашистских спецслужб, так и со стороны партизан, в большинстве своем состояла из женщин, поскольку они составляли большинство населения на оккупированной территории. Да это и понятно. Практически все мужское население было либо в действующей Красной Армии, либо в партизанах, либо служило в гитлеровской полиции.

В секретном приказе 26-й пехотной дивизии № 575/41 от 11 сентября 1941 года отмечено: «Денежная оплата за содействие в борьбе с партизанами может даваться как за участие в борьбе с партизанами, так и за основательные сообщения о них».^[204] Разрешалось оплачивать доносы, которые способствовали поимке советских командиров, парашютистов, руководителей партизан и комиссаров. В 1941 году плата за донос составляла до 100 рублей. За укрытие вышеперечисленных лиц назначалась смертная казнь.^[205]

Помимо денежной оплаты, целый ряд немецких приказов предусматривает вознаграждение агентуры продовольствием, спиртом и табаком.

В среде военнопленных для кандидатов на вербовку немцы создавали особые, благоприятные условия. В трофейных документах этот метод вербовки немцы называют «заигрыванием». Военнопленных Красной Армии, вставших на путь измены Родине, фашисты дополнительно подкармливали, ограждали от физических работ и т. д.

Метод заложничества во время вербовки агентуры из местного населения, пожалуй, был наиболее эффективен (как и метод ареста и запугивания). В 1942 году в одном из поселков Журинского сельсовета Смоленской области гестаповцы арестовали жителя этой местности Петрова и его восемнадцатилетнюю дочь. Петрова заставили разведать количество и вооружение местных партизан, а дочь оставили у себя, сказав, что расстреляют ее, если тот не выполнит задание.^[206]

Оккупанты широко применяли засылку агентов для разложения

партизанских отрядов изнутри, для убийства командного состава или его дискредитации, для разведки расположения и вооружения отрядов, системы охранения и т. д.

Некоторые партизанские отряды были действительно морально неустойчивы, о чем фашисты через свою агентуру прекрасно знали. Командиры и бойцы этих партизанских соединений позволяли себе преступные излишества и злоупотребления своим положением. Об этом свидетельствуют различные оперативные документы Великой Отечественной войны.

Гестапо, хорошо осведомленное о нравах, существовавших в некоторых партизанских отрядах, активно вербовало молодых и красивых женщин для засылки их в штабы партизанских формирований. Внедренные таким образом смазливые изменницы Родины становились так называемыми ППЖ (походными партизанскими женами) руководителей отрядов, занимались шпионажем, а порой совершали террористические акты в отношении командования партизан.

Так, выявленные агенты немецкой разведки Калашникова и Телятникова были внедрены в Ворошиловский отряд (подчиненный штабу партизанского движения Брянского фронта) и, войдя в доверие бывшего комбата Надежкина и его начальника штаба Муравьева, стали их ППЖ. Надежкин, несмотря на предупреждение из оперативно—чекистского отдела о неблагонадежности этих женщин, устроил их на работу в штаб, где они продолжали заниматься шпионской деятельностью вплоть до их ареста.^[207]

Гестапо не стеснялось привлекать к сотрудничеству и несовершеннолетних. Так, в феврале 1942 года в партизанский отряд под командованием чекиста И. И. Копенкина, действовавший в Миргородском районе Полтавской области, по заданию гестапо проникла группа разведчиков с задачей информировать немцев о расположении отряда, его боевом и численном составе. Все завербованные были в возрасте от 14 до 19 лет и имели на руках справки на немецком языке об освобождении из—под стражи. Все они были разоблачены и расстреляны.^[208]

Фашисты засылали в партизанские отряды и откровенных провокаторов. В июле 1942 года в партизанский отряд, действующий в районах Демидов — Пречистое — Велиж, проникли два агента гестапо, организовавшие грабеж населения и склонявшие на это других партизан. В результате население перестало оказывать материальную помощь партизанам. Гитлеровцы умело использовали провокацию и стали активно

вовлекать население в полицию с целью «охраны» своего имущества от партизан.^[209]

Помимо этого, оккупанты создавали из уголовников, предателей и изменников Родины, а также лиц, привезенных из Германии (эмигрантов— белогвардейцев и их детей), так называемые лжепартизанские отряды. Они вооружали эти отряды, посылали их в леса и даже позволяли им время от времени делать «налеты» на полицейских, для завоевания авторитета у партизанских отрядов и местных жителей.^[210]

Подобные отряды по заданию немцев связывались с местными партизанскими формированиями, именовали себя партизанами, даже иногда ходили вместе с партизанскими отрядами для операций и при первой же возможности сдавали их полицейским или карателям, чтобы ликвидировать настоящих партизан. Одновременно через «лжепартизан» немцы пытались скомпрометировать партизанское движение перед местным населением.

Для разложения партизанских отрядов гитлеровцы направляли своих агентов, которые распускали лживые, панические слухи о Красной Армии, о положении на фронтах, сеяли среди партизан неверие в победу над фашизмом и т. д.

Еще одним важным направлением борьбы с партизанским движением была пропаганда. В «Наставлении по борьбе с партизанами» четко сказано: «Пропаганда является важным оружием в борьбе против партизан, тем более что местное население давно не имеет информации и не может ничего противопоставить подпольной пропаганде партизан».^[211]

Во—первых, германское командование давало прямую установку использовать плохую осведомленность населения оккупированных районов о ходе боевых действий и положении на фронтах Великой Отечественной войны.

Во—вторых, гитлеровцы стремились дискредитировать и оклеветать партизанское движение, запугать население и заставить его прекратить оказывать помощь партизанам. Помимо распространения листовок и плакатов на эту тему, гитлеровским офицерам поручалось лично выступать перед населением с речами.^[212] Это делалось, видимо, потому, что, по мнению оккупантов, русское население, особенно сельское, как правило, не верило тому, что написано на бумаге. До него скорее доходило то, что выяснялось при разговоре.^[213]

Немецкие листовки всячески подчеркивали, что партизаны наносят больше вреда местному населению, чем немецким войскам. Оккупанты

пугали население голодом, в связи с уничтожением партизанами продовольственных запасов, которые не могли быть вывезены при отходе Красной Армии. Фашисты стремились доказать безуспешность и безнадежность партизанской войны. Они утверждали, что партизанам не удалось ни одного раза нанести существенный вред немецкой армии.^[214]

Отчасти немцы были правы. Действительно, как уже говорилось, в первый год Великой Отечественной войны партизанское движение было неорганизованным, не располагало необходимым количеством профессионально подготовленных людей, а главное, опытом партизанской войны. Помимо этого, снабжение боеприпасами с Большой земли было недостаточным.

Гитлеровцы пытались убеждать местных жителей, что партизаны — это бандиты. Редко, но бывало и так, что некоторые партизанские командиры совершали действия, которые давали повод противнику дискредитировать не только их, но и все партизанское движение. Так, 12 июня 1943 года партизанскими отрядами под руководством командира 10-й бригады Калининского штаба партизанского движения Вараксова, были сожжены деревни Столбово и Козлово. Как свидетельствуют документы, «сгорел скот, хлеб, сельскохозяйственный инвентарь. Обгорело около 20 крестьян. Поджог производился в 1 час ночи, когда население деревень спало. Сонные крестьяне выскакивали из окон, выбрасывали личные вещи, а партизаны подбирали и присваивали их себе».^[215] Гитлеровцы развернули активную пропаганду о «бандитах—поджигателях».

Однако при проверке этого факта комиссией Калининского штаба партизанского движения было установлено, что в этих селах стояли немецкие гарнизоны, на которые партизаны совершили налет. В ходе боя с фашистами действительно пострадали мирные жители, но партизаны затем оказали им помощь.^[216]

В—третьих, играя на собственнических инстинктах, фашисты пытались опорочить колхозную систему. В случае покорности и послушания оккупанты обещали наделить крестьян частновладельческими земельными участками.

Таким образом, на оккупированной территории СССР развернулась жесткая «борьба за умы». Партизаны, как могли, противостояли пропаганде нацистов. Только в соединении Героя Советского Союза М. С. Прудникова работало две типографии по выпуску агитационной литературы.

Еще одним направлением борьбы с партизанским движением была попытка изолировать от него местное население и ограничить его людские

ресурсы.

Иногда фашисты проводили превентивные меры по отношению к жителям оккупированных районов, которые могли стать потенциальными партизанами. Так, например, мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, способных носить оружие, арестовывали и отправляли в качестве военнопленных в пункты сбора.^[217]

Немецкое командование, не имея достаточных резервов для борьбы с партизанами, в июле 1942 года приступило к насильственной мобилизации мужчин в возрасте от 20 до 35 лет в карательные отряды. У каждого мобилизованного отбиралась подписка, что в случае невыполнения требований немецкого командования в борьбе против партизан их семьи подлежат расстрелу.

Нацисты не стеснялись применять по отношению к партизанам самые коварные методы. В 1943 году в Навлинском районе Орловской области фашисты выгнали жителей окрестных деревень в лес, предварительно заразив некоторых из них тифом. Ни медикаментов, ни питания, ни сменной одежды люди не имели.^[218]

Еще одним средством воздействия на население была система заложничества и применение репрессий.

В случае убийства немецкого солдата или офицера гитлеровцы жестоко расправлялись с населением. Так, 14 июня 1942 года на берегу р. Осуга в Калининской области были обнаружены трупы двух убитых немцев. В этот же день были арестованы местные жители, из четырех деревень взяли по трое мужчин. Всех арестованных направили в жандармерию и посадили в амбар. Трех фашисты повесили. Остальных освободили и заставили идти смотреть на казнь.^[219]

Фактически казненные к убийству причастности не имели. Как стало известно после, немецких солдат убили партизаны.

Решив покончить с партизанским движением, немецкие власти некоторых оккупированных районов ходатайствовали перед верховным германским главнокомандованием о разрешении переселить все население из лесных районов в степные или же о разрешении сжечь все населенные пункты вместе с жителями.^[220]

Следует отметить, оккупанты признавали, что, убивая невинных граждан (якобы за связь с партизанами), они этим только усиливают партизанское движение, невольно пополняя его ряды.^[221] Однако предпринимаемые меры не давали должного эффекта, партизанское движение росло, и все большее место в борьбе с ним занимали охранные

мероприятия, различные формы чисто оборонительной тактики. В первую очередь это касалось транспортных коммуникаций.

Важнейшими объектами охраны у немцев являлись железные дороги и все, что связано с ними (станции, водокачки и т. д.).

Плотность охраны путей сообщения на временно оккупированной территории СССР колебалась от одного до десяти батальонов на 100 километров дорог. Расход больших сил и средств на их охрану, как признавали сами гитлеровцы, лишал их возможности проводить активные систематические операции против партизан.^[222]

Фашисты, не имея возможности охранять все дороги, даже важнейшие на всем протяжении, как правило, охраняли только те участки, где отмечалась концентрация партизан. Они устраивали засады и вводили ночное патрулирование участков железной дороги, для обнаружения мин часто использовали собак.^[223]

Хождение по железнодорожным путям и в радиусе 100 метров по обе стороны от них строго запрещалось. Переходы через железнодорожные пути разрешались только в установленных для этого местах. Кто нарушал это правило, расстреливался без предупреждения. Чтобы по ошибке местные жители не попали под пулю, немцы вывешивали предупредительные знаки на русском языке.^[224]

С целью затруднить партизанам подступы к железнодорожным путям, в лесной местности лес и кустарник вырубался. В степных районах оккупационные власти требовали скашивать посевы на 300 метров по обе стороны железной дороги.^[225]

За каждый железнодорожный участок или магистраль нес ответственность командир, которому были подчинены все введенные в действие на участке охранные части, включая бронепоезда.

Большое значение в охране важных объектов придавалось укрепленным опорным пунктам, которые размещались на вокзалах, станциях, разъездах, электростанциях, железнодорожных депо и т. д.

По инструкции все опорные пункты должны были строиться так, чтобы выдержать натиск противника при обороне. Стены опорных пунктов на высоту до двух метров защищали мешками с песком. В целях пожарной безопасности соломенные крыши разбирали и заменяли балками, между которыми засыпали землю. По возможности пункты маскировались. Зачастую опорный пункт включал в себя дзот и был огражден колючей проволокой.

В опорных пунктах всегда находилось боеприпасов вдвое, а то и втрое

больше положенного. Личный состав должен был при нападении биться до последнего человека. Сдача опорного пункта влекла за собой судебное следствие против его гарнизона.^[226]

Как правило, охрана опорных пунктов проводила разведку в радиусе нескольких километров от полотна железной дороги.

Но оборонительная тактика и охранные мероприятия не давали должного эффекта, что вынуждало оккупантов все чаще прибегать к активным боевым операциям.

Следует отметить, что боевые операции против партизан всецело зависели от разведывательных данных, в большей степени добытых агентурным путем. Гитлеровцы сами признавали это. Так, в «Особых указаниях по борьбе с партизанами» от 10 февраля 1942 года четко прописано: «Облавы на партизан без агентов или проводников почти всегда безрезультатны, поэтому их следует предпринимать только с использованием агентуры».^[227]

Результаты нашего исследования показали, что разоблачение агентуры противника в партизанских формированиях во многом зависело именно от профессионализма чекистов, обслуживающих тот или иной отряд. Так, в лекциях, читавшихся в мае 1942 года в высшей школе НКВД СССР, командир партизанского соединения, Герой Советского Союза Д. Н. Медведев приводил один интересный случай. В зоне действия его партизанского отряда были задержаны два человека. Когда привели их в штаб и расспросили, кто они, те ответили, что являются бойцами Красной Армии — попали в окружение, затем в плен, и из него бежали. Их разместили в разные подразделения, чтобы они не могли общаться, и дали понять, что им верят.

В тот же день спустя несколько часов один из них попросился к Медведеву и заявил, что является агентом гестапо и был завербован фашистами для розыска партизан. Затем он подробно рассказал, как обстояло дело. В гестапо с ним начали с хорошего обращения, потом стали угрожать и путем психологического воздействия добились его согласия пойти в район, где находятся партизаны, получить сведения о них и передать в гестапо. Когда Медведев спросил его о его напарнике, тот сказал, что он тоже завербован. При допросе второй долго отрицал, что пришел в отряд по заданию гестапо, но потом сознался.

Позже было установлено, что гитлеровцы применили весьма изощренный метод агентурной работы. Один был завербован для того, чтобы влиться и ничего никому не говорить, а другой должен был

внедриться, сознаться перед командованием партизанского отряда, что он завербован, выдать второго и таким образом закрепить свой авторитет.

Еще одним направлением борьбы гитлеровцев против партизан являлась подготовка высокопрофессиональной агентуры, обучавшейся в специальных учебных центрах.

На имя начальника ЦШПД П. К. Пономаренко неоднократно поступала информация о школах гестапо, где готовили агентуру для внедрения в партизанские соединения. Так, 2 июня 1943 года из Главного Управления контрразведки «СМЕРШ» поступили сведения, что в г. Вецаген (Вецати), в 18 километрах северо—западнее г. Риги, наряду с подготовкой агентов для подрывной деятельности в нашем тылу, существует так называемая группа «П» по подготовке агентов—провокаторов для борьбы с партизанским движением.^[228] Численность ее составляла 50–60 человек. После окончания обучения агенты—провокаторы группами по 4–5 человек и в одиночку посылались в районы действия партизанских отрядов с заданием под видом бежавших из плена или попавших в окружение военнослужащих Красной Армии внедриться в партизанские формирования.

В другой разведшколе, в г. Валга в Эстонии, летом 1942 года отдельно от остальных разведчиков проходила обучение так называемая группа танкистов в количестве 10 человек. Они были завербованы в лагере военнопленных из бывших танкистов Красной Армии. Наряду с общими знаниями, они изучали тактическое применение танков в борьбе с партизанами. После окончания школы «танкисты» были направлены на советских танках для борьбы с партизанами и для охраны немецких воинских колонн.^[229]

Для проведения террористических актов против командного состава партизанских отрядов немцы нередко засылали девушек, которые для убийства использовали яд.^[230]

Поучительный случай разоблачения отравителей приводит ветеран ОМСБОН НКВД СССР С. В. Иванов.^[231] «...После провала своей операции немцы решили нас отравить. За солидное вознаграждение к нам послали двух убийц. Они выдавали себя за советских людей, сбежавших из немецкой тюрьмы. Выглядело это правдоподобно: уж очень худые и заморенные были оба. Подкупив нас своей общительностью, они сумели втереться в доверие к партизанам. Однажды повариха... приготовила кружку соли и отошла ненадолго по хозяйским делам. Воспользовавшись этим, один из предателей всыпал в кружку яд. Когда она вернулась, ...

предложила им поесть... Узнав, что еда посолена, предатели вдруг отказались есть. Это насторожило повариху. Она нашла предлог, чтобы снова отойти от котла, и сообщила обо всем Кочубею.^[232] Тот приказал задержать обоих. Одного взяли сразу, другой успел покинуть лагерь, но и он далеко не ушел. Оба изменника были расстреляны».^[233]

Таким образом, изучение, оценка и учет оперативной обстановки, выработка рекомендаций по приспособлению к ней, форм и методов противодействия контрпартизанской стратегии и тактике противника были важными компонентами успехов и неудач деятельности органов госбезопасности СССР в тылу противника.

Противоборство гитлеровских спецслужб и органов НКВД — НКГБ СССР в зоне действий партизанских формирований проходило в жесткой, бескомпромиссной борьбе. Оперативная обстановка несомненно влияла на участие органов государственной безопасности в партизанском движении, определяла направления борьбы с оккупантами.

Глава 3

Разведывательно—диверсионная деятельность

Разведка превыше всего

Разведка в тылу противника, по сравнению с армейской разведкой, имела ряд существенных особенностей в силу специфики условий деятельности на оккупированной территории и ставившихся перед ней задач.

Одной из главных особенностей была теснейшая связь между войсковой и агентурной разведкой, вытекающая из основного условия борьбы на оккупированной территории, а именно: тесной связи партизан с населением, активная поддержка им партизанских отрядов.

Разведывательная деятельность органов госбезопасности на оккупированной территории состояла из целенаправленного и своевременного сбора, обработки и передачи соответствующим органам информации военного, политического и экономического характера.

В большинстве своем разведка велась с позиций партизанских формирований. Разведорганы партизанских сил включали в себя следующие составные части: разведаппарат, войсковую и агентурную разведку, связных, средства радиосвязи и авиасвязи.

Разведаппарат занимался постановкой задач перед разведчиками, обработкой, анализом и обобщением полученных от них сведений о враге и передачей их командованию партизанских сил или в штабы советских войск.

Однако главным в системе разведывательной деятельности было первичное получение сведений о противнике путем ведения непрерывной, массовой, всесторонней войсковой и агентурной разведки.

Войсковую разведку проводили разведывательные подразделения (отделения, взводы, роты и даже отряды), предназначенные для получения данных о враге путем захвата пленных, различных документов, образцов военной техники, а также посредством наблюдения и опроса местного населения.

Агентурная разведка велась с помощью агентов, которые внедрялись в различные органы, организации и учреждения противника, воинские формирования, на предприятия и транспорт.^[234] Непосредственную работу

с агентурой вели в большинстве своем сотрудники органов государственной безопасности.

Как правило, данные агентурной и войсковой разведки дополняли друг друга и позволяли перепроверять их. С помощью связных, средств радио — и авиасвязи можно было быстро передавать полученные сведения и ставить новые задачи перед разведчиками.

Партизанам и их разведке приходилось ежедневно бороться с многочисленными разведывательными, контрразведывательными и карательными органами противника, которые были хорошо оснащены и укомплектованы, имели большой опыт, опирались на развитую сеть гарнизонов, применяли любые, часто самые бесчеловечные средства для достижения своей цели.

Разведка партизан имела ряд существенных недостатков в своей деятельности. Она работала главным образом в интересах обеспечения боевых действий партизанских сил. Подавляющее большинство разведорганов еще недостаточно вело разведку для нужд Красной Армии. В частности, ЦШПД отмечал, что белорусские партизаны успешно выясняли дислокацию войск противника, однако их численность давали сугубо ориентировочно, а установлением нумерации частей почти не занимались, вследствие чего их сведения в значительной степени обесценивались.

Центральным органом разведки партизанских сил был разведывательный отдел ЦШПД, который оказывал всестороннюю помощь республиканским и областным штабам партизанского движения. Заместители начальника разведотдела ЦШПД неоднократно выезжали в республиканские штабы, в том числе дважды в БШПД — в сентябре и в ноябре 1943 года — для практической помощи в организации и руководстве разведкой партизан. Было проведено в ЦШПД пятидневное совещание—инструктаж всех начальников разведывательных отделов подчиненных штабов по вопросам улучшения деятельности разведки, заслушаны доклады о проделанной работе, детально обсуждена деятельность в области проведения разведки подчиненными им партизанскими формированиями и коллективно выработаны основные направления по разведывательной работе на будущее.^[235]

Разведотделы штабов партизанского движения по мере возможности проводили работу по обобщению опыта ведения партизанской разведки, выясняли ее сильные и слабые стороны, методы борьбы вражеской контрразведки и давали рекомендации на этой основе для улучшения деятельности партизанских разведорганов. С этой целью проводились

беседы с партизанами, в основном из районов, освобожденных Красной Армией, обрабатывались имеющиеся материалы боевых операций партизанских бригад и отрядов и детально разбирались отчеты соединившихся с Красной Армией партизанских формирований.

Разведотделы штабов партизанского движения располагали многочисленными источниками обширной развединформации. Это были: радиограммы партизанских соединений бригад и отдельно действовавших отрядов; разведывательные сводки соединений и бригад; разведдонесения отрядов и отдельных разведчиков, которые передавались при помощи авиации и были нерегулярными; разведывательные сводки и отдельные донесения оперативных групп ШПД на фронтах; допрос пленных, вывезенных авиацией в советский тыл или переведенных партизанами через линию фронта; опрос руководящих партийных работников и партизанских командиров, вызванных из тыла противника. [\[236\]](#)

Главным разведывательно—информационным документом штабов партизанского движения являлись разведывательные сводки, в которых находили отражение все важные и проверенные поступившие сведения. Выпускались такие сводки регулярно, в 1943 году один раз в 4–5 дней, в 1944 году в связи с увеличением объема поступившей развединформации — один раз в 3 дня. [\[237\]](#)

Но разведотделы штабов партизанского движения, как правило, полностью не могли руководить разведывательной деятельностью партизан, обеспечивающей их повседневные боевые операции. Это объяснялось недостаточно развитой системой связи, сложностью и быстротой изменения боевой обстановки, которую только на месте могли определить со всей полнотой разведорганы партизанских сил. В основном разведотделы занимались вопросами разведки в помощь Красной Армии и улучшением организации разведорганов партизанских сил. [\[238\]](#)

Самой острой проблемой организации партизанской разведки был вопрос укомплектования кадрами разведаппарата бригад и отрядов. Так, только разведотдел Белорусского штаба партизанского движения определял общую потребность в руководящих кадрах разведчиков в две тысячи человек. Это означало, что в каждой партизанской бригаде и в каждом отряде должны были быть начальник оперативной разведки, командир войсковой разведки, руководитель особого отдела. Организационное построение первичных партизанских разведорганов в кадровом отношении сложилось следующим образом: в 10 областных разведорганах и в 213 партизанских бригадах успешно работали 271 человек, а в 1255

партизанских отрядах — 927 человек.^[239]

Как правило, в партизанском формировании организовывал разведку и руководил ею заместитель командира по разведке. Для осуществления постоянного руководства и направления разведдеятельности при заместителе командира по разведке создавался рабочий аппарат в количестве 2–7 человек, в зависимости от величины отряда. Заместителями командиров по разведке и их помощниками рекомендовалось назначать людей, имеющих опыт такой работы. Предпочтение отдавалось офицерам НКВД и ГРУ.^[240]

Для наиболее успешного выполнения партизанскими отрядами задач по разведке в каждом партизанском отряде рекомендовалось формировать отдельный усиленный взвод разведчиков из 30–50 человек, а также отделение наблюдателей из 10–12 человек. Руководство и оперативное использование взвода разведки и наблюдателей возлагалось на заместителя командира отряда по разведке.^[241]

Преодоление объективных трудностей привело к тому, что в каждом партизанском формировании для обеспечения разведывательной работы пришлось сосредоточить все функции в руках одного человека и, в зависимости от понимания им и командованием стоящих задач, акцент делался на ту или иную сторону этой работы. В некоторых партизанских бригадах были только начальники особых отделов и их уполномоченные в отрядах; в других — заместители командиров по оперативной или войсковой разведке; в третьих — начальники особых отделов, занимающиеся только агентурной разведкой, и заместители командиров, руководящие исключительно войсковой разведкой. Наибольшее распространение получила такая форма организации, когда командир взвода или роты войсковой разведки подчинялся начальнику штаба отряда или бригады, а заместитель командира по разведке занимался только агентурной разведкой.

Непосредственное руководство деятельностью разведаппарата партизанских бригад, полков и отрядов в масштабе областей осуществляли областные оперативно—разведывательные группы при подпольных обкомах. В зависимости от условий, в которых действовали партизанские силы в той или иной области, по—разному складывались и центральный областной разведорган и его организация. Например, в Белоруссии можно выделить три типа территориальных организаций областных разведорганов, различавшихся по структуре и количественному составу.

К первому типу относился Особый отдел Минского областного

партизанского соединения. Он состоял из 4 человек, каждый из которых руководил разведывательной работой в определенной зоне. Им подчинялись разведорганы 21 бригады. Главный упор делался на разведаппарат партизанских формирований, координацию их деятельности, повышение квалификации командиров разведки партизан. Возглавлял Особый отдел майор танковых войск С. С. Жуков. Его заместителем был А. М. Жуковский, до перехода в Особый отдел — комиссар партизанского отряда им. Гастелло. Остальные — П. Г. Мельников и Н. Х. Бондаренко являлись работниками органов государственной безопасности.^[242]

Ко второму типу следует отнести Особый отдел Могилевского областного партизанского соединения. Он состоял из 2 сотрудников органов государственной безопасности И. М. Стельмаха и И. А. Лебедева, заброшенных для организации партизанского движения еще в июле 1941 года. Они не делили область на зоны, а вместе или в одиночку контролировали и направляли работу разведки, сосредоточенной в военно—оперативных группах при подпольных райкомах партии. В их распоряжении была разведывательная группа из 10 человек для перепроверки полученных сведений и выполнения особо сложных задач. В ее состав входили 4 оперативных работника, 5 партизан—автоматчиков и медсестра.^[243]

К третьему типу можно отнести Особый отдел Белостокского областного партизанского соединения, созданного осенью 1943 года. Оно было относительно немногочисленным — всего 5 бригад. Разведывательная работа сосредоточивалась в Особом отделе соединения, который насчитывал 20 человек и возглавлялся сотрудником органов государственной безопасности И. А. Петриченко. В Особый отдел входило 4 чекиста, 8 офицеров Красной Армии, 8 представителей местного гражданского населения. Сосредоточение большинства разведсил в одном центре, как показала практика, позволило успешно решать сложные задачи, стоявшие перед Белостокским соединением.^[244]

Сравнивая эффективность разведорганов трех типов, следует отметить, что все они были действенны в конкретных условиях партизанской борьбы.

Одним из важных направлений в организации разведки партизан и повышении ее эффективности явилось совершенствование и распространение системы планирования, что позволило разведорганам проводить работу более целеустремленно, углублять и расширять свою деятельность.

План разведотдела включал в себя следующие задачи: непрерывно вести разведку основных железнодорожных и шоссейных коммуникаций с целью установления наличия войск противника, их силу, состав и нумерацию, количество и характер производимых перевозок, местонахождение важных военных объектов, линий оборонительных укреплений и их характер; осуществлять подготовку необходимого количества разведчиков для вновь формируемых партизанских отрядов и групп; создавать новые резидентуры. ^[245]

Имелись и недостатки в планировании разведывательной работы. Например, в докладе «О состоянии разведывательной службы в объединенных партизанских бригадах т. Емлютина на 25.12.42 г.» указывалось на отсутствие единого руководства, планирования разведывательной работы и стихийность руководства разведкой со стороны заместителей командиров партизанских бригад. ^[246]

Проведение совещаний, семинаров, инструктажей работников разведаппарата и руководителей партизанских сил оказали определенное положительное влияние на деятельность всех партизанских разведорганов, позволили уменьшить число ошибок, улучшить качество развединформации о враге.

Необходимым условием успешной разведывательной деятельности партизан было наличие развитой и устойчивой системы связи, которая должна была обеспечить быструю и полную доставку полученной и обработанной информации. Для передачи разведывательных данных партизан широко использовались радиосвязь и авиация.

По данным ЦШПД, только в партизанских формированиях Белоруссии к 1 января 1944 года действовало 123 радиостанции. Однако интересы получения максимального количества сведений для нужд советских войск диктовали необходимость резкого увеличения числа радиостанций в тылу врага. Поэтому шла их интенсивная заброска вместе с радистами. К июню 1944 года число радиостанций в республике возросло до 188. ^[247]

Широкое применение радиосвязи позволило значительно ускорить и повысить надежность передачи разведданных о противнике за линию фронта. О большом значении переданных партизанской разведкой сведений для штабов советских войск писал генерал—майор И. Н. Артемьев, в годы войны начальник отдела связи ЦШПД: «...они имели возможность связаться с любым отрядом, обеспечивали Военный Совет точной информацией о положении в тылу врага в полосе наступления армии. Эта информация использовалась при разработке и проведении армейской

наступательной операции».^[248]

Однако связь через рации проходила со значительными трудностями ввиду плохой слышимости абонента. Сложности были и с питанием для раций. Небрежно спрятанные радистами в земле батареи зачастую выходили из строя, в результате разведорганы партизанских отрядов попадали в довольно затруднительное положение.^[249]

Значительную часть добытых документов врага, отчетов и донесений сотрудников партизанского разведаппарата, десятки наиболее ценных пленных отправляли на Большую землю с аэродромов, расположенных в партизанских зонах. Для выброски грузов и людей использовались также площадки, на которые высаживались подготовленные штабами партизанского движения разведчики и разведгруппы, доставлялись инструкции по ведению разведки и ряд письменных заданий.

Войсковую разведку вели партизанские силы — отдельно действующие отряды; отряды, входящие в состав бригад; штабы бригад, зональных и областных соединений. Партизанское командование не жалело ни сил, ни средств, ни времени для оптимальной постановки войсковой разведки.

Вся войсковая разведка сосредоточивалась во взводах при отрядах, а штаб бригады ограничивался только раздачей заданий и обработкой поступивших материалов. В бригаде создавался специальный разведывательный отряд, который обеспечивал информацией штаб бригады и все отряды. При отрядах были отделения, а при штабах бригад — хорошо вооруженные роты, которые взаимно дополняли друг друга. При штабе бригады была небольшая разведывательная группа, а в отрядах — взводы войсковой разведки, что давало возможность штабу бригады контролировать и перепроверять сведения, полученные из отрядов, и выполнять отдельные специальные задания по разведке.

В зависимости от конкретной боевой обстановки даже внутри одного партизанского соединения могли существовать одновременно несколько типов организации войсковой разведки, хотя необходимо отметить ряд общих черт, характерных почти для всех партизанских сил. Это — обязательное наличие при областных и зональных штабах партизанских соединений нескольких разведывательных взводов, используемых только по указаниям областных разведорганов. Отряды вели ближнюю (15–20 км) войсковую разведку, а подразделения войсковой разведки штабов бригад — дальнюю (50–100 км). Наблюдалась тенденция к росту численности и количества подразделений войсковой разведки. Отделения в отрядах

превращались во взводы, взводы в бригадах — в роты или даже в отряды. [250]

В войсковую разведку, как правило, подбирались люди смелые, решительные, хорошо знавшие местность и имевшие в зоне действия партизанского формирования родственные или дружеские связи с местным гражданским населением. Не случайно в войсковой разведке, являющейся частью партизанских сил, на территории БССР, белорусы составляли 71,2 процента. Данные принципы подбора позволяли войсковой разведке партизан быть гибкой, хорошо осведомленной, выдерживать большие нагрузки.

В зависимости от объектов боевого воздействия партизанских сил менялись и задачи войсковой разведки. При подготовке разгрома фашистского гарнизона она готовила данные об его численном составе, вооружении, системе обороны, охране гарнизона (места расположения постов и застав, караульного помещения); о системе связи и транспортных коммуникаций гарнизонов противника с окружающими гарнизонами; проводила подбор мест для уничтожения проводной связи и выведения из строя радиоузла; определяла расположение групп прикрытия и выгодные места подхода и отхода для ударных групп; вела вербовку солдат и офицеров гарнизона через связных, путем личных встреч и распространения советской литературы, чтобы значительно ослабить оборонную мощь гарнизона.

При движении частей противника к партизанской зоне войсковая разведка узнавала направление движения гитлеровцев, их численность, вооружение и цель и немедленно докладывала об этом командованию партизанской бригады или отдельно действующего отряда; затем она заходила с головы колонны фашистов и открывала неожиданный и организованный огонь, чтобы задержать или уменьшить скорость передвижения противника — эта операция производилась несколько раз до подхода основных сил партизан.

При планировании диверсий на железных и автогужевых дорогах войсковая разведка выясняла численный состав, вооружение и системы обороны сил охраны намеченных к диверсиям объектов; места и способы патрулирования по транспортным магистралям; наилучшие места подхода и отхода диверсионных групп к объекту; график передвижения эшелонов, автоколонн, обозов, пеших колонн.

На случай блокировки партизанской зоны войсковая разведка давала сведения о силе оккупантов, проходила в тыл карателей и вела постоянный контроль дорог и деревень, чтобы выяснить возможность подхода

подкреплений и концентрацию врага на том или ином участке обороны партизанских формирований, минировала дороги, нападала на штабы.

Однако не всегда штабами отрядов этому виду разведки уделялось достаточно внимания. Часто не осуществлялся основной принцип разведки — непрерывность.^[251] Штабы отрядов пренебрежительно относились к организации наблюдения за противником.

С укрупнением партизанских соединений, появлением бригад ведение войсковой разведки значительно улучшилось. Каждая бригада имела определенные полосы и ответственные направления для ведения войсковой разведки, поэтому развединформация представлялась в высшие органы гораздо организованнее.^[252]

Но одна войсковая разведка не могла обеспечить выполнение всего комплекса больших и сложных разведывательных задач, стоящих перед партизанами. Крайне необходима была агентурная разведка, которая могла в определенной степени удовлетворить запросы командования советских войск и получить информацию о силах противника против партизан и поддерживающего их населения, дополняя таким образом данные войсковой разведки. Этот вид партизанской разведки был более сложен и труден, так как партизанским агентам приходилось почти всегда работать на контролируемой гитлеровцами территории, часто под личиной изменника Родины, от которого отворачивались все честные люди. За агентами в первую очередь охотились различные фашистские, разведывательные, контрразведывательные и карательные службы, понимая большую ценность передаваемой информации.

Именно органы государственной безопасности могли в полной мере помочь партизанским формированиям кадрами — специалистами, имеющими опыт работы с агентурой.

Учитывая все трудности, связанные с активным противодействием оккупантов, относительно небольшой подготовкой своих разведчиков, разнообразием поставленных задач, агентурная разведка партизан могла успешно функционировать лишь при наличии широкой агентурной сети на оккупированной территории.

С введением при каждой партизанской бригаде должностей заместителей командиров по разведке, созданием разведывательных отделений при штабах бригад был положен конец существовавшей неразберихе в организации и руководстве агентурной разведкой.^[253]

Основой для улучшения ведения агентурной разведки явился приказ № 00189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения»,

подписанный И. В. Сталиным. Он дал точные указания о создании партизанами в тылу противника мощной агентурной разведки, внедрении ее во все органы фашистского управления, созданного ими на оккупированной территории, а также насаждении агентуры на всех предприятиях и коммуникациях противника.^[254]

19 апреля 1943 года И. В. Сталин отдал приказ «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах», в котором требовалось коренным образом усилить разведку в интересах Красной Армии. На должности заместителей командиров партизанских формирований по разведке должны были назначаться квалифицированные специалисты, прошедшие курс обучения в советском тылу. Предписывалось привлекать к партизанской разведке специалистов, имевших опыт работы с агентурой. Большое внимание уделялось совершенствованию агентурной разведки. В связи с тем, что в городах находилась основная масса штабов вражеских войск, в приказе ставилась задача внедрить агентуру партизан во все без исключения населенные пункты, распространить ее на всю захваченную врагом территорию.^[255]

Далее рекомендовались способы партизанской разведки: тщательный отбор людей, которые могли вести скрытную разведывательную работу, посылка их в местные учреждения, созданные фашистами, на заводы, железнодорожные станции, узлы связи, аэродромы и склады, в разведывательные и контрразведывательные органы захватчиков и их школы, а также во все другие управления, обслуживающие вермахт или оккупационную администрацию; установление непрерывного наблюдения специально выделенными партизанами в наиболее удобных местах для выявления передвижения войск и техники; насаждение разведывательной сети среди железнодорожных рабочих для более точного учета перевозок; захват пленных у гарнизонов, железнодорожных станций, на шоссе и дорогах и тщательный их допрос с целью установления номера части, ее вооружения и направления движения; внимательное отношение к разговорам вражеских солдат и офицеров. Указывалось, что партизанские отряды и бригады должны всюду стремиться иметь своих разведчиков, причем не только там, где это легче осуществить.

Выполняя этот приказ, разведорганы партизанских формирований значительно усилили свою деятельность. Только в Белоруссии с апреля 1943 до мая 1944 года численность агентов партизанских формирований выросла с 2 до 18 тысяч человек.^[256]

Значительное внимание в данном документе уделялось вопросам прав

и обязанностей заместителя командира партизанского отряда или бригады по разведке, являвшихся основным звеном партизанского разведаппарата. Отмечалось, что заместитель командира по разведке должен вести всю практическую работу с разведчиками, систематически совершенствовать способы разведки, заботиться о непрерывном расширении разведывательной работы и своевременном представлении информации в вышестоящие штабы. Эти должности должны были занимать люди, имевшие опыт разведывательной работы и прочные связи с местным населением. Обязательные условия при их подборе — тщательная проверка деловых и личных качеств, надежности, безусловной преданности Коммунистической партии. Заместитель командира по разведке обязан был подчиняться только руководящим органам партизанского движения, всю разведывательную работу вести самостоятельно и полученные сведения сообщать только по линии связи штабов партизанского движения. Обращалось внимание на необходимость безусловного и всемерного сотрудничества разведорганов партизан со спецгруппами госбезопасности и военной разведки.^[257]

Курирующий разведку заместитель начальника ЦШПД майор госбезопасности С. С. Бельченко с первых месяцев работы на этом посту самым серьезным образом взялся за повышение уровня и совершенствования агентурной разведки партизан.^[258]

Для оказания практической помощи партизанским отрядам и бригадам по созданию мощной агентурной разведки, налаживанию учета агентуры, разработке системы связи с ней и проведению продуманных комбинаций при непосредственном участии С. С. Бельченко в июле 1943 года был составлен план работы разведотдела.^[259]

Данный план требовал введения централизованного учета агентуры с составлением всех необходимых для этого документов.

Вербовка должна была оформляться с определенными формальностями. Вводился строгий учет агентуры. Как правило, от агента отбиралась подписка. Она имела стандартную форму: «Я... добровольно обязуюсь работать по заданиям командования партизанского отряда, все задания выполнять честно и о своей работе и ее методах никому не разглашать. Знаю, что за умышленное разглашение своей деятельности, как за предательство, я буду отвечать по законам военного времени, в чем и расписываюсь».^[260]

Все документы по агентуре после их надлежащего оформления должны были отправляться в штабы партизанского движения. Ввиду

возможной утечки информации в отрядах запрещалось хранить подобные материалы. Только лично у заместителей командиров по разведке хранились закодированные списки агентуры.^[261]

Согласно инструктивным указаниям по оформлению и взятию на централизованный учет агентуры, дела на нее разведотделами штабов партизанского движения оформлялись в порядке последовательности.

В личном деле находились все документы, касающиеся агента, как то: материалы проверки и установочные данные с заполненной спецанкетой; рапорт с санкцией на вербовку; автобиография; подписка о работе в разведывательных органах (по инструкции должна отбираться в момент вербовки или несколько позже); справка оперработника о ходе вербовки с полным отражением в ней процесса вербовки; лист поощрений и наградений; характеристика выполненных поручений кандидата на вербовку.^[262]

В оперативном деле подшивались и хранились все приказы, распоряжения, схемы связей с агентом, его донесения и ценные сообщения, записанные оперработником. На донесениях и сообщениях делались отметки об использовании материала, а на приказах и распоряжениях агенту ставилась отметка об их исполнении.^[263]

Заполненные спецкарточки препровождались в разведотдел ЦШПД фельдсвязью. Пакет опечатывался тремя сургучовыми печатями, но не прошивался. Разведотдел по получении заполненных на агентов спецкарточек брал агентуру на централизованный учет и высылал в разведотдел штаба, приславшего карточки, обложки дел с присвоенным номером на каждого агента.^[264]

Данные рекомендации доводились до всех руководителей партизанских формирований и их заместителей по разведке.

Следует отметить, что отношение к агентуре, в том числе и из вражеской среды, в 1943 году изменилось в лучшую сторону. Так, агентам, завербованным из числа лиц, находящихся на службе у оккупантов, выдавались удостоверения, в которых указывалось, что это лицо выполняло задания партизан. Это, по мнению оперативных работников, давало агентам уверенность в том, что после изгнания гитлеровцев они и их семьи не будут репрессированы советской властью.^[265]

Для успешного действия агентурной сети и обеспечения высокой продуктивности в ее работе требовалась тщательная конспирация. Для этого рекомендовалось придерживаться следующих правил: всю сеть агентуры должны знать только лица, допущенные к работе с ней;

вербующий должен знать только тех агентов, которых завербовал лично сам; агенты не должны знать друг друга; личный состав партизанского отряда, в том числе и командный, не должен знать задач агентов—маршрутников и их маршрутов; связь с агентурой осуществлять строго конспиративно; материалы, касающиеся работы с агентурой, хранить в тайне, а при необходимости сжигать. [\[266\]](#)

Работающие представители органов государственной безопасности в ЦШПД оказывали всестороннюю помощь республиканским и областным штабам партизанского движения. Значительную роль в дальнейшем усилении работы разведывательных отделов местных штабов партизанского движения сыграли ряд критических замечаний руководства — заместителя начальника ЦШПД майора госбезопасности С. С. Бельченко руководителям БШПД П. З. Калинину и И. П. Ганенко. В директивных указаниях от 1 сентября и 31 октября 1943 года, адресованных им заместителем начальника ЦШПД, обращалось внимание на недостаточно высокий уровень ведения агентурной разведки, на то, что передаваемые сведения не всегда были достаточно точны и полны, на редкую еще практику перепроверки и уточнения данных войсковой разведки агентурной и содержались рекомендации по преодолению имеющихся недостатков. Руководство БШПД учло сделанные замечания и предложения. Например, уже 3 ноября 1943 года И. П. Ганенко дал распоряжение разведотдела БШПД составить и дать на рассмотрение и утверждение указание всем партизанским отрядам и бригадам о ведении разведки с учетом критики ЦШПД.

В партизанских отрядах заместителями командиров по разведке в большом количестве были представители органов государственной безопасности. Так, только в партизанских отрядах штаба партизанского движения Карельского фронта половина заместителей командиров по разведке являлись чекистами. [\[267\]](#)

Не менее важную роль в организации агентурной разведки партизан сыграли и оперативные группы органов государственной безопасности, забрасываемые в район действия партизанских формирований.

Многие опергруппы органов госбезопасности базировались в расположении партизанских бригад и отрядов, что давало им возможность при относительно небольшом численном составе успешно противостоять карательным экспедициям гитлеровцев, маскировать свою работу в общей разведывательной деятельности партизан, облегчало связь с разведчиками, работавшими на вражеских объектах. Например, опергруппа «Юрий»

НКГБ СССР дислоцировалась при 1-й Минской бригаде, спецгруппа «Кочубей» НКГБ БССР — при штабе Борисовского зонального соединения.

Такая тактика вполне себя оправдала. В Полоцком районе Витебской области спецгруппа под командованием А. И. Бабушкина, базировавшаяся при партизанской бригаде им. В. И. Ленина, сумела выявить, опираясь на помощь советских патриотов, 3 фашистские разведшколы, 4 карательных формирования, 12 заброшенных в советский тыл диверсантов.^[268]

Часто спецгруппы выполняли поручения подпольных обкомов партии. Например, в конце 1943 года опергруппа «Родные» по заданию Минского подпольного обкома партии добыла планы укреплений железнодорожной линии Минск — Барановичи и в районном центре Дзержинске. Эти планы она получила добровольно от одного инженера, руководителя проводимого гитлеровцами строительства оборонительных сооружений.^[269]

Чекисты широко привлекались подпольными партийными комитетами к организации разведки и контрразведки партизан. Так, в Брестской области по согласованию с подпольным обкомом партии командир опергруппы М. П. Хохлов стал начальником Особого отдела Южной партизанской зоны. Он активно вел разведку и получил много ценных данных о переброске войск врага и строительстве укреплений.^[270]

Необходимо заметить, что эффективность партизанской разведки напрямую зависела от ее планирования. Чекисты активно помогали партизанским формированиям в этой деятельности. Так, в плане информационно—разведывательного отдела Штаба партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта от 26 июля 1942 года, за подписью старшего майора госбезопасности Матвеева предписывалось «... подбор резидентов, осведомителей, связников произвести на месте через райкомы партии, районные отделения НКВД, одновременно с созданием в этих районах диверсионных групп и партизанских отрядов по плану оперативного отдела».^[271]

Для оказания практической помощи партизанским отрядам и бригадам по созданию мощной агентурной разведки, налаживанию учета агентуры, разработке системы связи с ней и проведению продуманных комбинаций при ЦШПД в июле 1943 года был составлен план работы разведотдела.

Обычно агентура партизан, работавшая у врага, была объединена в резидентуры во главе с резидентом. Только он знал всех агентов, входящих в резидентуру, которые по отдельности сообщали ему добытые сведения. Это повышало степень безопасности работы разведчиков. По данным Белорусского штаба партизанского движения, к лету 1944 года

насчитывалось до 2400 резидентур, то есть в среднем 7–8 агентов на одну резидентуру. Ряд агентов, если диктовали обстоятельства, работали в одиночку, переправляя данные при помощи заранее обусловленных тайников или через связных, встречавшихся с ними в строго определенное время.

Составной частью работы по формированию резидентур была подготовка агентов и связных. Агентурных разведчиков готовили при спецшколах штабов партизанского движения. Курс был краткий, всего 10 дней. Занимались по 10 часов. Читались такие дисциплины, как: спецподготовка — 50 часов, военная подготовка — 30 часов, политическая подготовка — 6 часов, санитарная — 4 часа.^[272] Основной задачей при этом была подготовка специалиста, готового самостоятельно выполнить поставленные перед ним задачи в сложной боевой обстановке, владеющего методами агентурной работы и конспирации, хорошо знающего агентурную обстановку на территории противника.

Поскольку мужчины активного возраста были либо призваны в армию, либо находились в партизанских отрядах, агентами были в основном женщины и подростки.

Важным звеном разведки партизанских формирований являлись связные. В их обязанности входило: передавать на Большую землю сведения и получать оттуда указания; связываться с разведывательно—диверсионными группами и подпольем в занятых противником районах; доставлять другим отрядам, бригадам и соединениям интересующие их разведматериалы.

Партизанский отряд, оставленный в определенном районе для действий в тылу противника, по мере сбора разведывательных данных высылал своих связных через линию фронта. Иногда эти связные, получив от командования регулярных частей новые задания, возвращались в отряды, чем закрепляли связь между партизанами и нашим тылом. Подобные моменты характерны для тех периодов и тех участков фронта, где линия фронта стабилизировалась на более или менее длительный отрезок времени и где возможно было перейти пешком.

Как правило, связники не получали информацию от агентов на встречах, а осуществляли безличную связь, при помощи почтовых ящиков. Почтовый ящик выбирался в таком месте, куда мог безопасно подойти как связник, так и агент. Это могло быть никем не посещаемое тайное место в виде развалин строений, дупла дерева и т. д. На связников возлагалась доставка агитационной литературы и взрывчатки для диверсий.^[273]

Таким образом, органы госбезопасности оказали огромную помощь в организации и совершенствовании партизанской разведки, особенно агентурной.

Противнику было трудно изучить разведывательные приемы советских партизан. Это видно из трофейного документа — «Особых распоряжений по борьбе с партизанским движением и шпионажем», изданного разведотделом главного командования армейской группы 12 июля 1942 года. Судя по нему, немцы не располагали какими—либо документами, четкими представлениями о нашей разведке, а свалили в общую кучу кое—как собранные данные, пользуясь в основном единственным источником — допросами провалившихся разведчиков либо откровенных предателей.^[274]

Нацистская контрразведка не сумела правильно оценить силу агентурной разведки партизан. Уже после окончания войны бывший начальник штаба «Валли-3» полковник Шмальшлегер писал, что в тылу гитлеровских войск действовало примерно 13 тысяч советских разведчиков (агентов). Он имел в виду всю временно оккупированную территорию СССР и причислял к ним разведку партизан и подполье. Однако в одной лишь Белоруссии действовало в два с лишним раза больше только агентов, работающих в пользу партизанских отрядов. Это доказывает массовость агентурной сети, довольно высокий уровень ее организации и конспирации. При оценке эффективности разведки партизанских формирований фашистский контрразведчик вынужден был признать, что доля разведывательных данных, сообщенных партизанами с весны 1943—го до лета 1944 года, составляла более 80 процентов.^[275]

Эшелоны летят под откос

В годы Великой Отечественной войны одной из главных задач партизанской борьбы было нарушение работы транспорта противника, что выражалось в разрушении искусственных сооружений, путей и путевых обустройств, станций, пристаней, крушении поездов, подрывах автомашин и судов.

В диверсионной работе чекистские органы руководствовались указаниями Коммунистической партии о борьбе с оккупантами в тылу противника и директивами НКГБ — НКВД СССР о ведении зафронтовой работы. Первым из таких распоряжений стала директива НКГБ СССР № 158 от 1 июля 1941 года. Она поставила конкретную задачу — приступить к диверсионно—террористической и разведывательной работе

в тылу врага. Но наиболее важным документом партии по этим вопросам явилось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 года, которое потребовало «создать невыносимые условия для германских интервентов». [\[276\]](#)

Подразделениям НКВД — УНКВД прифронтовых областей вменялось в обязанность немедленно приступить к организации и руководству диверсионной работой на оккупированной территории. Этим же задачам в полной мере было подчинено и специальное обучение чекистских кадров, которые направлялись после их подготовки на временно оккупированную территорию для боевой деятельности. Достаточно отметить, что из 30-часовой программы обучения на курсах на диверсионную подготовку отводилось 16 учебных часов.

Диверсии на железных дорогах осуществлялись бойцами оперативных групп и агентами, работавшими на станциях, крупных железнодорожных узлах, в железнодорожных депо, ремонтных мастерских и т. д. Чаще всего выводились из строя железнодорожное полотно и различные сооружения (мосты, виадуки, депо, водокачки, линии связи). Наибольший эффект достигался в результате подрыва важных объектов. Взрыв железнодорожного полотна, мостов, путепроводов обычно приурочивался ко времени прохождения по ним поездов. Всякое крушение поезда вызывало серьезные нарушения движения по магистрали.

В основе диверсионной деятельности органов госбезопасности лежала боевая работа небольших по своей численности групп подрывников из чекистских подразделений, находившихся в подчинении руководителей спецгрупп или их заместителей по диверсионной работе. Располагая взрывчатыми веществами, они выходили к местам предстоящих диверсий, которые определялись Центром с учетом рекомендаций командования Красной Армии. В диверсионной работе чекистских подразделений активно использовались агенты органов госбезопасности, которые получали задание от оперативных работников.

Предусматривался тщательный подбор состава для диверсионных групп и партизанских отрядов. Помимо честных, проверенных и смелых людей предпочтение отдавалось людям, знакомым с техникой. При подготовке их уделялось внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и расчетам по разрушению и умению оценить жизненные части сооружений и агрегатов.

Акции партизанских отрядов, созданных на базе оперативных групп органов государственной безопасности, внесли неоценимый вклад в проведение диверсионной войны в тылу врага.

Одним из главных ее направлений стали диверсии на транспортных коммуникациях, важнейшими из которых были железные дороги. Методы диверсионной деятельности здесь были многообразны. Например, железнодорожное полотно на однопутном участке минировалось в одном или в нескольких местах, а на двухпутном участке — минировались обе железнодорожные колеи. Использование различных взрывателей, в том числе замедленного действия, неизвлекаемых мин и других, вносило изменения в способы минирования, а также способствовало изготовлению противопаровозных взрывных устройств.

Следует отметить, что партизанские диверсии были одним из самых эффективных и дешевых видов нарушения работы тыла противника, особенно транспорта.^[277]

Так, немецкая авиация, по данным Управления МПВО НКПС СССР, на один час перерыва движения на двухпутном участке расходовала в первые месяцы войны 1500 кг, а в 1944 году до 7500 кг авиабомб. Опытные партизаны—диверсанты соответственно расходовали при крушении поездов на один час перерыва движения 2,4–3,5 кг минно—взрывных средств, или в 625–2100 раз меньше, чем немецкая авиация.^[278]

При осуществлении этих операций использовались толовые заряды и самые разнообразные минные устройства — от миниатюрных магнитных мин, мин замедленного действия (МЗД) и неизвлекаемых мин (НМ) до мощных фугасов. Среди подрывников ОМСБОНа были асы минно—подрывного дела, на личном счету которых от 10 до 20 и более спущенных под откос вражеских эшелонов, взорванные мосты, станционные сооружения и другие объекты. К их числу принадлежали Е. А. Телегуев (на личном счету — 20 эшелонов), П. С. Лисицын (19), И. В. Майский (18), Э. Б. Соломон (Калошин — 17)^[279] и др.

Наиболее длительное воздействие на железные дороги противника достигалось—минами замедленного действия (далее — МЗД). Установленные противопоездные МЗД взрывались под проходящим поездом только после установленного срока замедления.

МЗД обладали тем преимуществом перед ММД (минами мгновенного действия), что одновременно можно было установить значительное количество МЗД с различными сроками замедления, и затем взрывы происходили периодически после восстановления противником полотна железной дороги.

Массовое применение МЗД с различными сроками замедления даже при одновременной установке могло закрыть движение эшелонов

противника на 2–3 месяца.^[280]

Малые потери партизан при производстве крушений поездов и большие потери при этом противника обуславливались нанесением врагу потерь не боем, а с помощью МЗД, действия которых происходили, когда партизаны находились в недосягаемости, а также пониженной сопротивляемостью войск противника непосредственно после крушения, что давало возможность резко увеличить потери гитлеровцев нападением на них из засад.^[281]

МЗД, так же как и ММД, партизаны устанавливали на тех участках перегона, которые были наиболее выгодны для производства крушений: на насыпях, в выемках, на закруглениях и спусках — т. е. в тех местах, где, помимо ликвидации последствий крушения, требовались трудоемкие восстановительные работы.

В некоторых случаях (после взрыва моста, в связи с прекращением движения) уменьшалась охрана на перегонах. Поэтому партизанам можно было безопаснее и надежнее установить МЗД с большими сроками замедления, чтобы они начали действовать после завершения восстановительных работ.

Производительность партизан по установке мин зависела от состояния охраны, качества грунта и инструмента для выделывания скважин, наличия удобных подходов и продолжительности ночи, отсутствия или наличия снежного покрова. При благоприятных условиях местности партизанский отряд в 100 человек мог за одну ночь продолжительностью не менее 8 часов установить при отсутствии немецкой войсковой охраны от 40 до 65 МЗД и до 30 мин прикрытия. При охране в среднем 5 человек на 1 километр пути установить от 20 до 30 МЗД и такое же количество мин прикрытия. При охране 10 человек на 1 километр пути установить от 7 до 12 мин, при охране 20 человек на 1 километр всего 2–7 мин.^[282] При этом процент обнаруженных мин был, при всех других условиях, тем больше, чем сильнее была охрана в момент установки мин.

Согласно инструкции ЦШПД, партизаны при установке мин руководствовались следующими правилами: расчетное расстояние между двумя соседними МЗД должно быть не менее 200 метров, дабы избежать взрыва соседней мины от сотрясения при взрыве первой и чтобы затруднить обнаружение ее противником; не устанавливать на противоположных концах минного поля МЗД с одинаковыми сроками замедления, так как противник мог определить протяжение минного поля; взрыв одной мины должен был происходить не ранее 5 суток с момента

установки последней мины, чтобы за это время по естественным причинам (дождь, ветер, снег) устранились демаскирующие признаки.^[283]

По опыту проведенных партизанами диверсионных актов было установлено, что в среднем одно крушение поезда на железной дороге задерживает движение на 8–12 часов. Чтобы закрыть движение на однопутном участке, достаточно было двух—трех крушений в сутки при условии, что они будут происходить на одном или соседних перегонах. Тогда между двумя последующими взрывами не могло пройти большое количество поездов. Если же крушения производились даже в разное время, но на различных перегонах, то большего сокращения движения не происходило ввиду того, что поезда, находившиеся на станциях и перегонах между пунктами крушений, протаскивались противником вперед после ликвидации крушения, и суммарная задержка составляла 8–12 часов, а за оставшиеся 12–16 часов пропускались через участок все остановленные поезда.^[284]

В случае трех крушений в сутки на одном или на 2–3 смежных перегонах противник не мог пропустить ни одного поезда, пока не ликвидировал последствия всех крушений, и, следовательно, участок был полностью закрыт.

Для полного закрытия движения на двухпутных участках количество крушений в сутки должно было быть не менее двух на каждом пути. Исходя из этого можно посчитать, что на однопутном участке для полного закрытия движения на 10 дней требовалось 20–30 мин и на месяц 50–80 мин с, возрастающими сроками замедления.

Так как для производства одного крушения, в зависимости от скорости поезда, необходимо было закладывать на каждую МЗД от 8 до 10 килограмм взрывчатых веществ, то для закрытия движения на 10 дней требовалось от 160 до 350 килограмм взрывчатки.^[285]

При помощи этого же количества взрывчатых веществ можно было произвести другие разрушения, что вызывало примерно такую же задержку движения. Однако преимущество МЗД заключалось в том, что помимо задержки движения уничтожалось 16–25 паровозов и, по меньшей мере, 75–100 вагонов с воинским грузом или живой силой противника. Кроме того, тщательно замаскированные МЗД, благодаря наличию железных рельсов, было невозможно искать миноискателем, и вследствие этого противник был деморализован неизвестностью и зачастую отказывался от эксплуатации заминированного участка.^[286]

Количество групп, выделяемых на выполнение операции по установке

МЗД, определялось исходной нормой: для рытья ямы глубиной 0,8 метра, для установки и маскировки МЗД с дополнительным зарядом требовалась работа двух минеров в течение 0,5 часа.

Плотность охраны путей сообщения на оккупированной территории СССР колебалась от одного до десяти батальонов на 100 километров дорог. Расход больших сил и средств на их охрану, как признавали сами гитлеровцы, лишал их возможности проводить активные систематические операции против партизан.^[287]

С весны 1943 года фашистское командование значительно увеличило число охранных и полицейских гарнизонов в населенных пунктах, расположенных близ железнодорожных магистралей и шоссейных дорог. Серьезнейшей опасностью для групп подрывников стали вражеские засады, поджидавшие их на подступах к магистрали и на путях отхода к лесу. Их можно было ожидать и на любом отрезке маршрута за пределами партизанской зоны. А ведь подрывникам каждый раз приходилось проделывать немалый путь от лагеря к месту диверсии. Нередко партизанская тропа, пролегавшая по болотам, сквозь чащобы и буреломы, а в отдельных местах — и по открытой местности, растягивалась до 30–40 км. В некоторых случаях перед минерами ставилась задача проведения целевой диверсии на особо отдаленных от базы магистралях. Тогда путь подрывников удлинялся до 100 и более километров.^[288]

Обычно группе давался предельный срок возвращения на базу, как правило, неделя. Перед выходом каждой группы в штабе отряда уточнялось задание. Подрывников знакомили с последними донесениями связных и разведчиков о ситуации на предполагаемом маршруте движения группы и на магистрали. Это являлось исходным ориентиром для подрывников. На походе группа вела разведку и непрерывное наблюдение, уточняла обстановку и в зависимости от этого определяла реальный маршрут, а также место и конкретный способ осуществления диверсии. В пути приходилось проявлять максимум осторожности в общении с местными жителями, чтобы не подвергать их смертельной опасности: ведь в случае обнаружения связей с партизанами их и их семьи ожидал расстрел. Опасались и вражеской агентуры.

В ход пускались и самодельные мины, изобретенные самими подрывниками. Так, группа минеров соединения им. Александра Невского и слесарь—подпольщик Я. Каплюк создали самодельную мину «Самолет» и специально для нее особый тип взрывателя.^[289]

В 1943–1944 годах подрывные группы стали численно крупнее:

минеры действовали под боевым прикрытием. Подойдя к дороге, группа залегала в пределах хорошей видимости железнодорожного полотна, изучала обстановку, вела наблюдение, выбирала места подхода к полотну. Иногда это длилось несколько суток. Установка каждой мины требовала подлинного мастерства, предельного напряжения и внимания. Особую опасность представляла установка неизвлекаемых мин, способных сработать при малейшем прикосновении и от любого колебания почвы. Подрывники ОМСБОНа овладели этим искусством. Сотни таких мин были установлены ими на различных магистралях. Необходимо было умение и при маскировке мин. На месте их установки не должно было оставаться никаких следов работы минеров. Нельзя было перемешивать сухие верхние слои земли с сырыми нижними — это сразу вызвало бы подозрение охранников. Лишнюю землю собирали в плащ—палатку и уносили с собой. Установив мину, сверху укладывали побеленные известью камешки — так они лежали вдоль полотна до минирования; отходя, стирали следы своего пребывания у дороги или же на станции (полустанке).^[290]

В зависимости от обстановки и характера задания, применяли разные способы минирования дорог и использовали различные системы мин. В большинстве случаев устанавливали мины со взрывателями замедленного действия.

Иногда же приходилось прибегать к самому смелому и дерзкому приему — установке мины «под поезд». Делалось это обычно днем, чтобы обмануть бдительность патрулей. В этих случаях минер, прикрываемый товарищами, при приближении поезда бежал к полотну дороги с минным зарядом и бикфордовым шнуром длиной не более 40 см. Мина ставилась буквально в 300–500 метрах от идущего поезда. Всего 40 секунд было в распоряжении подрывника для отхода, пока горел бикфордов шнур. Требовались исключительная смелость и точность расчета и то особое мастерство, каким в совершенстве обладал, например, подрывник В. Хазов.^[291]

Показателен пример деятельности этого отважного человека и его группы. В начале ноября 1942 года подрывная группа Хазова вышла на очередное задание. Подрывники имели три мины. Первой был спущен под откос воинский эшелон с живой силой и техникой, уничтожены паровоз и 28 вагонов. Фашисты начали преследование группы, идя за ней буквально по пятам. Но через сутки на соседнем участке железной дороги под откос пошел второй эшелон. Тогда немцы прекратили движение поездов по ночам. Но у подрывников осталась третья мина, которую теперь нужно было заложить днем. И тогда В. Хазов, переодевшись крестьянином,

примкнул к группе ремонтников и во время обеденного перерыва подсунул свой «узелок с обедом», ничем не отличающийся от крестьянских, в ямку под рельсы и незаметно скрылся. Под вечер в кювете лежал третий эшелон. [\[292\]](#)

В 1943–1944 годах все чаще стали прибегать к установке неизвлекаемых мин с электродетонаторами. Большую изобретательность проявили подрывники ОМСБОНа и во время операций на шоссейных магистралях. Так, весной 1942 года группа подрывников из отряда Бажанова использовала в качестве мины—ловушки немецкий мешок из—под сахара. В него вложили артиллерийский снаряд, 3 кг тола, мину и бросили на шоссе в расчете на то, что сахар привлечет внимание проезжающих военных. На эту ловушку попались офицеры, ехавшие в штабной машине. [\[293\]](#) Вскоре после этого бажановцы заминировали на проезжей части шоссе трофейный мотоцикл. Его попытался сбросить с дороги немецкий шофер грузовой машины. В результате в воздух взлетела машина с взводом гитлеровских солдат. [\[294\]](#)

Подрывники не прекращали своих операций и после того, как заканчивались запасы мин и тола. И здесь выручала солдатская смекалка. В лесах и на полях оставалось много артиллерийских снарядов. Подрывники научились добывать из них тол. Так, в отряде «Боевой» этот способ добычи взрывчатки первым предложил начальник штаба, бывший артиллерист Л. А. Попковский. Боец—туляк Г. А. Семенов разработал технологию выплавки тола из снарядов на кострах. Удалось добыть 5,5 т тола. Своим опытом «Боевой» поделился с другими отрядами. К этому способу добычи тола прибегали и бойцы отряда «Олимп». Когда в мае 1943 года в отряде кончились запасы тола, бойцы были брошены на поиски оставшихся на полях и в лесах авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. Их разряжали и затем выплавляли взрывчатку. Минеры отряда «Олимп» создали самодельную неизвлекаемую мину. При первом же ее применении был спущен под откос эшелон с 22 вагонами и тремя цистернами с горючим. Случилось так, что одновременно на втором пути на mine, поставленной местными партизанами, взорвался встречный поезд. [\[295\]](#)

Исключительно сильным было моральное воздействие крушений поездов на перевозимые войска, которые на себе испытывали диверсии партизан и видели валяющиеся на обочинах разбитые вагоны.

Успешные диверсии партизан на транспорте и в промышленности, особенно если они не затрагивали интересов местного населения, способствовали вовлечению его в активную борьбу с оккупантами. Слова агитации и пропаганды подкреплялись делами.

Массовое применение партизанами всевозможных мин заставляло фашистов отказываться от ночного движения. Для облегчения поисков мин гитлеровцы предпринимали следующие меры: цепляли впереди паровоза пустые платформы; пропускали контрольные поезда перед открытием утреннего движения; практиковали пропуск поездов пакетами, т. е. несколько один за другим;^[296] очищали балласт из—под подошв рельс; тщательно укладывали вдоль рельс гравий и поливали его раствором извести; в одних местах в конце дня охрана протаскивала по полотну связки прутьев, в других к последнему вагону вечернего поезда прицепляли цепи, оставляющие на профиле борозду. На подготовленном таким образом полотне были резко заметны следы при утреннем осмотре участка железной дороги.^[297] Все эти меры приводили к облегчению нахождения мин.

Руководство партизанским движением снабжало партизан необходимыми инструкциями по противодействию подобным мероприятиям оккупантов. Так, в техническом листке № 1 УШПД партизанам рекомендуется следующее: «Устанавливать мины за 50–100 метров от выхода на полотно, причем это расстояние передвигаться по шпалам; при установке мин в песчаном балласте поливать место установки водой через веничек, так как вода к утру подсохнет и на месте установки будет такая же корочка земли, как и по всему полотну; при поливе гравия известкой ставить мину под этим гравием, при этом камни осторожно собирать в сторону и по окончании установки уложить их в том же порядке; применять неизвлекаемые мины».^[298]

Как правило, если кто—нибудь из охраны подрывался при разминировании, фашисты отказывались от попыток извлекать мины и взрывали шашками тола или гранатами все подозрительные места на полотне. В этой связи диверсанты целесообразно делали ложные установки с демаскирующими признаками.^[299]

По инструкции немецкой администрации, машинисты на некоторых железных дорогах были обязаны ездить со скоростью до 25 км/час, а иногда 15 км/час, вместо обычной скорости 45–50 км/час. На прямых участках пути при таких скоростях паровозы почти всегда, если и сходили с рельс, то оставались на насыпи, и подъем их для оккупантов не был труден. Однако на кривых участках подрыв на минах почти всегда приводил к падению паровоза под откос.^[300]

Партизаны заставляли машинистов нагонять поезда на мины с повышенной скоростью, устраивая для этого засады за 1–1,5 километра до

установленной мины, и обстреливали паровоз ружейно—пулеметным огнем (как правило, машинист в таких случаях невольно прибавлял скорость). В целях увеличения размеров крушений выбирались места, где скорости поездов были наибольшие, места после длительных спусков и перед подъемами, на кривых, высоких насыпях и в выемках.^[301]

Противодействуя партизанским диверсиям, гитлеровцы устраивали засады и вводили ночное патрулирование участков железной дороги. Для охраны железной дороги от диверсий партизан и обнаружения мин часто использовали собак. Технический листок № 1 УШПД рекомендует партизанам помимо засад применять натяжные противопехотные мины. Ввиду того, что ночью патрули и собака не могли видеть натянутую нить, была велика вероятность уничтожения противника, не вступая с ним в бой. Противопатрульные мины практиковалось устанавливать не ближе одного километра от места установки противопоездной мины.^[302]

Таким образом, методы диверсий на железных дорогах были хорошо отработаны и принесли серьезные результаты. Это позволило с накоплением опыта и сил перейти к крупномасштабным диверсионным операциям, намечающим решения стратегических задач войны. Первые подобные операции были проведены в 1943 году. Так, начало 1943 года партизаны ознаменовали переходом к массивным ударам по коммуникациям врага, в ходе которых боевые действия сочетались с минированием дорог и выведением их из строя на значительном расстоянии.

В Белоруссии первой такой стала операция под кодовым наименованием «Гранит», проведенная в январе 1943 года.^[303]

В числе первых одновременный вывод из строя железных дорог на большом участке отряды ОМСБОН НКВД начали применять еще в 1942 году в лесах Смоленщины.

Этот прием не раз использовали и в бригаде С. А. Ваупшасова. Так, в апреле 1943 года семь диверсионных групп бригады, действуя одновременно, вывели из строя на несколько суток магистрали Минск — Барановичи и Минск — Бобруйск.^[304] Через месяц эти же магистрали вновь были парализованы в результате одновременного налета 12 укрупненных групп отряда, вооруженных ручными пулеметами.^[305]

14 июля 1943 года был издан строго секретный приказ начальника ЦШПД П. К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». Основная цель операции «Рельсовая война» — массовым повсеместным уничтожением рельсов сорвать все замыслы

врага, поставить его в катастрофическое положение. Приказывалось уничтожать рельсы на основных магистралях, запасных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами.

Анализ публикаций, посвященных проблеме диверсий в тылу врага, показывает неоднозначную позицию авторов в отношении операции «Рельсовая война», начавшейся летом 1943 года. До последнего времени преобладала точка зрения, и она присутствует в большинстве работ, посвященных Великой Отечественной войне, о положительном результате этой операции.

Однако существует мнение и о неэффективности и даже вредности рельсовой войны. Основоположником этой идеи явился крупнейший специалист по партизанским диверсиям И. Г. Старинов.

Первый удар «рельсовой войны» ЦШПД намечал провести в начале августа, но И. В. Сталин рекомендовал начать операцию немного раньше, во взаимодействии с наступлением Красной Армии. Верховный Главнокомандующий оценил эти взаимодействия партизан с Красной Армией как первую крупную совместно разработанную операцию по разгрому противника.

В ночь на 22 июля 1943 года начали операцию орловские партизаны. Остальные партизанские силы, за исключением украинских, литовских, молдавских и эстонских, начали «рельсовую войну» в ночь на 3 августа. Всего в операции было задействовано 167 партизанских бригад и отдельных отрядов общей численностью 95 615 человек.

7 августа 1943 года начальник ЦШПД докладывал Сталину, что «план уничтожения 213 тысяч рельсов будет выполнен до середины августа». Однако по сводкам ЦШПД этот план был выполнен только к середине сентября. По данным противника, партизаны в августе подорвали только 25 тысяч рельсов.

Сам приказ подрывать рельсы вызвал у многих руководителей партизанского движения недоумение. По мнению одного из них, помощника начальника ЦШПД по диверсиям И. Г. Старинова, «одновременный удар по вражеским коммуникациям был необходим, но взрывать рельсы?! Чушь какая—то».^[306]

Партизаны подрывали рельсы вместо организации крушений поездов, что было, конечно же, проще и безопаснее по исполнению. Это привело к значительному снижению потерь нужных противнику паровозов, военных грузов и не отражалось на моральном состоянии перевозимых войск.

По мнению И. Г. Старинова, основными видами нарушения работы

железнодорожного транспорта были крушения поездов, взрывы мостов, уничтожение локомотивов, а не массовый подрыв рельсов, зачастую в тупиках и на запасных путях. Не согласиться с этим, конечно же, нельзя.

Да, при подрыве рельсов двухсотграммовыми и тем более стограммовыми толовыми шашками рельсы вовсе не разрушались, а выбивался кусок длиной 25–35 сантиметров. Немцы опиливали рельсы и сваривали их термитом. Более того, они изобрели накладной мостик длиной 80 сантиметров и массой около 20 килограмм, накладывали на подорванные рельсы и пропускали по ним поезда.

И. Г. Старинов, ссылаясь на данные И. В. Ковалева, доказывает, что во время операции «Рельсовая война» отступающие немецкие войска подрывали рельсы на контролируемых ими магистралях, эвакуировали рельсы с недействующих путей. А в это время некоторые партизанские формирования подрывали рельсы на запасных и второстепенных путях. В то же время ограниченные запасы материалов особенно подчеркивали актуальность сохранения железных дорог в полосе наступления. Командование фронта поставило перед авиацией и партизанами задачу вести разведку дорог, выявлять и уничтожать немецкие путеразрушители, а также составило план захвата больших железнодорожных мостов воздушными десантами.^[307]

Из—за отсутствия единого разработанного плана вывода из строя коммуникаций противника, недостатка у партизан минно—взрывных средств, разобщенности в действиях партизанских формирований, проведенных в ходе «Рельсовой войны» акций было явно недостаточно, чтобы перекрыть вражеские коммуникации.

Операции рельсовой войны, по мнению И. Г. Старинова, не достигли цели и, больше того, количество доставленных поездов вермахту не только не уменьшилось, а, наоборот, даже увеличилось. Так, чем больше партизаны подрывали рельсов, тем меньше они производили крушений поездов. Эту зависимость поняли партизанские командиры, в том числе и белорусских партизанских формирований, и, начиная с сентября 1943 года, резко уменьшив количество подорванных рельсов, одновременно увеличили число крушений, и противник стал все меньше пропускать поездов на фронт.^[308]

По данным ЦШПД, белорусские, смоленские и орловские партизаны с 3 августа по 16 сентября 1943 года подорвали в тылу вражеской группы «Центр» более 160 тысяч рельсов. По данным противника, 20,5 тысячи рельсов.

Исследование И. Г. Старинова после войны показало, что сумма перерыва движения поездов от действий партизан на перегонах 18 750 суток, на участках достигала только 11 120 суток.^[309]

По мнению И. Г. Старинова, «... вредность установки начальника ЦШПД на повсеместный подрыв рельсов заключалась в том, что на оккупированной территории на 1 января 1943 года было 11 млн. рельсов, а подрыв 200 тысяч рельсов в месяц составляет всего менее 2 процентов, что для оккупантов было вполне терпимо, тем более, если они подрывались в значительной мере там, где немцы при отходе сами разрушить не могли».^[310]

К еще одному из видов диверсий, совершаемых партизанами, следует отнести подрывы и порчу мостов. Мосты, которые подвергались диверсиям, были самые различные как по своей структуре (деревянные, железобетонные), так и по стратегическому значению. Лучшим способом разрушения деревянных мостов являлось сжигание надводной или подрыв подводной частей моста.^[311]

Если деревянный мост нельзя было сжечь, например, из—за дождя, производилась его механическая порча. Эффективным было подпиливание свай на двух средних опорах с одной и той же стороны три четверти их диаметра. В целях маскировки места пропилов замазывались глиной или грязью, опилки убирались.

Подрыв железобетонных мостов осуществлялся путем минирования пролетных строений и опор. Пролетные строения подрывались в одном месте, если они были не более 10 метров, в двух местах, если были более указанной длины.^[312]

В штабах омсбоновских отрядов и бригад разрабатывались планы многих крупных диверсий и на других объектах. В их осуществлении особая роль возлагалась на подпольщиков: ведь установить мины и заряды на строго охраняемых объектах могли только люди, имеющие к ним свободный допуск и не вызывающие у охраны подозрений.^[313] О масштабах этих операций свидетельствуют следующие данные: только за первые восемь месяцев действий в тылу врага отряд М. С. Прудникова совершил более 200 диверсий. Свыше 50 крупных диверсий было на счету отряда С. А. Ваупшасова, и подавляющее их большинство — в Минске.^[314]

В 1942–1944 годах около 70 раз — и в ночные часы, и среди бела дня — Минск и другие города сотрясали мощные взрывы зарядов, заложенных подпольщиками и подрывниками «Местных».^[315] В организации наиболее значительных диверсий принимали личное участие командиры отрядов и

бригад.

При диверсиях на важных военных и промышленных объектах, на электростанциях, в учреждениях связи, а также на объектах в сельской местности использовалось минирование, организовывались поджоги, уничтожение и выведение из строя объектов и иными способами. В основном здесь применялись способы минирования подрывными устройствами различной взрывной силы, установка мин с часовым механизмом взрывателя, а также минами, закамуфлированными под дрова, брикеты торфа. Чекистские подразделения организовали также множество диверсий путем поджогов с имитацией самовоспламенения с помощью табельных средств или изготовлением зажигательных устройств на месте из подручных материалов. Был организован многочисленный вывод из строя различного промышленного оборудования, станочного парка, электрогенераторов, паровых турбин путем замыкания электропроводов и другими способами.

Работа по разрушению или минированию любых объектов разделялась на 2 этапа. Первый этап включал в себя подготовку к диверсионному акту, второй – исполнение. Случайная, непродуманная установка мин хотя и наносила урон фашистам, однако не давала того внушительного эффекта, который достигался в результате спланированного минирования.^[316]

Таким образом, организация диверсионной работы играла огромную роль в деятельности органов государственной безопасности СССР в тылу противника.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцам был нанесен серьезный урон на коммуникациях в их тылу путем диверсий. Но возможности по нарушению вражеского тыла были использованы в незначительной мере. Это произошло потому, что: сохранилось очень мало обученных людей,^[317] а на подготовку кадров было затрачено недостаточно времени; не хватало нужной техники, партизаны и оперативные группы государственной безопасности испытывали острый недостаток в ВВ, которых получали от 10 до 25 процентов потребности; не было единого органа, который бы занимался подготовкой, обеспечением и руководством диверсантами.^[318]

При большом количестве руководства: партийные органы, Военные Советы фронтов, НКВД, штабы партизанского движения, ГРУ, по мнению И. Г. Старинова, целенаправленно занимались диверсиями только штабы партизанского движения.^[319] И. Г. Старинов считал, что ГРУ занималось диверсиями как «подсобным» способом, предпочитая считать поезда, а не

пускать их под откос. [\[320\]](#)

Все это приводило к отсутствию должной плановости в действиях диверсантов, и поэтому даже значительное количество бесплановых диверсий не давало должного результата, так как противник ликвидировал последствия диверсий параллельно и замечал перерыв движения только от наиболее крупных акций.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что задачу по длительному нарушению движения партизаны и оперативные группы государственной безопасности могли с наименьшей затратой сил и средств решить при помощи МЗД и радиоуправляемых мин.

Глава 4

Контрразведывательная и специальная деятельность

Ограждение партизанских формирований от агентуры противника

Контрразведывательное обеспечение партизанских формирований являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в годы Великой Отечественной войны. Главная цель этого обеспечения состояла в надежном ограждении партизан от подрывной деятельности спецслужб противника и враждебных элементов.

Ведение борьбы с гитлеровской агентурой, засылаемой в партизанские отряды, возлагалось на заместителей командиров по разведке или их помощников по контрразведывательной работе. Вместе с тем в боевой практике имелось немало примеров, когда контрразведывательные службы партизанских формирований действовали самостоятельно, то есть не входя в состав разведывательных органов (в соединениях — особые отделы, в отрядах — оперативные уполномоченные).

Несмотря на изученность отдельных аспектов рассматриваемой проблемы, в целом, она остается практически не исследованной. В мемуарной литературе, а также в трудах В. Н. Андрианова, В. В. Коровина, Г. П. Мищенко, Г. П. Мигрина, В. К. Киселева можно найти интересные материалы по ограждению партизанских формирований от агентуры противника.^[321] Однако в опубликованных работах, на взгляд автора, отображен, в большей мере, позитивный опыт работы чекистских органов, обслуживающих партизанские отряды. Вместе с тем, в деятельности некоторых партизанских формирований, а также отдельных сотрудников органов госбезопасности имелись существенные недостатки, а порой и просто преступные действия.

Понятие контрразведывательного обеспечения партизанских формирований трактуется несколько шире, чем только ограждение партизан от агентуры противника, так как чекисты проводили и другие специальные мероприятия. Наиболее полный перечень их приводит В. Н. Андрианов. По его мнению, это «своевременное получение

информации о замыслах и планах гитлеровцев, направленных ими на подрыв партизанского движения; выявление проникших и ряды партизан агентов спецслужб оккупантов; пресечение подрывной деятельности против партизан; проведение мероприятий по зашифровке и маскировке районов базирования партизан; поддержание совместно с командованием партизанских формирований установленного режима, обеспечивающего сохранение в тайне секретов партизан и предупреждение утечки секретных сведений к противнику; тщательная проверка новых лиц, принимаемых в партизанские отряды; выявление причин и условий, снижавших боеспособность партизан и результативность боевых операций; обеспечение личной безопасности руководства партизанских формирований; участие в мероприятиях по дезинформации противника, разложению его карательных сил, ликвидации лжепартизанских отрядов; борьба с лицами, которые своими действиями компрометировали партизанское движение; выполнение специальных заданий Центра». [322] На основании изученных документов автор добавил бы к вышеперечисленным мероприятиям еще одно — следственные действия в отношении выявленной агентуры противника, которые возлагались на сотрудников органов государственной безопасности, обслуживающих партизанские формирования. [323]

Для обеспечения вышеперечисленных форм борьбы применялись такие методы, как: агентурное проникновение в спецслужбы противника; оперативное наблюдение за объектами этих спецслужб; захват официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника; оперативный поиск агентуры противника в партизанских формированиях и окружении их баз; физическое устранение нацистских преступников и предателей Родины и т. д.

Решая специальные задачи в партизанских формированиях, советские чекисты особое внимание все же уделяли борьбе с проникновением вражеской агентуры в ряды партизан, поскольку ее информация позволяла противнику целенаправленно готовить и эффективно проводить карательные акции. В годы Великой Отечественной войны эта борьба имела широкий размах. Только на Украине, по данным разведотдела Украинского штаба партизанского движения, партизанской контрразведкой было выявлено 9883 шпиона, изменника и других пособников врага, из них только шпионов гестапо — 1998 человек. [324]

Обращает на себя внимание то, что в начальный период Великой Отечественной войны борьба с агентурой противника в партизанских

формированиях практически не проходила. Это, в частности, отмечал командир оперативной группы ОМСБОН НКВД «Митя» Д. Н. Медведев, возвратившись весной 1942 года из тыла противника. По этому вопросу Медведев постоянно инструктировал командиров местных партизанских отрядов. В его же отряде контрразведывательной работе уделялось особое значение. Так, например, прежде всего вновь прибывших в отряд экзаменовали, спрашивали, где они бывали, что делали, с какими группами сталкивались, какие дела провели, а учет дел, которые были проведены тем или другим партизанским отрядом и группами, у Медведева велся довольно точный. Также велись учеты частей, попавших в окружение, учеты командно—политического состава этих частей, так что имелась возможность навести соответствующие справки.

В целях борьбы с возможным проникновением шпионов, провокаторов, террористов, выявления паникеров в партизанских отрядах органами государственной безопасности СССР при партизанских формированиях начиная с января 1942 года стали создаваться оперативно—чекистские группы.^[325] Следует подчеркнуть, что оперативные группы готовились как при Центральном аппарате НКВД, так и территориальными органами госбезопасности.

Оперативно—чекистские группы, работавшие в партизанских отрядах, по существу выполняли функции Особых отделов в действующей армии. Так, в совместном приказе начальника штаба партизанского движения Брянского фронта и начальника Управления НКВД по Орловской области № 654 от 06.12.42 г. говорится о том, что «оперативно—чекистские группы в партизанских формированиях действуют на правах Особого отдела НКВД».^[326]

В документах Центрального и территориальных штабов партизанского движения особо подчеркивается, что: «Созданные оперативно—чекистские отделения при партизанских отрядах полностью себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины».^[327]

Однако не все командиры партизанских формирований понимали значение работы оперативно—чекистских групп. Некоторые руководители партизанских отрядов, получая информацию от чекистов, вместо оперативного использования этой информации в интересах укрепления отрядов не принимали мер, а зачастую игнорировали сообщения оперативных работников, нанося тем самым ущерб партизанскому движению.^[328]

Иногда командиры незаконно вмешивались в деятельность оперативно—чекистских групп, пытались подменить руководство этими группами. К наиболее распространенным нарушениям относились освобождение из—под стражи лиц, работающих на немецкую разведку без согласования с представителями оперативно—чекистских групп, снятие своей властью с должности начальников этих групп и т. д.^[329]

Имели место факты, когда отдельные командиры при наличии возможности не оказывали необходимой помощи сотрудникам органов государственной безопасности в проведении оперативных мероприятий, направленных на разрушение коммуникаций врага, отказывали в выделении взрывчатых средств, других средств боевой техники и свои действия пытались оправдать различными необъяснимыми мотивами.^[330]

Руководство штабов партизанского движения и НКВД постоянно разъясняли командирам партизанских отрядов и соединений, что оперативно—чекистские отделы и группы действуют на правах Особого отдела НКВД и непосредственное оперативное руководство их деятельностью осуществляется Управлениями НКВД и представителями ЦШПД.^[331] Назначение и снятие оперативных работников должно было производиться только начальниками Управлений НКВД или начальниками оперативно—чекистских отделов, действующих в районе партизанских отрядов.^[332]

Следует отметить, что руководство НКВД хорошо понимало важность контрразведывательной работы в тылу противника. Так, в каждый отряд ОМСБОН НКВД, переброшенный в тыл противника для ведения разведывательно—диверсионной работы, а впоследствии и партизанские формирования, образованные из этих групп, направлялся оперативный работник, выполняющий свои специфические функции. Если требовалось, помимо своей непосредственной работы, он имел шифр и коды к рации, которые не были известны даже командиру и комиссару отряда.^[333]

Проводя работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выискивали двойников, засланных немцами к партизанам, обставляли собственной агентурой вновь зачисленных в отряд бойцов, проверяли их на специальных заданиях.

Агентурное проникновение в спецслужбы противника проводилось различными путями. Иногда это была легализация заброшенных в тыл врага кадровых работников и агентов. Часто агентура оставлялась с конкретным заданием при отступлении наших войск и неминуемой оккупации данного района.

Неоценимую роль здесь сыграли женщины—агенты, которые могли легализоваться намного быстрее, и их легенда, как правило, была наиболее естественна. Лидия Лисовская, Мария Микота, Надежда Троян — вот только несколько женщин, оказавших неоценимую услугу партизанским формированиям.

Большую работу проводили органы контрразведки партизан по захвату сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников. Так, в г. Борисове бургомистром являлся агент партизанской бригады «Дядя Коля»^[334] П. Ф. Парабкович. С его непосредственной помощью был похищен высокопоставленный представитель гитлеровской военной разведки Нивеллингер.^[335]

Примером захвата официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника могут служить действия партизанского отряда им. Ф. Э. Дзержинского (опергруппа «Ходоки» под командованием Е. И. Мирковского) в районе Житомира. Разведка отряда установила наблюдение за гестаповским агентом Нусвальдом, который был знаком со многими офицерами руководящего звена немецкого разведоргана. Переодевшись в полицейскую форму, разведчики Н. Гулак, И. Петрук и Н. Семиноженко ночью въехали в город, проникли на квартиру вражеского агента, арестовали его и доставили в партизанский отряд. Вместе с ним в квартире были захвачены важные документы. Показания «языка» и содержание документов позволили партизанам установить сеть гестаповской агентуры в областном центре и предупредить многие ее действия.^[336]

В конце декабря 1943 года контрразведывательными органами была проведена в районе Пскова операция по захвату сотрудников отделения 304-й зондеркоманды гитлеровцев, которые вели работу по внедрению своей агентуры в партизанские отряды.^[337]

При проведении оперативного поиска чекисты обращали внимание на признаки, демаскировавшие легенду прикрытия вражеского агента, и на обстоятельства его прибытия в партизанский отряд. В частности, такие, как: неполное совпадение легенды внедряемого агента с действительностью; несоответствие сообщаемых им о себе данных с имевшимися документами; сомнительные обстоятельства прибытия агента в район базирования партизан (например, при организации и проведении «побега» из лагеря военнопленных, тюрьмы и т. д.); наличие у внедряемого агента профессиональных качеств, не соответствовавших легенде, и др.

Особую тревогу партизанской контрразведки вызывало обнаружение

признаков, свидетельствовавших о возможной утечке информации, касавшейся планов и содержания боевой деятельности партизанского формирования. К ним, в частности, относились: хищение секретных документов; провалы агентуры партизан; частые срывы боевых операций народных мстителей; нанесение фашистской авиацией прицельных ударов по районам базирования партизан; проведение противником эффективных карательных мероприятий; ухудшение отношений между местным населением и партизанами; активизация разведывательной деятельности гитлеровцев в окружении партизанских баз.

Война дала немало примеров выявления вражеских агентов, забрасываемых в ряды партизан. Так, в июне 1943 года в партизанский полк под командованием Героя Советского Союза М. Д. Симоненко (из соединения «За Родину») прибыл из г. Нежина новый боец Мухазанов. По его словам, он попал в плен, бежал, искал связи с партизанами. Некоторое время Мухазанов находился при штабе партизанского полка. Ему поручили писать обращения к тем, кто служил оккупантам. Обращения, написанные Мухазановым, были очень убедительные, проникнутые глубокой ненавистью к врагу. Через некоторое время Мухазанова назначили командиром партизанского батальона.

Однако разведка, работавшая в одном из оккупационных органов, донесла, что в полк на командную должность проник вражеский агент. Из штаба соединения последовал приказ: следить за прибывшим Мухазановым, но решительных мер не предпринимать.

Вскоре в деятельности нового командира батальона стали проявляться признаки, свидетельствующие о враждебных намерениях. Сначала им не был выполнен приказ об уничтожении противника в с. Плоское. Мухазанов объяснил это стремлением избежать возможных потерь. Затем бойцы под его командованием не смогли взорвать два вражеских эшелона, которые немцы со станции Нежин перед налетом советской авиации вывезли на станцию Синяки. Как выяснилось после разоблачения Мухазанова, обращения, которые он составлял, содержали зашифрованную информацию о партизанах, поскольку сам Мухазанов оказался агентом гестапо. [\[338\]](#)

Нередко противник забрасывал в партизанские формирования группы агентов. Так, оперативной группой органов госбезопасности «Искра» в конце 1943 года в Брестском партизанском соединении была выявлена и разоблачена резидентура немецко—фашистской разведки из 13 агентов во главе с резидентом Леонтьевым.

Находясь в одном из партизанских отрядов, Леонтьев поддерживал

дружеские отношения со многими партизанами. Чтобы зарекомендовать себя патриотом, он принимал активное участие в боевых операциях. Тем не менее, один из партизан обратил внимание оперативной группы на то, что Леонтьев довольно часто встречается с одними и теми же партизанами и почему—то уединяется с ними при разговорах. Наблюдение показало, что Леонтьев регулярно, преимущественно с наступлением сумерек, отлучается из отряда. С помощью другого помощника опергруппе удалось установить, что в одном из сел Леонтьев встречался с человеком, не известным жителям. Были получены другие материалы о подозрительном поведении Леонтьева, и его арестовали. Леонтьев довольно быстро признался, что был завербован вражеской разведкой и внедрен к партизанам для совершения террористических актов в отношении командиров, политработников и партийного актива.

В ходе оперативного поиска чекисты при необходимости искусственно создавали условия, либо «благоприятствовавшие» проведению враждебной деятельности (путем «смягчения» режимных ограничений в партизанских отрядах, упрощения доступа к средствам связи и т. п.), либо вводившие в заблуждение агентуру противника (развертывание ложных партизанских баз, объявление о предстоящем «перебазировании», маршрутах движения в районы сбора для проведения боевых операций и т. п.) и провоцировавшие ее на поступки, способствовавшие разоблачению.^[339]

На Украине, например, в соединении под командованием А. З. Одухи для контрразведывательной работы эффективно использовали бывшего немецкого солдата—сапера Швалленберга, добровольно перешедшего на сторону партизан. Его часто посылали в села в окружении партизан, переодетых в немецкую форму, где антифашист «наводил порядок». Гитлеровские пособники нашептывали «пану офицеру» через «переводчика» о партизанах и тех, кто им помогал. Таким образом, успешно выявлялась и обезвреживалась вражеская агентура.^[340]

Обезвреживание агентов спецслужб противника в одних партизанских формированиях нередко способствовало выявлению вражеской агентуры, заброшенной в другие формирования. Так, в соединении под командованием Д. К. Николайчика партизанская контрразведка обезвредила группу шпионов, которые прошли подготовку в Германии в г. Бутзиц. Они дали ценные показания о методах подготовки фашистами своих агентов, назвали имена и приметы сообщников, заброшенных в другие отряды.

Нередко агенты гитлеровских спецслужб сами приходили с повинной к партизанам. В основном это были люди, не обогрившие рук кровью

соотечественников и завербованные путем избиений, обмана и угрозы расстрела.^[341] Так, 13 декабря 1943 года к начальнику Особого отдела военно—оперативной группы при Могилевском подпольном райкоме партии добровольно явился вражеский агент И. С. Лобанов. Он подробно рассказал о своем задании и дал согласие помочь разведке партизан. С его помощью было выявлено 25 шпионов.

Выявление агентуры спецслужб противника в окружении партизанских баз оказывало существенную помощь советской контрразведке при освобождении оккупированных районов. Уже в декабре 1941 года в период контрнаступления Красной Армии руководство органов госбезопасности в специальном приказе рекомендовало чекистам при вступлении на освобожденную от фашистов территорию устанавливать связь с действовавшими там партизанскими отрядами в целях выявления «предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе у немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно—советского актива и честных советских граждан».^[342]

В ходе войны контрразведка партизанских сил активно содействовала решению подобных задач. Так, например, Особый отдел партизанской бригады под командованием А. Г. Кондратюка (Винницкая область) при соединении с советскими войсками передал в «СМЕРШ» и УНКГБ по Винницкой области установочные данные на 47 шпионов гестапо и жандармерии. Кроме того, были сообщены сведения на 12 агентов СД из числа военнопленных, окончивших спецшколу в г. Верновице Винницкой области и заброшенных в форме советских офицеров в наш тыл в целях внедрения в действующую Красную Армию.^[343]

О том, какое значение имели эти сведения, в первую очередь об агентуре врага, для успешной борьбы с фашистской разведкой, свидетельствует комиссар партизанской бригады «Смерть фашизму» Минского областного соединения И. П. Дедюля: «...на основе данных, полученных от разведки, проникшей в Ново—Борисовскую диверсионно—разведывательную школу абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд.

И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант. Приметы совпали. Раньше он был полицаем».^[344]

Великая Отечественная война дала немало примеров помощи партизанской контрразведкой и Большой земле в борьбе с агентурой

гитлеровцев. Так, например, 10 февраля 1943 года разведывательный отдел Центрального штаба партизанского движения направил в руководящие органы ленинградских, калининских, смоленских и брянских партизан списки немецких агентов, окончивших в сентябре 1942 года Минскую школу гестапо и засланных в действующие партизанские отряды для ведения разведывательной работы и разложения партизан.

В интересах предупреждения подрывной деятельности вражеской агентуры чекисты помогали командованию партизанских формирований осуществлять режимные ограничения, проводить разъяснительную работу среди партизан о необходимости проявлять высокую бдительность и строго соблюдать конспирацию.

Опыт партизанской и подпольной борьбы показывает, что именно несоблюдение или нарушение правил конспирации часто являлось причиной неудач, провалов и гибели партизан и подпольщиков. Так, например, одной из причин разгрома партизанских отрядов в Ленинградской области в августе—сентябре 1942 года было излишнее рекламирование действий партизанских формирований, базировавшихся в этом крае, что давало в руки гитлеровцев материал для целенаправленных акций против народных мстителей.

В целях сковывания подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную; создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты и др. Подобные мероприятия дезорганизовывали работу фашистских спецслужб, направляли их усилия по ложным или бесперспективным объектам, задерживали проведение подготовленных карательных операций, снижали результативность деятельности разведки и контрразведки противника.^[345]

Организованные с учетом конкретной обстановки дезинформационные мероприятия приводили нередко и к такой ситуации, когда сбитые с толку оккупанты предпринимали карательные акции даже против своей агентуры, предателей, сотрудников своих служб. Так, путем дезинформации немецкого командования были дискредитированы видные руководители предательских казачьих формирований в районе Таганрогского полуострова. Об этом автору рассказал известный специалист по партизанским диверсиям И. Г. Старинов.

«В период наступления Красной Армии зимой 1942–1943 годов и освобождения Сталинградской и Ростовской областей, Калмыкии,

республик Северного Кавказа и других районов эти формирования совместно с немецко—румынскими войсками отступали вплоть до стабилизации линии фронта в марте 1943 года на Тамани и реке Миус. Оборону здесь преимущественно держали казачьи формирования и национальные батальоны, кроме того, в Мариуполе находилось на формировании до 40 тысяч «добровольцев».

На основе данных, полученных от агентуры, штаб партизанского движения при Военном Совете Южного фронта поставил перед собой задачу провести широкомасштабную операцию по разложению изменнических формирований. Предполагалось путем дискредитации видных руководителей казачьих и других формирований вызвать у немецко—фашистского командования недоверие к изменникам, снять их с линии фронта и расформировать, ослабив тем самым боевой потенциал противника.

Для выполнения этой задачи штаб партизанского движения сделал следующее. Собрал подробный материал о казачьих формированиях Войска Донского; восстановил список командного состава и видных руководителей; через Управление НКВД по Ростовской области подобрал объект для заброски в тыл фашистам; составил дезинформационный материал и письма с целью дискредитации добровольцев. Материал и письма были оформлены в виде обращений на имя видных руководителей казачьего Войска Донского. Содержание личных писем не внушало ничего подозрительного и представляло обыкновенное письмо от жены, племянника, друга и т. д.

Тексты были написаны тайнописью. Подготовленная штабом партизанского движения специальная директива была адресована на имя Одноталова — руководителя ростовского казачества, председателя малого войскового круга, бывшего офицера. В тайнописи было написано, что план восстания казаков против немцев одобрен командованием Красной Армии и им желают успеха в ликвидации гитлеровских частей.

Подобные материалы были разосланы остальным руководителям казачества. В их текстах упоминались видные казаки как «соучастники» заговора.

Передачу компрометирующих материалов в руки немецкой контрразведки было решено произвести путем заброски захваченных ранее нами видных руководителей полиции и предателей Родины с нераскрывшимся парашютом. Для этой цели был использован арестованный органами НКВД и обвиняемый как изменник Родины некто Середа, бывший офицер царской армии, активный пособник оккупантов.

Лучшей кандидатуры быть не могло. Середу знали в лицо все полицейские и офицеры казачьих формирований. Работником органов государственной безопасности СССР Серede было сделано ложное вербовочное предложение. Для искупления вины перед Родиной он якобы должен был выполнить задание органов безопасности на территории противника. Изменник легко пошел на вербовку, втайне предвкушая, как сразу же после выброски с парашютом явится к своим фашистским хозяевам. Для выброски инструкторами парашютно—десантной службы был подготовлен нераскрывающийся парашют.

Замысел руководителей штаба партизанского движения и чекистов удался. Труп Середы с документами был найден немецкой контрразведкой на контролируемой фашистами территории. В результате этой акции казачья дивизия, дислоцировавшаяся в Таганроге в мае 1943 года, была снята с фронта и по частям, без оружия, направлена в глубокий тыл, якобы для борьбы с партизанами.

Большая работа проводилась чекистами по разложению полицейских и иных изменнических формирований. Гитлеровцы на оккупированной территории, особенно в районах партизанского движения, создали большой полицейский аппарат, целые полицейские части и гарнизоны. За весь период работы, например, орловских чекистов в тылу противника из полицейских формирований перешло к партизанам около четырех тысяч человек. Многие из них хорошо показали себя в боях с оккупантами и были отмечены поощрениями, а некоторые были удостоены правительственных наград. Как показала практика, действенную форму борьбы против предательства имела гласная публикация имен изменников Родины. Так, в специальной листовке, изданной от имени командования орджоникидзевских партизан в Орловской области в 1942 году, указывалось: «В диком разгуле с фашистскими ордами соперничают их холуи. Вот имена предателей и изменников, которые заслужили всеобщую ненависть и презрение советских граждан. Это Неделюев, Скотников, Поляков... Оглянитесь, мерзавцы, кому вы служите? Кого вы предаете?.. Скоро настанет для вас час расправы».^[346] Такая публичная огласка предательства имела предупреждающее значение для неустойчивых.

В основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико—морального состояния личного состава, парализацию фашистской пропаганды.

В начальный период Великой Отечественной войны отдельные мероприятия по внедрению агентуры в состав антисоветских

формирований с целью их разложения не давал положительных результатов ввиду успехов немецко—фашистских войск на фронте, оккупации противником значительной части советской территории и активной антисоветской пропаганды среди личного состава формирований.

Победы Красной Армии в 1943 году, мощный размах партизанского движения положительно отразились на деятельности групп по разложению антисоветских формирований.

Их целью было оторвать рядовых участников от командно—начальствующего состава путем проведения широкой агитации и пропаганды, распространения среди личного состава правдивой информации о положении на фронте, в советском тылу и на временно оккупированной территории.

Основным средством разложения антисоветских воинских формирований являлась специально подготовленная и внедренная в подразделения этих формирований агентура чекистских органов. Она распространяла антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, своевременно получала информацию о настроении личного состава, собирала данные об отношении германского командования и его разведывательных органов к тому или иному формированию, офицерскому составу, устанавливала доверительные отношения с отдельными военнослужащими, которых обрабатывали с целью последующей вербовки в качестве агентов органов государственной безопасности.

В своей работе чекисты использовали факты пьянок, разврата, аморального поведения среди командного состава спецслужб противника, недостатки в снабжении рядовых сотрудников и другие моменты, способствовавшие порождению антагонизма между различными группами вражеской среды.

Воздействие на личный состав подразделений спецслужб оказывалось также и через агентуру из местных жителей, проживавших вблизи объектов противника. С этой целью им давались задания поступать на работу в специальные службы и карательные формирования оккупантов в качестве официанток, уборщиц, машинисток, поваров, парикмахеров, прачек и т. д.

Великая Отечественная война дала много примеров, когда в результате умелой работы агентуры партизан подразделения вражеских спецслужб переходили на их сторону в полном составе. Так, в Гдовском районе Ленинградской области в 1943 году подпольная организация под руководством А. Д. Антоновой разложила взвод карателей, личный состав которого, уничтожив офицеров своего и других подразделений, взорвал девять автомашин и с оружием в руках перешел на сторону партизан.

Следует отметить, что переход противника на сторону партизан вызывал раздражение у начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ» В. С. Абакумова. 20 августа 1943 года это выразилось в его послании начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. В частности, он писал: «...борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложена на органы контрразведки «СМЕРШ». Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой «Русской освободительной армии» и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки «СМЕРШ», допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым несвойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы — размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц...».^[347]

П. К. Пономаренко очень резко ответил на это письмо. В частности, он писал: «...мы считаем необходимым и впредь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления, передавать Вам. Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться.

То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, то мы это только приветствуем, хотя слышим об этом впервые.

Возникает другой вопрос, почему со времени организации «СМЕРШ» никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что намечают предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника, почему не проведено ни одно мероприятие, а в партизанских отрядах нет ни одного вашего работника. Вы, как это видно из письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки «СМЕРШ» решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их.

Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса

разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника, эти ваши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому смыслу... Мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас, к примеру сказать, 4-е управление НКГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала». [\[348\]](#)

Комментируя эту переписку, хочется отметить, что В. С. Абакумов из —за непомерных амбиций пытался подчинить своему ведомству, причем без всяких на то оснований, не только партизанскую контрразведку. Абакумов также постоянно вмешивался в дела 4-го Управления НКВД, пытался (отчасти это ему удалось) взять под свой контроль радиоигру с немецкой разведкой под кодовым названием «Монастырь». [\[349\]](#)

Помимо выявления в партизанских формированиях вражеской агентуры, чекисты принимали непосредственное участие в ликвидации лжепартизанских отрядов, создаваемых фашистскими спецслужбами для борьбы с советскими партизанами.

Они вооружали эти банды, которые в большинстве своем состояли из уголовников и прочего сброда, посылали их в леса и даже позволяли им время от времени делать налеты на полицейских для завоевания авторитета у партизан и местных жителей.

Отрядом Д. Н. Медведева в 1942 году были разоблачены и уничтожены три лжепартизанских отряда. Один — в районе Хотинска, состоявший из семи человек, которые занимались грабежами, насиловали девушек, а потом их расстреливали. Другой был ликвидирован возле станции Куява (железная дорога, соединяющая Дядьково и Людиново). Там группа в 8 человек, под руководством некоего Цадика, была сформирована по заданию бургомистра г. Людиново. Ее целью было найти партизанский отряд, влиться в него и вести работу по его разложению. Бандиты были хорошо вооружены. Получив об этой группе агентурные сведения, партизаны проверили их на месте, и, когда группа собралась у Цадика, всех их перебили (бросили гранату).

Одним из важнейших факторов, способствующих выявлению и ликвидации лжепартизанских отрядов, являлась деятельность агентуры органов госбезопасности, действовавшей в оккупационных службах и учреждениях. Так, в партизанском соединении под командованием А. Н. Сабурова информация о формировании лжепартизанского отряда из

предателей была получена от агента, внедренного в руководящие органы полиции г. Ельска. Через два дня эта информация была подтверждена другим источником, работавшим в Ельском гебитскомиссариате. Гитлеровцы перед созданным отрядом поставили задачу выявлять и уничтожать партизан, их разведчиков и связных. Уже 3 сентября 1943 года в районе сел Ремезы и Движки бандиты, маскируясь под партизан, внезапно открыли огонь по группе разведчиков—сабуровцев, убив трех человек. Решительными действиями партизанского соединения эта банда вскоре была разгромлена в районах Мозырь и Овруч. [\[350\]](#)

Нельзя не отметить деятельность органов государственной безопасности по выявлению и противодействию негативным явлениям, имевшимся в некоторых партизанских формированиях. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени не было принято писать об этом.

Нарушение воинской дисциплины, принятие в партизанские отряды подозрительных лиц без проверки, факты злоупотребления своим положением — вот неполный перечень негатива, выявлявшегося оперативными работниками и агентами органов государственной безопасности. Так, агент «Бендеров» 15 июля 1943 года докладывал в 1-й отдел 3-го Управления НКВД СССР, что «...в отряде имени Ворошилова № 2 находился майор Кочур. Последний явился в отряд после долгих странствий по немецким тылам, где неоднократно арестовывался фашистами, но почему—то отпускался. Трое бойцов отряда заявили, что, находясь в плену в немецком лагере, видели Кочура в качестве полицейского—охранника при этом лагере. Более того, в письме одного убитого полицейского партизаны нашли письмо, где говорилось о наличии шпиона в данном отряде. Командир отряда Гудзенко, зная об этом, тем не менее, назначил майора командиром одного из партизанских отрядов». [\[351\]](#)

Далее агент сообщал, что «в районе Брянских лесов действуют несколько украинских отрядов под командованием т. Сабуро. [\[352\]](#) Появившись в Брянских лесах, т. Сабуро называл себя заместителем наркома внутренних дел УССР. В его отрядах имелась рация, связанная с НКВД УССР. По этой рации передавали сведения о проделанной боевой работе и орловские отряды т. Емлютина, у которого рации не было. Пользуясь этим, Сабуро передавал разведсводки и другую оперативную информацию за своей подписью, создавая впечатление о своем руководстве всеми партизанскими формированиями, действующими в этом районе. Когда это выяснилось, между Сабуро и Емлютиным создались нездоровые отношения. Отряды этих командиров перестали поддерживать друг друга и

участвовать в совместных операциях».^[353]

Командиры и партизаны некоторых партизанских отрядов позволяли себе преступные излишества и злоупотребления своим положением. Так, издав приказ о запрете самогоноварения и борьбе с ним, командование отряда «Смерть немецким оккупантам» Навлинского района Орловской области за зиму и весну 1942 года истратила на самогон, по данным расследования, 1500 пудов хлеба. Живя с рядовыми бойцами в одной землянке, за перегородкой, командир и комиссар отряда распивали этот самогон, запрещая пить его своим подчиненным.^[354]

В этой истории кощунственно не то, что командиры пьянствовали и не давали это делать своим подчиненным. Это происходило, когда вся страна, в том числе и на оккупированной территории, испытывала недостаток в продовольствии, и прежде всего в хлебе.

Вообще пьянство, мародерство и половая распущенность были спутниками лишь немногих партизанских формирований. Но в кое—каких отрядах эти явления присутствовали. Об этом свидетельствуют различные оперативные документы Великой Отечественной войны.

Между некоторыми партизанскими командирами порой возникали не просто недопонимание и недоразумения, дело доходило чуть ли не до боевых столкновений. Агентура органов государственной безопасности докладывала в Центр, что летом 1942 года на Брянщине руководство Хомутовского отряда, выделившегося из партизанского соединения имени Ворошилова № 1 для следования на Украину, напоило самогоном бойцов—пулеметчиков этого отряда, находившихся на посту, после чего вместе с пулеметами и личным составом скрылось. Когда утром выяснилось, что посты оголены, командир Ворошиловского отряда Петровский бросился на бронев автомобиле в погоню, чтобы силой оружия отобрать свои пулеметы. Междоусобной бойни не произошло, так как хомутовцев догнать не удалось.^[355]

Порой командиры партизанских отрядов из—за своего самодурства совершали откровенно преступные действия в отношении партизан соседних отрядов. Так, в марте 1943 года командир одной из партизанских бригад Калининской области Корнаушенко арестовал бойцов отряда «Неуловимые» (командир — М. С. Прудников), возвращавшихся с задания. Корнаушенко заподозрил в них полицейских. Никакие объяснения со стороны арестованных ни к чему не привели. Партизан подвергли пыткам, вплоть до того, что засовывали под ногти иголки и держали голыми на морозе.^[356] Легендарный командир с возмущением докладывал об этом

начальнику 4-го Управления П. А. Судоплатову.

Следует в очередной раз подчеркнуть, что негативные действия отдельных бойцов и командиров партизанских формирований не были распространенным явлением. Вышестоящее руководство, в лице партийных органов, Центрального штаба партизанского движения, тщательно проверяло информацию, представленную органами государственной безопасности по таким фактам, и беспощадно наказывало виновных.^[357]

Порой случались ошибки самих оперативных работников органов госбезопасности, обслуживающих партизанские отряды. Некоторые чекисты зачастую не доводили до конца допросы и следствие по делам немецких агентов, засылаемых противником в партизанские отряды. Задержанные агенты немецких спецслужб расстреливались сразу же после признания о своей причастности к разведке противника, не подвергаясь тщательному предварительному допросу по существу полученных заданий и об известных им других фашистских агентах.^[358] Так, задержанные партизанской бригадой имени «Правды» в Минской области БССР агенты немецкой разведки Лейман и Лебедева, несмотря на то что находились под следствием в опергруппе, были расстреляны по распоряжению Особого отдела бригады как раз в тот момент, когда начали давать серьезные показания. После расстрела Лебедевой у нее были обнаружены зашитыми в бюстгальтер адреса явок на нашей территории. Значение этих адресов в связи с расстрелом Лебедевой не было выяснено.^[359]

Аналогичный случай произошел в 3-й Минской бригаде, где по распоряжению заместителя комбрига немецкие агенты Романенко и Веремьев были расстреляны без тщательного допроса. У Романенко после расстрела были тоже обнаружены в заплате на брюках адреса лиц, проживающих на территории СССР в тылу Красной Армии.^[360]

Многое здесь, по мнению автора, объясняется специфическими условиями, в которых приходилось работать контрразведчикам. Содержать арестованных агентов противника было негде. Тюрем в лесу, естественно, не было. А если отряд находился в рейде или вел бои с карателями, то после установления причастности кого—либо к спецслужбам врага эти лица сразу же подлежали ликвидации.

Но были и проблемы иного характера, которые не красят отдельно взятых чекистов. Исследователь партизанского движения В. И. Боярский в одной из своих работ приводит следующий пример: «...в августе 1943 года начальник Особого отдела бригады имени Чкалова Барановичского

партизанского соединения (БССР) лично расстрелял 19-летнюю Елену Станкевич, разведчицу отряда «За Советскую Родину» данной бригады на том основании, что она якобы являлась агентом гестапо. На самом деле причиной для расправы был отказ девушки стать его любовницей». [\[361\]](#)

В целом же, несмотря на недостатки в контрразведывательном обеспечении партизанских формирований, работа чекистов сыграла, в целом, положительную роль, что было отмечено руководством Центрального штаба партизанского движения.

Как показала боевая практика, важнейшая роль в ограждении партизан от подрывной деятельности фашистских спецслужб принадлежала агентурному проникновению в разведывательные и карательные органы врага, которое позволяло наиболее успешно, с меньшей затратой сил, решать задачи по контрразведывательному обеспечению партизанских формирований.

Ликвидации гитлеровцев и их пособников

Ликвидации нацистских сановников и предателей Родины являлись одним из направлений зафронтной деятельности органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны.

Велся строгий учет бесчеловечным злодеяниям гитлеровских палачей на оккупированных территориях. На основании приговоров, вынесенных партизанами, только при непосредственном участии ОМСБОН НКВД СССР было осуществлено 87 актов возмездия. [\[362\]](#)

Подготовка и совершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости. Необходимы были точные знания и учет конкретной обстановки, в частности, сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них — инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из них предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов приведения их в действие.

Организаторам и исполнителям актов возмездия в отношении гитлеровцев и их пособников приходилось прикладывать невероятные физические, а в большей степени психологические усилия. Зачастую все проходило не так гладко, как это писалось в отчетах и докладывалось

руководству.

Каждый свершенный акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое психологическое и нравственное значение. Он утверждал неминуемость наказания главных преступников, торжество справедливости, непобедимость народа, силу духа и волю к борьбе которого не могли сломить самые жестокие репрессии.

Хочется только отметить, что следствие гитлеровцев по делам такого рода, как правило, приходило к выводу о причастности к таким акциям органов государственной безопасности СССР.

Неоценимую помощь в данном направлении оказали женщины. Удивляться здесь не приходится. Мужчины, в большинстве своем, служили в частях Красной Армии, в партизанских формированиях или работали на оккупационные германские власти.

Одной из самых громких ликвидации высших гитлеровских сановников явилось убийство гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе.

Задание на ликвидацию Кубе получили все действующие в районе г. Минска партизанские командиры. На протяжении всего лета и сентября 1943 года велась охота на гауляйтера Белоруссии. Однако все покушения остались безрезультатными. За Кубе «охотились» долго и настойчиво партизаны целого ряда отрядов, в том числе — чекистские партизанские отряды С. А. Ваупшасова, П. Г. Лопатина, И. Ф. Золотаря, отряд ГРУ Д. И. Кеймаха и др.

На наш взгляд, принятая в отечественной историографии точка зрения о том, что общее руководство и координацию действий возглавлял Центр и Минские областной и городской комитеты КП(б) Белоруссии, в настоящее время требует серьезного пересмотра.^[363] Любезно представленные Надеждой Викторовной Троян автору этой монографии документы (подлинники), подписанные лично Судоплатовым и Маклярским, подтверждают эту точку зрения.

Покушения на Кубе поначалу были неудачны. Так, 22 июля 1943 года раздался взрыв в театре г. Минска. По данным ЦШПД и ГРУ, было убито 70 и ранено 110 солдат и офицеров противника. Но Кубе за несколько минут до взрыва покинул театр.^[364]

Летом 1943 года разведчица В. В. Гуринович из бригады «Градова»^[365] установила, что Кубе часто ездит в одну из своих загородных резиденций в совхоз Локшицу. Группа партизан—разведчиков проникла на южную окраину Минска, несколько дней просидев в засаде на шоссе Минск —

Локшица, в районе которого была эта резиденция. Однако в эти дни машина гауляйтера на этой дороге так и не появилась.^[366]

В конце августа 1943 года «Градов» вновь направил в Минск группу «охотников»: стало известно, что на 6 сентября намечен большой банкет по поводу 10-летия прихода Гитлера к власти. Тогда—то и был осуществлен взрыв в офицерской столовой. Погибло 36 высокопоставленных фашистских офицеров и чиновников. Но Кубе на банкет не явился.

Непосредственными исполнительницами акта возмездия принято считать трех Героев Советского Союза — Елену Мазаник, Марию Осипову и Надежду Троян.

Зная о том, что Мазаник имеет доступ в комнаты, где работает и отдыхает гауляйтер Белоруссии, руководством партизанской бригады «Дядя Коля» (командир — капитан государственной безопасности П. Г. Лопатин) была сделана попытка использовать это обстоятельство.

Первой вышла на Елену Мазаник с предложением ликвидировать гауляйтера резидент разведотдела бригады «Канская» — Надежда Троян.

Е. Г. Мазаник, вспоминая встречу с Н. В. Троян, пишет в одной из своих статей, что «Надя сразу сказала, что она из партизанского отряда и пришла предложить мне задание — убить Кубе. «Согласна ли ты на это?» — спросила она. Я тут же дала согласие, хотя не была уверена, что Надя действительно пришла от партизан».^[367] Однако впоследствии, испугавшись, что Троян является агентом гестапо, Мазаник стала уклоняться от встреч и вскоре прекратила с ней всякую связь.

В исследованиях, посвященных партизанской борьбе на оккупированных территориях СССР, зачастую случаются досадные ошибки, которые искажают истину. Так, авторы монографии «Ненависть, спрессованная в тол» утверждают, что «Е. Мазаник, работавшая горничной в квартире Кубе, привлекла к участию в операции М. Б. Осипову — связную трех отрядов: В. Ваупшасова, П. Лопатина и И. Золотаря».^[368] Однако документы говорят о том, что именно Осипова привлекла, а на наш взгляд, с учетом сложившейся обстановки заставила Мазаник согласиться подложить мину в постель гауляйтера Белоруссии.

За две недели до взрыва, покончившего с гауляйтером, на Мазаник вышла Мария Осипова, фигурирующая в секретных учетах НКВД и ГРУ как «Цапля» и «Черная». Встреча была организована директором одного из кинотеатров г. Минска Николаем Васильевичем Похлебаевым. Последний в первые дни войны был тяжело ранен. В бессознательном состоянии его подобрала немцы и поместили в Минске в больницу для военнопленных.

После выздоровления при помощи одной медсестры Похлебаев скрылся. Позднее ему удалось устроиться на работу в кинотеатр, где вскоре он стал директором.^[369]

По предварительной договоренности на встречу с Осиповой должны были прийти Елена Мазаник и ее сестра Валентина Шутская, работавшая в казино немецкого суда.^[370] Однако в назначенное время они не явились. Осипова высказала Похлебаеву сомнение по поводу благонадежности «Гали» (партизанский псевдоним Мазаник), так как имелась информация о том, что «она с немцами гуляет».^[371]

Следующая встреча была организована подпольщиком Георгием Куликовым (Жоржем) и Николаем Похлебаевым.

Осипова мучительно ожидала свидания с сестрами, так как срыв первой встречи в напряженной обстановке оккупированного города произвел на нее тягостное впечатление.

Вот как описывает встречу с Осиповой Елена Мазаник: «Твердой и надежной явилась связь с Марией Осиповой и через Николая Похлебаева. Когда сестра познакомила меня с Николаем, я почему—то сразу почувствовала большую симпатию к этому человеку. Он, Николай—то, и познакомил меня с Марией Осиповой. Он отрекомендовал ее как связную из отряда «Димы», причем сказал прямо: «Девушки (он имел в виду меня и сестру), я вам доверяю и открою вам секрет: я с Осиповой встречался несколько раз в отряде «Димы», и мы оба получили там задания. Конечно, они различны, но цель одна — борьба с врагом, надеюсь, что и вы будете нам помогать». Я ответила: «Спасибо за доверие, будем работать сообща»... Как—то в солнечный день мы с Валентиной спустились по Потемкинской лестнице к реке Свислочь. Здесь нас ждали Николай с Марией, они прогуливались под руку, будто влюбленная пара. Мы подошли к ним, поздоровались, как со старыми друзьями, хотя я видела Марию впервые. Николай с Валентиной отошли, а мы с Марией стали говорить о деле. Мария на меня произвела хорошее впечатление, она была спокойной, серьезной женщиной. Когда я ей сказала, что начну подготовку при условии, если она с Валентиной сходит в отряд вместе, Мария охотно согласилась».^[372]

Несколько иную картину мы видим в рассказе Марии Осиповой. «Я с «Галей» отошла в одну сторону, а Валя с Николаем — в другую. Я «Гале» сказала, что у меня с вами разговор будет короткий. Николай вас, очевидно, предупредил, с кем он вас знакомит и что я от вас хочу. У меня была взята с собой отрава. Я думала передать ее «Гале», но она мне сказала, что

Николаю не доверяет, а меня вообще не знает, хочет видеть кого—либо из начальства отряда. После этого она рассказала, что к ней приходила какая—то Надя, предлагала деньги за убийство Кубе. Эта Надя вызывает у нее подозрение своим поведением, так как открыто носит по городу листовки и держит себя развязно. На это я «Гале» ответила, что у меня денег нет, за них я покупать вас не собираюсь, а надеюсь на вашу сознательность». [\[373\]](#)

Как мы видим, два рассказа об одном и том же эпизоде значительно отличаются друг от друга. На наш взгляд, воспоминания Марии Осиповой более объективны и максимально приближены к той сложной оперативной обстановке в оккупированном Минске.

Объективны и опасения Мазаник, которая хотела точно знать, что с ней связались именно представители партизан. Работая продолжительное время в канцелярии гауляйтера, она наверняка была осведомлена о том, что гитлеровские спецслужбы имели разветвленную агентуру из числа местных жителей. И она, конечно, боялась, что к ней могут подослать агентов гестапо для выявления ее благонадежности.

На вопрос Осиповой, почему сестры не пришли на первую встречу, Мазаник заявила, что они были на базаре и там задержались. [\[374\]](#) Данный ответ оставляем без комментариев.

Видя, что разговор может закончиться безрезультатно, Осипова сказала Мазаник: «Вы прекрасно понимаете, в какой обстановке находимся. Близится час, когда каждый из нас, оставшийся в тылу противника, должен будет отчитаться перед Родиной, что он сделал для ее освобождения от проклятого фашизма». [\[375\]](#)

На наш взгляд, под этой обычной патриотической речью скрыто проскользнула угроза физического устранения за отказ от сотрудничества с партизанами. А как последние поступают с изменниками, «Гале» тоже было известно. Помимо этого, произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне. Победы Красной Армии под Сталинградом и Курском были известны и на оккупированной территории.

Мазаник настояла на встрече с руководством партизанского отряда. Осипова согласилась на это, предупредив, что придется идти пешком километров сорок. Однако Мазаник, сославшись на занятость, сказала, что вместо нее пойдет ее сестра Валя.

На следующий день (это была суббота 10 сентября) в шесть часов утра Валентина встретилась с Марией Осиповой, и они ушли в партизанский отряд. Из отряда они возвратилась благополучно на следующий день.

13 сентября Мария Осипова встретилась с подпольщиком Владимиром

Сибко^[376] и передала ему свежие советские газеты, которые принесла из отряда. Потом, по договоренности, пошла на встречу с сестрами. Последние в назначенное время не явились.

Подождав некоторое время, чтобы не вызвать подозрения, Осипова ушла.^[377]

На следующий день, 14 сентября, Николай Похлебаев в 18.00 организовал очередную встречу. На этой встрече было принято решение ликвидировать Кубе, заложив мину в его кабинет или спальню. От первоначального плана убить Кубе путем отравления решили отказаться, так как первыми в доме принимали пищу его дети.^[378]

Итак, договоренность с возможным исполнителем теракта была достигнута. Осталось принести из партизанского отряда мины и передать их Елене Мазаник.

Ликвидация Кубе явилась приказом Центра для всех партизанских формирований. Возникает вопрос, который не дает покоя историкам отечественных спецслужб — кто приложил руку к убийству гауляйтера, военная разведка или органы государственной безопасности?

Последней инстанцией, где Осипова получила мины, явился действовавший в районе Минска спецотряд «Дима» Главного разведывательного управления, которым руководили Д. И. Кеймах, К. Корниенко и Н. П. Федоров.^[379] Руководство отряда знало, что Осипова связана с другими оперативными группами НКВД, охотившимися за Кубе. Однако, исходя из оперативной обстановки, Осиповой было приказано временно прекратить с ними любые контакты.

Мария Осипова ходила на связь под видом спекулянтки. Из города несла разную одежду, будто менять на хлеб, а на самом деле в ней были защиты нужные сведения. Из деревни (то есть из отряда) возвращалась с продуктами якобы для продажи, а под продуктами часто проносила листовки и взрывчатку.^[380]

Получив в отряде «Димы» две небольшие на вид мины, Осипова положила их в корзинку, засыпала брусникой, сверху положила яйца и вареную курицу. На подходе к г. Минску она была остановлена полицейскими. Вот как она сама рассказывает про это. «Чего несешь? — спросили полицаи. Я сделала глуповатую физиономию. Хотя она у меня и так не особо умна, пожала плечами и говорю, что несу ягоды, яички и курицу. Один из полицейских спросил, что под ягодами. Я улыбнулась глуповато и говорю: «Да что там может быть». Полицейский приказал высыпать ягоды из корзины. Я стала плакаться, что детей у меня много, а

ягоды перепачкаются в песке, у меня их никто не купит. Откупились от полицейских курицей, яйцами и двадцатью пятью марками. После этого еле дошла до места, так как была в состоянии стресса». [\[381\]](#)

За этот короткий промежуток времени общения с полицаями, можно только догадываться, что пережила отважная подпольщица. При обнаружении мин Осипова, несомненно, была бы доставлена в гестапо и расстреляна.

В пятницу 16 сентября Мария Осипова, по договоренности, направилась на встречу с Мазаник, предварительно завернув мину в газету и положив ее в сетку, сверху которой лежали порванные туфли. Мазаник на встречу не явилась. Состояние Осиповой в этот момент было на грани срыва.

Оказывается, Мазаник не пришла на встречу ввиду отъезда Кубе в командировку.

Очередная встреча Осиповой и Мазаник произошла на квартире Елены в воскресенье 19 сентября 1943 года. Мазаник сообщила, что жена гауляйтера во вторник поедет за покупками и, возможно, в этот день создастся благоприятная ситуация для закладки мины. [\[382\]](#)

В понедельник 20 сентября вечером произошла их контрольная встреча, на которой Мазаник получила мину. Вот как она описывает этот эпизод: «В моей комнате стенки были тонкие, нам приходилось разговаривать шепотом — с одной стороны жил полицай, да и другой сосед тоже был ненадежный. Мария ко мне пришла якобы для того, чтобы купить туфли. Она их начала примерять, ходить по комнате и торговаться. Я просила двести марок, она давала сто, потом сто пятьдесят. Торговались мы примерно минут сорок, за это время она вынула мину и проинструктировала меня, как ее завести. Но, видимо, она сама плохо знала, как это делается, в нее никак не входил замыкатель, и мы ножом пытались расширить паз. Валентина в это время пела песни и уговаривала меня продать туфли... Наконец все было готово. Я подложила мину под матрац, и мы сели на кровать — попробовали, не чувствуется ли мина. Оказалось, что не чувствуется, и мы пришли к выводу, что это надежный способ отправить на тот свет господина Кубе. Затем мы с Марией быстро «сошлись в цене» за туфли. Мария громко отсчитала деньги, завернула туфли, и, выходя, сказала: «Все же переплатила я за туфли. Но, что делать, они мне очень понравились!» Это было в шесть часов вечера. После ухода Марии сосед полицай спросил меня, что за женщина была у меня. Я ответила, что она купила у меня туфли.

Мину я сначала положила в печку, там она пролежала до темноты. В час ночи я принесла ее в комнату. Завести ее нужно было в два часа ночи, с тем чтобы она взорвалась в два часа ночи на следующий день. В два часа ночи я завела мину и положила ее под подушку. Вдвоем с Вале́й мы легли на кровать — если взорвется, погибнем вместе. Ведь если бы она взорвалась без нас, все равно нам грозила гибель». [383]

Поразительная техническая неграмотность. Ковырять мину ножом, расширяя паз мины для замыкателя... Положить взведенную мину под подушку и лечь на нее спать...

Во вторник 21 сентября в шесть часов утра Елена Мазаник, положив в сумку мину, направилась в последний раз на работу в дом гауляйтера Кубе. С сестрой у нее была договоренность о том, что если у последней на работе внезапно появится СД, это будет означать, что операция потерпела крах и ей надо немедленно уходить, чтобы не попасть в гестапо.

Как вспоминает Мазаник, у нее с сестрой имелся яд, который предполагалось принять в случае провала.

Содержимое сумки она прикрыла красивым носовым платком. Помимо этого Мазаник несла также портфель с мочалкой и полотенцем, будто она собралась мыться в душе.

На входе в дом Кубе прислугу всегда обыскивали. [384] В этот день, на счастье Елены Мазаник, дежурил солдат, с которым она была в хороших отношениях. Обыск прошел формально.

Придя к себе, Мазаник переоделась, а мину подвязала под платье ниже груди. Поверх платья надела фартук, но не завязала его сзади, чтобы он висел на ней свободно — так мина была совсем незаметна. Таким образом она ходила с миной до одиннадцати часов.

В 9 часов утра Кубе, жена и дети проснулись. Гауляйтер, встретив Мазаник на лестнице, поинтересовался причиной ее бледности. Она ответила, что у нее болит зуб и что всю ночь пришлось не спать. В этот момент она попросила у него разрешения пойти к зубному врачу и сегодня на работу больше не приходить. Кубе отреагировал положительно и распорядился, чтобы ее отвели к немецкому зубному врачу.

Кубе со своим адъютантом Виленштейном уехали на службу. Жена гауляйтера с младшим сыном Вилли отправились в магазин за продуктами, два старших сына — в школу.

В доме оставались горничные Яня и Стефа, повариха Домна и дежурный офицер СД, который с утра до поздней ночи дежурил у телефона. Его комната находилась как раз напротив спальни Кубе. Он редко

покидал свой пост, особенно когда Кубе и его жена уходили из дому.

Вообще, все, что делалось в этот день в доме гауляйтера, мы можем узнать только со слов Мазаник. Других источников просто нет. «Я предложила ему (офицеру) спуститься вниз позавтракать. «А если позвонит телефон, я быстро вас позову», — сказала я. Он охотно согласился и, когда завтрак был готов, спустился в полуподвальное помещение... Я стала торопиться, каждую минуту могла возвратиться Янина. Обежав все комнаты и убедившись, что никого нет, я проскользнула в спальню Кубе. В руке у меня была мина, завернутая в детские штанишки — скажу, в случае чего, искала, мол, здесь нитки для штопки. Когда я проходила комнаты, все время окликала жену Кубе, так как боялась, что, может быть, кто—нибудь еще есть в доме. В спальне я быстро заложила мину между матрацем и пружинами, ближе к головной части кровати. Заложив мину, я села на кровать — проверила, не чувствуется ли мина, нет, все было хорошо — на матраце лежала еще тонкая перина. И вот тут—то все чуть не сорвалось...

Только я успела встать с кровати, как в дверях спальни появился дежурный офицер. Он подозрительно посмотрел на меня и строго спросил, что я здесь делаю одна, почему нахожусь в комнате, уборка которой поручена другой (все комнаты второго этажа убирала другая прислуга, а я убирала весь третий этаж, кабинет Кубе, столовую, комнату Аниты и еще несколько комнат для гостей. Все эти комнаты были нежилые. В эту же минуту спустилась вниз Янина.

Янина была очень красивая девушка. Я знала, что она нравится этому офицеру и что сейчас только она сможет меня выручить. Я обратилась к ней со словами: «Яня, дорогая, поцелуй, пожалуйста, господина офицера, он такой злой сегодня, обещай, что ты сегодня вечером с ним встретишься!» Янина кокетливо взглянула на офицера и, приблизившись, сочно поцеловала его в губы... Только после этого я объяснила офицеру, зачем я сюда пришла и что мне тут надо. «Я хотела заштопать эти штанишки, а нитки находятся тут», — сказала я. После поцелуя Янины офицер хотя и подобрел, но строго сказал мне, чтобы я раз и навсегда запомнила, что, когда в комнате никого нет, я не имею права входить в нее. Я сказала, что этого больше никогда не будет, я больше никогда сюда не зайду, и попросила его, чтобы он не говорил об этом Кубе и Аните, а то мне здорово влетит.

Офицер внимательно осмотрел спальню, заглянул в тумбочку, открыл гардероб, поднял на кровати подушку, одеяло и сказал: «Можешь идти, русская свинья, чтоб твоего духу здесь больше не было!» Я еще раз извинилась и вышла. В кабинете Кубе я взяла пачку лучших сигарет и,

отдавая их офицеру, сказала, что это ему за его доброту ко мне, что эти сигареты подарил мне сам господин Кубе. Он взял их с большим удовольствием, а я сошла вниз, взяла пальто, портфель, сумку и сказала, что с разрешения Кубе ухожу к зубному врачу. Если зуб удалю, то на работу больше не приду. Мне разрешили уйти...». [\[385\]](#)

Марию Осипову, Елену Мазаник и ее сестру Валентину Шутскую вывез за город Николай Фурс — шофер кинотеатра, возглавляемого Николаем Похлебаевым. Затем они самостоятельно добрались до партизан.

Кубе вернулся домой в первом часу ночи, сказал, что плохо себя чувствует, и сразу лег в постель. В 0 час. 40 мин. 22 сентября 1943 года в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были, безусловно, смертельные. Его труп в полуобгоревшем состоянии был вынесен из охваченной пожаром спальни поднятой по тревоге дежурной командой». [\[386\]](#)

Н. В. Троян, не зная о смерти гауляйтера, 22 сентября 1943 года въехала в г. Минск на велосипеде в целях вручения мины Е. Г. Мазаник. Мина находилась в коробке от торта. По городу уже шли облавы. Выехать из Минска молодой девушке не было никакого шанса. Но ей помог случай. Она столкнулась с чехами — солдатами вермахта. Настроение у них было пораженческое. Они помогли отважной партизанке выйти из города. Более того, к партизанам вместе с ней ушел один из чешских солдат. [\[387\]](#)

Нацисты жестоко отомстили за смерть гауляйтера Кубе. Взятый в плен 7 мая 1945 года бригаденфюрер СС Герф Эбергард, на момент убийства Кубе начальник полиции порядка в Белоруссии, показал: «Страшные злодеяния в г. Минске после убийства Кубе были совершены по приказу высшего начальника СС и полиции Готтберга... Последующие дни полицией совместно с СД были проведены облавы. Схваченные на улицах и в домах ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети, были расстреляны... В этих облавах было расстреляно две тысячи человек и значительно большее число заключено в концлагерь». [\[388\]](#)

Как уже отмечалось, за гауляйтером охотились боевики НКВД, ГРУ и ЦШПД. После получения данных о его ликвидации было еще неясно, кто же конкретно осуществил акт возмездия. Некоторые поспешили доложить в Центр, что именно их агентура ликвидировала Кубе. Так, начальник Особого отдела партизанских отрядов Витебской области, капитан госбезопасности С. В. Юрин, агенты которого также были задействованы для убийства Кубе, поспешил отрапортовать своему руководству в Москву

об этом. Он доложил в Центр, что убийство гауляйтера осуществлено его людьми. После этого он был вызван в Москву и арестован за очковтирательство. Ему дали 6 лет лагерей. И только благодаря заместителю Центрального штаба партизанского движения С. С. Бельченко Юрин провел в местах заключения всего 1,5 года.^[389]

К чести организаторов и исполнителей акции возмездия, мина, уничтожившая Кубе, была направленного действия, т. е. рассчитана на ликвидацию одного человека, и была подложена именно на место отдыха гауляйтера. Ни рядом находившаяся беременная жена Кубе, ни дети, спавшие в соседней комнате, не пострадали. От первоначального плана отравить гауляйтера отказались, так как первыми принимали пищу его дети.

Ликвидация Кубе воспринимается историками неоднозначно. В связи с уничтожением нацистами большого количества мирных жителей, не имеющих отношения к смерти гауляйтера, некоторые авторы придерживаются точки зрения отрицания подобных боевых операций в ходе военных действий.^[390]

Однако большинство исследователей и очевидцев тех событий склоняются к тому, что Кубе был казнен (не убит, а именно казнен по приговору советского народа) правомерно.^[391] Свою точку зрения они аргументируют тем, что в рамках глобальной войны, когда стоял вопрос о выживании целых народов, ликвидация Кубе явилась закономерным ответом на его злодеяния. После совершенного правосудия в Берлине был объявлен траур, а на фронтах и в тылу наблюдалась полная деморализация личного состава противника.^[392]

Агенты органов государственной безопасности СССР ликвидировали и известного белорусского националиста Фабияна Акинчица. Непосредственно операцию осуществили А. Л. Матусевич, Г. И. Страшко и А. И. Прилепко. 5 марта в 7 часов утра Матусевич и Страшко постучали в квартиру другого националиста, Козловского, у которого ночевал Акинчиц. Последнего застрелил Матусевич. Когда Страшко начал стрелять в Козловского, у него заклинило пистолет. Козловский начал отстреливаться, и агентам—боевикам пришлось быстро ретироваться.^[393]

На взгляд автора, нельзя не сказать и о деятельности легендарного советского разведчика, удачливого «ликвидатора» Николая Ивановича Кузнецова («Пауль Зиберт», «Колонист»), действовавшего в городах Ровно и Львов на Украине с позиций партизанского отряда «Победители» под командованием оперативного работника 4-го Управления

НКГБД.Н. Медведева.

В г. Ровно Н. И. Кузнецов вел постоянную охоту на гауляйтера Украины Коха. Здесь советским разведчиком были ликвидированы оберфюрер СС, верховный судья Украины А. Функ, министерский советник финансов Г. Гель, гитлеровский палач А. Виннер. Им же было осуществлено дерзкое похищение командующего карательной экспедицией генерал—майора фон Эльгена, взятого в собственной резиденции на Мельничной улице вместе с документами особой секретности. Накануне этого события фон Эльген успел отправить в Германию очередные 20 чемоданов с награбленным на Украине добром. Тогда же он хвастал перед своим окружением, что уничтожит всех партизан в радиусе 100 км от Ровно и что будет беседовать с Медведевым в партизанском лагере.^[394]

Наместник фюрера, гауляйтер Украины Кох, напуганный размахом партизанского движения, предпочитал в Ровно не показываться и отсиживаться в Восточной Пруссии, где пока еще чувствовал себя в относительной безопасности. В отсутствие Коха на первые роли выдвинулся его главный заместитель по всем вопросам — регирунгспрезидент, то есть глава администрации Пауль Даргель. Население Украины ненавидело этого сатрапа даже больше, чем самого Коха, поскольку именно Даргель подписывал почти все приказы, постановления и распоряжения, за нарушения которых чаще всего следовало одно наказание — смертная казнь через расстрел, а иногда, для большего устрашения, и через публичное повешение. И то была не пустая угроза. Казни по всей Украине совершались повсеместно и каждодневно.

Под непосредственным руководством Д. Н. Медведева Н. И. Кузнецов составил план ликвидации Даргеля — детальный и достаточно реалистичный.

Разведчики за несколько недель тщательного наблюдения сумели хорошо изучить распорядок дня и привычки правящего президента. Даргель жил на той же улице — Шлосштрассе (она же Сенаторская), где располагался и рейхскомиссариат.

Как правило, Даргель ездил по городу с большой скоростью в длинном черном «Опеле—Адмирале», но обедать домой ходил всегда пешком, и ровно в час тридцать.^[395] Его прогулка сопровождалась определенным ритуалом. Вначале на улице появлялась охрана: жандармский фельдфебель и сотрудник СД в штатском. Охранники внимательно и придирчиво проглядывали улицу, выверяя, нет ли на ней подозрительных лиц. Следом за Даргелем — в двух шагах — всегда шествовал его адъютант, майор с

ярко—красной кожаной папкой в руке. Это была вполне достаточная примета, к тому же Кузнецов однажды видел Даргеля (весной, когда тот выступал на митинге по случаю дня рождения Гитлера, заменяя отсутствующего Коха) и был уверен, что сумеет опознать его. [\[396\]](#)

Кузнецов понимал, что ждать выхода Даргеля непосредственно на Шлосштрассе слишком рискованно, поэтому он поставил машину в переулке с таким расчетом, чтобы видеть ворота рейхскомиссариата. Предварительная информация оказалась точной: около половины второго весь путь от рейхскомиссариата до особняка осмотрели охранники, а ровно в час тридцать (ни минутой раньше, ни минутой позже) из ворот РКУ вышел подтянутый сухощавый военный чиновник со смуглым надменным лицом. За ним вышагивал высокий майор с ярко—красным портфелем под мышкой.

Гитлеровцы успели сделать лишь несколько десятков шагов, как их нагнал светло—коричневый «Опель». На какую—то секунду автомобиль притормозил, из него выскочил пехотный офицер. Военный не успел даже удивиться. В руке офицера блеснул ствол пистолета. Негромко хлопнули четыре выстрела. Качнувшись, рухнул на тротуар военный со смуглым лицом. Выронив красный портфель, упал рядом его адъютант. [\[397\]](#)

И тут же пехотный офицер впрыгнул в машину, на ходу захлопнув дверцу, и «Опель» рванул, быстро набирая скорость.

Кузнецов и его спутники немедленно вернулись в отряд. Через несколько дней связные доставили в отряд номер ровенской газеты «Волинь». Крупным шрифтом в ней было напечатано следующее сообщение:

«В понедельник 20 сентября, в 13 часов 30 минут, на улице Шлосс в Ровно были убиты выстрелами сзади руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт Винтер. Те, кто дал убийце поручение, действовали по политическим мотивам». [\[398\]](#)

И все же командование чекистского партизанского отряда было вполне удовлетворено результатом покушения. Во—первых, сам акт возмездия прошел безукоризненно — значит, план операции, в сущности, был разработан правильно. Во—вторых, министральрат Гель был фигурой достаточно важной, если и уступавшей положению правящего президента Даргеля, то ненамного.

8 октября 1943 г. Николай Кузнецов вместе с Николаем Струтинским подстерег Пауля Даргеля, когда тот выходил из своего дома, и выстрелил в

него несколько раз из той же машины, перекрашенной на этот случай в зеленый цвет. Правящему президенту удивительно везло — он и на сей раз остался невредим! Более того, разглядел нападавшего обер—лейтенанта германской армии с Железным крестом на груди. [\[399\]](#)

Как и в первый раз, Кузнецов и Струтинский, хотя и с трудом, сумели уйти от погони.

Оберегая своего самого ценного разведчика, командование не хотело, чтобы он в третий раз сделал попытку совершить покушение. Ему и так слишком везло, в том смысле, что дважды удалось беспрепятственно скрыться от преследователей. Всегда так не будет, просто не может быть по теории вероятности. Но Кузнецов продолжал настаивать на своем и настоял...

20 октября «Пауль Зиберт» совершил третье покушение на заместителя Коха. Оно было точной копией первого. Кузнецов психологически верно рассчитал, что немцы никак не будут ждать нового нападения на том же месте и не предпримут здесь дополнительных мер охраны. Так и оказалось.

Автомобиль в том же гараже гебитскомиссара был взят другой — зеленый «Адлер», вместо знака РКУ на нем установили отличительный знак и номер вермахта. Кроме марки и цвета машины, Кузнецов сменил и оружие: вместо пистолета он для надежности применил гранату, на которую для усиления действия надели дополнительный стальной чехол с насечками.

И снова — технически операция прошла блистательно. Снова Кузнецов и Струтинский ушли от преследователей. И снова невероятная досадная случайность! В двух шагах от ног Даргеля граната ударилась о бровку тротуара и отскочила так, что взрыв пошел в сторону, в стену дома! Ручкой гранаты был убит какой—то подполковник, стоявший на противоположной стороне улицы. А Даргель снова остался жив, хотя и был контужен взрывной волной.

10 ноября Николай Кузнецов, Николай Струтинский, Альберт Глас и Иван Корицкий в шесть часов вечера у выезда с улицы Легионов совершили налет на машину заместителя Коха Курта Кнута. Перед этим разведчики выяснили, что Кнут в этот вечер поедет в одно учреждение оккупантов именно данной улицей. Н. И. Кузнецов метнул противотанковую гранату. Автомобиль Кнута врезался в забор, передняя его часть развалилась. Затем разведчики буквально изрешетили то, что осталось от машины, автоматными очередями. Шофер был убит, но и этому заместителю Коха тоже невероятно повезло: взрывом его бросило на пол,

так что осколки и пули прошли выше. Кнут отделался контузией и легким ранением.^[400]

Другой же высокопоставленный чиновник А. Функ от расплаты не ушел. Функ, как и гауляйтер Украины Кох,^[401] был одним из любимцев Гитлера, осыпавшего его пышными чинами и званиями. В одно и то же время оберфюрер СС Функ являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, сенате—президентом верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области (Германия), главным судьей СА группы «Остланд», председателем «национал—социалистического союза старшин» и прочее, и прочее.

Верховный суд занимал трехэтажное здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, другой — на Парадную площадь. Третья сторона здания выходила на тихую и малолюдную Школьную улицу.

Как вспоминает заместитель командира по разведке партизанского отряда «Победители» А. А. Лукин: «Быть может, убить Функа было легче где—нибудь в другом месте и в другое время, но командование решило это сделать именно в здании суда».^[402]

Чекисты знали, что Функ — человек аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской на Немецкой улице, почти напротив суда. Без нескольких минут девять он пересекал улицу и входил в здание.

В восемь часов двадцать минут утра 16 ноября на Школьной улице, не доехав до суда метров пятьдесят, остановился серый легковой автомобиль «Адлер» (с новым номером), из него вышли два «гитлеровских офицера» — Кузнецов и Каминский.

Солдат—шофер — Николай Струтинский остался в машине и, казалось, задремал за рулем. Офицеры перешли площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прогуливаться по тротуару, Каминский занял позицию, откуда было удобно наблюдать за окном парикмахерской Анчака.

Несмотря на ранний час, на улице было многолюдно, Кузнецов и Каминский то и дело отвечали на приветствия офицеров, сами приветствовали.

В восемь тридцать к главному входу суда подъехал грузовик с двумя десятками эсэсовцев.

Струтинский нащупал под сиденьем автомат и насторожился, полагая, что это неожиданное осложнение сорвет операцию. Но Кузнецов и Каминский продолжали как ни в чем не бывало спокойно прохаживаться на своих постах.

В восемь сорок на мгновение откинулась занавеска в окне парикмахерской — Анчак подал знак, что через несколько минут он закончит бритье. И сразу же Каминский сдвинул фуражку на затылок — это уже был сигнал Кузнецову.

В восемь сорок пять занавеска откинулась совсем. Каминский приподнял фуражку, Кузнецов взглянул на часы и неторопливо направился к дверям суда, Струтинский завел мотор.

Из дверей парикмахерской вышел Функ и пошел навстречу возмездия. Николай Иванович отлично изучил расположение всех коридоров и комнат в здании суда. Знал все ходы и выходы, в том числе и малоприметный на Школьную улицу. Сейчас ему требовалось единственное — войти в дверь одному, не столкнувшись ни с кем из сотрудников. Иначе чем объяснить, что, оказавшись внутри здания, он не пойдет ни на лестницу, ни в боковые коридоры, а быстро станет прямо за дверью? Но и это было учтено: Кузнецов превосходно понимал, что сотрудники суда займут свои рабочие места раньше (хотя бы на несколько минут), чем прошествует в свой кабинет на втором этаже главный судья.

Кузнецов остановился за дверью. Справа послышались шаги: кто—то шел по коридору к двери. Шаги приблизились и удалились уже на лестнице. Николай Кузнецов в упор трижды выстрелил в Функа. Потом быстро вышел на Школьную улицу.

Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером «Адлере», но не обратили на него никакого внимания. Выстрелы они не слышали.

Труп Функа обнаружили только через две—три минуты. На втором этаже здания суда настежь распахнулось окно, и площадь огласил чей—то истерический крик:

— Президент убит! Президент убит!

Поднялась тревога. Эсэсовцы устремились в погоню. В нескольких кварталах от площади они настигли серый «Адлер», в котором сидел какой—то майор.

Его вытащили из машины, избили до полусмерти и отправили в гестапо.

Это удачное совпадение дало Николаю Кузнецову те самые драгоценные минуты, которые позволили ему и Струтинскому бесследно раствориться... Благополучно ушел с площади и Ян Каминский.

Помимо деятельности Кузнецова, на Украине исполнителями смертных приговоров над целым рядом главарей фашистской администрации явились бойцы отрядов Е. Мирковского, Д. Медведева,

В. Карасева, Н. Прокопюка и связанные с ними подпольщики.

Так, 1 мая 1943 года в помещение районной комендатуры в Овруче вошла группа немецких офицеров. Неожиданно для захваченных врасплох эсэсовцев они приказали им сложить оружие. Затем был зачитан и приведен в исполнение приговор над убийцей и садистом фон Армином. Исполнителями были разведчики из отряда Е. Мирковского: Н. Крамской, К. Анисимов, А. Мешков, С. Полищук, М. Карапузов, В. Шамякин. Все они благополучно вернулись на базу.^[403]

Таким образом, чекистские партизанские формирования неоднократно проводили успешные ликвидации. Подводя их итоги, необходимо отметить, что подобная деятельность, преследуемая законом в мирный период существования государства как деятельность террористическая, в особых условиях и в военное время в отношении гитлеровских оккупантов приобрела иное толкование. Акты физического устранения представителей администрации на оккупированных гитлеровцами территориях СССР являлись специальными операциями, которые осуществлялись на основании приказов высшего командования.

Заключение

Великая Отечественная война показала, что размаху и эффективности народной борьбы на оккупированной советской территории существенно способствовало участие в этой борьбе органов госбезопасности СССР.

Чекисты активно готовились к этой борьбе в 1920–1930-х годах. Помимо подготовки кадров, разрабатывались и совершенствовались мобилизационные планы, готовились продовольственные и оружейные базы. Смена военной концепции и последовавшие вслед за нею репрессии в середине 1930-х годов в отношении сторонников «малой войны» во многом свели на нет проделанную ранее работу.

Знаменательно то, что за все годы Великой Отечественной войны не погибло ни одно партизанское формирование, возглавляемое командирами, прошедшими довоенную подготовку в спецшколах ОГПУ и Разведупра. И это, видимо, закономерно.

Анализ нормативно—правовых документов, регулирующих деятельность органов государственной безопасности на оккупированной территории, позволяет сделать вывод о правомерности борьбы советского народа на оккупированной территории. И приходится недоумевать, что это ставится под сомнение некоторыми авторами. Деятельность органов

государственной безопасности на оккупированной территории регламентировалась целым комплексом нормативно—правовых документов. На базе Основного закона государства — Конституции СССР 1936 года, где записано, что «защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР», были созданы первые документы по развертыванию борьбы советского народа в тылу врага: совместная директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». Несмотря на то, что постановления ВКП(б) не являлись юридическими документами, на их основе вырабатывались правительственные и ведомственные нормативные документы, регулирующие деятельность чекистов на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны.

Гитлеровские спецслужбы активно действовали на оккупированной территории. Абвер и гестапо использовали весь свой мощный потенциал для подавления партизанской борьбы советского народа. Фашистская агентура на протяжении всей войны внедрялась в партизанские формирования. Все это требовало огромной работы органов государственной безопасности по противодействию спецслужбам противника.

Чекисты формировали партизанские отряды и оставляли их при отступлении Красной Армии на оккупированной противником территории, забрасывали в тыл врага диверсантов и оперативные группы ОМСБОН НКВД СССР.

Многие из этих групп, по приказу руководства либо исходя из оперативной обстановки, становились партизанскими отрядами. Так, опергруппы под командованием М. С. Прудникова — «Неуловимые», С. А. Ваупшасова — «Местные», Д. Н. Медведева — «Победители» и др. превратились впоследствии в мощные партизанские формирования.

За годы войны для выполнения особых заданий в тылу врага только на базе ОМСБОН было подготовлено 212 специальных отрядов и групп общей численностью 7316 человек. Всего за линию фронта заброшено более 2000 оперативных групп.

Оперативная обстановка существенно влияла и на конкретное содержание и формы деятельности органов госбезопасности на оккупированной территории. В этой сфере выделялись несколько основных направлений: организация разведки и контрразведки, диверсионной работы, проведение специальных боевых операций в тылу врага.

Чекисты сыграли большую роль в организации разведывательно— диверсионной деятельности партизан на всех ее стадиях — от подготовки и обучения кадров до определения конкретных методов и приемов агентурной работы.

Успешной деятельности штабов партизанского движения способствовало участие чекистов в их работе. В основном руководящем составе Центрального штаба партизанского движения было большое количество сотрудников органов государственной безопасности, имеющих опыт организации партизанского движения в первый год войны.

В ходе борьбы органов госбезопасности в тылу противника появлялись свои проблемы, выявлялись порой серьезные недостатки, но в целом чекисты, действовавшие на оккупированной территории, внесли существенный вклад в дело победы Советского Союза над гитлеровской Германией.

Приложения

Партизанская разведка

Опыт всех стран показывает, что, как бы ни была подготовлена и вооружена армия, без хорошо поставленной разведки она не сможет успешно выполнить свои задачи. Разведка стала неизменным и важнейшим спутником войны, и ее не без основания стали считать ключом к победе.

Добыть сведения о противнике и скрыть от него свои силы и намерения — эта основная задача разведки оставалась неизменной во все времена, хотя организация и методы ее работы изменялись и совершенствовались вместе с развитием военного дела. Под разведкой в общем смысле понимают совокупность мероприятий, осуществляемых государственными органами в мирное и военное время с целью добывания сведений об экономическом и политическом положении других государств и состоянии их вооруженных сил.

В более узком, военном смысле разведка является важнейшим видом боевого и оперативного обеспечения войск и заключается в сборе сведений о войсках противника, местности и других данных, необходимых для успешного ведения войны, операции, боя.

Разведка организуется и проводится всеми видами вооруженных сил и родами войск.

Вторая мировая война характеризовалась колоссальной численностью и подвижностью участвовавших в ней вооруженных сил. Борьба происходила на огромных пространствах. Огромные армии благодаря моторизации обладали способностью к быстрому маневрированию, к созданию в ходе операций крупных группировок в самые короткие сроки и на различных направлениях. В этих условиях разведывательная работа чрезвычайно усложнилась и превратилась в первостепенный фактор ведения войны.

Причина провала германской разведки и успехов разведки союзников крылась не в неспособности одних руководителей разведки и в талантах других. Она заключалась и в освободительном, прогрессивном характере войны, которую вели союзники против фашистской Германии, и в том, что эта война опиралась на сочувствие и поддержку сотен миллионов людей во всем мире, и в том, что на разведку союзников работали не платные агенты — предатели, что было неизбежным уделом германской разведки, а целые

армии движения Сопротивления во всех странах, партизан и подпольщиков в Советском Союзе.

Разведывательная работа советских партизан в первый год войны

Партизанская разведка стала эффективной не сразу. В 1941 году и в начале 1942 года практически все партизанские отряды вели разведку в своих интересах, и лишь сравнительно небольшое количество партизанских отрядов и групп, партизанов—разведчиков, подпольных организаций и их агентов вело разведку для армии. Этот период помимо развития и роста партизанского движения и разведывательной работы партизан характерен и ошибками в организации и проведении этого дела.

Крупнейшим недостатком начального периода являлась чрезвычайно слабая радиосвязь с партизанскими отрядами. Она в это время не получила еще своего развития. Самолеты в тылу в это время садились очень редко. Голубиная почта отсутствовала вовсе. Оставались одни курьеры, которые должны были переходить линию фронта. С момента выхода курьера из партизанского отряда до его прибытия в штаб партизанского движения и даже в штаб дивизии проходило от одной недели до месяца. При таких сроках доставки разведданные, имевшие оперативный интерес, старели и теряли свое значение, а иногда вовсе пропадали.

Курьеры проносили через линию фронта данные о военном, экономическом и политическом положении на оккупированной территории, сведения о мероприятиях противника в полосе фронта и в глубоком тылу и т. д.

Однако такой связи было недостаточно, чтобы обеспечить эффективность разведывательной работы в условиях Великой Отечественной войны.

Другим недостатком было то, что партизаны в этот период имели слабую связь с крупными городами, где были штабы и учреждения врага, где вынашивались его замыслы и через которые непрерывным потоком шли вражеские людские силы и материальные ресурсы.

Ошибка некоторых руководителей подпольных организаций и партизан состояла в том, что они легко заводили большое количество агентов—разведчиков среди патриотически настроенных советских граждан, но не вели сложной работы по внедрению своих агентов в места, где их работа являлась бы наиболее ценной и где она была связана с

большими трудностями.

Отсутствием разведывательного опыта в начальный период можно объяснить то, что многие захваченные немецкие документы сжигались партизанами, агентами и подпольщиками, часто не имевшими представления об их ценности.

Сообщения о важнейших данных, добытых ценой большого труда и риска, иногда присылались по неопытности в бесполезном виде. В разведку включились сотни тысяч патриотов, готовых на все во имя Советской Родины, но у них не было опыта и навыков этой работы. Многие разведчики в начале войны, наблюдая в течение дня все новые и новые войска противника, не только не могли подсчитать их, но даже теряли всякое представление об их количестве и писали в донесениях иногда фантастические вещи.

Эти трудности были преодолены довольно быстро. В отряды и бригады направлялись опытные разведчики, в большей степени чекисты, шел в больших масштабах инструктаж партизан и жителей по вопросам разведывательной работы, разрабатывались ясные и точные директивы о ее способах и задачах. Вскоре выковались кадры превосходных разведчиков и руководителей разведки из партизан.

Развитие разведки советских партизан и подпольщиков в ходе войны, задачи и организация работы

Расширяясь, партизанское движение накапливало опыт. Для бесчисленных партизанских отрядов, бригад, соединений, партийных, комсомольских и антифашистских подпольных организаций разведка становилась огромной необходимостью. Непрерывно расширялась и квалифицировалась разведывательная работа для Красной Армии.

Партизаны и подпольщики, опираясь на традиции большевистского подполья, выработали наиболее эффективные методы разведки.

Центральный комитет ВКП(б) и Ставка Верховного Главнокомандования уделяли огромное внимание развитию народной борьбы в тылу врага, особенно разведывательной работе, ставили задачи в данной области и указывали способы организации этой работы и методы ее ведения.

1 сентября 1942 года во время приема группы командиров партизанских отрядов и организаторов партизанского движения И. В. Сталин указал на то, что советские партизаны действуют при

поддержке миллионов советских людей, а значит, имеют прекрасные возможности для разведывательной работы, могут и должны оказать неоценимую помощь Красной Армии в разгроме врага.

Указывалось, что партизаны должны вести разведку передвижения войск противника, добывать сведения об их складах, аэродромах, технике, а также о настроении у солдат и офицеров (о чем говорят, что собираются делать, какие строят планы).

Говорилось о необходимости везде заводить свою агентуру из преданных людей, которые должны были только вести наблюдение и обо всем сообщать, больше ничего не делая. Надо было проникать в учреждения, организации, штабы врага и органы власти. Для этого требовали заводить и усиливать связи в городах, через которые проходили коммуникации, шло движение войск, где находились учреждения и штабы и где ковались замыслы врага. Подчеркивалось, что нельзя забиваться только в лес — многое оттуда не увидишь.

Задачи и принципы разведывательной деятельности партизан были изложены в знаменитом приказе № 00189 от 5 сентября 1942 года, ставшем программой партизанского движения Великой Отечественной войны.

Было принято решение руководство разведывательной работой партизан в тылу врага сосредоточить в одних руках, в штабах партизанского движения. Решением Государственного Комитета Обороны в Центральном штабе, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения были образованы разведывательные отделы.

Специальным приказом Верховного Главнокомандующего, исходя из опыта движения, были назначены заместители командиров по разведке во всех партизанских соединениях, бригадах и отрядах. Этим приказом была дана полная и стройная организация партизанских разведывательных органов в тылу врага. С этого времени начался огромный и неуклонный размах партизанской разведки и рост качественных показателей ее работы.

Среди обязанностей заместителя командира по разведке были подбор и внедрение агентуры, вся практическая работа с нею, систематическое совершенствование разведывательной работы и непрерывное ее расширение, получение разведывательных данных, их отбор, первичная обработка, дополнительная в случае нужды проверка и представление разведывательных данных по назначению.

Заместитель командира по разведке и его помощники — это люди, которые должны были знать о враге все, что необходимо для боевой деятельности, передвижения, расположения и отдыха партизанских отрядов.

Заместитель командира отряда по разведке руководил также и контрразведывательной работой партизан, сводившейся в основном к предотвращению проникновения в отряды агентуры врага, ее разоблачению, а также выявлению подготавливавшихся вражеских агентов для заброски в советский тыл.

Заместитель командира партизанского отряда по разведке стал одной из важнейших фигур в движении, от его работы во многом зависел не только успех боевой деятельности, а порой и само существование отряда.

Разведка партизан и подпольных организаций осуществляла:

установление точного месторасположения, наименования и нумерации войск и штабов врага, а также учреждений и органов оккупационных властей;

наблюдение за передвижением войск и грузов противника по железным и грунтовыми дорогам, выяснение численности, рода войск и нумерации частей, количества и характера боевой техники, направления движения и времени следования;

установление мест расположения аэродромов противника, количества и типов самолетов, постоянно или временно базировавшихся на конкретном аэродроме, аэродромного оборудования, вспомогательных и специальных автомашин, запасов горючего и масла, а также наземной и противовоздушной обороны аэродромов;

установление в городах и крупных населенных пунктах количества войск в гарнизонах, численности по родам войск, наименования, нумерации, командования, системы противовоздушной обороны войск, складов и мастерских военной промышленности, высшей военной и гражданской администрации;

выяснение сведений об оборонительных рубежах, уже построенных и строившихся, их оборудовании в инженерном отношении, вооружении, фиксирование результатов бомбардировок нашей авиации;

установление расположения крупных складов боеприпасов, горючего, продовольствия, определение ориентиров, по которым авиация могла бы их обнаружить с воздуха, несмотря на маскировку;

установление и захват образцов новых видов вооружения;

наблюдение за складами отравляющих веществ, за подготовительными мероприятиями врага к газовой войне, захват образцов отравляющих веществ, противогазов и других защитных средств;

метеорологические наблюдения на оккупированной территории.

Партизанская разведка охватывала все виды деятельности вражеской армии, все военные, политические и экономические мероприятия

оккупационных германских властей. Она часто раскрывала замыслы противника в самом зародыше и оказывала тем самым неоценимую услугу Родине.

Верховное Главнокомандование Красной Армии, штабы фронтов, армий и соединений, а также разведывательные органы Вооруженных Сил СССР получали от советских партизан систематическую информацию стратегического значения.

Центральный штаб партизанского движения, получавший из тыла посредством более 400 радиостанций огромную разведывательную информацию, выпускал ежедневно на ее основе сводку большого объема и отправлял в Ставку Верховного Главнокомандования, Генштаб, штабы фронтов и в Разведывательное управление.

Попытка Центрального штаба уменьшить объем сводки путем отбора и обобщения материала вызвала резкое нареkanie Ставки, потребовавшей присылать всю сводку полностью, независимо от ее объема. Такая заинтересованность Ставки подтверждала ценность разведывательной работы партизан.

Разведка намерений противника

Разведка являлась важнейшим средством всех видов политической и иной деятельности партизанских отрядов и соединений и их безопасности в любых условиях. Успех любой партизанской операции (засада, нападение на гарнизон и штаб врага, крупная диверсия, уничтожение вражеских генералов высшей администрации и их ставленников) мог быть достигнут только в связи со всеобъемлющей разведкой партизан. Непрерывная и глубокая разведка — это то, без чего партизанский отряд не мог ни существовать, ни бороться успешно с противником.

Суровая действительность заставила понять не только командный и политический состав, но и всех партизан, что без непрерывной и тщательной разведки партизанский отряд слеп, подвержен всяким случайностям с риском быть неминуемо разбитым или захваченным врагом.

Поэтому разведке сил и намерений врага придавалось исключительное значение. Организация разведки была первейшей обязанностью командира отряда во всех условиях, перед операцией, во время операции, после операции, до, во время и после марша, на отдыхе и т. д.

Качество работы штаба бригады или отряда определялось умением

организовать разведку для подготовки и проведения операции и охраны партизан. Партизаны вели разведку непрерывно и круглосуточно. Если отряды или бригады располагались на значительных расстояниях друг от друга и не имели соседей, то разведка, как и охрана, велась по всем направлениям, т. е. была круговой. Если несколько отрядов или бригад располагались вблизи друг друга и зона, разделяющая их, не контролировалась противником, то разведка координировалась. Каждый отряд получал определенный сектор разведки.

Агенты партизан находились во всех селах и городах, гарнизонах и учреждениях противника. Разведывательные группы партизан всегда располагались в 1–2 километрах от интересующих их населенных пунктов и гарнизонов врага и до 25 километров от своих отрядов или бригад. Зоркий глаз партизанской разведки просматривал все дороги, тропы, переправы, просеки и т. д.

Партизаны знали почти все и почти обо всем. Сотни тысяч глаз со всех сторон наблюдали за немцами и доносили об их положении, силах, действиях и намерениях.

Все сведения, добывавшиеся разведкой партизан для Красной Армии, годились и для нужд самих отрядов, но собственная разведка была гораздо шире и детальнее. Отряд должен был знать все действующие против партизан части, расположение их штабов, вооружение, связи, все силы местных гарнизонов, местной полиции, занятые ими дома, все рубежи местной обороны, замыслы и планы врага в отношении партизан вообще и отряда в особенности, места отдыха, способы охраны, подходы к гарнизонам и пунктам, минные поля, возможных агентов врага — трудно перечислить то, что должен знать партизанский отряд, чтобы быть неуязвимым самому и лишать врага покоя и днем, и ночью.

Прибытие, например, на определенный участок новой дивизии врага, установленное партизанами, интересовало командование Красной Армии и партизан, а сообщения агента о том, что в селе Заозерье немецкий гарнизон составлял 19 человек плюс 10 местных полицейских, или к кому в гости ходил начальник полиции и куда бургомистр ездил за взятками, и т. д. и т. п., конечно, советское командование не интересовало, а для партизанской разведки подобные сведения были неоценимы.

Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, Украинский, Белорусский и другие штабы партизанского движения сосредоточивали данные о неприятельских силах, действовавших против партизан, составляли общую картину борьбы, обобщали ее способы, своевременно предупреждали партизанские бригады

и отряды о действиях противника и, снабжая их информацией, полученной на других участках, о движении в те или иные районы новых сил и т. д., обобщали способы борьбы и предупреждали партизан, еще не сталкивавшихся с теми или иными приемами.

Партизанская разведка полностью вскрыла численность и дислокацию полицейских, охранных, жандармских и других частей и соединений, предназначенных для борьбы с партизанами и населением; полностью была осведомлена о расположении их штабов, передвижении, потерях и пополнении частей солдатами и офицерами, вооружении и боеприпасах.

В огромном количестве случаев разведка выведывала намерения противника в отношении партизан и населения, узнавала о планах и намечаемых операциях, благодаря чему захватчики терпели поражение, партизаны выходили из—под ударов, население спасалось от уничтожения.

Противник ощущал на себе результаты действий партизанской разведки и трезво оценивал ее значение, о чем говорят бесчисленные приказы и указания по этому поводу. Вот некоторые из них.

Штаб 2-й немецкой танковой армии в специальном приказе от 30 января 1942 года так описывал разведывательную деятельность партизан: «По данным нашей разведки известно, что теперь, как и раньше, осуществляется тесное взаимодействие партизан с частями Красной Армии. Русские регулярно получают подробные сведения от партизан о начертании немецкого переднего края, о занятии отдельных населенных пунктов, о местонахождении штабов, виде, размахе и направлении движения, количестве и вооружении отдельных войсковых частей. Огромная опасность такого вида деятельности партизан вполне ясна».

В директиве Венгерского королевского генерального штаба «Об опыте текущей войны», опубликованной в 1942 году, говорилось: «Весьма развитая разведывательная и информационная служба и связь партизан действуют чрезмерно быстро и отлично. О событиях на фронте, как это установлено, они часто узнают раньше, чем тыловые охранные войска оккупированных территорий. Однако даже наималейшее движение последних не остается в тайне для них».

В Приложении к особым распоряжениям по разведслужбе Главного командования немецкой армии за № 51 от 6 сентября 1942 года отмечалось: «У партизан прекрасно организована разведслужба. Уже через три дня после начала операции партизаны были информированы о боевом составе и дислокации действовавших частей».

Командующий 3-й танковой армией в донесении № 1200 от 29 февраля 1944 года сообщал в Ставку: «Центр тяжести в партизанской

деятельности состоял в наступательных атаках партизан на немецкие опорные пункты, причем местность ими была до подробности изучена, силы и род охраны выяснены».

Оценивая таким образом разведывательную работу советских партизан, захватчики тем не менее не чувствовали ее полного размаха и значения.

Повседневная разведывательная работа партизан и подпольных организаций, сливавшаяся в огромный поток разведывательной информации, позволявшей сделать необходимые обобщения и выводы, дополнялась значительным количеством захваченных документов противника, представлявших неоценимое значение.

Украинские партизаны в 1942 году захватили директиву главного начальника СС и полиции на Украине, подписанную начальником штаба Мюллер—Брункхорстом. В ней были указаны организация, состав и дислокация полицейских частей, боровшихся против партизан и подпольных организаций на Украине, по состоянию на конец июля 1942 года.

Партизаны захватили также документы, раскрывавшие численность и организацию находившихся на Украине управления полиции и СС Кубани, управления СС и полиции города Симферополя, команды охраны для города Орджоникидзе, полицейских частей для Северного Кавказа, полицейских частей для Калмыкии.

Это было выдающимся достижением разведки украинских партизан, раскрывших организацию и численность полицейских сил не только на Украине, но и других областей, в том числе подготовленных для еще не оккупированных областей. На основании этих данных Центральный штаб партизанского движения смог ориентировать руководящие органы ряда областей, какие полицейские силы придут туда в случае оккупации.

Белорусской партизанской бригадой «Железняк» был захвачен в плен начальник связи полицейского полка СС Иохим Рехберг. У него была изъята кодовая таблица руководителя СС и начальника полиции Центральной России и Белоруссии — ценнейший разведывательный документ. Таблица представляла собой список действовавших против партизан команд охранной полиции, полицейских бригад, полков, отдельных батальонов СС, учреждений и организаций врага с их условными кодовыми названиями. Она дала возможность установить структуру полицейских эсэсовских частей и соединений, боровшихся против партизан, их нумерацию, определять, от кого и кому исходит дешифрованная нашими органами переписка, установить характер этих

частей и их технические средства.

С помощью таблицы впервые была установлена организация полицейского полка. Полицейский полк СС состоял из 3 батальонов, роты связи, оружейной батареи и танковой роты. Были установлены специальные полицейские танковые роты, моторизованные жандармские взводы, отдельные артиллерийские полицейские дивизионы, голубиные станции в Могилеве и Минске.

10 августа 1943 года на станции Авраамовская (60 км восточнее города Мозырь) белорусскими партизанами был разгромлен венгерский гарнизон, состоявший из штаба и подразделений 9-го рабочего батальона Венгерской армии. Были захвачены более 150 солдат и офицеров, а также важнейшие оперативные документы.

Общая численность союзных войск Германии и иностранных легионов, боровшихся против советских партизан, соответствовала более чем 70 дивизиям. Все подсчеты, производившиеся ранее, в особенности во время войны, основывались на неполных данных необработанных материалов, поэтому ошибочны.

Против советских партизан действовали некоторое время и так называемые восточные формирования, в том числе РОА («Российская освободительная армия») бывшего советского генерал—лейтенанта А. А. Власова и восточные легионы.

Разведка состава и дислокаций соединений и частей противника

Среди всех видов разведки партизанская разведка в деле установления дислокации и состава соединений и частей, действующих на советско—германском фронте, играла основную и главную роль. Как правило, партизанской разведкой, наряду с ее другими видами, устанавливались и подтверждались все соединения и части германской армии и ее союзников, прибывавшие на Восточный фронт.

Летом 1942 года перед советскими фронтами было установлено 240 дивизий противника: немецких — 179, румынских — 22, финских — 14, венгерских — 13, итальянских — 10, словацких — 1, испанских — 1.

На 1 июля 1943 года перед советскими фронтами было установлено 245 дивизий противника, в том числе: немецких — 211, финских — 20, румынских — 9, венгерских — 3, словацких — 1, испанских — 1.

Последующие послевоенные данные разведки подтвердили точность

этих сведений с небольшими отклонениями.

Под постоянным наблюдением партизанской разведки находилось не менее 2500 крупных и средних гарнизонов противника, все узловые и крупные станции и все без исключения коммуникации.

Большую роль сыграла партизанская разведка в установлении на территории Германии и оккупированных ею стран количества соединений и частей противника, их дислокации, характера и состава.

Захват пленных, курьеров и документов, сообщения перебежчиков, засылка агентов и т. п. позволяли разведке партизан заглядывать в глубь территории врага и в оккупированные им страны.

Было разведано, что на 1 июля 1943 года, помимо Восточного фронта, в Германии и оккупированных ею странах находилась 91 дивизия, из них: в Норвегии — 12, Австрии — 4, Дании — 1, Голландии — 2, Польше — 6, Бельгии — 4, Югославии — 9, Франции — 29, Греции — 4, Германии — 13.

Партизанская разведка установила дислокацию и состав резервных соединений и запасных частей неприятельской армии, расположенных непосредственно в Германии. Так, были установлены пехотные, кавалерийские, артиллерийские, саперные, авиационные, железнодорожные, строительные и другие запасные полки и батальоны в Мюнстере, Кобленце, Вене, Бадене, Оснабрюке, Брауншвейге, Люксембурге, Бунцлау, Альтенбурге, Зоммерфельде, Кельне, Раштенау, Эслингене, Шваненбрюке, Лежене—на—Рейне, Хемберштадте, Арноберге, Браунсберге, Миндене, Ронингене, Анстахе, Херфорде, Констанце и других местах.

Вскрытие перегруппировок и крупных сосредоточений вражеских войск

От партизанской разведки не укрывалось ничего, что касалось сосредоточения или передвижения немецко—фашистских войск, Стоило только немецкой дивизии, следующей на Восточный фронт, показаться головными эшелонами из—за Варшавы или Кенигсберга, партизанская разведка уже наблюдала ее и систематически доносила о ее следовании, а также о месте разгрузки.

20—я немецкая механизированная дивизия была на автомашинах переброшена из района города Рославль на Киевское направление. 27 ноября 1944 года она вступила в бой, а 28 ноября в районе Юшки (8 км

северо—западнее Ртищево) из разведотдела дивизии был уже захвачен пленный, подтвердивший эту переброску.

По показаниям захваченного партизанами в плен немецкого обер—ефрейтора было установлено, что 22 и 23 марта 1943 года по железной дороге через Жлобин на Новгород—Северский проследовала 3—я горнострелковая дивизия в составе 126—го и 138—го пехотных полков, приданного им артиллерийского полка, саперного батальона и батальона связи. Дивизия на 90 процентов укомплектована австрийцами, остальные — немцы. Командный состав, начиная с командира роты и выше, — исключительно немцы. Ранее дивизия участвовала в боях в районе городов Мурманск, Волхов, Великие Луки.

Партизанская разведка отмечала крупные перевозки частей, боевой техники и боеприпасов в период подготовки германской армии к летнему наступлению с орловского плацдарма против нашей Курской дуги.

В ходе наступательных боев Красной Армии в 1943—1944 годах партизаны систематически устанавливали рокировку дивизий противника. Ими же в 1943 году были установлены вывод из первой линии управления 2—й танковой армии и переброска управления в Западную Европу.

Наибольшую активность партизанская разведка проявила в период подготовки Красной Армии к полному освобождению территории Белоруссии. Только за первое полугодие 1944 года, т. е. до момента перехода в наступление 1—го, 2—го и 3—го Белорусских фронтов Красной Армии, было установлено более 220 скоплений вражеских войск численностью от 1000 до 36 000 человек, что составляло в общей сложности 550 000 человек, подготавливавшихся вражеским командованием для ввода в бой или замены частей, уже участвовавших в боях против Красной Армии.

В этот период большое значение для командования Красной Армии имели отмеченные партизанской разведкой сосредоточения и переброски войск противника из состава группы армий «Север» через брестский железнодорожный узел в Венгрию и Румынию. Были отмечены переброски с Могилевского и Бобруйского направлений на Витебское трех немецких пехотных дивизий (167—я, 263—я и 131—я) и с правого фланга 4—й немецкой армии двух пехотных дивизий (52—я и 197—я) в районе западнее Витебска, а также с Витебского направления двух пехотных и одной танковой дивизии.

Всего за этот период было взято партизанской разведкой под наблюдение 26 пехотных дивизий и отдельных полков и 5 танковых дивизий и бригад, перегруппированных германским командованием на центральном участке фронта.

Примером значительной и точной работы партизанской разведки является обнаружение передислокации немецкой 6-й пехотной дивизии.

По данным штаба Западного фронта, на вторую половину мая 1943 года значилось, что 6-я пехотная дивизия противника обороняла участок автострады Ярцево — Вязьма. Однако 18 мая 1943 года в районе юго-западнее города Людиново брянскими партизанами была захвачена почта, принадлежавшая 58-му пехотному полку 6-й пехотной дивизии.

20 мая 1943 года в районе населенных пунктов Косилов, Любязжка, Путь культуры у убитых партизанами немцев были изъяты документы 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии. Агентурными данными партизан было установлено, что 6-я дивизия прибыла из района Смоленска.

Совокупность этих данных не оставляла никаких сомнений в том, что данная дивизия в районе Ярцево сменена другими частями. Разведывательные данные партизан о 6-й пехотной дивизии и сделанные выводы Центрального штаба партизанского движения были включены в разведсводку. Однако разведотдел штаба Западного фронта отнесся с недоверием к этим данным и доложил об этом командующему фронтом.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал начальника Центрального штаба партизанского движения и заявил, что командующий Западным фронтом считает данные партизан о передислокации 6-й пехотной дивизии неверными и дезориентирующими. И. В. Сталин потребовал уточнения этих данных и порекомендовал проявлять большую разборчивость при оценке разведывательных данных партизан.

В свою очередь, Центральный штаб партизанского движения потребовал от партизанских отрядов и бригад строгой проверки данных, касающихся 6-й пехотной дивизии.

Брянские партизаны представили дополнительные документальные показания пленных о передислокации этой дивизии. Они прислали оперативную карту 58-го полка 6-й пехотной дивизии, захваченную партизанами 27 мая, из которой было видно, что в боях против партизан участвовала 6-я пехотная дивизия в полном составе. Операция дивизии против партизан рассчитывалась на шесть дней.

4 июня 1943 года разведкой украинских партизан было установлено, что 6-я пехотная дивизия из района Орджоникидзеграда выбыла в направлении Рославля и далее на юг по Мглинскому шоссе. Это уже развеяло остатки сомнений, и начальник ЦШПД П. К. Пономаренко официально подтвердил факт передислокации 6-й пехотной дивизии.

Получив подтверждение, командующий Западным фронтом приказал забросить в тыл врага сильную войсковую разведывательную группу для

проверки этого факта и, если он подтвердится, установить, какими же частями обороняется автострада на участке, где, по данным штаба, находилась 6-я пехотная дивизия.

29 мая на этом участке автострады разведывательной группой были захвачены пленные, которые показали свою принадлежность к 95-й пехотной дивизии и заявили, что в ночь с 3 на 4 мая 1943 года они сменили 6-ю пехотную дивизию, убывшую в неизвестном для них направлении.

Характерным примером партизанской разведки может служить обнаружение переброски 223-й немецкой пехотной дивизии с Мглинского направления Ленинградского фронта через Новоржев — Идрицу на Полтавское направление.

Партизанская разведка сообщила, что с 25 по 30 мая 1943 года от станции Дно на Чихачево проследовали 224 вагона с войсками противника. 16 июня 1943 года партизаны сообщили о сосредоточении в районе юго—западнее Новоржева дивизии противника неустановленной нумерации. Вскоре в этом районе партизаны подобрали солдатскую книжку, принадлежавшую немецкому солдату 425-го пехотного полка 223-й пехотной дивизии, а 11 июля партизаны захватили в этом же районе пленного из 344-го полка 223-й пехотной дивизии. На допросе солдат подтвердил переброску 223-й пехотной дивизии с Мглинского направления.

Далее было установлено, что с 16 по 19 июля от города Локня на город Опочка прошла пехотная дивизия неустановленной нумерации. В период с 1 по 4 августа соединение неустановленной нумерации прибыло в район Идрицы. Вскоре партизанами было установлено наличие 223-й пехотной дивизии со штабом в Идрице. Они же установили 11 августа уход дивизии из этого района.

В середине августа эта дивизия появилась на Полтавском направлении. Пленные, захваченные 15 августа в районе города Богодухов, показали весь путь дивизии, подтверждающий сообщения партизан полностью.

Дивизия, показали пленные, прибыла на Восточный фронт в ноябре 1941 года и действовала южнее Ладожского озера до апреля 1943 года. 9 апреля 1943 года дивизию направили в район Идрицы для борьбы с партизанами, развившими там большую деятельность. 14 августа 1943 года дивизия была погружена в железнодорожные эшелоны и отправлена на Полтавское направление по маршруту Идрица — Люблин — Мозырь — Полтава.

Следует отметить, что разведотдел Ленинградского фронта до начала

июня числил 223-ю пехотную дивизию на переднем крае, не считаясь с совершенно достоверными донесениями партизан.

Крупнейшее достижение разведки партизан — вскрытие германского плана отхода войск под давлением Красной Армии зимой 1943 года на Московском направлении.

13–15 февраля 1943 года Центральным штабом партизанского движения были получены от калининских и белорусских партизан сообщения, основанные на показаниях захваченных пленных, разговорах немецких солдат между собой и с населением, на наблюдении мероприятий военных и оккупационных властей, о предполагавшемся в ближайшие дни, по приказу Гитлера, отходе германских войск на запад (на Московском направлении — на 100 км, на Брянском — на 200 км, Южном — 300 км). Это сообщение, переданное в Ставку Верховного Главнокомандования Красной Армии, вызвало там большой интерес. События полностью подтвердили данные партизанской разведки.

В ночь на 2 марта противник на Оленинском направлении начал отвод на юг соединений 23-го корпуса, на Ржево—Сычевском направлении на запад и юго—запад 72-й и 95-й пехотных дивизий, на направлении Вязьма — Рославль на запад (свыше 100 км) 260-й и 183-й пехотных дивизий. На Ржевском направлении начался отход главных сил 27-го корпуса в Южном и Юго—Западном направлениях. В следующие дни подтвердился отход других соединений германской армии.

Таким образом, партизанская разведка сообщила советскому командованию точные сведения о предполагавшемся отходе немецко—фашистских войск на Центральном направлении за 18 дней до начала отхода.

В партизанскую бригаду Захарова (Освейский район Витебской области) поступили сообщения от партизанской агентуры о том, что в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск) среди немецких солдат офицеры проводят беседы на тему «На каких условиях Германия хотела бы заключить мир с Советским Союзом» и при этом демонстрируют географические карты.

Партизаны провели операцию и захватили в городе Дрисса немецкого фельдфебеля с картой. Карта была издана литографским путем в количестве 20 тысяч экземпляров. На ней были нанесены желательные для Германии границы с Советским Союзом. С Финляндией предусматривались старые границы 1940 года, а далее они шли по Чудскому и Псковскому озерам, г. Остров (исключительно), г. Себеж (исключительно), через г. Дрисса, г. Докшицы (включительно), г. Борисов

(исключительно), г. Лунинец (включительно), г. Сарны (включительно) и поворот линии на восток — г. Ельск (исключительно), г. Носовка (включительно), г. Прилуки (исключительно), г. Ахтырка (исключительно), г. Красноград (исключительно), г. Лозовая (исключительно), г. Мариенфельд (включительно), г. Осипенко (исключительно).

По карте большая часть Белостокской области отходила к Восточной Пруссии, Бессарабия — к Румынии, оставшиеся у немцев Прибалтийские республики и часть Белоруссии образовывали рейхе—комиссариат «Остланд», а часть Украины — рейхе—комиссариат «Украина».

Подобными картами были снабжены все офицеры и фельдфебели, проводившие беседы всюду.

20 декабря 1943 года карта была доставлена в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования.

Из факта издания такой карты и проведения бесед в войсках германской армии следовало, что Германия окончательно похоронила надежды на свою победу. Это было вызвано и усталостью от войны, и ее безнадежностью, и все более овладевающим солдатами стремлением к миру.

Поэтому для поднятия боевого духа в германских войсках рекомендовалось проводить открытые беседы с солдатами и офицерами на тему «На каких условиях Германия хотела бы заключить мир с Советским Союзом».

Издание карты и обсуждение этого вопроса потребовались германскому командованию, в известной степени, и для оправдания вынужденного отхода войск под ударами Красной Армии на рубежи, якобы выдвигаемые условиями для заключения мира.

Не исключалась и возможность, что германское командование рассчитывало на то, чтобы карта попала в руки советских людей и была представлена Советскому правительству. Не являясь официальным документом, она в то же время как бы косвенно указывала на готовность германского правительства приступить к мирным переговорам.

Карта и связанные с ней обстоятельства интересны как свидетельство того, что противник в тот период уже понимал безуспешность войны, искал пути для выхода из нее, но при этом был не прочь извлечь некоторые преимущества на Востоке, используя оккупированные им значительные советские территории.

Последующие удары Красной Армии выбили эти иллюзии у германского командования.

Разведка новых видов вооружения и средств борьбы

Хотя немецко—фашистские войска и не применяли химических средств войны против Красной Армии, тем не менее они постоянно держали свои части в боевой химической готовности и могли прибегнуть к этому способу ведения войны в любое время. Именно поэтому с особенной настойчивостью велась партизанами разведка химической подготовки противника.

Помимо выявления складов и баз с отравляющими веществами или военно—химическим имуществом партизанской разведкой в 1943 и 1944 годах отмечалось усиленное обучение гитлеровских войск средствам химической войны. Военнослужащие германской армии и чиновники из оккупационных учреждений получили противогазы с новыми усовершенствованными фильтрами и произвели замену фильтров у противогазов старого образца. Офицеры войсковых немецких частей, специально выделенные для обучения химическому делу, совместно с военными врачами проводили занятия по изучению материальной части средств химической войны, проходили газоокуривание, изучали дегазацию и способы преодоления зараженной местности, тренировались в боевых действиях в противогазах.

Партизаны захватили несколько образцов немецких противогазов, находившихся на вооружении армии, предметы военно—химического имущества, образцы отравляющих веществ и документы по военно—химической подготовке. Все это доставлялось на самолетах через линию фронта и для дальнейшего изучения и анализа направлялось в Главное военно—химическое управление Красной Армии.

Разведка партизан активно занималась выявлением новых видов вооружения, появлявшихся у противника. Во второй половине июля 1943 года ею были установлены наличие на вооружении германской армии новых танков типа «Тигр» и «Пантера», их технические и тактические данные.

В середине июля в районе г. Пустошка Калининской области (ныне Псковской области) было установлено наличие бесшумного автомата. В партизанскую бригаду Гаврилова агентурой был доставлен немецкий солдат 3-го полка бранденбургской дивизии с таким бесшумным автоматом. По заданию ЦШПД в августе этот автомат был доставлен в Москву и передан артиллерийскому управлению.

27 июля 1943 года было установлено наличие во 2-м полку

бранденбургской дивизии на вооружении 100–мм гаубицы выпуска 1943 года без откатных приспособлений. При выстреле ее отдача ослаблялась выходом газа через задний растроб. Скорострельность — 8 выстрелов в минуту, масса снаряда — 16 кг.

Партизанами была захвачена секретная инструкция по обращению с новым неприятельским средством борьбы с танками — так называемым «фаустпатроном–2». Вскоре после этого был захвачен пленный, который дал подробные показания об устройстве и действии этого патрона.

От белорусских партизан в конце 1943 года были получены разведданные о наличии в германской армии 10–ствольных минометов, снарядов реактивного действия 75 мм калибра и новых танков типа «Иста».

Одно из самых выдающихся достижений разведывательной работы — раскрытие белорусскими партизанами изготовления и испытания немцами самолетов—снарядов и предполагавшегося обстрела Англии.

Премьер—министр Великобритании У. Черчилль в своих мемуарах писал, что экспериментальная работа по ракетным снарядам и самолетам—снарядам ввиду британских бомбардировок была перенесена немцами на территорию Польши:

«Там за ней пристально следили наши польские агенты. В середине января 1944 г. приступили к испытаниям нового оружия; наши агенты вскоре узнали его радиус действия и направление огня, но, конечно, ракеты ложились на расстоянии многих миль друг от друга. Германские патрули всегда бросались в том направлении, где они падали, и собирали осколки, но однажды одна ракета упала на берегу реки Буг и не взорвалась. Поляки попали туда первыми, столкнули ее в реку, подождали, пока немцы прекратят поиски, а затем вытащили ее и разобрали под покровом ночи. Когда эта опасная задача была выполнена, польского инженера подобрал в ночь на 25 июля 1944 г. английский самолет «Дакота» и доставил в Англию вместе с обширной технической документацией и важнейшими частями нового оружия, весившими более 100 фунтов. Этот отважный человек А. Косьян возвратился в Польшу и тут был схвачен гестапо и казнен в Варшаве 13 августа 1944 года».^[405]

Разведка советских партизан проникла в эту немецкую тайну гораздо раньше.

23 ноября 1943 года в партизанскую бригаду им. Фрунзе соединения

В. И. Козлова партизанской агентурой был доставлен унтер—офицер германской армии М. Р.

М. Р. рассказал, что он в составе 4-й батареи 155-го арtpолка в местечке Бруснерорт на побережье Балтийского моря близ населенного пункта Пенемюнде (Германия) проходил обучение и занимался испытанием изобретенного немецкими инженерами нового оружия, предназначенного для разрушения британских городов и промышленных центров с далекого расстояния. Оружие называлось условно «Флак ценгельрот».

М. Р. сделал подробное описание оружия и установок для запуска, представил и изготовил схемы, позволявшие полностью определить характер, технические и боевые данные этого оружия. По сведениям пленного, батареи в полном составе после окончания испытаний начали отбывать на французское побережье. 4-я батарея, в которой служил М. Р., отбыла в город Сент—Омер, находящийся на побережье Ла—Манша между Гавром и Кале.

Все эти сведения, чертежи и схемы, а также сам М. Р. были доставлены в Москву и переданы Главному артиллерийскому управлению.

Как показали дальнейшие события, все данные, добытые партизанской разведкой, были точными и давали правильное представление о немецких самолетах—снарядах, установках для их запуска, местах их применения, изготовления и т. д.

6 июля 1944 года У. Черчилль выступил в палате общин со специальным заявлением об этих самолетах—снарядах. В заявлении было указано, что британская разведка ранее получала неопределенные сообщения о том, что немцы работают над новым боевым дальнoбойным средством для обстрела Лондона. Затем удалось обнаружить в Пенемюнде на Балтийском побережье главную экспериментальную станцию «летающих бомб». Черчилль сказал далее, что разведка обнаружила сооружения по запуску ракет дальнего действия на французском побережье между Гавром и Кале.

16 июля 1944 года британский министр ГС. Моррисон заявил в палате общин, что Германия утром 13 июля начала применять против Великобритании управляемые на расстоянии самолеты—снаряды.

Вполне очевидно, что в предупреждении британцев о готовящемся обстреле сыграли роль разведывательные данные советских партизан. Во всяком случае, дальнейшие события и послевоенные данные подтвердили, что в ноябре 1943 года, за 7 месяцев до первого применения самолетов—снарядов против Великобритании, разведка советских партизан раскрыла это оружие — его боевые свойства и предполагавшееся применение.

Разведка оборонительных рубежей к сооружений

В период наступления и продвижения немецко—фашистских войск командование Красной Армии не проявляло внимания к рубежам и оборонительным сооружениям врага. Поэтому разведка партизан также не занималась сбором сведений о них.

После первого же поражения и бегства их из—под Москвы в германских войсках появились первые саперные части и началось возведение оборонительных сооружений.

После того как в ожесточенных боях 1942—1943 годов гитлеровцы потерпели крупнейшие поражения, особенно после Сталинградской битвы, мощь их была подорвана и инициатива перешла к Красной Армии. Строительство оборонительных рубежей, укрепление городов и подступов к ним в германском тылу приобрело огромный размах на всей глубине вплоть до самой Германии. Целые саперные армии, миллионы пленных и мирных жителей были согнаны на эти работы.

Возводившаяся врагом система укреплений представляла собой опорные пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой окопами и траншеями, которые, в свою очередь, были связаны ходами сообщения. Пункты и узлы сопротивления оборудовались дзотами, блиндажами и железобетонными огневыми точками. Для усиления многих участков обороны немцы применяли бронеколпаки и довольно часто вкапывали в землю танки, превращая их, таким образом, в доты.

В промежутках между узлами сопротивления строились отдельные полевые укрепления и противотанковые заграждения. Вся эта система предусматривала прикрытие фланкирующим пулеметным огнем с соседних опорных пунктов и огнем артиллерии из глубины. Если к этому добавить строительство и широкое применение противотанковых рвов, лесных завалов, надолбов, противопехотных препятствий и противотанковых минных полей, то станет совершенно очевидной вся мощь линий обороны противника, о которую, по мысли германского командования, должны были разбиться наступательные усилия советских войск.

Разведка партизанами оборонительных сооружений врага приобрела исключительное по важности значение. Она должна была облегчить наступательные действия Красной Армии и сократить неизбежные в боях на оборонительных рубежах потери.

Партизаны понимали, что чем шире и точнее их разведка обороны противника, тем меньше прольется крови советских людей, тем быстрее

будет разгромлен враг. Партизаны с честью выполнили эту задачу.

Не было такого рубежа или линии обороны, о котором командование советских войск не получило бы подробнейших и исчерпывающих разведывательных данных от партизан.

Эти данные оказали неоценимую помощь Красной Армии в ее операциях.

Перед летним наступлением 1944 года 1-й, 2-й и 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты получили от партизанской разведки полные данные об укреплениях противника, составлявших в общей сложности линию обороны протяженностью около 2700 км.

Оборонительные укрепления противника, нанесенные партизанской разведкой в деталях на карты и схемы, серьезно помогли Красной Армии в успешном наступлении и полном освобождении территорий Украины и Белоруссии от немецко—фашистских захватчиков. Высокую оценку своей работы партизанская разведка получила непосредственно от командования Красной Армии на фронтах. Например, разведчики партизанской бригады Кирпича в апреле и мае 1944 года разведали и составили план укреплений противника по реке Днепр на участке Орша — Трибухи общей протяженностью до 70 км с указанием всех огневых точек. При этом план оказался самым точным и получил отличную оценку военного совета 3-го Белорусского фронта. Начальник разведотдела штаба фронта генерал—майор Алешин дал следующую оценку этой работы: «Схемы укреплений противника по правому и левому берегам р. Днепр на участке Орша — Трибухи выполнены партизанами, по состоянию на 1 мая 1944 года представляют большую ценность. Благодаря добросовестному отношению к этой работе схемы выполнены с большой точностью и почти целиком совпадают с данными аэрофотоснимков».

Партизанами были разведаны и полностью освещены перед советским командованием следующие важнейшие оборонительные рубежи.

Рубеж обороны по восточному и западному берегам Чудского и Псковского озер, с мощным узлом сопротивления — городом Нарва. Этот рубеж враг готовил как главную линию обороны на случай отхода.

По реке Великая на участке Псков — Остров — Опечка — Курица с наиболее мощной полосой инженерных сооружений на участке Псков — Остров. Этому рубежу противник придавал особо важное значение и предполагал использовать как главную линию обороны.

По реке Западная Двина на участке Двинск — Полоцк, создававшийся с лета 1943 года.

По реке Десна на участке Ельня — Жуковка — Брянск — Трубчевск —

Новгород—Северский с выявленными промежуточными рубежами Людиново — Дятьков — Орджоникидзеград, с особенно сильными опорными пунктами в глубине Рославль — Почеп — Унеча — Стародуб — Клинцы — Новозыбков, строившийся слета 1942 года.

По реке Сож до Смоленска на север по Днепру с наиболее мощными узлами обороны Хиславичи — Кричев — Чериков — Чечерск — Гомель.

На участке Городок — Витебск — Орша и далее на юг по западному берегу реки Днепр. Этот рубеж противник готовил как главную линию обороны на центральном участке фронта. Поэтому партизанская разведка придавала ему особое значение и вела систематическую его разведку на всем протяжении.

В районе смоленских ворот между реками Западная Двина и Днепр, строившийся с начала 1942 года.

На участке Барановичи — р. Щара — Огинский канал и далее на юго—запад до Пинска (мощный узел обороны), давно готовившийся в тылу.

По реке Птичь протяженностью 180 км.

На линии р. Припять — Днепровско—Бугский канал.

По линии Витебск — Полоцк — Дрисса — Краслава.

Линии и узлы обороны на Украине, в том числе на Западной Украине и в Крыму, в особенности линия обороны на Днепре.

По старой польской границе и позициям Первой мировой войны.

Старые польские укрепления немцами не только были приведены в порядок, но и усилены вновь возведенными оборонительными сооружениями. Польские укрепления в районе Молодечно и укрепления 1914–1918 годов в районе Вишнев — Воложин были усовершенствованы и постоянно охранялись германскими солдатами.

Было установлено, что города Минск, Полоцк, Витебск, Могилев, Орша, Бобруйск, Шклов, Быхов, Борисов, Барановичи, Брест, Слуцк, Лида и многие крупные пункты превращены в мощные узлы сопротивления и мощные пункты обороны. Большинство из них имели до 3 оборонительных линий и были подготовлены для ведения уличных боев.

Партизанами были переданы Красной Армии 143 плана городов, подготовленных немцами к обороне, с нанесенными оборонительными объектами противника.

Разведывательные органы партизан располагали также подробными данными о возведенных противником оборонительных сооружениях, прикрывавших подступы к коммуникациям и населенным пунктам с крупными немецкими гарнизонами. Последние именовались опорными пунктами и при наступлении Красной Армии были использованы

полевыми частями противника в общей системе их оборонительных рубежей.

В целом, в течение всей войны, и особенно во время наступления Красной Армии в 1944 году, украинские, белорусские и ленинградские партизаны обеспечили такую разведку оборонительных рубежей, что Генеральный штаб и фронты могли составлять свои планы и чертежи также смело, как если бы эти сооружения были в их собственном тылу.

Разведка аэродромов, авиационных сил и средств ПВО противника

Разведывательная деятельность партизан охватывала почти все аэродромы противника. На них была внедрена широкая сеть агентов — обслуживающего персонала из местных жителей. Ставилась задача не только нанести на карту места расположения аэродромов противника, но и выяснить количество, типы самолетов, направление боевых вылетов, запасы горючего и боеприпасов и состояние аэродромов.

Германское главное командование, в силу своих больших потерь, было вынуждено солдат, работавших на обслуживании военных объектов, в том числе и аэродромов, забирать и отправлять на фронт. Замена производилась русскими военнопленными так называемых вспомогательных рабочих команд, что давало возможность партизанам устанавливать надежные связи, производить вербовку наиболее смелых и решительных из них и добывать интересующие Красную Армию данные, а также производить диверсионные акты. Многие данные об аэродромах добывались захватом в плен летчиков, а также солдат и унтер—офицеров команд обслуживания.

За годы Великой Отечественной войны партизанской разведкой было взято под постоянное наблюдение 338 аэродромов и полевых посадочных площадок, из них: на Карело—Финском фронте — 33, в районах группы армий «Север» — 83, в полосе, группы армий «Центр» — 198, группы армий «Юг» — 74.

Разведкой было установлено, что до 1943 года на территории Белоруссии против центрального участка советско—германского фронта действовала оперативная группа германских военно—воздушных сил «Ост—Митте». В 1943 году эта группа была реорганизована в 6-й воздушный флот гитлеровской Германии с соответствующим его усилением.

Наиболее полно органами партизанской разведки были учтены и взяты под контроль действовавшие в составе 6-го воздушного флота Германии

51-я и 53-я истребительные эскадры, авиачасть Штеффеля и истребительная эскадра «Мельдерс».

В апреле 1943 года смоленскими партизанами был сбит при перелете Смоленск — Идрица немецкий самолет. Взятый в плен летчик унтер—офицер Фридрих Гофман показал, что на смоленском аэродроме по состоянию на 1 июня 1943 года базировалось до 200 самолетов «Хейнкель—111» и «Мессершмитт—109», на орловском аэродроме базировалось до 100 самолетов «Мессершмитт—109».

Крупные аэродромы германской авиации и посадочные площадки, располагавшиеся в районах городов Бобруйск, Борисов, Минск, Смоленск, Орел, Брянск, Барановичи, Пуховичи и др., не только были во всех деталях разведаны, но благодаря умелым действиям нашей агентуры на них производились диверсионные акты, порча или уничтожение материальной части.

Штаб командующего авиацией дальнего действия и штабы воздушных советских армий на протяжении всей войны широко информировались о перегруппировках и сосредоточениях крупных сил вражеской авиации.

Благодаря партизанской разведке советская авиация наносила мощные удары в те моменты, когда на аэродромах скапливалось наибольшее количество вражеской авиации.

Для отвлечения ударов советской авиации немцы довольно широко практиковали устройство ложных аэродромов, на которых устанавливались макеты самолетов, имитировалась сигнализация, строились ложные ангары. При появлении советских самолетов над этими аэродромами и в случае их бомбежки небольшие группы немцев устраивали ложные пожары, пытаясь обмануть советских летчиков. Однако почти все ложные аэродромы противника быстро брались на учет партизанской разведкой, и данные о них передавались командованию советской авиации.

На советские карты были нанесены ложные аэродромы, расположенные в районах юго—западнее Витебска, северо—восточнее города Борисов, в районах городов Могилев, Бобруйск, Докшицы, Калинковичи и других.

Железнодорожные узлы, города и крупные военные объекты немцы прикрывали мощной системой противовоздушных средств. Партизанская разведка вскрыла и вела постоянное наблюдение за объектами ПВО. Партизанским разведывательным органам удалось нанести на карты и планы точки расположения зенитных батарей, звукоулавливающих и прожекторных установок и пулеметных гнезд. Командованию Красной Армии после детального изучения объектов противовоздушной обороны

рекомендовались наиболее выгодные подходы к объектам бомбардировки.

За годы войны была установлена дислокация 10 крупных зенитно—артиллерийских частей, среди которых 12—я, 18—я и 28—я германские зенитно—артиллерийские дивизии. Так, например, Минск прикрывался 43 батареями, 6 прожекторными установками и 3 звукоулавливающими точками по несколько аппаратов в каждой.

В течение 1943 и 1944 годов, в связи с возросшей активностью нашей бомбардировочной авиации, ее мощными непрерывными ударами по тылам противника, разведывательные органы партизан непрерывно следили за результатами бомбардировок крупных военных объектов, промышленных объектов, железнодорожных станций и узлов, мест скопления вражеских войск. Поблизости от военных объектов противника находились специальные группы разведчиков, которые непрерывно держали связь с партизанскими отрядами и бригадами и через их радиостанции немедленно передавали командованию Красной Армии данные о размерах ущерба, причиненного противнику в результате бомбардировок.

Особенно ценными для командования ВВС Красной Армии были указания партизан на недостатки, неточности или ошибки наших летчиков, что давало возможность своевременно исправлять допущенные промахи. Партизанские агенты, фиксировавшие работу советских летчиков, были своего рода корректировщиками действий советской бомбардировочной авиации.

Командование ВВС получило сотни донесений о результатах крупных массированных налетов нашей авиации на военные объекты.

Успешные бомбардировки объектов, указанных партизанской разведкой, повысили интерес партизан к такого рода разведывательной работе. Разведчики старались быстрее определить результаты бомбардировок и выявить не задетые бомбардировкой или новые объекты.

Взаимодействие партизанской разведки с нашей авиацией дало положительные результаты. Разведчики указывали советским летчикам ракетами и фонарями объекты бомбометания.

В итоге налета было убито и ранено более 3000 немецких солдат и офицеров и разбиты 3 эшелона с живой силой противника на станции Могилев, 3 эшелона с орудиями и танками, совершенно уничтожены здания двух штабов крупных воинских соединений, взорвано несколько складов с боеприпасами и горючим, здания гестапо и областной комендатуры, разбито несколько казарм и ряд зданий штабов, располагавшихся в городе. 28 мая, после уборки трупов, основные части противника покинули Могилев.

Не менее важные результаты были достигнуты при бомбардировках военных объектов в районах Минска, Гомеля, Орши, Витебска, Полоцка и других городов.

Выявление баз снабжения, крупных складов и предприятий, работавших на немецко—фашистскую армию, коммуникаций и линий связи

Партизанская разведка занималась на всей оккупированной территории выявлением баз снабжения, крупных складов и предприятий, работавших на германскую армию, что позволяло установить общую картину обеспечения германской армии, источники питания и наличие запасов.

Эти сведения были крайне необходимы, так как на них основывались диверсионные действия и нападения партизан на базы снабжения. Эти данные служили также основным источником для действий бомбардировочной авиации по этим объектам.

Особенным вниманием партизанской разведки пользовались крупные склады и базы на железнодорожных узлах, предприятия, работавшие на германскую армию, склады и базы боеприпасов, горючего, отравляющих веществ и химических авиабомб, новые коммуникации и линии связи.

Разведка этих объектов производилась двумя способами: через агентуру, которая насаждалась вблизи, а порою и на самих объектах в качестве обслуживающего персонала (прачки, кухонные работники, уборщицы), а также путем наблюдения группами партизан—разведчиков, которые также располагались вблизи объектов.

Партизанская разведка непрерывно наблюдала за строительством новых и расширением старых коммуникаций и линий связи.

Большую ценность для Наркомата путей сообщения и управления железнодорожных войск Красной Армии представляли добытые партизанской разведкой в 1943 году совершенно секретные документы с подробными схемами состояния железнодорожных узлов в городах Брест, Белосток, Минск и др., частично перестроенных и расширенных немцами на свой лад. Агентурная разведка добыла фотокопии и технические описания построенных ими железнодорожных мостов на многих участках железнодорожных линий в восточных областях Белоруссии, что впоследствии помогло железнодорожным войскам быстрее восстанавливать и подготавливать к эксплуатации эти участки дорог.

Партизанской разведкой было установлено наличие подземного кабеля, связывающего ставку германского командования с группами армий «Север» и «Центр».

Партизанами были установлены кабель Рига — Таллинн, проложенный по восточной стороне шоссе Таллинн — Пярну — Айнажи — Салацгрива — Рига; 12-жильный кабель Каунас — Вильнюс, проложенный на глубине 1 метра вдоль шоссе Каунас — Раконты — Вильно; подземный кабель Новоград—Волынский — Житомир; установлен был также 12-жильный подземный кабель на глубине 1,25 метра возле автомагистрали, идущей из Германии через Минск — Борисов — Оршу к Смоленску. В районе Борисова и Орши этот кабель неоднократно вырубался партизанами. Образец вырубленного кабеля был доставлен в Москву и направлен в Главное управление связи Красной Армии.

Метеорологическая разведка

Широкое применение авиации в Великой Отечественной войне, естественно, потребовало хорошо организованной метеослужбы, кратковременных и длительных прогнозов погоды, но не только для авиации, а также для командования Красной Армии — на фронтах крайне необходимы были сведения о погоде.

Ввиду оккупации противником областей Белоруссии Главное управление гидрометеорологической службы лишилось возможности получать сведения о состоянии погоды на обширной территории. Чтобы заполнить этот пробел, в 1943 году в тыл противника в районы расположения партизанских бригад было отправлено 20 человек метеоразведчиков, специально подготовленных для работы в условиях тыла противника.

Таким образом, начиная с 1943 года вся территория Белоруссии была охвачена метеоразведкой. Ежедневно через радиостанции партизанских бригад и отрядов метеоразведчики передавали свои наблюдения в Белорусский штаб партизанского движения, который немедленно их передавал Главному управлению гидрометеорологической службы. Эти же метеорологические сводки по мере их поступления передавались 16-й воздушной армии и отдельно 7-му корпусу авиации дальнего действия. Кроме того, 7-й корпус через дополнительную радиостанцию был связан с метеоразведчиком, находившимся в партизанском соединении Пинской

области, которым командовал товарищ Корж. Оттуда в корпус передавались все необходимые данные о погоде, которые определяли возможность полетов советской авиации в этом направлении.

Крупные военные аэродромы Военно—воздушных сил Красной Армии, расположенные в районе Москвы, а также авиачасти на 1–м, 2–м, 3–м Белорусских и 1–м, 2–м, 3–м Прибалтийских фронтах ежедневно обеспечивались сводками партизанской метеоразведки о состоянии погоды на территории противника.

В 1943 и 1944 годах из тыла противника было получено около 2000 метеорологических сводок.

Серьезную услугу наша партизанская метеоразведка оказала летчикам, совершавшим ночные полеты в глубокий тыл противника: для бомбардировки военных объектов и на партизанские посадочные площадки. Каждый партизан знает, какую огромную роль сыграли советские самолеты, снабжавшие партизан боеприпасами, медикаментами, оружием и вывозившие тяжелораненых и больных на Большую землю.

Белорусский штаб партизанского движения постоянно следил за работой метеоразведчиков в тылу врага и оказывал им необходимую помощь. В бригадах и отрядах им были созданы все необходимые условия для нормальной работы. Метеоразведчики, как правило, располагались в районах партизанских аэродромов, что давало возможность своевременно пересылать в советский тыл отчетные и сводные материалы, доставлять на самолетах различные метеоприборы взамен выбывших из строя.

Метеорологическая разведка являлась делом совершенно новым, она никогда не применялась в прошлые войны, поэтому, обобщая опыт ее работы в период Великой Отечественной войны, следует сказать, что она вполне оправдала себя, а люди, заброшенные в тыл противника в качестве метеоразведчиков, вполне справились со своей работой.

Методы разведывательной работы партизан

Главным и основным методом разведывательной работы партизан являлся сбор сведений о противнике партизанской агентурой из местного населения, проникавшей по заданию партизан и подпольных организаций на заводы, фабрики, станции железных дорог, пристани, телеграфы, телефонные станции, аэродромы, базы, склады, в депо, в учреждения врага, в личную охрану должностных лиц, в школы, полицию, гестапо, штабы врага.

Партизанские разведчики проникали во все структуры военного, политического, административного и хозяйственного аппарата захватчиков. Даже в воинских частях, разведывательных и контрразведывательных органах, дешифровальных пунктах и т. п. работало значительное число агентов партизан и подпольных организаций из числа советских граждан и немецких солдат.

Преданные советской Родине агенты, действовавшие по поручению подпольных организаций и партизанских отрядов в самом логове врага, были главным источником огромной и ценнейшей разведывательной информации.

Партизанские бригады и отряды имели в городах, на предприятиях, в оккупационных учреждениях и крупных гарнизонах противника десятки тысяч агентов. В разведывательной работе партизан участвовали сотни тысяч граждан, проживавших на оккупированных территориях.

О размахе работы и расстановке агентурно—осведомительской сети в тылу у немцев можно судить на примере любого партизанского соединения и отряда.

Минское соединение В. И. Козлова охватывало своей агентурной сетью более 500 местечек и крупных населенных пунктов и городов, расположенных на важных железнодорожных и шоссейных коммуникациях, в том числе: Минск, Слуцк, Бобруйск, Дзержинск, Старые Дороги, Негорелое, Осиповичи и другие, где в общей сложности насчитывалось 2192 агента и осведомителя.

Барановичское соединение Чернышева охватывало своей агентурно—осведомительской сетью до 30 городов, местечек и крупных населенных пунктов на важных железнодорожных узлах и магистралях, в том числе: Барановичи, Лида, Новогрудок, Столбцы и другие, в общей сложности насчитывавшие 582 разведчика и осведомителя.

В Минске работало не менее 6500 агентов от разных бригад, отрядов и разведывательных групп, окружавших город, а также разведчики городской подпольной организации.

Огромную разведывательную сеть имели брянские партизаны. Наибольшую сеть имела бригада товарища Дуки, имевшая в Брянске более 600 агентов.

Разветвленной и сильной являлась разведывательная сеть Ковпака, достигавшая Киева и Ковеля. Сеть смоленских партизан обслуживала Смоленск, Ярцево, Вязьму, Рославль и другие города.

Ни один важный военный или административный и промышленный объект, где бы он ни располагался на оккупированной территории, не мог

ускользнуть из поля зрения партизанской разведки.

Много разведчиков погибло в застенках гестапо, казематах гитлеровской разведки и контрразведки, и часто неизвестны их имена и героические подвиги. Память о них является святой и не померкнет в веках.

Партизанские разведчики умели наблюдать, слушать и проникать всюду. Немецкие захватчики часто выражали удивление, каким образом партизаны ухитрялись узнавать то, что говорилось при закрытых дверях в избранных аудиториях.

Гитлеровцам не часто удавалось провести собрание, на котором бы не присутствовал партизанский агент.

559-я полевая комендатура в директиве от 10 августа 1943 года указывала: «Снова констатируется тот факт, что в немецких учреждениях, районных комендатурах, сельскохозяйственных управлениях и т. д. русские переводчики сидят в комнатах начальников этих учреждений или в отделенных от них лишь тонкими стенками. Таким образом, они знают обо всех телефонных переговорах и вообще обо всем, происходящем в учреждении».

В Витебске в 1942 году агент партизанской разведки присутствовал на всех совещаниях местных властей и органов полиции, обсуждавших вопросы борьбы с партизанами.

Важное значение в разведке партизан имели агенты, завербованные из неприятельской среды. Эта агентура служила часто источником таких разведывательных данных, которые вряд ли можно было бы получить другим путем.

Партизанской разведкой было завербовано значительное число агентов из числа солдат и офицеров германских воинских частей, а также в воинских частях и учреждениях словаков, французов, венгров, румын, болгар, итальянцев и т. д.

Для примера можно указать лишь некоторые факты.

Сотрудничавший с партизанами немецкий офицер Т., занимавший важный пост в оккупационной администрации, на другой день после уничтожения гауляйтера В. Кубе предупредил работников подполья, с которыми он был связан, о предстоявших ночью массовых арестах и репрессиях, посоветовал уезжать им немедленно из Минска с семьями, выдал множество охранных свидетельств и пропусков.

102-й словацкий полк, дислоцировавшийся на участке железной дороги Житковичи — Мозырь, подвергался усиленной обработке нашей разведкой, в результате в полку было завербовано до 50 человек агентов — осведомителей, в том числе ряд офицеров полка. Впоследствии весь полк

вместе с офицерами, взорвав объекты порученной ему охраны, перешел на сторону украинских и белорусских партизан.

Выдающееся значение имела работа на партизан двух курьеров из германского генерального штаба, шестерых сотрудников из германских штабов по борьбе с партизанами, многих сотрудников германской администрации в Минске, Могилеве, Бобруйске, Барановичах и других местах, сотрудника дешифровального отдела в Пскове, сотрудников органов германской контрразведки и других агентов.

Центральному штабу партизанского движения были известны 194 агента из числа неприятельских солдат и офицеров, работавших с белорусскими и украинскими партизанами. Вполне очевидно, что немало таких агентов остались неизвестными.

Опыт войны показал, что военнопленные и перебежчики являются источниками ценнейшей разведывательной информации, часто оперативного и стратегического значения.

За годы Великой Отечественной войны партизаны Белоруссии захватили в плен 23 128 немецких солдат, офицеров и генералов. Партизаны захватывали пленных в боях, в засадах, у железнодорожных станций, отставших от колонн пеших, конных и мотоциклистов, привозили их из городов и сел и т. д.

Пленные допрашивались в партизанских отрядах и бригадах, а полученные от них данные использовались в боевой деятельности партизан и немедленно передавались в штабы партизанского движения, которые информировали заинтересованные организации.

Значительное количество пленных, интересовавших командование Красной Армии, было доставлено из расположения партизан самолетами через линию фронта и передано органам Красной Армии. Были переданы захваченные в плен партизанами генерал—майор Клаус Мюллер—Бюллов, генерал—майор Иохим Энгель, полковник Георг Раух, подполковник Забель Вольф, офицеры германской армии и германского воздушного флота Шмидт, Каниг, Баер, заместитель командира 310-й команды абвера Рааб Ганс, начальник разведывательной школы, известный германский разведчик барон фон Файт.

Они дали ценные показания о деятельности германской разведки и контрразведки против Красной Армии. Были переданы также захваченные партизанами на оккупированной территории изменники, служившие в гестапо, — бывший генерал—майор Богданов и генерал—майор Будыхо.

1 сентября 1943 года на Алтуховском шоссе в районе Брянска из засады, устроенной группой партизанской бригады «За Родину» под

руководством заместителя командира бригады по разведке Ковалева, были убиты командир 442-й пехотной дивизии особого назначения генерал—лейтенант Карл Борнеман и сопровождавшие его штабные офицеры и охрана. Адьютант генерала Борнемана был взят живым. При этом были захвачены исключительной ценности оперативные документы. Среди них карта обстановки всего Брянского фронта с указанием номеров действовавших соединений, разгранлиний между ними, с нанесенным на карту расположением тыловых частей и штабов. Эти сведения имели исключительно большое значение. Были захвачены последние бюллетени германского генштаба и разные другие документы.

Партизанской бригадой «Железняк» Минской области в районе населенного пункта Бегомль была уничтожена большая группа солдат и офицеров 6-й немецкой авиаполевой дивизии. Среди убитых — командир дивизии генерал—лейтенант Рудольф Пешель. Группа офицеров штаба во главе с подполковником Забелем Вольфом была взята в плен. Подполковник, офицеры и ценнейшие документы штаба дивизии доставлены немедленно в штаб партизанского движения.

Партизанским отрядом имени Кутузова (командир Василевский) в районе деревни Богданово Сеннонского района Витебской области в бою с большой группой немцев захвачены в плен 150 немецких солдат и офицеров. Среди них захвачен в плен командир 246-й пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал—майор Клаус Мюллер—Бюллов, начальник штаба этой дивизии Георг Раух, 12 офицеров и штабные документы. Пленные и документы переданы командованию 1-го Прибалтийского фронта.

Партизанской бригадой под командованием товарища Дерюго в 28 км северо—западнее Березине, в районе деревни Слобода, захвачены в плен 14 немцев. Среди захваченных командир 45-й пехотной дивизии генерал—майор Иохим Энгель. Пленные и документы были доставлены по указанию штаба партизанского движения в распоряжение 49-й армии 2-го Белорусского фронта.

Разведчиками партизанского полка Гришина весной 1944 года был захвачен в плен командир 1-го взвода 2-й роты 589-го полка связи. По изъятым документам и показаниям были установлены состав и дислокация всех частей и соединений, входивших в состав 4-й армии противника.

3 марта 1944 года Гитлер издал из своей главной квартиры приказ, касавшийся усиления большевистской агитации в связи с отходом германских войск и указывавший способы борьбы с этой агитацией.

В марте же партизанами Брестского соединения был захвачен

немецкий фельдъегерь, в почте которого находился этот приказ за подписью Гитлера, адресованный ставкой в 23-ю мотодивизию. Таким образом, Советское Главнокомандование, благодаря партизанам, располагало этим приказом гитлеровской ставки раньше, чем он дошел до полков немецких дивизий.

В партизанские отряды переходило немало перебежчиков — солдат и офицеров врага, главным образом, из числа прогрессивно настроенных людей, антифашистов и т. д. Но было немало фактов перехода на сторону партизан и членов национал—социалистической партии, солдат и офицеров СС, разуверившихся в победе германского оружия, а также из числа недовольных режимом и зверствами на оккупированных территориях.

В один из партизанских отрядов Белоруссии явился перебежчик эсэсовец роттенфюрер Ханзен. Перебежчик принес с собой важные документы и дал ценнейшие показания. Ханзен сообщил организационную структуру гестапо Смоленска, Минска и Бобруйска, указал фамилии и адреса главных сотрудников (офицеров) и сообщил интересные сведения о приемах их работы.

Ханзен раскрыл полностью организацию и осуществление операции «Веттермельдунг» («Метеосводка»), заключавшейся в разрытии массовых могил и сожжении трупов расстрелянных, производившейся по указанию германского главного командования, чтобы скрыть следы страшных преступлений.

Ханзен раскрыл состав и организацию передовой команды «Москва», следовавшей вместе с частями немецко—фашистской армии и имевшей задачу ворваться с передовыми частями в Москву и занять здания НКВД.

За время войны партизанской разведкой через штабы партизанского движения представлено в штабы, разведорганы советских вооруженных сил и в ставку Верховного Главнокомандования более 30 тысяч документов врага, захваченных при засадах и нападениях, изъятых у пленных солдат, офицеров и генералов, найденных на поле боя и доставленных агентурным путем. Многие документы имели выдающееся разведывательное значение.

Среди них были приказы и материалы частей, соединений, штабов армий, фронтов, главного командования, оккупационных органов министерств и других органов Германии, приказы и распоряжения за подписью Гитлера, Геринга, Гиммлера, Кейтеля, Йодля, Браухича, Розенберга, фон Клюге, Гелена, Бах—Зелевского и многих других.

Помощь советских партизан разведывательным органам Красной Армии

Оперативная и тактическая разведка Вооруженных Сил СССР довольно тесно соприкасалась с партизанской разведкой.

В начальный период войны Центральный штаб партизанского движения представлял собой коллегиальный орган. Одним из его членов был представитель Главного разведывательного управления. Смысл его пребывания в составе ЦШПД заключался в координации разведывательной работы. Однако по мере развития разведывательной работы партизан его пребывание в штабе было признано нецелесообразным ввиду известного различия в задачах, методах и направлениях работы.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования коллегиальный принцип штаба был упразднен и представители других органов из его состава ушли. Центральному штабу партизанского движения вменялось в обязанность оказывать необходимую помощь разведорганам в их работе в тылу.

Партизанские отряды и их разведка оказывали разведывательным группам армий и фронтов огромную помощь. Они принимали их представителей и группы на своих аэродромах и базах. Партизаны снабжали их документами на право проживания или передвижения по районам оккупированной территории, помогали оседать и легализоваться на железнодорожных станциях, в городах и т. д., помогали заводить самостоятельную агентуру, переправляли их донесения, переводили агентов через линию фронта, осуществляли вооруженное сопровождение разведчиков, идущих на задание или в новые районы, и т. д.

Партизаны передавали разведывательным группам армейских органов огромнейшую информацию, заботясь лишь о том, чтобы она как можно быстрее дошла по назначению и принесла бы пользу. Чаще всего, особенно на первых порах, разведывательные группы ГРУ ГШ Красной Армии посылали эту информацию в свои учреждения и штабы от своего имени. Это было не особенно этично, но тем не менее информация передавалась по назначению. Труд партизанских разведчиков, тревоги и опасности не пропадали даром.

С. С. Бельченко как—то сказал об этом начальнику ГРУ Ф. Ф. Кузнецову. Но он от разговора ушел, оправдываясь, что они делают общее дело.

Широкая разведывательная и контрразведывательная работа партизан

позволяла осуществлять контроль за результатами работы многих разведывательных групп армейской разведки, подмечать недостатки, иногда крупные, в организации дела и поведении и помогать разведывательным органам в их устранении.

Разведка партизан доносила факты, свидетельствовавшие о том, что в некоторых звеньях военной разведки существовал только профессиональный подход к подбору разведчиков и радистов и пренебрегался подход политический, из—за этого в их число попадало некоторое количество людей неустойчивых, трусливых, пассивных и искателей приключений. Некоторые разведывательные группы, неудачно составленные, политически неподготовленные, неправильно проинструктированные, плохо вели себя по отношению к населению и партизанам, особенно до создания штабов партизанского движения и когда еще подпольные партийные комитеты не охватили своим влиянием некоторые местности.

Партизанская разведка по мере собственного роста, исправляя свои ошибки, подмечала и помогала исправлять ошибки профессиональных разведчиков.

Ею было установлено, что штаб германской армии в октябре 1941 года разослал следующее указание: «...паспорта серии II КТ и с номерами, приближающимися к числу 685 000, считать недействительными... и лиц, у которых имеются такие паспорта, арестовать». Такие паспорта в большом количестве были выданы одним из органов разведки своим агентам, направлявшимся в тыл врага.

Партизанам стало известно, что разведотдел 246-й немецкой пехотной дивизии, состоявший из опытных контрразведчиков, летом 1943 года задержал группу агентов нашей разведки ввиду того, что выданные якобы несколько лет назад справки выглядели новыми. Бросались в глаза также пометки в паспортах, сделанные в разных местностях, но одинаковыми чернилами и одинаковым почерком. Бывали случаи задержания агентов, имевших при себе банкноты, пронумерованные по порядку.

Партизанские отряды, действовавшие в ближайшем полку немцев, во многих случаях оказывали большую непосредственную помощь разведывательным подразделениям и группам частей и соединений Красной Армии.

Одним из примеров такой помощи является совместная операция отряда донских партизан и разведотряда советской стрелковой дивизии.

В период наступательных действий Красной Армии зимой 1942–1943 годов отряд донских партизан, имевших связь со стрелковой дивизией,

сообщил штабу дивизии, что 29 декабря 1942 года с запада через деревню Рыновка, юго—восточнее Миллерово и далее на восток проследует штаб неизвестной немецкой части.

У начальника штаба дивизии возникли сомнения: не являются ли эти сведения партизан результатом дезинформации немцев с целью устроить западню разведчикам. Начальник разведки Ромчевский, имея от партизан немало разведывательных данных, всегда оказывавшихся достоверными, настаивал на проведении операции. Группа из 10 разведчиков дивизии под командованием младшего лейтенанта Хижняка и 200 партизан ночью подошла к деревне Рыновка и к утру установила через жителей, знакомых партизанам, что в деревне немцев нет. Командир группы решил организовать засаду в самой деревне.

Во втором часу дня по дороге в направлении Рыновки показалось несколько машин. Они шли медленно на укороченных дистанциях и, войдя в деревню, замедлили ход. За ними подошло несколько легковых и штабных автомашин. Как только машины поравнялись с засадой, во врага, по сигналу командира, из окон, с чердаков изб, из палисадников и канав полетели ручные и противотанковые гранаты, а также бутылки с горючей жидкостью. Партизаны закрыли выход из деревни и разгромили прорвавшиеся машины. Пленных захватить не удалось, все немцы были убиты.

Среди убитых оказались командир 574-го полка полковник Хюнтен, его начальник штаба и 11 штабных офицеров. Штаб пехотного полка перестал существовать. Были захвачены радиостанции и оперативные документы штаба 574-го полка.

30 декабря документы были доставлены в штаб дивизии. При разборе оказалось, что документы принадлежат 304-й мехдивизии, которая только что прибыла на Восточный фронт из Бельгии. Из приказов было выяснено, что пехотная дивизия прибывала и пошелонно выгружалась и сосредоточивалась в районе города Каменск—Шахтинский в Ростовской области. Из приказа были установлены части дивизии, средства усиления, маршруты, рубежи занимаемой обороны, расположение штабов батальонов, полков и штаба дивизии.

Командование получило документы чрезвычайной важности, раскрывшие силы и планы немецкой дивизии. Дальнейший захват пленных подтверждал все эти данные.

Пользуясь тем, что командир немецкой дивизии, несмотря на уничтожение штаба 574-го полка и захват документов, ничего не изменил в расположении частей дивизии и их задачах, советская авиация произвела

эффективные налеты, ночные и дневные, на расположение штаба дивизии, а разведчики дивизии в ночном налете уничтожили телефонную станцию и узел связи штаба.

В силу ясности обстановки именно этот участок обороны 304-й пехотной дивизии был избран генералом Д. Д. Лелюшенко для нанесения главного удара при последовавшем вскоре выступлении. Этот удар был исключительно успешным. Прорвав оборону 304-й пехотной дивизии, наши танковые войска раздробили ее на отдельные группы, а подошедшие стрелковые части завершили уничтожение. К исходу второго дня наступления наши войска ворвались в Каменск—Шахтинский.

Шестерка славных донских партизан была забыта в огромных битвах войны. Но их блестящая разведывательная работа лежала в основе принятых решений и последовавшего разгрома 304-й пехотной дивизии и захвата города Каменск—Шахтинский.

Недостатки и неиспользованные возможности разведывательной работы партизан

Несмотря на огромный размах разведывательной работы партизан и ее выдающееся значение для боевой деятельности партизанских отрядов и соединений, а также операций Красной Армии, в этой работе имели место и недостатки, и неиспользованные возможности.

Крупнейшим недостатком было отсутствие у партизанской разведки технического вооружения. Она не имела средств радиоперехвата, телефонного подслушивания, портативных фотоаппаратов, не говоря уже об аппаратах для фотографирования ночью. Партизаны легко преодолели отсутствие приборов для телефонного подслушивания, однако они не смогли организовать подслушивание обмена сообщениями по кабелям связи между главным командованием и штабами армий и групп армий.

Одиннадцать раз в течение войны партизаны вскрывали в разных местах подземный кабель германского командования ставка — фронт и вырезали из него куски, чем, конечно, значительно затрудняли связь. Куски вырванного кабеля как образцы доставлялись даже в Москву. Это говорит о том, что партизаны могли организовать систематическую запись каблограмм германского главнокомандования, фронтов и армий, последствия и значение которой были бы неоценимы. Однако эта возможность была упущена из—за отсутствия средств записи.

Упущенной возможностью следует считать также то, что партизанская

разведка не практиковала перехват, дешифровку и использование данных радиосвязи противника.

Немецкая служба радиоперехвата считала, что перехват радиogramм и радиопереговоров, проводившихся в сетях стрелковых полков и танковых частей, не имел смысла, так как обстановка на фронте все время менялась, а расшифровка требовала времени, и ценность этих всегда запаздывавших материалов оказывалась ничтожной.

Ввиду этого радиосвязь на оккупированной территории между частями и штабами противника производилась по упрощенным кодам и таблицам, легко поддававшимся дешифровке. Естественно, радиостанции этих частей не могли не интересоваться партизанскую разведку. Для партизанского движения эти данные представляли колоссальный интерес.

Например, в соединении Ковпака перехватывались и дешифровались радиogramмы венгерских частей, боровшихся против партизан. Всего было дешифровано несколько сот радиogramм.

Белорусские партизаны перехватили и дешифровали более 500 радиogramм частей, расположенных в районе Брест — Барановичи, в том числе радиogramмы, шедшие через радиоузел 143-й запасной дивизии, занятой борьбой с партизанами. Другие примеры неизвестны, но и эти говорят о том, что если бы радиоперехват и дешифрование были организованы в системе партизанской разведывательной службы, результаты были бы значительными.

Другим крупнейшим недостатком было нарушение принципа строгой специализации работы разведывательной агентуры. Дело обстояло таким образом, что разведчику, работавшему в городе, гарнизоне или учреждении врага, поручали выполнять множество других самых разнообразных заданий. И ценнейшие разведчики иногда, не будучи разоблаченными в разведывательной деятельности, погибали или оказывались пойманными при распространении листовок или при попытках достать что—либо, нужное партизанам.

Разведчики приносили в партизанские отряды бумагу, типографские краски, шрифты, медикаменты, пишущие машинки, переводили и уводили людей, распространяли пропагандистские материалы.

Погибшая разведчица «Таня» из бригады Ливенцева на протяжении двух лет обеспечивала связь бригады с подпольными партийными организациями и резидентурами города Бобруйска. Каждый раз ей давали пачки партизанских газет, листовок, которые она разбрасывала в городе, лично расклеивала на зданиях гестапо, полиции и других учреждений. За ее поимку гестапо объявило крупную сумму денег. В 1943 году «Таня» уехала

из Бобруйского восточного запасного полка РОА взвод музыкантов в составе 30 человек.

Минская разведчица «Оля» наряду с разведывательной работой передала партизанам более 180 кг медикаментов, более 15 кг хирургических инструментов, аппарат Боброва, около 200 кг писчей бумаги и т. д.

Многих командиров недостаточно заботила возможная судьба разведчика. Они позволяли знать работавшего разведчика большому количеству партизан, посылали на связь к нему разных лиц, допускали появление разведчика днем в отряде так, что его видели многие, записывали, не шифруя, фамилии разведчиков в записные книжки.

В конце 1941 года был убит командир партизанского отряда Брянский. После войны из документов гестапо стало известно, что немцы у убитого взяли записную книжку, в которой были записаны фамилии лиц, поддерживавших партизан и сообщавших в отряд сведения о немецких агентах и изменниках. Все эти люди были расстреляны после зверских истязаний.

Один из борцов с захватчиками, участник минской подпольной организации профессор Б. Клумов, работавший в больнице, погиб, будучи выданным партизанским связным, получавшим от Клумова медикаменты для отряда.

В некоторых случаях не проявлялась забота о своевременном перемещении разведчиков, когда их дальнейшая работа становилась явно опасной.

Крупнейшим недостатком также было отсутствие у разведывательных групп и резидентур портативных радиоаппаратов ближнего действия, по которым они могли бы, получая срочные и важные разведывательные сведения, передавать их в штаб отряда или бригады. Получалось так, что передать эти сведения из отряда или бригады в Москву было намного легче, чем пронести из города и гарнизона врага в отряд или находившуюся где—либо поблизости разведывательную группу. Это приводило к удлинению сроков поступления сведений и стоило жизни некоторым разведчикам.

Боевые действия против партизан

Для всех видов вооруженных сил

Верховное командование вооруженными силами

Штаб фюрера

6 мая 1944 года

Наставление «Боевые действия против партизан» вводится в действие в вермахте с 1 апреля 1944 года. Руководство «Боевые инструкции по борьбе против партизан на Востоке» от 11 ноября 1942 года отменяется.

От имени верховного главнокомандующего вооруженными силами, Йодль.

А. Управление войсками

Боевые действия против партизан — это прежде всего вопрос руководства. Успех этих действий зависит от превосходства нашего руководства.

Права и обязанности отдельных начальников в действиях против партизан определены соглашением между верховным командованием вооруженных сил и рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции.

Для руководства сравнительно широкими действиями против партизан должен быть назначен ответственный начальник. Его права в отношении частей и соединений, выделяемых вооруженными силами и войсками рейхсфюрера СС, и, если необходимо, в отношении гражданских властей должны определяться заблаговременно путем согласования между соответствующими заинтересованными начальниками.

Борьба против партизан требует тесного взаимодействия между военными властями, представителями рейхсфюрера СС и гражданскими властями. Взаимодействие должно быть налажено еще в стадии планирования. При проведении гражданскими властями таких мероприятий, как сельскохозяйственные работы, строительство дорог, мостов, заготовка леса, переселение и т. д., нужно учитывать все, что на данный момент известно о дислокации и действиях партизанских отрядов. Вместе с тем, во время боевых действий против партизан нужно учитывать, насколько это возможно, интересы гражданской администрации.

В боях с партизанами разграничительные линии принимать во внимание не следует. Если во время боя действия распространятся на соседний участок, они не должны прерываться. Заблаговременное ознакомление частей соседних участков с планами проведения крупных мероприятий обеспечивает своевременное включение их в боевые действия.

В боях с партизанами до сих пор успешно применялась следующая

тактика:

а) Окружение партизан и очищение от них окруженной местности. Это основной метод действий против партизан и в то же время наиболее действенный способ ликвидации угрозы с их стороны. Ведение боевых действий по окружению требует крупных сил, но зато обеспечивает решающий успех.

б) Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием. В тех случаях, когда для осуществления окружения не хватает сил или времени или же характер местности не позволяет предпринять этот вид боя, партизан следует атаковать, разгромить и преследовать до полного уничтожения.

в) Использование против партизан ягдкоманд. С целью предупреждения создания партизанских отрядов, а также нарушения их коммуникаций лучше всего использовать небольшие, но очень боеспособные отряды, созданные и вооруженные, как ягдкоманды.

г) Меры охранения от партизан. Все войска, транспортные и экономические объекты, а также имеющие военное значение заводы подлежат охране от налетов партизан и, кроме того, сами должны принимать меры по обеспечению своей безопасности.

В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать нам. Даже если командир располагает небольшими силами, он не должен проявлять нерешительность. По возможности, против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры.

Способы боевых действий против партизан в каждом отдельном случае зависят от численности наличных войск и степени активности партизан, а также общей обстановки. Для того чтобы успешно применить именно тот способ боевых действий, который при данной обстановке позволит нанести противнику наибольший ущерб, командир должен проявить храбрость, инициативу, умение применяться к обстановке и использовать уже имеющийся опыт борьбы с партизанами. Промедление и бездеятельность дают партизанам время обосноваться и увеличить свои силы. Против вновь появляющихся отрядов следует предпринимать немедленные меры.

Невозможно ликвидировать угрозу со стороны партизан путем применения только одного какого-то способа действий. Даже те части, во главе которых стоят наиболее способные командиры и которые ведут наиболее успешные действия против партизан, не добьются решающего успеха, если в районе, очищенном от партизан, не будут приняты надежные меры по охранению войск. И, наоборот, даже самые надежные меры по

охранению войск не дадут должного эффекта, если войсковые части в ходе непосредственных боевых действий не очистят от партизан достаточно обширные районы. В тактике следует избегать шаблонных действий, поскольку партизаны быстро к ним приспособляются и принимают необходимые контрмеры, тем более что они имеют на этот счет специальные указания своих штабов, которые постоянно направляют их действия.

Борьба с партизанами требует от командира в период активных боевых действий своевременно определять направление главного удара или основное направление при принятии мер по охранению войск. В бою с партизанами обстановка быстро меняется и ставит командира перед необходимостью принимать новые решения. Поэтому необходимо, чтобы командир всегда имел в своем распоряжении достаточные резервы, с тем чтобы в случае необходимости иметь возможность изменить направление главного удара. В качестве резервов и диверсионных отрядов лучше всего иметь небольшие, но высокоподвижные силы.

Обширность районов, в которых приходится вести боевые действия против партизан, лишает командира возможности оказывать постоянное влияние на действия своих частей и подразделений. В этой связи оправдали себя следующие меры:

а) Заблаговременная организация хорошей связи — в основном разветвленная телефонная сеть в сочетании с надежной радиосвязью, — которая облегчает быструю передачу донесений и указаний, особенно на большие расстояния.

б) Использование командиром легкого самолета (геликоптера «Физелер») с целью иметь возможность вмешиваться в руководство боем на решающих участках.

в) Осуществление командиром непосредственного контроля за подразделениями путем передвижения с ними от рубежа к рубежу и постановки перед ними ближайших задач. Если имеющиеся сведения о противнике недостаточны, а район действий довольно обширен, командир должен учитывать возможную потерю времени. Ознакомление же подразделений с общим планом действий обеспечивает им необходимую самостоятельность в рамках поставленных перед ними задач.

Достижение внезапности в бою с партизанами является важным тактическим требованием.

Как свидетельствует опыт, у партизан сложилось мнение, что на них редко могут напасть в плохую погоду или в условиях бездорожья. Поэтому они считают, что наши войска избегают проникать в глубь болот и лесных

чащ. Каждый командир, который в условиях плохой погоды и труднопроходимой местности предпринимает против партизан какие—то действия, как правило, может рассчитывать застигнуть партизан врасплох.

Особенно следует опасаться того, что партизаны могут заранее узнать о мерах, готовящихся против них. Поэтому обо всех подготовительных мероприятиях должен знать очень узкий круг штабных офицеров. Разговоры по телефону следует избегать. Сохранение тайны обеспечивается применением шифров. Поскольку партизаны придают большое значение перехвату наших телефонных разговоров, стремясь заблаговременно получить сведения о готовящихся против них действиях, необходимо уделять особое внимание маскировке узлов и линий связи, обеспечивать контроль за соблюдением требований секретности с целью не допустить обычную утечку сведений. Желательно, чтобы о предстоящих действиях войска ставились в известность только непосредственно перед их началом. Во время боевых действий войскам всегда следует помнить, что враг должен быть захвачен врасплох. Поэтому к району сосредоточения необходимо подходить только с наступлением темноты, а исходные позиции занимать лишь по прибытии главных сил...

Б. Войсковые части

Все немецкие войска, в том числе тыловые, технические и охранные части, должны быть всегда готовы вести боевые действия против партизан.

Боевые действия против партизан следует рассматривать как «действия в особых условиях». В лице партизан войска имеют дело с врагом, чья тактика во многих отношениях отличается от тактики регулярных войск. Его хитрости, злобности и жестокости необходимо противопоставить высокую бдительность, решительность и суровость. В борьбе с партизанами эти качества значат больше, чем многое другое. Однако войска очень часто не понимают этого. Они склонны считать борьбу с партизанами слишком легкой. Сталкиваясь иногда с незначительными, недостаточно хорошо вооруженными силами партизан, они действуют беспечно и таким образом подвергают опасности себя и другие части... Беспечность не должна расцениваться как отвага.

Войска должны хорошо организовать разведку и наблюдение, особенно поиск месторасположения партизан... С этой целью рекомендуется использовать ищек.

Необходимо вовремя обезвреживать заминированные участки и

объекты, памятуя, что мины тщательно маскируются. Для этого разведывательным подразделениям, передовым и прежде всего штурмовым отрядам придавать саперов (см. статью 39). В незнакомой местности принимать все необходимые меры предосторожности. В качестве проводников можно использовать дезертиров, военнопленных или подходящих местных жителей (например, лесников, хорошо знающих дороги).

Во время борьбы с партизанами необходимо иметь надежное охранение войск, так как врага можно ожидать отовсюду.

Часть на марше должна организовать круговое охранение. Дистанция между подразделениями на марше должна быть небольшой. Тяжелое оружие следует придавать каждому подразделению, следующему в походной колонне.

Если предстоит двигаться по неразведанной дороге, с целью обнаружения мин можно принимать следующие меры предосторожности:

- а) высылать перед колонной деревянные катки;
- б) гнать впереди колонны скот.

На отдыхе войска должны надежно охраняться. Лучшим средством защиты является круговая оборона. В населенных пунктах войска также должны иметь круговое охранение. При расквартировании части дробить не рекомендуется.

Наступление в лесу. Войска должны уметь вести бой и преследование партизан в лесах, зарослях и в болотистой местности. Во время продвижения по лесу, в котором предполагается наличие крупного партизанского отряда, войска должны обеспечить себя от нападения:

- ведением усиленной разведки;
- готовностью открыть мощный огонь;
- применением специального порядка движения.

Наименьшим подразделением, которое может самостоятельно действовать в этих условиях, является рота.

Как правило, войска должны наступать на широком фронте (рота, например, с двумя взводами в первой линии) с целью навязать партизанам бой и использовать максимальное количество людей и вооружения во время боя и последующего преследования. Кроме того, такой порядок наступления является лучшей защитой против засад, часто устраиваемых партизанами.

Другая форма развертывания для наступления — это глубокое построение боевых порядков. В условиях, когда местонахождение отрядов партизан неизвестно, такой порядок гарантирует свободу действий

командиру и облегчает продвижение, но он имеет и свои неудобства — уязвимость флангов, возможность натолкнуться на засады. Поскольку войска в данном случае будут двигаться по дорогам и легко преодолимым участкам местности, им трудно будет навязать партизанам бой, и последние смогут ускользнуть.

Поэтому войска, привыкшие к действиям в лесах, обычно предпочитают расчлененные боевые порядки.

Если лес необходимо прочесать только с целью поимки отдельных партизан, подразделения следует развернуть в цепь. При этом желательно, чтобы солдаты видели друг друга.

...Связь поддерживать с соседями с обеих сторон, приказание передавать слева направо. С целью предупреждения внезапного нападения противника до одной восьмой личного состава выделять в резерв. Следовательно, командир непосредственно имеет в своем распоряжении резервы, а также часть подразделения тяжелого оружия.

В бою наши войска должны обладать огневым превосходством. Во главе штурмового отряда должен стоять командир подразделения тяжелого оружия, который обязан подавить как можно больше огневых средств партизан.

Авангард должен иметь тяжелое оружие, особенно такое, которое можно немедленно пустить в ход, чтобы быстро обеспечить огневое превосходство в случае неожиданного столкновения с противником.

Борьба против партизан требует подготовки личного состава для действий в ночных условиях... Во время боевых действий даже в плохую погоду на труднопроходимой местности войска должны проводить ночь там, где этого требуют задачи боя. Часто наблюдаемое стремление ночевать в населенных пунктах следует пресекать всеми средствами, поскольку в таких случаях территория без всякой необходимости уступается противнику.

Войска должны также уметь вести бой с партизанами, обороняющимися на заранее подготовленных позициях. В этом случае особенно важно посредством внезапной атаки подвижных подразделений с ходу занять позиции противника, даже если эти подразделения не имеют тяжелого оружия.

Войска должны научиться бесшумно продвигаться и искусно маскироваться, если они хотят застать партизан врасплох.

Вооружение войск должно соответствовать условиям ведения боевых действий против партизан.

Даже на местности, лишенной дорог, солдаты должны сами нести свое

оружие. В борьбе с партизанами самое лучшее оружие то, которое можно быстро изготовить к бою. Личное огнестрельное оружие, автоматические карабины, автоматы, винтовки с оптическим прицелом, ручные и станковые пулеметы, легкие и тяжелые противотанковые пушки, легкие пехотные пушки, легкие зенитные орудия, легкие огнеметы — вот испытанное оружие для борьбы с партизанами в лесистой и болотистой местности. Тяжелое оружие, например тяжелая артиллерия, тяжелые зенитные орудия, тяжелые противотанковые орудия, в значительной степени уменьшают скорость передвижения подразделений в болотах и зарослях. Тем не менее, тяжелое оружие может оказать серьезную поддержку тем подразделениям, которые в период проведения действий по окружению выделяются для блокирования путей отхода противнику или в резерв.

Использование в борьбе против партизан разведывательных и других танков, даже устаревших конструкций, имеет весьма большое значение, и не только из—за их огневой мощи, но особенно потому, что они оказывают сильное моральное воздействие на партизан. Однако использовать танки в болотистой, лесистой и горной местности часто трудно, а иногда и вовсе невозможно.

Саперы необходимы для ремонта разрушенных дорог и мостов, для прокладывания дорог через болота и в зарослях, для разминирования, для подрыва укреплений и укрытий партизан...

Конные отряды в борьбе против партизан целесообразно использовать для разведки, особенно в условиях бездорожья. При наличии удобных дорог с успехом можно применять также и моторизованные части.

Частям, выделенным для проведения самостоятельных боевых действий, должны быть приданы специализированные и конные подразделения. Это необходимо для того, чтобы они могли самостоятельно от начала до конца вести бой, не рассчитывая в решающий момент на поддержку извне.

Кроме того, эти отдельные подразделения, и обязательно каждый батальон, должны иметь своего переводчика, и, если возможно, им должны быть приданы подразделения СД или полевой полиции, чтобы пленных можно было допрашивать немедленно.

Войска должны быть подвижными. Механизированные и моторизованные части способны успешно преследовать быстро отходящие отряды и, если необходимо, заходить им в голову. Кроме того, необходимо использовать обычные крестьянские повозки, сани и вьючных животных, особенно в густых зарослях, болотах и лесах, а также в зимнее время...

Для преодоления болот часть личного состава должна иметь специальное снаряжение. Такое снаряжение состоит прежде всего из сплетенных из ветвей лыж или щитков, которые дают возможность прикрепившему их к ногам идти по болоту, а также из болотных саней, используемых для перевозки тяжелого вооружения и боеприпасов. В летнее время требуются сетки от комаров.

Для борьбы с партизанами в горной местности совершенно необходимо альпинистское снаряжение.

В случае необходимости войска должны сами изготовить снаряжение, необходимое для борьбы против партизан, используя для этого подручные материалы.

В борьбе против партизан войска нуждаются в большом количестве хорошо оснащенных подразделений связи, способных в любых условиях быстро налаживать связь. Конные посыльные, а при наличии хороших дорог и мотоциклисты являются необходимым дополнением к техническим средствам связи.

Переброска подкреплений и предметов снабжения в районы действия партизан связана с большими трудностями... Войска, выделяемые для борьбы с партизанами, с самого начала должны быть снабжены в достаточном количестве боеприпасами и взрывчаткой. Продовольствие, если необходимо, следует реквизировать у населения. Особенно важно, чтобы мелкие самостоятельные отряды и ягдкоманды были обеспечены провиантом, необходимым медицинским персоналом и транспортом, чтобы в течение нескольких дней они самостоятельно могли вести боевые действия...

...Вооруженные отряды из местного населения могут лучше всего проявить себя в борьбе против партизан, только действуя совместно с нашими войсками или в тесном с ними взаимодействии. Очень важно уберечь их от воздействия вражеской пропаганды. Это достигается с помощью соответствующей просветительной работы и путем максимально частого использования их в боях. Последнее необходимо для того, чтобы у них не оставалось времени для общения с местным населением, подверженным вражеской пропаганде.

В. Ведение разведки против партизан

Разведывательные действия против партизан включают:

а) сбор сведений о действиях партизан;

- б) разведку перед началом боевых действий;
- в) разведку в ходе боевых действий.

Сбор сведений

Цель сбора сведений — получить общее представление об обстановке в районе борьбы против партизан путем анализа многочисленных данных.

Сбор сведений обеспечивается:

- а) передачей командованию всех данных наблюдения за действиями партизан;
- б) организованным наблюдением за партизанами...

Пункты сбора сведений о действиях партизан должны создаваться теми начальниками на местах, которые отвечают за организацию борьбы против партизан, или, если необходимо, подчиненными им частями. Пункты сбора сведений должны иметь надежную связь с соответствующими начальниками. Если партизаны нарушают, как это часто случается, проволочную связь, следует пользоваться радиосвязью.

Донесения о партизанах должны направляться непосредственно в пункты сбора сведений. Круг вопросов, подлежащих освещению в указанных донесениях, и предъявляемые к ним требования изложены в статьях 64–68...

Важные сведения должны передаваться немедленно...

Поступившие сведения о действиях партизан должны анализироваться начальниками, ответственными за борьбу против них в данной местности.

Оценка и анализ сведений о партизанах требуют опыта и знания местных условий. Большую ценность представляют сведения о реквизициях, проведенных партизанами. По количеству реквизированного ими продовольствия и численности их групп снабжения можно установить примерную численность самих отрядов. К сведениям, поступаемым из отрядов от местного населения, следует подходить очень осторожно. Их сведения о численности противника и о его потерях обычно бывают сильно преувеличенными, а о времени его действий — часто неверными. Очень часто такие донесения составляются под воздействием самих партизан...

Сразу же за оценкой обстановки должно следовать решение. Если из оценки обстановки следует, что немедленные действия необходимы и возможны, должен быть отдан приказ начинать наступление, о чем тут же посылается донесение старшему начальнику (см. статью 53) вместе с донесением о принятых мерах.

Если из оценки обстановки следует, что против партизан следует предпринять определенные действия, но сил для этого не хватает, старшему начальнику следует немедленно послать донесение, в котором

рекомендовать необходимые действия, указав на недостаток собственных сил.

(О ежедневных донесениях о партизанах.)

(Об обмене сведениями между соседними штабами.)

В штабах, ответственных за организацию борьбы против партизан, необходимо наносить на специальные карты обстановку как в своем, так и в соседних районах действий партизан.

Разведка перед началом боевых действий

До начала боевых действий против партизан ответственный начальник должен обеспечить своевременное получение таких сведений о противнике, которые необходимы ему для развертывания его сил. Ответственность за это лежит на командире, руководящем проведением данных боевых действий.

В дополнение к сведениям, полученным из текущих донесений, разведка должна установить местонахождение лагерей партизан, состояние дорог, данные о численности и вооружении противника. Имеется три способа получения таких сведений:

а) использование агентов; этот способ может применяться во всех случаях, особенно тогда, когда сведения нужно собрать совершенно незаметно;

б) использование для разведки ягдкоманд; этот способ может применяться в тех случаях, когда разведка производится в районе, в значительной степени контролируемом партизанами, или против крупных отрядов, которые, вероятно, не уступят занимаемой ими территории без боя;

в) использование разведывательных самолетов, особенно helicopters «Физелер»; этот способ может применяться только в том случае, если над контролируруемыми партизанами районами часто совершаются полеты и появление разведывательного самолета не может явиться для партизан предупреждением о подготовке против них каких—то мер. Применение этого способа разведки против крупных отрядов, видимо, требует меньших предосторожностей, так как, в отличие от мелких отрядов, которые обычно уклоняются от боя, они готовы отразить нависающую над ними угрозу.

Против отступающих партизан воздушная разведка должна применяться без всяких колебаний.

(Об агентах.)

(О наблюдении за населением.)

(О наблюдении за воздушными перевозками для партизан.)

Донесения о партизанах должны быть точны и лишены преувеличений.

Донесения о партизанах должны быть краткими и ясными... В первом донесении особенно важно осветить следующие вопросы:

- время обнаружения партизанского отряда;
- место обнаружения отряда;
- численность отряда;
- его действия;
- его организацию.

Все последующие детали должны быть сообщены позднее в приложении. В нем необходимо указать следующее:

- фамилии командира и комиссара отряда;
- название отряда;
- кому отряд непосредственно подчинен;
- местонахождение запасного и резервного лагерей;
- откуда прибыл отряд;
- куда он направляется;
- его вооружение;
- его средства передвижения;
- ущерб, нанесенный отрядом;
- остальные сведения об отряде.

(О терминологии в донесениях.)

(О местных наименованиях в донесениях.)

(Об условных названиях отрядов в донесениях.)

Разведка в ходе боевых действий

В ходе боевых действий против партизан необходимо проводить активную разведку на всех этапах боя и на всех участках, включая тыл и фланги. Ответственность за это лежит на начальнике, который руководит этими действиями, и на всех подчиненных ему командирах.

Перед разведкой стоят следующие задачи:

- а) обнаружить все скрытые силы противника;
- б) своевременно обнаружить любые попытки партизан незаметно выйти из боя или прорваться через наши боевые порядки;
- в) предотвратить возможность внезапной атаки или нападения из засады;
- г) разведать позиции противника и наилучшие к ним подходы.

Разведка во время боя должна проводиться в соответствии с обычными правилами. Разведывательные подразделения, действующие против партизан, должны быть достаточно сильными. Для выполнения этой задачи

лучше всего использовать хорошо подготовленные ягдкоманды.

Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует.

Последующий тщательный допрос пленных, представляющих наибольший интерес, дает сведения об организации партизанских отрядов и средствах их связи.

Г. Методы боевых действий

1. Окружение и уничтожение

Метод уничтожения партизан путем окружения нужно стараться применять во всех случаях, даже против мелких отрядов. Если имеются необходимые для окружения силы и средства, применение такого метода всегда будет успешным.

Этот метод заключается в том, чтобы отрезать отряду пути отступления и затем последовательно уничтожить его по частям.

При определении сил и средств, необходимых для окружения, следует учитывать следующее:

а) неплотное кольцо окружения недостаточно, необходимо создать надежное сдерживающее кольцо (впереди — разведподразделения, затем — главные силы с тяжелым оружием, в тылу — подвижные резервы);

б) окружать следует только тот район, где действительно находился противник; соседние же районы, где только предполагается наличие партизан, оставлять в стороне.

Если имеющихся сил и средств недостаточно для окружения всего района, занятого партизанами, действия могут быть ограничены окружением части данного района, прежде всего его наиболее важного участка.

Совершенно необходимо, чтобы подготовка к окружению и его осуществление проводились чрезвычайно тщательно, в соответствии с требованиями. С этой целью окружающие войска сосредоточиваются на значительном удалении от основного района действий партизанских отрядов. Пункты сосредоточения для окружения не всегда должны располагаться кольцом вокруг района действий партизан. С целью ввести в заблуждение их разведку подход войск к пунктам сосредоточения рекомендуется совершать таким образом, чтобы лишить противника

возможности раскрыть наши планы и побудить его сделать ошибочные выводы относительно наших намерений. Чем мобильнее окружающие войска, тем легче ввести противника в заблуждение. Из пунктов сосредоточения окружающие войска выступают с таким расчетом, чтобы достичь рубежа окружения одновременно. Большое значение имеет предварительная разведка подступов. Сторожевое охранение партизан и небольшие отряды при движении к рубежам окружения трогать не следует. Попытки противника оказать в это время сопротивление необходимо быстро подавлять. Задача состоит в том, чтобы быстро и надежно окружить главные силы. Рубежи окружения намечаются с учетом особенностей местности. Следует выбирать такие рубежи, на которых легче организовать оборону. Поэтому в лесу наиболее подходящими являются тропы и дороги, идущие по диагонали относительно направления движения. В горах рубежи окружения должны проходить вдоль хребтов.

Решающим периодом первого этапа окружения является время от выхода на рубежи окружения до завершения оборонительных мероприятий. Партизанские отряды, имеющие боевой опыт, будут пытаться силами разведывательных подразделений прощупывать боевые порядки наших частей, образующих кольцо окружения, чтобы прорваться в слабом месте. Поэтому в период, когда образуется кольцо окружения, тяжелое оружие должно быть использовано подразделениями первого эшелона.

После того как создание кольца окружения будет завершено, блокирующие войска должны осуществить необходимые оборонительные мероприятия на случай попыток противника прорваться через наши позиции. Дефиле, тропы, ущелья, болота, ручьи и реки являются наиболее уязвимыми местами и должны соответственно обеспечиваться.

На открытой местности достаточно будет создать позиции для подразделений второго эшелона. Однако они не должны располагаться друг от друга дальше, чем это необходимо для оказания взаимной поддержки огнем. Эти позиции должны располагаться и оборудоваться так, чтобы обеспечивать возможность круговой обороны. Связь между подразделениями, занимающими эти позиции, должна поддерживаться при помощи дозорных и разведывательных подразделений. Эти подразделения должны, кроме того, препятствовать просачиванию отдельных партизан.

Оборона обеспечивается в основном огнем станковых пулеметов. Гранатометы и легкие пехотные пушки ведут огонь по закрытым позициям противника. Противотанковые пушки простреливают тропы и дороги, ведущие к рубежам окружения. План огня должен быть тщательно разработан. Боевое охранение следует выдвинуть вперед.

Разведподразделения должны находиться впереди боевого охранения и в тылу кольца окружения. Подвижные подразделения в тылу наших позиций образуют тыл кольца окружения. Все блокирующие войска должны поддерживать между собой связь и быть в состоянии полной боевой готовности.

Попытки противника прорваться следует пресекать сосредоточенным огнем. Если же части партизан удастся прорваться, окружающие войска остаются на своих позициях и немедленно ликвидируют образовавшуюся брешь. Преследование прорвавшегося противника возлагается на резервы. Кавалерийские, моторизованные и танковые подразделения во время создания кольца окружения используются на участках вблизи дорог или находятся в резерве.

Вот некоторые способы уничтожения окруженных партизанских отрядов:

а) сужение кольца окружения путем одновременного продвижения к центру всех блокирующих частей, хотя этот метод кажется простейшим, он тем не менее может быть применен только в небольших районах; в обширных районах его применение вряд ли возможно, поскольку из—за большой величины кольца окружения все блокирующие войска не могут продвигаться с одинаковой быстротой. В силу этого между ними нарушается связь и появляются бреши, сквозь которые противник может легко выйти из окружения;

б) метод «охоты на куропаток»; этот метод состоит в том, что подразделения одного участка кольца окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, остаются на своих позициях. Атакующие силы оттесняют партизан, как куропаток, к оборонительным позициям наших войск; следует иметь в виду, что партизаны могут предпринять попытку прорваться через боевые порядки атакующих подразделений, поэтому в тылу последних на достаточном удалении должны находиться резервы. Такой метод рекомендуется в том случае, если известны направления возможного прорыва и пути, которыми может воспользоваться противник при попытке выйти из окружения, а также если часть блокирующих войск занимает удобные для обороны позиции (у реки, на плато, у лесной полосы), что делает попытки прорыва на таком участке безнадежными. Тогда оттеснение партизан к этим позициям легко ведет к их уничтожению.

в) вбивание мощных клиньев; немедленно после того, как блокирующие войска заняли назначенные им рубежи, силами подразделений смешанного состава вбиваются мощные клины по

направлению к центру кольца окружения или к уже известному месторасположению лагерей партизанских отрядов. Окружающие войска в это время остаются на своих позициях. Такой метод с самого начала лишает партизан свободы действий. Они лишаются также возможности выявить силами своей разведки слабые места в кольце окружения с целью прорыва; партизаны, энергично атакуемые в их главном лагере, оказываются перед необходимостью разбиться на несколько групп; когда это достигнуто, войска окружения начинают наступать, охватывают противника с флангов, входят в соприкосновение с отрядами, прорвавшись внутрь кольца окружения, и дробят окруженного противника на мелкие группы, которые затем легко ликвидируются; для уничтожения партизан в больших котлах часто требуется несколько дней; в таких случаях войскам необходимо ставить задачи на каждый день боя; выбор рубежей для окружения и ликвидации расчлененных групп противника, а также выделение необходимых для этого сил осуществляются в соответствии с общими правилами;

г) использование ударной группы; если партизанский отряд построил постоянный лагерь и разведывательные данные говорят о том, что он будет его оборонять, то этот район должен быть окружен, а из резервов должна быть сформирована сильная ударная группа, эта группа продвигается от кольца окружения, атакует лагерь и уничтожает партизанский отряд; задача окружающих сил — не допустить отход противника, а в дальнейшем прочесать район с целью обнаружения укрывшихся партизан.

Сведения, полученные от лиц, дезертировавших из партизанских отрядов, ненадежны.

Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием

В тех случаях, когда для окружения партизан сил или времени недостаточно, лучше внезапно атаковать партизанский отряд, навязать ему бой, уничтожить в ходе атаки как можно больше его живой силы, затем начать преследование и уничтожение раздробленных групп противника. Следует мириться с тем, что отдельные изолированные группы могут скрыться. Этот метод особенно успешно применяется против тех партизанских отрядов, которые еще не завершили сооружения своего лагеря или находятся на марше...

Главное в этом тактическом приеме состоит в том, чтобы, используя свое превосходство в силах и средствах, нанести партизанскому отряду решающее поражение и преследовать его до полного уничтожения.

Учитывая быстроту развития этого вида боя, перед ним совершенно

необходимо проводить разведку. Местонахождение и численность партизанского отряда должны быть установлены заблаговременно.

Атака должна быть внезапной. Войска сосредотачиваются на большом удалении от района предстоящего боя, а затем совершают бросок по заранее разведанным дорогам.

Последующее развитие боя зависит от характера противодействия партизан.

Если отряд принимает бой, наступление должно продолжаться согласно плану... Если же он пытается уклониться от боя, часть сил осуществляет медленное фронтальное преследование партизан, а остальные силы быстро обходят противника с флангов и окружают его.

Если отряд распадается на отдельные группы, войска организуют погоню за ними...

Если отряд рассеивается, действия следует прекратить и провести новую разведку... После этого нужно выработать новый план действий.

Погоня — наиболее сложный вид преследования. Ее цель — настигнуть, изолировать и уничтожить партизанский отряд...

Погоня возможна только в том случае, если войска могут передвигаться быстро. Поэтому для перевозки боеприпасов и другого возимого имущества преследующих подразделений рекомендуется использовать другие подразделения.

Погоня предпринимается прежде всего за командованием партизанского отряда.

Использование против партизан ягдкоманд

Структура ягдкоманд дает им возможность активно бороться против партизан, даже самыми небольшими силами. Ягдкоманды наиболее подходят также для проведения разведки боем. Их необходимо создавать как ударные отряды при всех частях и штабах, занятых борьбой с партизанами, и использовать при каждой благоприятной возможности. Необходимо, чтобы одно из подразделений постоянно выполняло роль ягдкоманды.

Ягдкоманды должны постоянно беспокоить партизан, нарушать их снабжение и препятствовать организации новых отрядов. Они обеспечивают охранение наших войск, которые в силу возложенных на них задач (охрана и т. д.) должны оставаться на месте.

Главное в тактике ягдкоманд заключается в том, чтобы, подражая

партизанам и приспособиваясь к местным условиям, скрытно подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить.

Наиболее благоприятными для действий ягдкоманд являются районы: через которые партизаны совершают переходы; где они добывают продовольствие; через которые они проходят, направляясь на диверсии.

Районы, в которых партизаны имеют хорошо укрепленные лагеря, для действий ягдкоманд неблагоприятны.

Численность ягдкоманды не должна быть меньше взвода или больше роты.

Чтобы выполнять стоящие перед ними задачи, ягдкоманды должны быть соответствующим образом оснащены. Им следует иметь маскировочные халаты, теплую одежду, крестьянские повозки и сани, вьючных животных, лыжи, полевую кухню, миноискатели, различные инструменты, телефонное оборудование для подслушивания и передачи донесений командованию, рации. Ягдкоманды необходимо вооружать большим количеством автоматов, автоматических карабинов, ручных пулеметов, легких гранатометов, ручных гранат. Ягдкоманды должны быть в состоянии в течение длительного времени вести боевые действия без пополнения своих запасов продовольствия и боеприпасов.

В ягдкоманды следует отбирать бесстрашных и хорошо подготовленных солдат. Каждой ягдкоманде придается несколько саперов, кавалеристов, связистов и переводчиков. В ягдкомандах целесообразно использовать местных жителей, но, разумеется, только хорошо проверенных и надежных.

Все солдаты ягдкоманд (даже те, кто непосредственно не участвует в боевых действиях) должны постоянно заниматься боевой подготовкой, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности.

Командир ягдкоманды должен быть изобретательным, находчивым офицером. Непременным условием успешного применения ловких тактических приемов является хорошее знание тактики партизан и местных условий. Поэтому ягдкоманды следует всегда использовать в знакомом им районе. Например, очень важно следующее: если ягдкоманда в течение продолжительного времени действует в одном районе, то вполне можно предположить, что все ее приготовления и передвижения находятся под тщательным наблюдением разведки партизан. Поэтому самое главное заключается в том, чтобы скрыть от партизан развертывание сил перед началом каждой новой экспедиции. Ягдкоманда должна ввести в заблуждение разведку противника, предприняв движение в район,

находящийся в противоположном направлении от места намеченных действий, куда она должна будет прибыть лишь спустя некоторое время, используя обходные пути. Все передвижения, также как и остановки на отдых, следует тщательно маскировать. Если ягдкоманда обнаружена, она оставляет свой район.

Хороший «охотничий» инстинкт у каждого солдата ягдкоманды, и особенно у ее командира, — следующее важное условие успеха. Если ягдкоманда хочет иметь сведения о партизанах, то здесь она должна рассчитывать только на себя, особенно когда она действует вдали от других частей.

Ягдкоманда действует следующим образом: переходы она совершает большей частью ночью, а в дневное время находится в скрытом месте. И на марше, и на привалах ягдкоманда должна обеспечивать непосредственное охранение. Разведка начинается по достижении места боя. О действиях и передвижениях партизан ягдкоманда судит по оставляемым ими следам. Чтобы избежать предательства, не следует вступать в контакт с населением. В ягдкомандах всегда себя оправдывало использование постоянных подразделений войсковой разведки. Разведподразделения ведут наблюдение за путями подхода и передвижениями партизан из мест, удобных для нападения на противника. Успех дела решают хорошая маскировка, тесное взаимодействие и главное — терпение.

После уничтожения противника его документы и карты должны быть сохранены, а оружие и боеприпасы приведены в негодность. Сбор трофеев проводится под прикрытием огневых групп. Соблюдение этого правила особенно важно, так как партизаны часто отступают в одном месте лишь для того, чтобы попытаться атаковать в другом. Ягдкоманды уклоняются от боя со значительно превосходящими их силами противника.

Для того чтобы обеспечить внезапность своих действий, ягдкоманды не посылают командование текущих донесений, за исключением особо важных сведений, вызывающих необходимость немедленного использования более крупных сил.

Меры охранения от партизан

Активные боевые действия против партизан должны дополняться столь же энергичными мерами охранения войск и объектов. Кроме войсковых частей, необходимо охранять следующие объекты:

- а) железные дороги;

- б) шоссейные дороги и водные пути;
- в) населенные пункты;
- г) промышленные, административные объекты и средства связи;
- д) поля и лесные угодья.

Принцип охраны от партизан заключается в следующем: охране подлежит все, что представляет важность для ведения войны.

Перечень нормативных актов, регламентирующих участие органов государственной безопасности СССР в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны

1. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтной полосы от 29 июня 1941 г. «О решительной перестройке всей работы на военный лад». РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 59. Д. 401. Л. 8–11.

2. Директива Народного Комиссара Государственной Безопасности СССР от 16 июля 1941 г. за № 222 «О недостатках в организации партизанского движения». Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 178.

3. Директива НКВД СССР № 184/280 начальнику УНКВД по Калининской области от 11 сентября 1941 г. «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения». Архив УФСБ РФ по Тверской области. Ф. 3. Оп. 25. Д. 1. Л. 3–5.

4. Директива УНКГБ по Калининской области начальникам МРО и ЖДО «О мероприятиях по улучшению руководства партизанским движением». Архив УФСБ РФ по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 178–180.

5. Директива начальника УНКГБ и начальника УНКВД Калининской области начальникам ГО, РО НКВД и МРО НКГБ «О недостатках в руководстве партизанским движением и мерах по их устранению». Архив УФСБ РФ по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 145–147.

6. Директивное указание УНКВД по Калининской области № 762 «О мероприятиях по формированию партизанских отрядов». Архив УФСБ РФ по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 166.

7. Положение от 13 декабря 1942 г. «О Центральном штабе партизанского движения». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–41.

8. Положение от 13 декабря 1942 г. «О республиканских и областных штабах партизанского движения». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–54.

9. Положение от 14 декабря 1942 г. «О штабах партизанского движения»

при представительствах Центрального штаба на фронтах». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–71.

10. Постановление СНК СССР № 1269 от 16.07.40 г. «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава и их семьям». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

11. Постановление ЦК ВЛКСМ от 3 сентября 1941 г. «О мобилизации комсомольцев на службу в войска особой группы НКВД СССР». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

12. Постановление СНК СССР № 533–165 сс от 15 мая 1943 г. «О пособиях партизанам и их семьям». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

13. Постановление СНК СССР № 785–238 сс от 16 июля 1943 г. «О выплате пособий радистам, направляемым в тыл врага». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

14. Приказ НКВД СССР № 001151 «Об образовании 4-х отделов». // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2001. С. 518.

15. Приказ председателя НКО СССР от 30 мая 1942 г. «О создании Центрального штаба партизанского движения». // Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Док. и материалы. М.: ТЕРРА, 1999. С. 114–115. С. 169–170.

16. Приказ НКО СССР № 00125 от 16 июня 1942 г. «О формировании ЦШПД и республиканских штабов партизанского движения». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

17. Приказ председателя НКО СССР от 30 мая 1942 г. «О создании Центрального штаба партизанского движения». // Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Док. и материалы. М.: ТЕРРА, 1999. С. 114–115.

18. Приказ НКО СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–17.

19. Распоряжение СНК СССР № 21456–рс от 11 ноября 1942 г. «О размещении в советском тылу партизанских семей, эвакуированных из Брянских лесов». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

20. Совместный приказ начальника ШПД Брянского фронта и начальника Управления НКВД по Орловской области от 6 декабря 1942 г. «О работе оперативно—чекистских групп при партизанских отрядах и о взаимодействии начальников опергрупп с командованием». УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.40 г. «О порядке назначения и выплаты пособий и пенсий семьям военнослужащих

рядового и младшего начальствующего состава в военное время». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

22. Указание 3-го Управления НКО СССР № 355523 от 27.06.41 г. «О функциях органов 3-го Управления НКО на военное время». ЦОА ФСБ России. Ф. 6а. Оп. 1а. Д. 5. Л. 308–318.

Биографии чекистов — разведчиков 4-го управления НКВД —НКГБ

Ваупшасов Станислав Алексеевич

15(27).07.1899–19.11.1976. Полковник.

Литовец. Настоящая фамилия Ваупшас. Родился в дер. Грузджияй Шяуляйского уезда Ковенской губернии в семье рабочего. Трудовую деятельность начал батраком в родной деревне. С 1914 г. проживал в Москве, работал землекопом, арматурщиком на заводе «Проводник». После кратковременного пребывания в Литве вернулся в Москву.

С 1918 г. в Красной гвардии, затем в РККА. Воевал сначала на Южном фронте, потом против войск генерала Дутова и белочехов, затем на Западном фронте.

С 1920 г. по 1925 г. находился на подпольной работе по линии т. н. «активной разведки» Разведупра РККА в западных областях Белоруссии, оккупированных Польшей. Организатор и командир партизанских отрядов. За работу в Белоруссии С. А. Ваупшасов был награжден почетным оружием и орденом Красного Знамени.

После сворачивания «активной разведки» отозван в СССР. С 1925 г. находился на административно—хозяйственной работе в Москве. В 1927 г. окончил Курсы комсостава РККА.

В 30–е годы работал в ГПУ Белоруссии, начальником участка на строительстве канала Москва — Волга.

В 1937–1939 гг. С. А. Ваупшасов находился в командировке в Испании в качестве старшего советника при штабе 14–го Партизанского корпуса республиканской армии по разведывательно—диверсионным операциям (под псевдонимами «Шаров» и «тов. Альфред»). После поражения республики, рискуя жизнью, вывез республиканские архивы.

С 1939 г. — в центральном аппарате НКВД СССР. Во время советско—финской войны 1939–1940 гг. участвовал в формировании разведывательно—диверсионных групп. Награжден именованным оружием.

В 1940 г. вступил в ВКП(б).

В 1940–1941 гг. в разведывательной заграничной командировке в Финляндии и Швеции.

После возвращения в СССР был направлен в распоряжение Особой группы — 2–го Отдела НКВД СССР. С сентября 1941 г. командир батальона ОМСБОНа НКВД СССР, принимал участие в битве под Москвой.

С марта 1942 г. по июль 1944 г. под псевдонимом «Градов» — командир партизанского отряда НКГБ СССР «Местные», действовавшего в Минской области. За время пребывания в тылу противника партизанским соединением под командованием С. А. Ваупшасова было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров, совершено 57 крупных диверсий. В их числе — взрыв столовой СД, в результате чего было убито несколько десятков высокопоставленных немецких офицеров.

В 1945 г. работал в центральном аппарате НКГБ в Москве.

В августе 1945 г. участвовал в боевых операциях против Японии, затем — начальник опергруппы НКГБ по очистке тыла в Маньчжурии.

С декабря 1946 г. начальник разведотдела МГБ Литовской ССР. Участвовал в ликвидации антисоветских вооруженных формирований в Литве. В 1954 г. уволен в запас.

Автор воспоминаний («На тревожных перекрестках». М., 1972 и др.).

Герой Советского Союза (5.11.1944). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1–й и 2–й степеней, Трудового Красного Знамени БССР (1932), медалями.

Умер в Москве после продолжительной болезни.

Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Гриднев Вячеслав Васильевич

9.10.1898–5.01.1991. Генерал—майор (17.11.1944).

Русский. Родился в дер. Гридьково (ныне Михневский район Московской области) в крестьянской семье. С 1907 г. по 1910 г. учился в сельской начальной школе. С 1912 г. по 1917 г. работал на заводе в Петрограде подручным электромонтера.

В январе 1917 г. призван в армию. Служил рядовым 5-й роты запасного электротехнического батальона, который в 1918 г. перешел на сторону советской власти. В составе батальона В. В. Гриднев участвовал в Гражданской войне, служил рядовым красноармейцем 238-й полевой радиостанции штаба Восточного фронта.

В 1918 г. вступил в РКП(б).

С сентября 1921 г. — сотрудник МЧК. Работал уполномоченным секретной оперативной части, принимал участие в мероприятиях по раскрытию подпольной анархистской организации «Набат», которая готовила ряд террористических актов в Москве.

В 1923 г. В. В. Гриднев был направлен на учебу в Высшую пограничную школу ОГПУ, которую окончил в 1924 г. С 1924 г. он — комендант погранучастка, начальник погранотряда на советско—иранской границе. Принимал участие в ликвидации бандформирований, участвовал в операциях по пресечению контрабанды золота и валюты из СССР в Иран. Приказом по Закавказскому округу дважды награждался почетным боевым оружием за проявленные мужество и героизм.

В 1931–1932 гг. учился на курсах усовершенствования ВПШ ОГПУ. В октябре 1932 г. командирован в Монголию инструктором погранохраны. Оказывал помощь в реорганизации погранохраны и формировании

погранчастей МНР. Совместно с В. И. Пудиным принимал участие в ликвидации белогвардейских банд и мятежа лам, инспирированного японцами. Привлек к сотрудничеству с внешней разведкой ряд иностранцев, от которых поступала информация о политическом положении в Маньчжурии и деятельности там японских оккупантов и белогвардейцев.

После возвращения из Монголии в 1936 г. В. В. Гриднев снова служил на советско—иранской границе начальником погранотряда.

В августе 1939 г. был переведен в Главное управление погранвойск НКВД на должность начальника отделения. После освобождения Западной Белоруссии находился там в долгосрочной командировке в качестве начальника оперативной группы НКВД БССР, а затем — начальника Волковысского горотдела НКВД.

После начала Великой Отечественной войны — в Особой группе при наркомате НКВД по формированию отрядов для работы в тылу германских войск. В 1941–1942 гг. — командир 1-го полка ОМСБОНа. В 1942–1943 гг. — командир ОМСБОНа. Руководил подготовкой и заброской в тыл немцев отрядов Д. Н. Медведева, М. С. Прудникова, К. П. Орловского, Е. И. Марковского, В. А. Лягина, В. И. Пудина и других партизанских командиров.

После расформирования ОМСБОНа с ноября 1943 г. по январь 1949 г. В. В. Гриднев — советник министра госбезопасности МНР, участвовал в войне с Японией.

В 1949 г. назначен начальником отдела КИ при СМ СССР. С 1950 г. — начальник Высшей разведывательной школы МГБ — КГБ.

В 1960 г. вышел в отставку по состоянию здоровья.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, тремя орденами Монгольской Народной Республики, многими медалями.

Дедюля Иван Прохорович

Род. 18.09.1917. Полковник.

Белорус. Родился в деревне Осовец Минской губернии. В 1939 г. окончил литературный факультет Могилевского пединститута.

В 1939 г. призван в армию. Участник Великой Отечественной войны с первого дня, политрук роты. Был ранен, лечился в госпитале.

В мае 1942 г. в составе группы из 45 человек направлен в тыл врага под Минск для организации партизанского движения, ведения боевых действий и разведки. С осени 1942 г. — комиссар партизанского отряда «Смерть фашизму». с лета 1943 г. — командир одноименной партизанской бригады. После освобождения Белоруссии в 1944–1945 гг. работал в Смолевическом райкоме КП(б) Белоруссии.

В 1947 г. И. П. Дедюля окончил Западный факультет Высшей дипломатической школы МИД СССР, после чего в 1947–1951 гг. работал в аппарате политсоветника при СВАГ, начальником консульского отдела в Дрездене.

В 1951–1954 гг. работал в центральном аппарате МИД СССР в ранге 1-го секретаря. С 1954 г. — сотрудник ПГУ КГБ СССР. Окончил трехмесячные курсы разведки.

В 1954–1957 гг. — помощник начальника, а затем начальник 2-го отдела Спецуправления (Управления «С») ПГУ. В 1957–1962 гг. — помощник, затем заместитель резидента ПГУ КГБ в Австрии, работал под прикрытием должности сотрудника консульского отдела посольства, а позднее — консула.

С августа 1962 г. по 1967 г. — резидент в Израиле под дипломатическим прикрытием.

После возвращения в СССР — помощник председателя КГБ по разведке.

С 1985 г. в отставке.

Автор книг «Лесная гвардия» (1968), «Партизанский фронт» (1978),

повести «Неоконченное сражение», политического очерка «Германский вопрос и обеспечение европейской безопасности», статей и обзоров по вопросам внешней политики, по истории партизанского движения; закрытой монографии «Роль Израиля и его спецслужб в осуществлении политики США на Ближнем Востоке» (1983).

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», юбилейными знаками «50 лет ВЧК — КГБ» и «60 лет ВЧК — КГБ».

Карасев Виктор Александрович

Род. 26.03.1918. Подполковник.

Русский. Родился в г. Елец (ныне Липецкая область) в семье рабочего. Работал помощником машиниста паровоза. С 1935 г. служил в погранвойсках. Окончил пограничное училище в Орджоникидзе (1939). Член ВКП(б) с 1941 г. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. С августа 1941 г. командир истребительного батальона, в сентябре того же года преобразованного в спецотряд. С февраля 1943 г. командир отряда спецназначения «Олимп» (130 операций в Белоруссии, на Украине, в Польше, Чехословакии, Венгрии).

Герой Советского Союза (5.11.1944).

Окончил Военную академию им. Фрунзе, работал в МГБ. С 1950 г. в запасе. Награжден 2 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалями.

Колесников Юрий Антонович

Род. в 1919.

Еврей. Родился в Румынии.

В 1941 г. пошел на фронт, в том же году переведен в ОМСБОН Особой группы — 4-го Управления НКВД — НКГБ, направлялся для выполнения спецзаданий в партизанское соединение Ковпака. Помощник начальника штаба стрелкового полка.

С 1944 г. на оперативной работе в 1-м Управлении НКГБ — МГБ СССР. В 1946 г. направлен на нелегальную работу в Румынию, а затем под прикрытием эмигранта — в Хайфу с заданием создания агентурной сети в Палестине.

В 1948 г. уволен из органов МГБ, работал автомехаником. В 1970–х — 1980–х гг. — заместитель председателя Антисионистского комитета советской общественности. Писатель, автор романов «Занавес приподнят», «Земля обетованная», «Особое задание» и др.

Герой России (7.12.1995).

Живет в Москве.

Корж Василий Захарович

1.01.1899–5.05.1967. Генерал—майор (1943).

Белорус. Родился в деревне Хоростов (ныне Солигорского района Минской области) в семье крестьянина. Окончил сельскую школу.

В 1921–1925 гг. в партизанском отряде К. П. Орловского, действовавшем в Западной Белоруссии. С 1925 г. председатель колхозов в районах Минского округа. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1931–1936 гг. — в органах ГПУ — НКВД БССР. В 1936–1937 гг. — командир интернационального партизанского отряда в Испании. В 1939–1940 гг. — директор зерносовхоза в Краснодарском крае, совхоза им. Ланге в Добрушском районе Гомельской области. С 1940 г. — заведующий сектором Пинского обкома КП(б). В начале Великой Отечественной войны сформировал и возглавил один из первых в Белоруссии партизанских отрядов. Осенью 1941 г. вместе с другими партизанскими отрядами совершил рейд по Минской и Полесской областям. Командир Пинского партизанского соединения.

Окончил Военную академию Генштаба (1946). С 1946 г. в запасе. В 1949–1953 гг. — заместитель министра лесного хозяйства БССР. В 1953–1963 гг. — председатель колхоза «Партизанский край» Солигорского района.

Герой Советского Союза (15.08.1944). Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1–й степени и Красной Звезды, медалями.

Кудря Иван Данилович

7.07.1912–1942(7). лейтенант ГБ.

Украинец. Родился в с. Сальково Киевской губернии. Рос без отца, батрачил, окончил 7-летнюю школу, работал слесарем в МТС. После окончания учительских курсов работал заведующим начальной школы (г. Чаплинка Херсонского района Днепропетровской области), был на комсомольской работе, затем был призван в армию и направлен в пограничные войска.

По рекомендации командования пограничного отряда был послан на учебу в Военно—политическое училище войск НКВД, после окончания которого в 1938 г. направлен на работу в 5-й отдел ГУГБ НКВД. Член ВКП(б) с 1939 г.

С марта 1941 г. И. Д. Кудря работал в Киеве. После начала Великой Отечественной войны оставлен в оккупированном городе для руководства подпольной разведывательно—диверсионной группой (псевдоним «Максим»). В соответствии с разработанной легендой проживал в Киеве как Иван Данилович Кондратюк, студент мединститута, бывший преподаватель украинского языка и литературы, сын священника, расстрелянного большевиками, приехавший в Киев по приглашению невесты — Марии Груздевой, учительницы украинского языка в школе (агента НКВД, ее муж украинский писатель Н. С. Яруга был арестован в 1936 г. и расстрелян в 1938 г. как националист).

Уже в сентябре 1941 г. группой И. Д. Кудри были взорваны военная комендатура и кинотеатр, где демонстрировался фильм для немецких солдат. С помощью киевского подполья были организованы в городе и окрестностях еще семь диверсионных групп, которые разрушили железнодорожную станцию Дарница, вывели из строя трамвайную линию города, взрывали мосты, устраивали пожары на заводах, пускали под откос немецкие эшелоны, уничтожали военную технику, распространяли

листовки.

Группа И. Д. Кудри добывала ценную разведывательную информацию о численности и дислокации немецких войск и техники, штабов и учреждений. Был выявлен разведывательный пункт абвера, данные о котором получила разведчица, внедренная в него в качестве коменданта здания. Благодаря этому удалось обезвредить более 80 шпионов и диверсантов, заброшенных в советский тыл. Было завербовано несколько важных источников из числа работавших в немецкой администрации украинцев.

5 июля 1942 г. по доносу предателя И. Д. Кудря и несколько его товарищей были арестованы немцами. Три месяца они подвергались допросам и пыткам.

До сих пор нет сведений о точной дате гибели И. Д. Кудря.

Герой Советского Союза (8 мая 1965, посмертно). Награжден орденом Ленина.

Кузнецов Николай Иванович

27.07.1911–9.03.1944.

Настоящее имя — Никанор.

Русский. Родился в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии в крестьянской семье. После школы окончил лесной техникум в поселке Талица. В 1934 г. переехал в г. Свердловск и поступил на работу в конструкторский отдел Уралмашзавода. Одновременно учился на вечернем отделении Индустриального института и на курсах немецкого языка.

В 1938 г. Н. И. Кузнецов окончил институт и был направлен в Москву, где зачислен в аппарат контрразведки и работал по освещению немецкого

посольства.

Летом 1942 г., пройдя специальную подготовку, он был зачислен в отряд особого назначения «Победители», которым командовал Д. Н. Медведев.

В соответствии с планом вывода Кузнецов был выброшен с парашютом в глубоком тылу противника — в Сарненских лесах Ровенской области. В связи с особо важными задачами, поставленными руководством Центра перед Кузнецовым, в отряде Д. Н. Медведева он значился как Николай Васильевич Грачев.

В г. Ровно Николай Кузнецов появился под видом обер—лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, кавалера двух Железных крестов.

Действуя под видом обер—лейтенанта П. Зиберта, Николай Кузнецов в центре г. Ровно уничтожил имперского советника рейхскомиссариата Украины Гелля и его секретаря Винтера. Через месяц смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля. Похитил и вывез из Ровно командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена и личного шофера Э. Коха. Вскоре после этого в здании суда уничтожил президента верховного суда на оккупированной Украине А. Функа.

Весной 1943 г. Кузнецов получил ценные сведения о подготовке наступательной операции в районе Курска с использованием новых танков «Тигр» и «Пантера». Ему также стало известно точное местонахождение полевой ставки Гитлера под Винницей, получившей кодовое название «Вервольф». Кузнецов первым сообщил о подготовке покушения на глав правительств «Большой тройки» в Тегеране.

В конце декабря 1943 г. Н. И. Кузнецов во Львове уничтожил вице—губернатора Галиции Отто Бауэра и подполковника Петерса.

Н. И. Кузнецов погиб, попав в засаду, устроенную украинскими националистами в селе Боратин Львовской области.

Герой Советского Союза (5.11.1944, посмертно). Награжден орденом Ленина (26.12.1943).

Куцин Эммануил Соломонович

1899–10.1978.

Еврей. Родился в семье служащего. Окончил гимназию в Житомире.

С 1919 г. — красноармеец украинского полка, в 1920 г. — курсант 4-й артиллерийской Киевской школы. В 1920 г. вступил в РКП(б).

С начала 1920-х гг. Э. С. Куцин — сотрудник ОГПУ — НКВД,

одновременно учился в Московском лесотехническом институте. Находился на разведработе в Персии, затем до 1935 г. — резидент в Шанхае.

В 1935 г. — помощник начальника отделения ИНО ГУГБ НКВД, затем работал в Турции под прикрытием должности вице—консула СССР в Стамбуле.

25 августа 1937 г. исключен из ВКП(б) за сокрытие от партии и НКВД активного участия в троцкистской оппозиции в 1923 г., снят с оперработы и переведен в систему ГУШОСДОР НКВД, где работал с марта 1938 г. по август 1942 г. С августа 1942 г. по июль 1944 г. по заданию НКГБ СССР находился в тылу противника (командир опергруппы), затем находился в резерве отдела кадров НКВД СССР.

8 февраля 1945 г. КПК отказал в восстановлении в ВКП(б), разрешив вступление на общих основаниях.

В последние годы жизни — персональный пенсионер.

Награжден орденами Отечественной войны 1—й степени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1—й степени.

Умер в Москве.

Лопатин Петр Григорьевич

5.01.1907–9.07.1974.

Русский. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Родился в дер. Излехоца (ныне Усманьского р—на Липецкой области) в семье крестьянина. С 1929 г. — в РККА. В 1934–1935 годах работал в органах

НКВД, с 1936 г. на ж.—д. станции Минск. После начала Великой Отечественной войны — командир отделения, взвода партизанского отряда. С марта 1942 г. руководитель специальной разведывательно—диверсионной группы НКГБ СССР «Бывалые», с августа 1942 г. командир партизанской бригады «Дядя Коля», действовавшей в Минской области. С 1944 г. — зам. председателя Борисовского горисполкома, затем райисполкома. Член ВКП(б) с 1947 г. В 1955–1962 гг. на хозяйственной работе.

Лягин Виктор Александрович

31.12.1908–17.07.1943. Капитан ГБ.

Русский. Родился в пос. Сельцо на Брянщине в семье железнодорожника. После окончания школы в Ленинграде, куда переехала семья, был направлен на работу в РК ВЛКСМ. В 1934 г. окончил Ленинградский индустриальный (ныне Ленинградский политехнический) институт по специальности инженер—механик, затем работал инженером на Ленинградском станкостроительном заводе.

В 1938 г. вступил в ВКП(б) и был направлен по партийной линии на работу в УНКВД по Ленинградской области, затем, после окончания месячных курсов оперативных работников НКВД, переведен в центральный аппарат НКВД СССР. С августа 1938 г. — заместитель начальника отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Член ВКП(б) с 1939 г.

В июле 1939 г. В. А. Лягин был направлен в США в качестве помощника резидента НКВД в Сан—Франциско, занимался сбором

информации по американским военно—морским судостроительным программам. Через завербованную им агентуру Центр получил технические данные и описание устройств для защиты судов от магнитных мин, информацию о планах США по строительству авианосцев, другие ценные разведматериалы. Затем по июнь 1941 г. — сотрудник резидентуры в Нью—Йорке под прикрытием должности инженера Амторга.

После начала Великой Отечественной войны В. А. Лягин подал руководству НКВД рапорт об отправке на фронт, однако его просьба была удовлетворена не сразу. Он был отозван в Москву, где в течение года руководил центральным аппаратом НТР.

В 1942 г. В. А. Лягин (псевдонимы «Корнев», «Форт») во главе разведгруппы был направлен по линии 4-го управления НКВД в оккупированный немцами г. Николаев с целью проведения там разведывательно—диверсионной работы.

Возглавляемая им группа добывала и передавала в Центр важную разведывательную информацию о противнике, осуществила ряд крупных диверсий — уничтожили аэродром, нефтебазу, склады, оборудование и морские суда.

5 февраля 1943 г. при выполнении очередного задания В. А. Лягин был арестован. На допросах вел себя мужественно, несмотря на пытки никого из своих товарищей не выдал. 17 июля 1943 г. расстрелян немцами.

Герой Советского Союза (5.11.1944, посмертно).

Маклярский Михаил (Исидор) Борисович

1909–1978.

Полковник ГБ (1943). Еврей. Родился в Одессе в семье портного. С

1924 г. в погранвойсках ОГПУ. С 1927 г. в органах ОГПУ. В 1932 окончил Среднеазиатский университет в Ташкенте. С 1934 г. в СПО, КРО ГУГБ НКВД СССР.

1.05.1937 арестован по обвинению в участии в антисоветском заговоре. 10.08.1937 освобожден за недоказанностью обвинения.

С сентября 1939 г. начальник 2-го отдела (УРО) УПВ НКВД СССР.

С июля 1941 г. начальник отделения Особой группы, с сентября — 2-го отдела НКВД СССР. С января 1942 г. по 1945 г. начальник 3-го отдела 4-го Управления НКВД — НКГБ СССР. Руководил работой разведывательно — диверсионных групп, действовавших на территории оккупированной Белоруссии. Принимал непосредственное участие в разработке и реализации дезинформационных операций «Монастырь» и «Березине».

С июня 1945 г. — в Германии.

В середине 1946 г. уволен в отставку. С 1947 г. пред. Объединения «Экспортфильм», директор Госфильмофонда СССР.

6.11.1951 арестован по делу о «сионистском заговоре в органах МГБ». Освобожден 16.11.1953.

В 1956 г. окончил Высшие литературные курсы в Москве. В 1960–1972 гг. организатор и первый директор Высших сценарных и режиссерских курсов в Москве.

Автор сценариев ряда фильмов, в т. ч. «Подвиг разведчика» (1947), «Секретная миссия» (1950), «Ночной патруль» (1957), «Выстрел в тумане» (1964), «Заговор послов» (1966), «Инспектор уголовного розыска» (1971), «Агент секретной службы» (1978).

Лауреат Сталинской премии (1948, 1951).

Мирковский Евгений Иванович

31.01.1904–10.08.1992. Полковник (1944).

Белорус. Родился в Минске в семье мелкого служащего. С 1921 г. — слесарь бондарной мастерской, рабочий в г. Дмитриев—Льговский Курской губернии, затем бетонщик стройучастка в Минске.

В 1927 г. принят кандидатом в члены ВКП(б) и был направлен на работу в органы ГПУ. С 1926 г. — сотрудник ПП ОГПУ по БССР. Член партии с 1927 г. С 1927 г. по 1941 г. служил в пограничных войсках на западной границе. Окончил Минское военное пехотное училище (1932). Участник освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию (1939).

После начала Великой Отечественной войны Е. И. Мирковский с июля 1941 г. командир отряда войск Особой группы (позднее — ОМСБОН) НКВД СССР. Участвовал в обороне Москвы. С марта 1942 г. по сентябрь 1944 г. — командир специального разведывательно—диверсионного отряда «Ходоки», развернутого в специальный партизанский отряд им. Ф. Э. Дзержинского, действовавший на территории Орловской, Житомирской, Черниговской, Гомельской и Брестской областей, а также в Польше.

С 1944 г. — на руководящей оперативной работе в органах НКВД — НКГБ — МГБ — МВД. С 1953 г. — советник МВД СССР при Службе госбезопасности Албании (Сигурими). С марта 1954 г. — начальник 13-го (Разведывательно—диверсионного) отдела ЛГУ КГБ при СМ СССР.

В 1955 г. уволен в запас по состоянию здоровья. Проживал в Москве.

Герой Советского Союза (5.11.1944). Награжден двумя орденами Ленина (1944), двумя орденами Красного Знамени (1943), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Михайлашев Николай Афанасьевич

Род. 19.12.1917. Полковник (1954).

Русский. Родился в станице Прочноокопская (ныне Краснодарский край) в крестьянской семье. После окончания средней школы работал секретарем многотиражной газеты консервного комбината. Член ВКП(б) с 1939 г.

С 1939 г. в органах НКВД. Служил в Пинской области. После начала Великой Отечественной войны с июля 1941 г. в Особой группе — 4-м Управлении НКВД — НКГБ СССР. Командир группы, взвода, заместитель командира партизанского отряда на Гомельщине, с августа 1942 г. заместитель начальника разведки спецотряда «Вперед», с мая 1943 г. заместитель командира по разведке Добрушской партизанской бригады им. Сталина. В марте — июле 1944 г. командир специального разведывательно — диверсионного отряда «Буря» (с апреля по июнь уничтожили 43 немецких железнодорожных эшелона).

В 1945–1975 гг. в органах госбезопасности БССР. Окончил исторический факультет Минского пединститута (1953).

Герой Советского Союза (5.11.1944). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями.

Автор книги «Буря гнева» (Минск, 1971), очерков в сборниках «Фронт без линии фронта», «На боевом посту» и др.

Живет в Минске.

Молодцов Владимир Александрович

5.06.1911–12.07.1942. Капитан ГБ.

Русский. Родился в поселке (ныне город) Сасово Рязанской губернии в семье железнодорожника. С 18 лет начал трудовую деятельность — работал чернорабочим, слесарем.

В 1930 г. по комсомольской путевке направлен на шахту в г. Бобрик—Донской Подмосковного угольного бассейна. Работал забойщиком, затем — помощник начальника шахты, одновременно являлся внештатным корреспондентом «Комсомольской правды» и учился на рабфаке при Московском институте инженеров—энергетиков, был избран секретарем комсомольской организации шахты. В 1931 г. вступил в ВКП(б).

После окончания рабфака в 1934 г. В. А. Молодцов вместо института по партийному набору был направлен на работу в НКВД. В 1935 г. он окончил Центральную школу НКВД СССР и был направлен в распоряжение УНКВД Московской области.

С марта 1941 г. в аппарате 1-го управления НКГБ СССР, после начала Великой Отечественной войны переведен в Особую группу при НКВД СССР.

В июле 1941 г. под именем Павла Бадаева направлен в Киев, а оттуда — в Одессу для выполнения специальных заданий и руководства разведывательно—диверсионной работой в оккупированном городе. В состав оперативной группы первоначально было выделено 10 оперработников и бойцов спецназа, затем еще 10 человек, хорошо знавших Одессу.

В тяжелых условиях подполья ему удалось создать два партизанских отряда, действовавших из блокированных немцами одесских катакомб. Организовал широкую сеть информаторов (порт, железная дорога, аэродром, городская управа, немецкие и румынские оккупационные

войска).

В ноябре 1941 г. партизаны Молодцова пустили под откос эшелон «люкс», под обломками которого погибли более 200 высокопоставленных немецких чиновников. Взрыв фашистской военной комендатуры уничтожил 140 офицеров противника, в т. ч. двух генералов. Своими активными действиями партизаны в течение нескольких месяцев отвлекали на себя крупные силы оккупантов. За Молодцовым началась настоящая охота. Немцы травили подпольщиков газом, замуровывали входы в катакомбы, обстреливали каменоломни из артиллерийских орудий.

В феврале 1942 г., выданный предателем, Молодцов был арестован румынскими оккупантами. Несмотря на нечеловеческие пытки, товарищей не выдал и 27 июня 1942 г. был расстрелян.

Герой Советского Союза (5.11.1944, посмертно). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени.

Озмитель Федор Федорович

13.08.1918–15.06.1944. Старший лейтенант.

Украинец. Родился в поселке Линовицк (ныне Актюбинская область Казахстана) в крестьянской семье. Окончил 8 классов школы. Работал учителем. В 1938 г. призван на службу в войска НКВД. Окончил Ленинградское военное училище НКВД СССР. Вступил в партию.

С февраля 1942 г. командир партизанского отряда «Грозный» (действовал в районе Орши, Витебска, Смоленска). В июне 1944 г. при прорыве окружения у озера Палик (Борисовский район Минской области) был тяжело ранен и подорвал связкой гранат себя и окруживших его

немцев.

Похоронен в братской могиле в деревне Маковье (Борисовский район Минской области).

Герой Советского Союза (5.11.1944, посмертно). Награжден орденами Ленина и Отечественной войны 2-й степени, медалью.

Орловский Кирилл Прокофьевич

18(30).01.1895–1968. Полковник.

Белорус. Родился в дер. Мышковичи (ныне Кировского района Могилевской области) в семье крестьянина. В 1906 г. поступил в Поповщинскую приходскую школу, которую окончил в 1910 г. В 1915 г. призван в армию. Служил сначала в 251-м запасном пехотном полку рядовым, а с 1917 г. унтер—офицер, командир саперного взвода 65-го стрелкового полка на Западном фронте.

В январе 1918 г. К. П. Орловский демобилизовался из армии и вернулся в родную деревню Мышковичи. Однако «мирная передышка» в его жизни длилась недолго: после прихода немецких оккупантов К. П. Орловский связывается с подпольным комитетом РКП(б) в Бобруйске, создает партизанский отряд, которым командует с августа по декабрь 1918 г.

В декабре 1918 г. — мае 1919 г. работал в Бобруйской ЧК. С мая 1919 по май 1920 г. учился на 1-х московских пехотных курсах комсостава, одновременно, будучи курсантом, участвовал в боях против войск Юденича, в советско—польской войне. С мая 1920 по май 1925 г. руководил партизанскими отрядами в Западной Белоруссии по линии

«активной разведки» Разведупра РККА. Под руководством К. П. Орловского было совершено несколько десятков боевых операций, в результате которых было уничтожено свыше 100 польских жандармов и помещиков.

После возвращения в СССР К. П. Орловский учился в Коммунистическом университете нацменьшинств Запада им. Мархлевского, который окончил в 1930 г. Затем в течение пяти лет находился на работе по подбору и подготовке партизанских кадров по линии Особого отдела НКВД БССР.

С января 1936 г. по январь 1937 г. — начальник участка на строительстве канала Москва — Волга.

В 1937–1938 гг. выполнял специальные задания по линии советской внешней разведки во время войны с фашистами в Испании.

С января 1938 г. по февраль 1939 г. — студент спецкурсов НКВД в Москве.

С 1939 г. К. П. Орловский — помощник директора Сельскохозяйственного института в Чкалове (ныне Оренбург). С 1940 г. — вновь в органах госбезопасности.

С марта 1941 г. по май 1942 г. находился в заграникомандировке по линии НКВД в Китае.

После возвращения в СССР К. П. Орловский в 4-м Управлении НКВД СССР. 27 октября 1942 г. направлен с группой десантников в тыл врага в район Беловежской Пущи, участвовал в организации партизанских отрядов и сам возглавил отряд особого назначения «Соколы». В феврале 1943 г. во время операции по уничтожению заместителя гауляйтера Белоруссии Ф. Фенса К. П. Орловский был тяжело ранен, ему оторвало правую руку.

С августа 1943 г. по декабрь 1944 г. в НКГБ Белоруссии, затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

С января 1945 г. — председатель колхоза «Рассвет» в с. Мышковичи Могилевской области БССР.

Делегат XX, XXII и XXIII съездов КПСС. В 1956–1961 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС.

Герой Советского Союза (20.09.1943). Герой Социалистического Труда (1965). Награжден пятью орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени БССР (1932), многими медалями.

Прокопюк Николай Архипович

7.06.1902–11.06.1975. Полковник (1948).

Украинец. Родился на Волыни в с. Самчики Каменец—Подольской губернии (ныне Хмельницкой области) в многодетной семье столяра. После окончания церковно—приходской школы батрачил у помещика. В 1916 г. сдал экстерном экзамены за 6 классов мужской гимназии.

После революции работал на заводе в слесарном и токарном цехах. В 1918 г. добровольно вступил в вооруженную дружину завода. В 1919 г. участвовал в восстании против белополяков, затем воевал в РККА в 8-й дивизии Червоного казачества.

В 1921 г. направлен на работу в органы госбезопасности. Сотрудник Шепетовского окружного отделения ГПУ, принимал непосредственное участие в ликвидации диверсионно—террористических групп, засылаемых польской разведкой на советскую территорию.

В 1924–1931 гг. служил в Славутском, затем в Могилевском погранотрядах.

В 1935 г. Н. А. Прокопюк был зачислен в аппарат ИНО ГУГБ НКВД СССР. В 1937 г. направлен помощником резидента в Барселону. Участник войны в Испании.

В 1938 г., по возвращении в Москву, исключен из партии и значительно понижен в должности. Перед войной находился на оперативной работе в Хельсинки под прикрытием должности сотрудника хозгруппы полпредства СССР в Финляндии.

В конце лета 1941 г. по рекомендации своего резидента Е. Т. Синицына восстановлен в кандидатах в партию и направлен по линии Особой группы НКВД СССР в партизанский отряд Ковпака. В августе 1942 г. заброшен в тыл врага во главе опергруппы 4-го управления «Охотник», на базе которой создал партизанское соединение, действовавшее на территории Украины, Польши, Чехословакии и совершившее 23 крупные боевые

операции. Бойцы соединения уничтожили 21 эшелон с живой силой и техникой противника, вывели из строя 38 немецких танков, захватили много оружия и боеприпасов. Благодаря разведданному отряда, авиация дальнего действия Красной Армии осуществила ряд успешных воздушных налетов на военные объекты врага.

В 1944 г. «Охотник» и действовавшие рядом с ними партизанские отряды попали в окружение. Н. А. Прокопюк принял командование на себя. В ходе продолжительных боев партизаны прорвали кольцо окружения, нанеся противнику серьезный урон. Под командованием Н. А. Прокопюка отряды прошли с боями более 300 км. В июне 1944 г. Н. А. Прокопюк руководил действиями советско—польских партизан в Яновских лесах (южнее г. Люблина, Польша). В конце сентября 1944 г. отряд захватил Русский перевал (Южные Карпаты) и удерживал его до прихода войск 4-го Украинского фронта.

5 ноября 1944 г. Н. А. Прокопюку присвоено звание Героя Советского Союза, он был восстановлен в ВКП(б).

С декабря 1944 г. по июль 1946 г. Н. А. Прокопюк участвовал в гражданской войне в Китае. При его непосредственном участии совместно с китайскими коммунистами были образованы разведывательно—диверсионные группы, которым удалось организовать эффективное сопротивление восставшим в провинции Синьцзян уйгурским сепаратистам, финансируемым и снабжаемым оружием правительством Чан Кайши.

После возвращения из Китая несколько лет возглавлял один из отделов Советской Военной администрации в Германии, участвовал в специальных операциях.

В 1950 г. вышел в запас по болезни.

Герой Советского Союза (5.11.1944). Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями, а также восемью иностранными орденами, именным оружием (1923).

Похоронен в Москве.

Прудников Михаил Сидорович

15.04.1913–27.04.1995. Генерал—майор (1970).

Русский. Родился в дер. Новопокровка Томской губернии (ныне Ижморского района Кемеровской области) в крестьянской семье.

В 1931 г. призван в армию, служил красноармейцем 15-го Алма—Атинского полка войск ОГПУ. В 1933 г. направлен на учебу во 2-ю Харьковскую пограничную школу, после ее окончания назначен комендантом школы. В 1940–1941 гг. — курсант ВПШ НКВД СССР в Москве.

С июля 1941 г. М. С. Прудников командир пулеметной роты, затем командир батальона ОМСБОНа. Участвовал в боях за Москву.

С февраля 1942 г. по май 1943 г. командир оперативной группы, а затем партизанской бригады «Неуловимые» в тылу немецких войск.

Рабцевич Александр Маркович

14.03.1898–11.04.1961. Полковник.

Белорус. Родился в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии (ныне Могилевская область) в крестьянской семье.

В 1942–1946 гг. заместитель резидента по линии научно—технической разведки в США. Приобрел ряд ценных источников, в том числе по вопросам создания атомного оружия.

В 1947 г. выезжал в краткосрочные командировки в Венгрию, Норвегию, Чехословакию, Швецию и Югославию.

В 1949 г. советник по разведке при органах ГБ КНР.

После возвращения в СССР А. И. Раина работал в аппаратах КИ при СМ/МИД СССР, а затем ЛГУ МГБ СССР, занимая посты начальника отдела, позднее — начальника управления. До марта 1953 г. являлся заместителем начальника ПГУ МГБ СССР.

В 1953 г. направлен в Пекин в качестве заместителя главного советника по разведке при МОБ КНР.

С 1956 г. начальник факультета усовершенствования Школы № 101 ПГУ КГБ при СМ СССР. В 1963 г. заместитель руководителя Представительства КГБ СССР при МВД ПНР.

С 1963 г. на пенсии.

Награжден орденами Ленина (1949), Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями, знаком Почетного сотрудника госбезопасности (1960).

Судоплатов Павел Анатольевич

7.07.1907–24.09.1996.

Генерал—лейтенант (1945). Украинец. Родился в Мелитополе в семье мельника. В 1914–1919 гг. учился в городской школе. В июне 1919 г. ушел из дома вместе с покидающим город полком РККА. Был воспитанником полка, участвовал в боях с войсками украинских националистов под Киевом. После разгрома полка вместе с оставшимися бойцами дошел до Никополя. Там вступил во вновь сформированный 1-й Ударный Мелитопольский полк 5-й Заднепровской дивизии РККА. Мелитопольский полк был разгромлен войсками генерала Шкуро. П. Судоплатов попал в плен, бежал, прибился к отступающей части Красной Армии, оказался в занятой Белой армией Одессе. Там беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре.

После освобождения города в начале 1920 г. вновь вступил в РККА. С февраля 1920 г. красноармеец роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. С бригадой участвовал в боях на Украине и на Польском фронте.

С мая 1921 г. письмоводитель, регистратор, машинист—систематизатор ОО 44-й дивизии, а затем Волынского губотдела ГПУ в Житомире. С 1922 г. П. Судоплатов в погранвойсках ОГПУ: сотрудник Изяславского погранотделения, а затем Славутинского погранпоста.

С сентября 1923 г. на комсомольской работе в Мелитополе: заведующий информотделом окружкома ЛКСМУ, член правления и комендант Клуба рабочей молодежи. С 1924 г. секретарь ячейки ЛКСМУ с Ново—Григорьевка Генического района. С 1924 г. ученик слесаря и

одновременно секретарь ячейки ЛКСМУ завода им. В. Воровского, затем — практикант райпотребсоюза в Мелитополе.

В феврале 1925 г. окружком ЛКСМУ направил П. А. Судоплатова на работу в Мелитопольский окротдел ГПУ, где он был зачислен сводчиком информационного отделения. С января 1927 г. помощник уполномоченного УСО, а затем младший оперработник. Отвечал за работу агентуры, действовавшей в греческом, болгарском и немецком поселениях.

С августа 1928 г. уполномоченный СПО Харьковского губотдела, затем — уполномоченный ИНФО ГПУ УССР в Харькове. Одновременно в 1928–1930 гг. заочно учился на рабфаке ГПУ. В 1928 г. вступил в ВКП(б).

В июле 1930 г. П. А. Судоплатов был зачислен в резерв назначения и откомандирован комиссаром Культурно—воспитательной части Прилукской трудкоммуны ГПУ для малолетних правонарушителей. С декабря 1931 г. он — инспектор Организационно—инструкторского отдела ГПУ УССР в Харькове.

В феврале 1932 г. переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ инспектором, а с января 1933 г. — старшим инспектором 1-го отделения отдела кадров ОГПУ, курировал кадры ИНО.

Вскоре и сам П. А. Судоплатов был зачислен в аппарат ИНО ОГПУ: с апреля 1933 г. он — оперуполномоченный 5-го, затем 8-го отделений. С октября 1933 г. — в резерве отдела кадров ОГПУ в связи со спецкомандировкой за рубеж. 1 июня 1934 г., по возвращении в СССР, зачислен оперуполномоченным в ИНО ОГПУ. С ноября 1934 г. оперуполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД.

В 1935 г. под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья П. А. Судоплатов (псевдоним «Андрей») был внедрен в руководство ОУН в Берлине. Ему удалось попасть на учебу в специальную партийную школу НСДАП в Лейпциге. Завоевав расположение лидера ОУН полковника Евгения Коновальца, разведчик вошел в его ближайшее окружение и сопровождал Коновальца в инспекционных поездках в Париж и Вену. В 1937–1938 гг. «Андрей» выезжал в Западную Европу в качестве нелегального курьера под прикрытием радиста грузового судна.

По возвращении в СССР — оперуполномоченный ИНО, затем помощник начальника отделения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

23 августа 1938 г. в Роттердаме по личному поручению И. В. Сталина П. А. Судоплатов осуществил ликвидацию лидера ОУН Е. Коновальца.

С сентября 1938 г. и. о. помощника начальника 4-го (испанского) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД. После ареста руководителей разведки З. И. Пассова и С. М. Шпигельглаза в ноябре — декабре 1938 г. исполнял

обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В конце декабря 1938 г. П. А. Судоплатов был отстранен от дел и исключен из ВКП(б) первичной парторганизацией отдела за «связь с врагами народа». Однако благодаря вмешательству руководства НКВД это решение не было утверждено парткомом Наркомата, а П. А. Судоплатов 16 января 1939 г. получил должность заместителя начальника 4-го отделения.

С 10 мая 1939 г. он — заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Руководил подготовкой операции «Утка» (ликвидация Л. Д. Троцкого), успешно осуществленной 20 августа 1940 г. в Мексике Л. А. Эйтингоном и Р. Меркадером.

С 25 февраля 1941 г. П. А. Судоплатов — заместитель начальника 1-го (Разведывательного) управления НКГБ СССР.

После начала Великой Отечественной войны П. А. Судоплатов с 5 июля 1941 г. — начальник Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, с 3 октября 1941 г. — 2-го отдела НКВД СССР. Одновременно с 30 ноября 1941 г. по 1 июня

1942 г. — заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР.

С 18 января 1942 г. — начальник 4-го управления НКВД СССР, которое было создано на базе 2-го отдела. Руководил партизанскими и разведывательно—диверсионными операциями в ближних и дальних тылах противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников. С 21 ноября 1942 г. по совместительству — заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР. С 11 мая

1943 г. — начальник 4-го управления НКГБ СССР.

С февраля 1944 г. П. А. Судоплатов — начальник группы «С» при наркоме внутренних дел СССР, руководил переводом и обобщением материалов по атомной проблематике, полученных агентурным путем. С мая по август 1945 г. по совместительству — начальник отдела «Ф» НКВД СССР. Этот отдел был создан для работы на территории стран, освобожденных Красной Армией от противника, а также для сбора информации от граждан СССР, побывавших в плену или интернированных в странах Европы.

В 1945–1947 гг. под фамилией П. Матвеев и прикрытием должности советника НКВД участвовал в подготовке и проведении конфиденциальных переговоров Наркоминдела СССР В. М. Молотова с Чрезвычайным и Полномочным Послом США в СССР А. Гарриманом и лидером курдского национального движения М. Барзани.

С 27 сентября 1945 г. П. А. Судоплатов — начальник созданного на базе группы «С» самостоятельного отдела «С» НКВД (с 10 января

1946 г. — НКГБ) СССР. Одновременно — начальник Объединенного разведывательного бюро Специального комитета при СНК — СМ СССР по проблеме № 1 (создание атомного оружия). Отвечал за координацию обеспечения разведывательными материалами руководителей и ведущих ученых советского ядерного проекта.

С ноября 1945 г. по совместительству — начальник отдела «К» НКГБ СССР, созданного для оперобслуживания атомных спецобъектов. С мая 1945 г. также являлся начальником Особого бюро — информационно—аналитической службы при наркомате внутренних дел СССР. С января 1946 г. эта служба подчинялась наркомату, позднее — министру госбезопасности СССР.

После образования в марте 1946 г. МГБ СССР П. А. Судоплатов совмещал должности руководителя 4-го управления (до его упразднения 15 октября 1946 г.) и отдела «С» (с 4 мая 1946 г. по 30 мая 1947 г.).

15 февраля 1947 г. возглавил отдел «ДР», созданный для развертывания в случае войны разведывательно—диверсионной работы против военно—стратегических баз США и НАТО, расположенных вокруг СССР.

9 сентября 1950 г. утвержден начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, созданного на базе Спецслужбы МГБ СССР. 6 января 1951 г. возглавил Бюро на правах начальника управления.

После смерти И. В. Сталина П. А. Судоплатов был назначен 17 марта 1953 г. заместителем начальника ПГУ (контрразведка) МВД СССР. С 30 мая 1953 г. он — начальник 9-го (разведывательно—диверсионного) отдела МВД СССР.

После ареста Берия 9-й отдел МВД был расформирован, а П. А. Судоплатов 31 июля 1953 г. переведен в ВГУ МВД СССР на должность начальника отдела. Однако уже 20 августа 1953 г. он был уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а 21 августа 1953 г. арестован в собственном кабинете. Ему предъявили обвинение в бериевском заговоре, имевшем целью «уничтожение членов Советского правительства и реставрацию капитализма».

До 1958 г. П. А. Судоплатов находился под следствием. Виновным себя не признал.

12 сентября 1958 г. на закрытом заседании ВК ВС СССР было рассмотрено дело по обвинению П. А. Судоплатова в преступлениях, предусмотренных ст. 17–58 п. 16 УК РСФСР. Он был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на 3 года. 17 октября 1958 г. лишен воинского звания

и наград, как осужденный ВС СССР. С сентября 1958 г. отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 г. П. А. Судоплатов вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью. Под псевдонимом Анатолий Андреев опубликовал три книги, активно участвовал в ветеранском движении. Более 20 лет боролся за свою реабилитацию. Только 10 февраля 1992 г. в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. он был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ.

Незадолго до смерти в соавторстве с младшим сыном Анатолием Павловичем Судоплатовым опубликовал книгу воспоминаний о своей жизни и работе на английском, немецком, русском и других языках («Special Tasks» (США, 1994), «Der Handlanger der Macht. Enthüllungen eines KGB—Generals» (Германия, 1994), «Разведка и Кремль» (Россия, 1996), ставшую международным бестселлером. Через полгода после смерти П. А. Судоплатова вышла в свет его последняя книга — «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950».

Похоронен на Донском кладбище в Москве рядом с женой.

Награжден орденом Ленина (1946), тремя орденами Красного Знамени (1937, 1941, 1944), орденом Суворова 2-й степени (1944), двумя орденами Красной Звезды (1940, 1943), орденом Отечественной войны 1-й степени (1945), медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД» (1942). В октябре 1998 г. Указом Президента РФ посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды. В соответствии с этим семье П. А. Судоплатова возвращены его ордена и медали.

Эйтингон Наум Исаакович

6.12.1899–1981. Генерал—майор (1945).

Еврей. Родился в г. Шклове Могилевской губернии в семье конторщика бумажной фабрики. Окончил 7 классов Могилевского коммерческого училища.

С марта 1917 г. инструктор отдела статистики Могилевской городской управы, затем — пенсионного отдела Могилевского совета. В мае 1917 г. примкнул к левым эсерам, однако уже в августе, разочаровавшись, вышел из партии.

С весны 1918 г. рабочий, а затем кладовщик на бетонном заводе. С ноября 1918 г. сотрудник Могилевского губпродкома. В период «военного коммунизма» активно участвовал в подразверстках и подавлении кулацкого саботажа, затем работал по кооперации в тресте «Губпродукт».

В апреле 1919 г. был направлен в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочих кооперативов. Вернувшись в сентябре 1919 г. в Белоруссию, в составе коммунистического отряда принимал участие в защите Гомеля. Затем работал там инструктором по кооперации и профсоюзной работе. Член РКП(б) с октября 1919 г.

Весной 1920 г. решением Гомельского губкома РКП(б) направлен на работу в органы ВЧК. С мая уполномоченный 00 Гомельского укрепрайона; затем уполномоченный по военным делам, член Коллегии и, наконец, — заместитель председателя Гомельской губЧК.

Активно участвовал в борьбе с бандитизмом на Гомельщине: руководил агентурной разработкой и захватом известного авантюриста Опперпута, ликвидацией савинковской организации (агентурное дело «Крот») и бандформирований Булак—Булаховича. В октябре 1921 г. в бою у м. Давыдовка был тяжело ранен в левую голень. В течение 4 месяцев находился на излечении.

После выздоровления в марте 1922 г. переведен в г. Уфу на должность

члена Коллегии Башкирского губотдела ГПУ.

В мае 1923 г. отозван в Москву и назначен уполномоченным, а затем заместителем начальника отделения Восточного отдела ОГПУ. Одновременно приступил к учебе на восточном факультете ВА РККА.

В октябре 1925 г. после завершения учебы зачислен в ИНО ОГПУ и в том же году направлен резидентом внешней разведки в Шанхай.

С 1926 г. под прикрытием консула СССР возглавлял резидентуры в Пекине, а с 1927 г. и в Харбине. Во время работы в Китае Эйтингону удалось добиться освобождения группы советских военных советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии, сорвать попытку захвата советского консульства в Шанхае агентами Чан Кайши. В 1928 г. совместно с резидентом разведупра РККА в Шанхае Х. Салнынем организовал устранение фактического диктатора пекинского правительства маршала Чжан Цзолия.

Весной 1929 г. после разгрома китайской полицией советского консульства в Харбине отозван в Москву и направлен в Турцию на должность легального резидента в Стамбуле под прикрытием атташе консульства СССР Леонида Александровича Наумова. Резидентура ОГПУ в Турции не работала против страны пребывания, а сосредоточила усилия на добывании информации в иностранных посольствах в Константинополе. Большое количество секретных документов добывалось в японском, французском и австрийском посольствах. С середины 1928 г. в Стамбуле существовала нелегальная резидентура, работавшая по всему Ближневосточному региону. Во главе ее сначала был Я. Г. Блюмкин, а после его ареста в 1929 г. за связь с Троцким — Г. Агабеков. В задачу Эйтингона в т. ч. входила организация связи Агабекова с Центром. Помимо этого, в декабре 1929 г. он по поручению ИНО принял агентуру в Греции после ареста там нелегального резидента ОГПУ.

В июне 1930 г. Агабеков бежал на Запад. Опасаясь провала, Центр в срочном порядке отозвал Эйтингона в Москву.

По возвращении в Центр Эйтингон, сделавший псевдоним «Леонид Александрович Наумов» своим именем, был назначен заместителем у Я. И. Серебрянского — начальником Особой группы при Председателе ОГПУ (Группа «Яши»).

В период работы в ОГ Эйтингон несколько раз выезжал за рубеж, в т. ч. в Калифорнию, где руководил созданием там глубоко законспирированной нелегальной агентурной сети.

Однако сработаться с «Яшей» Эйтингону не удалось, и в 1931 г. он перешел на должность начальника 8-го отделения ИНО ОГПУ и в скором

времени был командирован во Францию, а затем в Бельгию.

По возвращении в Москву, с марта 1933 г. — нач. 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО, и во второй половине 1933 г. вновь направлен за рубеж для работы в нелегальных резидентурах в США.

В 1936 г. после начала Гражданской войны в Испании Наумов — Эйтингон под именем Леонида Александровича Котова направлен в Мадрид в качестве заместителя А. М. Орлова («Швед») — резидента НКВД и главного советника по безопасности при республиканском правительстве. В задачи «генерала Котова» входила подготовка испанских сил госбезопасности, руководство партизанскими операциями республиканцев в тылу противника. Он также участвовал в ликвидации руководителей испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ).

После побега на Запад «Шведа» в июле 1938 г. «Котов» возглавил резидентуру. Центр поручил ему восстановить связь с одним из членов «кембриджской пятерки» Гаем Берджесом («Медхен»).

После поражения республиканцев в 1939 г. Эйтингон руководил эвакуацией советских специалистов и добровольцев из Испании.

Осенью 1941 г. Л. А. Эйтингон вместе с разведчиками Г. Мордвиновым, И. Винаровым и группой боевиков выехал в Турцию, где по заданию Сталина должен был организовать ликвидацию германского посла в Анкаре Франца фон Папена. Покушение сорвалось, и в августе 1942 г. Эйтингон вернулся в Москву.

С 20.08.42 г. — заместитель начальника 4-го Управления НКВД — НКГБ СССР. Наряду с П. А. Судоплатовым, Эйтингон являлся одним из организаторов партизанского движения и разведывательно—диверсионной работы на оккупированной территории СССР, а позже — в Польше, Чехословакии, Болгарии и Румынии, сыграл ведущую роль в проведении ставших легендарными оперативных радиоигр против немецкой разведки «Монастырь» и «Березина». За выполнение специальных заданий в годы Великой Отечественной войны Л. А. Эйтингон был награжден полководческими орденами Суворова 2-й степени и Александра Невского.

С 27.09.45 г. заместитель начальника отдела «С» НКВД СССР (по совместительству), занимавшегося координацией разведывательной работы по созданию атомного оружия.

После окончания войны принимал активное участие в разработке и осуществлении агентурных комбинаций по ликвидации польских и литовских националистических бандформирований.

В конце 1946 г. специальным решением И. В. Сталина на Эйтингона было возложено проведение операции по оказанию помощи органам

безопасности КП Китая в подавлении сепаратистского движения мусульман—уйгуров в провинции Синьцзян (Восточный Туркестан). Совместно с китайскими коммунистами были образованы диверсионные группы под руководством Героя Советского Союза Н. Прокопюка, которым удалось организовать эффективное противодействие мятежникам, финансируемым и снабжаемым оружием режимом Чан Кайши. В итоге к 1949 г. уйгурские сепаратисты потерпели полное поражение.

С 15.02.47 заместитель начальника отдела «ДР» (диверсии), а с 9.09.50 г. — Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей (у П. А. Судоплатова).

В октябре 1951 г. Эйтингон, как и многие другие работники МГБ, был арестован по так называемому «делу о сионистском заговоре в МГБ». За решеткой оказалась и его родная сестра Соня Исааковна, врач по профессии. Ее приговорили к 10 годам тюремного заключения «за отказ лечить русских пациентов и содействие сионистскому заговору».

После смерти Сталина, в марте 1953 г. по распоряжению Л. П. Берия освобожден из тюрьмы и восстановлен в органах госбезопасности. В мае 1953 назначен заместителем начальника 9-го (Разведывательно— диверсионного) отдела МВД СССР.

21.07.53 г. арестован по «делу Берия». В 1957 г. он был осужден к 12 годам лишения свободы. С марта 1957 отбывал срок во Владимирской тюрьме.

В 1964 г. вышел на свободу. С 1965 г. старший редактор издательства «Международные отношения».

В 1981 г. скончался в Московской ЦКБ от язвы желудка, и только в апреле 1992 г. последовала его посмертная реабилитация.

Награжден орденами: Ленина (1941), Суворова 2-й степени (1944), Александра Невского, двумя — Красного Знамени (1927 — за работу в Китае; 1936 — в Испании), медалями.

Документы

№

Директивное указание УНКВД Калининской области мл. лейтенанту т. Михайлову о мероприятиях по формированию партизанских отрядов

23 июля 1943 г.

г. Калинин

№ 762

В соответствии с указаниями зам. Наркома НКВД СССР, совместно с райкомами ВКП(б) организуйте переброску работников НКВД и милиции занятых районов в тыл противнику для организации партизанских отрядов, а также вливайте наших сотрудников в партизанские отряды, кои будут заблаговременно переводиться на нелегальное положение и оставаться в тылу у противника.

Переброску сотрудников и формирование партизанских отрядов производить в соответствии с моими устными указаниями. Списки сотрудников, переброшенных в тыл противнику и влитых в партизанские отряды, с указанием функции, а также списки партизанских отрядов, организованных вами, представить мне.

Начальник управления НКВД КО ст. лейтенант госбезопасности
(Павлов)

Архив УФСБ по Тверской области. Ф. 1.Оп. 1.Д. 13. Л. 166.

№

Директива НКВД СССР начальнику УНКВД по Калининской области о мероприятиях по развертыванию партизанского движения

11 сентября 1941 г.

Москва

№ 184/280

Работа УНКВД Калининской области по подготовке и развертыванию партизанского движения в районах, захваченных противником, поставлена явно неудовлетворительно. В результате в Новоржевском, Бежаницком, Локнянском и Кудеверском районах имеются незначительные группы, причем связь с ними отсутствует с момента формирования и неизвестно, какую практическую борьбу они проводят с противником.

Остальные 7 отрядов, хотя по численности и несколько больше, активной борьбы против немцев также не ведут, если не считать двух—трех стычек, не давших существенных результатов.

Работа по вовлечению в партизанскую борьбу местного населения в занятых врагом районах не проводится. Положение в тылу противника

Вами не освещается из—за отсутствия связи с оставленной агентурой и слабой работы с маршрутной агентурой.

Предлагаю:

1. Лично организовать работу по развертыванию партизанских действий в тылу противника как путем укрепления существующих отрядов, так и формирования новых отрядов, и групп из местного населения. В качестве организаторов и руководителей партизанских отрядов выделять тщательно отобранных, хорошо подготовленных и проинструктированных оперативных работников или лиц, эвакуировавшихся с территории, занятой противником, знакомых с местными условиями, располагающих необходимыми связями с населением.

2. В качестве командиров партизанских отрядов назначить людей преданных, волевых, настойчивых.

Предупредить командиров партизанских отрядов о необходимости пополнения отрядов в строго индивидуальном порядке, предварительно проверяя, не находится ли данное лицо в связи с немецкими властями.

3. Продолжать отбор лучшей части бойцов истребительных батальонов для партизанских действий, формировать партизанские отряды и направлять их для подрывной работы в тылу врага.

4. Особо тщательно подбирать состав для диверсионных групп. Помимо отбора честных, проверенных и смелых людей, стремиться подбирать людей, знакомых с техникой. При подготовке их уделить внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и производству расчетов на разрушение и умение оценить жизненные части сооружений и агрегатов.

5. Наладить руководство и связь с партизанскими отрядами и диверсионными группами в тылу врага. В этих целях разумно использовать направляемые Вам две рации.

6. Особое внимание уделить партизанскому отряду тов. Долгорукова, систематически выдвигая перед ним конкретные задачи по дезорганизации работы Велико—Лукского железнодорожного узла и коммуникаций в сторону фронта. Обеспечить боевое питание этого отряда.

Для оказания помощи в улучшении работы партизанских отрядов в Калининской области и налаживания связи с ними командироваться зам. начальника Штаба Истребительных батальонов НКВД комбриг тов. Котомин.

О результатах проведенной работы доложить.

Архив УФСБ по Тверской области. Ф. 3. Оп. 25. Д. 1. Л. 3—5.

Секретно

Докладная записка наркомун внутренних дел СССР Л. П. Берия. «Об участии органов государственной безопасности в партизанской борьбе против немецких оккупантов в юго—западных районах Орловской области»

от 10.05.1942 г.

1 сентября 1941 г. для организации и руководства партизанским движением в юго—западных районах Орловской области была создана опергруппа 4—го отдела УНКВД по Орловской области.

В результате деятельности этой группы были созданы крупные партизанские отряды общим количеством в 9000 партизан.

В лесах были созданы продовольственные и материальные базы. Около 300 партизан этих отрядов были обучены в брянской и орловской спецшколах и обеспечены спецтехникой.

После того как противником был прорван Брянский фронт и Орловская область была оккупирована, опергруппа УНКВД, возглавляемая младшим лейтенантом госбезопасности т. Емлютиным, осталась в тылу врага для руководства партизанскими отрядами. Кроме того, вместе с опергруппой остались начальник Трубчевского РО НКВД Абрамович, начальник Навлинского РО НКВД Кугучев и группа оперработников НКВД и милиции.

Длительное время с указанным кустом партизанских отрядов не было связи. Только в начале февраля 1942 г. стали поступать отрывочные сведения о действиях партизан этого куста.

На территории 7 районов Орловской области действовало 14 головных партизанских отрядов и 86 групп местной самообороны с общим количеством 8000 бойцов.

Каждому головному отряду подчинено 6—7 групп местной обороны, а он, в свою очередь, подчинен штабу, возглавляемому т. Емлютиным. В головных отрядах созданы оперчасти из работников НКВД, ведущих разведывательную и контрразведывательную работу.

В основном все отряды вооружены пулеметами, винтовками, автоматами, пушками, минометами. Имеются совершенно исправные

танки, но из—за отсутствия горючего они используются как доты.

С момента боевой деятельности партизанских отрядов под командованием Емлютина проделано следующее. Освобождено от оккупантов 348 населенных пунктов с населением более 170 тыс. человек, полностью освобождены Навлинский и Суземский районы, остальные частично. В освобожденных населенных пунктах созданы отряды самообороны.

Уничтожено немецких солдат и офицеров — 2530; полицейских и предателей — 1014; шпионов гестапо — 9; начальников полиции — 2; старшин — 2; старост — 8 человек; штабов — 2.

Разгромлена Суземская полицейская Управа.

Взорвано: 30 автомашин, 3 трактора, 10 железнодорожных и 5 деревянных мостов, 8 складов с боеприпасами и продовольствием, 1 танк.

Пущено под откос 5 воинских эшелонов.

Разгромлено: 2 обоза, 3 батальона венгров (№№ 32, 46, 51). Порвана телефонно—телеграфная линия (500 м). Разрушена во многих местах железная дорога Брянск — Киев от Навли до Зерново протяженностью 200 км.

Захвачены трофеи: 1 огнемет, 5 пушек, 11 танков, 1 эшелон с продовольствием, 6 минометов, 13 мотоциклов, 13 станковых пулеметов, 450 винтовок, 30 автоматов, 33 ручных пулемета, 221 600 винтовочных патронов, 400 гранат, 450 снарядов, 78 ящиков с минами.

Взято в плен 133 полицейских.

Потери партизанских отрядов составили до 300 человек убитыми и ранеными.

Начальник УНКВД по Орловской области майор госбезопасности Фирсанов.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2—4.

№

Секретно

Помощнику начальника центрального штаба партизанского движения майору госбезопасности тов. Формашеву

Посылая оперативно—чекистские группы в тыл противника 29 июня 1941 года, Секретарем ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко П. К. были поставлены следующие задачи:

1. Организация партизанских отрядов и вовлечение широких слоев

населения на борьбу с немецкими оккупантами.

2. Развертывание диверсионно—террористической работы по тылам противника.

3. Беспощадное уничтожение лиц, работающих в немецких разведывательных органах, дезертиров, приспешников немецких властей, участников контрреволюционных формирований и т. д.

Выполняя поставленные задания, мной, как зам. командира бригады им. Щорса по разведке и к/разведке, предложено следующее:

§ 1. Насаждение агентуры

В зону действия партизанской бригады им. Щорса входили Борисовский, Березинский и Червенский районы. Исходя из этого, мною насаждение агентуры было направлено в основном по этим районам.

Агентура дислоцировалась:

Целевая по г. Борисову — 12 человек,

по г. Минску — 1 человек.

Маршрутная на Березино — 10 человек,

на Червень — 5 человек,

на Борисов — 6 человек.

Агентура по немецким гарнизонам д. Глевин, Метча, Мурово и т. д. — 6 человек. Агентура по выявлению к/р и а/с элемента по вышеупомянутым районам — 95 человек.

§ 2. Диверсионно—террористическая работа

Созданные диверсионные группы по городам и местечкам проделали следующее:

1. Дер. Сморки, Борисовский район, где находился военный склад батальона французов. Диверсионной группой в количестве 3 человек ст. [...] было дано задание взорвать этот склад. В сентябре месяце 1943 г. склад был взорван, в нем сгорело 200 ящиков мин и снарядов, 100 ящиков патронов, 86 ящиков гранат, около 20 велосипедов и др. военное имущество.

2. Г. Борисов — агентурщице [...] была передана английская мина, которой на перегоне Борисов — Жодино был взорван воинский эшелон, сгорело 5 цистерн с горючим.

3. Ст. Крупки — диверсионной группой в количестве 3 человек на нефтепроводе посредством подкладки английской мины был подорван ярус бочек с горючим.

4. На перегоне Борисов — Крупки агентом [...] была подложена английская мина под ж.—д. эшелон, следовавший на фронт. Результаты взрыва не установлены.

5. Группе в количестве 5 человек ст. [...], работавшей на заводе «Комминтерн» г. Борисов, было дано задание поджечь гараж. В июне месяце 1943 г. задание выполнено, половина гаража сгорела — в нем несколько автомашин и бочек с горючим.

6. Агенту [...] и диверсионной группе в 3 человека в д. Негновичи было предложено убить коменданта гарнизона французов, так как последний жестоко расправлялся с населением. В октябре месяце 1943 года комендант — лейтенант Лили был убит.

7. Созданные три диверсионные группы по г. Борисову — одна из них на ж.—д. — возглавляется [...]. Активность диверсионных групп малая из —за отсутствия подрывочного материала.

§ 3. О к/р формированиях и школах гестапо

Через агентуру и материалами следствия установлено, что в Борисове и др. городах временно оккупированных восточных областей имеются филиалы к/р «Русской национально—трудовой партии». В г. Борисове этот филиал возглавляют Титов Иван Григорьевич (он же Вишнеvский) и Ольский. Центр ее находится в Германии — г. Берлин. Квалифицированные к/р кадры этой партии готовятся в г. Вустрау (Германия), где имеется специальная школа, находящаяся в ведении Министерства оккупированных восточных областей.

В мае месяце 1943 г. 98 чел., окончивших эту школу, прибыли в г. Борисов, из них 35 чел. выехали в г. Брянск, 28 чел. разослано по районам: Борисовскому, Крупскому, Логойскому, Толочинскому и т. д., а остальные — по городам и районам других областей.

Подготовленные к/р кадры должны пропагандировать среди широких слоев населения идеи построения «Новой независимой России», вовлекать массы в эту партию и подготавливать кадры для русской освободительной армии (РОА), являющейся основной опорой и военной силой при свержении Советской власти.

Помимо этого в г. Борисове имеется так называемая «Высшая немецкая школа для русских офицеров». Слушатели, окончившие эту школу, являются в большинстве своем членами вышеупомянутой к/р партии и используются как пропагандисты.

В руководстве данной школы в г. Борисове находятся: немец — доктор Винтер, начальник школы — генерал—майор артиллерии Севостьянов, его заместители — генерал—майор Богданов, генерал—майор Виноградов и майор Гладких «Абвер».

Подробный материал следствия по делу «строителей Новой России» передан НКГБ БССР.

Агентурными данными установлено, что в г. Борисове и др. городах имеется к/р молодежная организация «Союз Белорусской Молодежи», который имеет свой определенный значок и выпускает газету. Мною дано задание агенту «Кохан» вступить в этот союз и вести внутриразведывательскую работу о руководстве, программе и организующем центре этого союза.

Школы гестапо

В военном городке Печи Борисовского района размещена школа немецких разведывательных органов, которая регулярно через 2–3 месяца выпускает шпионов в наш советский тыл, партизанские отряды и бригады.

Школа имеет 2 отделения: радистов и разведчиков.

Материалами следствия по делу Коленченко Федора Леонтьевича, который окончил эту школу, установлено, что нач. этой школы является капитан Утов, нач. бюро документации — русский полковник Петров, преподаватели — ст. лейтенант Лебедев Николай Петрович, остальные — немцы.

По данным агентуры установлено, что примерно в декабре 1943 г. или в январе 1944 г. ожидается выпуск 250 шпионов, которые должны быть посланы в партизанские отряды БССР.

§ 4. Данные о немецкой агентуре

Ходом проведенных следствий и данными, полученными через агентуру, выявлено 215 чел., принадлежащих к немецким разведывательным органам (гестапо).

(Списки агентов переданы в НКГБ БССР.)

§ 5. Разложение немецких гарнизонов

Волостная управа и гарнизон полиции в д. Метча.

Проведенной работой через агента «Дуб», который был бургомистром волости, нам удалось завербовать нач. полиции этого гарнизона [...]. В явке с «Дубом» и [...] было предложено в кратчайшее время разгромить гарнизон своими силами изнутри. В феврале месяце с. г. гарнизон был разбит, волость сожжена, взято 3 РП, 15 винтовок, гранаты, патроны и т. д. Перешло на сторону партизан 8 чел., убито в бою 18 фрицев.

Гарнизон д. Азятичи. Разложение гарнизона проходило через зам. бургомистра волости.

В результате работы перешло на сторону партизан 13 полицейских из 70 человек. Остальные были арестованы немцами.

Гарнизон д. Гливин. Агентурная обработка гарнизона проводилась через агентов «Токарев» — полицейский и «Рябинин» — нач. дор. строительства волости. В сентябре м—це 1943 г. подготовленные лица со всем вооружением (15) чел. вышли к партизанам, при выходе был убит нач. полиции.

Гарнизон «Народников» д. Поплавы. Проведенной агентурной работой в январе 1943 г. на сторону партизан перешел 1 взвод, взяв с собой рацию, станковый пулемет и т. д. Группу возглавлял майор Бардин.

Гарнизон «Народников», стоящий по охране ж.д. в дер. Докудове — полностью перешел к партизанам со всем имеющимся вооружением (15) чел.

§ 6. Выявление к/р и а/с элемента по району действия п/бригады им. Щорса

Через сельскую агентуру, которая получила задание на выявление лиц, враждебных сов. власти и работающих тайными агентами гестапо, нами по Борисовскому, Березинскому и Червенскому районам выявлено:

антисоветски настроенных — 64 чел.

подозреваемых в шпионаже — 36 чел.

прочих — 70 чел.

(Списки учета переданы в НКГБ БССР.)

Через агентуру выявлено и расстреляно как врагов советской власти — 121 человек из среды населения как немецких шпионов.

(Списки расстрелянных переданы НКГБ БССР.)

§ 7. Контрразведывательная деятельность в п/бригаде им. Щорса

Вербовка агентуры. Из общего числа личного состава п/бригады им. Щорса 1672 ч. — имеется агентуры, целевой и осведомительной — 139 человек.

Видя широкий размах партизанского движения в тылу противника, немецкие разведывательные органы за последнее время стали активно засылать в партизанские отряды и бригады подготовленные шпионские кадры с задачей разведывательно—террористического характера.

Так, в мае месяце 1943 г. в партизанскую бригаду им. Щорса была заслана группа террористов—разведчиков во главе с резидентом Забелиной Капитолиной Павловной.

В группу входили Май Мария, Солдатенкова Анна Алексеевна, Пенкин Сергей Константинович и др. Группа имела задание разведки и отравление личного состава бригады им. Щорса сильнодействующими отравляющими веществами. ОВ были доставлены из Оршанской аптеки агентом Солдатенковой А. А. и вручены Забелиной К. П.

Получив все необходимые материалы для террористического акта, гестаповец капитан Гебель, работник Крупского отдела гестапо, предложил Забелиной К. П. идти в п/отряд и выполнять «особо важное задание».

Выполняя задание Гебеля, Забелина вместе с группой, используя свою связь с ком. отряда Ждановым, легко вступает в партизанский отряд им. Ворошилова.

Перед уходом Забелиной К. П. капитан Гебель дал ей пароли и фамилии ранее засланных в бригаду квалифицированных агентов, с которыми она, будучи в п/отряде, должна была связаться и использовать для своей работы.

Таким образом, через короткое время Забелина связывается с агентами Шуцким Александром Петровичем, Голиковым Иваном Михайловичем, Бояриным Назаром Кирилловичем, Павлючкиным Г. В. и др. (всего 18 человек), от которых получает разведывательные данные о вооружении, личном составе, моральном состоянии командного состава бригады им. Щорса и направляет через курьершу Шлому Софию Макаровну, жителя д. Забашевка, в Борисовское гестапо.

Руководя агентурой, резидент Забелина тщательно распределяет свои к/р силы по п/отрядам, с тем чтобы в один и тот же день произвести отравление по бригаде. Например, агент Пелипенко М. Ф. производит отравление по п/отряду «Победа». Голиков — по п/отряду «Коммунист», Шуцкий и Боярин — штаб бригады и т. д.

Отравление личного состава было назначено на 15 августа 1943 г., но было отложено ввиду нахождения в командировке Шуцкого.

28 августа 1943 г. нами эта группа была арестована и следствием разоблачена. При аресте у Забелиной К. П. было найдено около 1 кг сильнодействующих ОВ.

(След. дело «Террористы» — сдано НКГБ БССР.)

В феврале м—це 1943 г. в партизанскую бригаду им. Щорса в разное время прибыло до 12 французов из различных гарнизонов под предлогом нежелания служить немцам, один из них был унтер—офицер. Нами они были взяты под агентурное наблюдение. В ходе разработки унтер—офицер Рене и еще 3 чел. были арестованы и следствием изобличены в принадлежности к немецким разведывательным органам. Старшим разведывательно—шпионской группы был унтер—офицер Рене Лили.

В группу входили Александр Гет, Жан Галиа и Мошу Роне. Данная группа была направлена из д. Сморок, где находится штаб батальона французов, лейтенантом—гестаповцем Краусом с задачей установления места дислокации п/бригады, вооружения, количества людей т. д. — с

добытыми данными вернуться в штаб батальона.

(Материалы следствия по делу «Легионеры» сданы в НКГБ БССР.)

В декабре м—це 1943 г. была арестована и следствием разоблачена разведывательно—диверсионная группа, засланная резидентом Крупского окружного гестапо Ивановым—Драпицей П. И. Группу возглавлял еврей Валк Евель Ильич, который больше года работал переводчиком немецкого языка в карательном батальоне немцев по борьбе с партизанами. Группа имела задание от капитана Гебеля установить причины медлительного действия террористической группы, возглавляемой Забелиной К. П., и разведку по п/отрядам и бригадам. Срок выполнения данного задания был дан не больше одного месяца, после чего должна быть проведена карательная экспедиция против партизан.

(Материал следствия по делу «Лазутчики» передан НКГБ БССР.)

В результате следствия по делу убийства командира диверсионной группы Круглика А. П. террористом Колосовым была вскрыта целая группа разведчиков от немецких органов, которая состояла из полицейских, ранее работавших в г. Борисове. В группу входили полицаи: Стодолин Иван, Незенко Павел, Рубин Петр, Пресняков и Иванов.

Данная группа имела задание чисто разведывательного характера. (Материал по делу «Предатели» сдан НКГБ БССР.)

* * *

Через агентуру по партизанской бригаде им. Щорса вскрыто и расстреляно участников к/р формирований и лиц, имеющих принадлежность к органам гестапо — 62 человека. Из них:

за шпионаж — 62 чел.

дезертирство и бандитизм — 3 чел.

мародерство — 4 чел.

антисоветчиков — 3 чел.

(Списки переданы в НКГБ БССР.)

По партизанским отрядам бригады им. Щорса взято на учет контрреволюционного и прочего элемента, — 312 человек.

(Списки подучетников сданы НКГБ БССР.)

§ 8. Агентурная разведка

Через агентуру на 10 декабря 1943 г. получены следующие данные о противнике.

Борисовское направление

В г. Борисове и окрестных деревнях — большая концентрация войск противника. В Ново—Борисове вдоль р. Березина по ул. Береговой (около паровой станции) расположена саперная часть 37367-ц численностью 80 чел., прибывшая в конце октября с. г. из—под Смоленска. Здесь же размещено 60 автомашин, нагруженных понтонами, и 60 машин замаскированы.

На территории бумажной фабрики «Профинтерн» к р. Березине стоит воинская часть в форме летчиков численностью 60 чел. Здесь же около 40 крытых автомашин.

В военном городке Печи размещены авторемонтные мастерские, хозчасти и их штабы. В деревнях Гора, Гливин, Перстень, Мурово Борисовского района — гарнизоны полиции французов и немцев численностью от 50 до 300 человек.

Крупское направление

В дер. Большие Негновичи стоит на отдыхе воинская часть (пехотная), прибывшая из—под г. Орша в количестве 200–250 чел., в дер. Сморки — штаб батальона французов — имеют на вооружении 10–15 РП, 20–25 автоматов, 45-мм пушку, 1 батальонный миномет и винтовки. Мелкие гарнизоны французов этого батальона размещены в дер. Выдрица — 70–80 чел., Белятичи — 80–100 чел. французов и 70 чел. немцев, Оздятичи — 35–40 чел., Лавница — 25–30 чел. и т. д.

По шоссе Могилев — Минск

М. Березино до 800 чел. немцев и чехов и 200 чел. полиции. Ожидается дополнительное прибытие войск (2 полка) специально для охраны тыла;

д. Поплова — 75 чел. немцев, 200 чел. австрийцев, 38 самооборонцев; тяжелое вооружение — 3 45-мм пушки;

д. Хутор — до 350 немцев — саперы, устраивают дзоты вдоль шоссе от Березине до м. Червень;

д. Комиссарский сад — 180 немцев. В г. Червень имеется до 150 немцев и 160 полицейских. Город обнесен проволочным ограждением в 1 кол.

Укрепления

На рубеже р. Березина от м. Березине до г. Борисова противник производит укрепительные работы (строятся дзоты, роятся окопы в два ряда и хода сообщения) только на участке отд. Юшкевичи до

магистрального моста Ново—Борисов и на участке от д. Березино до д. Светлицы.

На рубеже р. Бобр в оборонительном отношении на протяжении реки от ст. Крупки до впадения ее в р. Березина никаких сооружений и оборонительных работ противник не возводит.

Зенитные средства

Одна батарея в р—не русского кладбища г. Ново—Борисов против бывших складов Заготзерно. Одно зенитное орудие в здании конюшни на территории фабрики «Профинтерн».

Одна 37–мм зенитная батарея северо—западнее д. Юшкевичи на кладбище. Одна 37–мм зенитная батарея на правом берегу р. Березина у ж.—д. моста. Одна 37 мм зенитная батарея в р—не военгородка Печи. Одна 37–мм зенитная батарея за нефтебазой вправо от шоссейной дороги Борисов — Печи [...].

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 862. Л. 78–82 (Об.).

№

Статус комбатантов и военнопленных

Статья 43 — Вооруженные силы

1. Вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов.

2. Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в статье 33 Третьей конвенции), являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях. 3. Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте,

включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте.

Статья 44 — Комбатанты и военнопленные

1. Любой комбатант, как это определено в статье 43, который попадает во власть противной стороны, является военнопленным.

2. Хотя все комбатанты обязаны соблюдать нормы международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, нарушения этих норм не лишают комбатанта его права считаться комбатантом или, если он попадает во власть противной стороны, его права считаться военнопленным, за исключением случаев, предусмотренных в пунктах 3 и 4.

3. Для того чтобы содействовать усилению защиты гражданского населения от последствий военных действий, комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения в то время, когда они участвуют в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Однако в связи с тем, что во время вооруженных конфликтов бывают такие ситуации, когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения, он сохраняет свой статус комбатанта, при условии, что в таких ситуациях он открыто носит свое оружие:

а) во время каждого военного столкновения;

б) в то время, когда он находится на виду у противника в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения, в котором он должен принять участие.

Действия, отвечающие требованиям настоящего пункта, не рассматриваются как вероломные (в значении статьи 37, пункт 1. с).

4. Комбатант, который попадает во власть противной стороны в то время, когда он не выполняет требования, изложенные во второй фразе пункта 3, лишается права считаться военнопленным, но тем не менее ему предоставляется защита, равноценная во всех отношениях той, которая предоставляется военнопленным в соответствии с Третьей конвенцией и настоящим Протоколом. Такая защита включает защиту, равноценную той, которая предоставляется военнопленным в соответствии с Третьей конвенцией в случае, если такое лицо предается суду и несет наказание за любые правонарушения, которые оно совершило.

5. Любой комбатант, который попадает во власть противной стороны, когда он не участвует в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению, не теряет своего права считаться комбатантом и военнопленным в силу совершенных им ранее действий.

6. Данная статья не наносит ущерба праву любого лица считаться военнопленным в соответствии со статьей 4 Третьей конвенции.

7. Данная статья не имеет целью изменить общепринятую практику государств в отношении ношения форменной одежды комбатантами, включенными в состав одетых в форму вооруженных подразделений регулярных войск стороны, находящейся в конфликте.

8. В дополнение к категориям лиц, упомянутых в статье 13 Первой и Второй конвенций, все лица из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, как это определено в статье 43 настоящего Протокола, имеют право на защиту в соответствии с этими Конвенциями, если они ранены или больны, или, применительно ко Второй конвенции, если они потерпели кораблекрушение на море или в других водах.

Статья 45 — Защита лиц, участвующих в военных действиях

1. Лицо, принимающее участие в военных действиях и попадающее во власть противной стороны, считается военнопленным и вследствие этого пользуется защитой Третьей конвенции, если оно претендует на статус военнопленного, если представляется, что оно имеет право на такой статус, или если сторона, от которой оно зависит, требует для него такого статуса путем уведомления задерживающей его державы или Державы—Покровительницы. В случае возникновения какого—либо сомнения в том, имеет ли любое такое лицо право на статус военнопленного, оно продолжает сохранять такой статус и, следовательно, пользоваться защитой Третьей конвенции и настоящего Протокола до тех пор, пока его статус не будет определен компетентным судебным органом.

2. Если лицо, которое попало во власть противной стороны, не задерживается в качестве военнопленного и подлежит суду этой стороны за правонарушение, связанное с военными действиями, оно имеет право отстаивать свое право на статус военнопленного перед судебным органом и на вынесение решения по этому вопросу. В тех случаях, когда это возможно в соответствии с применимой процедурой, это решение выносится до суда за правонарушение. Представители Державы—Покровительницы имеют право присутствовать на судебном разбирательстве, на котором выносится

решение по этому вопросу, если только, в виде исключения, оно не происходит в закрытом судебном заседании в интересах государственной безопасности. В таком случае задерживающая держава соответствующим образом уведомляет Державу—Покровительницу.

3. Любое лицо, принимавшее участие в военных действиях, которое не имеет права на статус военнопленного и не пользуется более благоприятным обращением в соответствии с Четвертой конвенцией, имеет право во всех случаях на защиту, предусмотренную статьей 75 настоящего Протокола. На оккупированной территории любое такое лицо, если только оно не задержано в качестве шпиона, имеет также, независимо от статьи 5 Четвертой конвенции, право на связь, предоставляемое данной Конвенцией.

Статья 46 — Шпионы

1.. Независимо от любого другого положения Конвенций или настоящего Протокола, любое лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, попадающее во власть противной стороны в то время, когда оно занимается шпионажем, не имеет права на статус военнопленного, и с ним могут обращаться как со шпионом.

2. Лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, которое от имени этой стороны собирает или пытается собирать информацию на территории, контролируемой противной стороной, не считается лицом, занимающимся шпионажем, если, действуя таким образом, оно носит форменную одежду своих вооруженных сил.

3. Лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, которое проживает на территории, оккупированной противной стороной, и которое от имени стороны, от которой оно зависит, собирает или пытается собирать на этой территории информацию, имеющую военное значение, не считается лицом, занимающимся шпионажем, если оно не действует обманным путем или преднамеренно не прибегает к тайным методам. Более того, такое лицо не утрачивает свое право на статус военнопленного, и с ним не могут обращаться как со шпионом, если только оно не захвачено в то время, когда занималось шпионажем.

4. Лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, которое не проживает на территории, оккупированной противной стороной, и которое занимается шпионажем на этой территории, не утрачивает свое право на статус военнопленного, и с ним не могут

обращаться как со шпионом, за исключением тех случаев, когда оно захвачено до того, как оно вновь присоединилось к вооруженным силам, к которым оно принадлежит.

Статья 47 — Наемники

1. Наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного.
2. Наемник — это любое лицо, которое:
 - а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
 - б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;
 - в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;
 - г) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
 - д) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;
 - е) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 1997. С. 240–244.

Из справки о структуре и деятельности карательных отрядов «ЕКА»

Совершенно секретно

Назначение

В 1941–1942 гг. при продвижении воинских соединений германской армии в глубь Советской территории штабы фельджандармерии,

приезжавшие на оккупированную территорию, немедленно приступали к организации «ЕКА» — «Ein wohner kampf Abteilung» — карательных отрядов.

Как установлено, на территории Великолукской области действовали многочисленные отряды «ЕКА», задачей которых являлись:

1. Вооруженная борьба с партизанским движением.
2. Проведение репрессивных мер по отношению к советским патриотам.
3. Охрана военных объектов и коммуникаций в тылу действующей германской армии.
4. Содействие в проведении мероприятий немецких оккупационных властей на оккупированной территории.

Структура

Карательные отряды «ЕКА» находились в непосредственном подчинении фельджандармерии и имели в различных местностях Великолукской области различный численный состав.

В среднем численность в различных районах Великолукской области составляла 150 человек. Отряды «ЕКА» делились на взводы, которые, в свою очередь, состояли из отделений.

Структура «ЕКА» не отличалась от структуры германских воинских подразделений.

Так, Локнянский карательный отряд «ЕКА-4» делился на девять взводов (отрядов), действовавших самостоятельно на различных участках Локнянского района. Эти отряды носили названия по населенным пунктам, где они дислоцировались: Локнянский, Липшанский, Дунянский, Грибановский, Олоховский, Марковский, Вережинский.

Некоторые карательные отряды, действовавшие на территории Великолукской области по выполнению возложенных задач, делились на 2 команды, одна из которых занималась проведением репрессивных и карательных мероприятий против партизан, советских патриотов (ягдкоманда), другая — охраной объектов и коммуникаций в тылу германской армии (вахткоманда).

Однако подобное деление «ЕКА» являлось относительным, так как в большинстве случаев «вахткоманда» в составе всего карательного отряда принимала непосредственное участие в борьбе с партизанским движением.

Дислокация

На территории Великолукской области в период оккупации карательные отряды «ЕКА» дислоцировались в районах:

1. Бежаницком

2. Идрицком
3. Красногородском
4. Кудеверском
5. Локнянском
6. Опочецком
7. Подберезинском
8. Пустошкинском
9. Себежском

Дислоцируясь на территории вышеперечисленных районов, некоторые отряды «ЕКА» проводили свою карательную деятельность в местностях за пределами района дислокации.

Так, Подберезинский карательный отряд «ЕКА–5» действовал в период оккупации на территории Локнянского, Бежаницкого, Холмского, Кудеверского и Опочецкого районов Великолукской области.

Как правило, личный состав подразделений «ЕКА» в районных центрах и крупных населенных пунктах размещался в казармах. В деревнях каратели располагались на жительство мелкими группами в домах местных жителей.

Личный состав

Отряды «ЕКА» комплектовались, в основном, из бывших военнослужащих Советской Армии, которые, попав в окружение или плен, возвращались к месту своего постоянного жительства, а также из лиц, находившихся в лагерях военнопленных. Начальниками отрядов «ЕКА», в большинстве случаев, являлись бывшие военнослужащие Советской Армии, изменники Родины, назначенные на эту должность фельджандармерией. Иногда во главе карательных отрядов стояли немцы. Командиры взводов и отделений отряда утверждались немцами по представлению начальника «ЕКА» из числа наиболее отличившихся карателей.

Командный состав «ЕКА» проходил специальное обучение в полицейских школах, главным образом, на территории Германии. [...]

Вооружение

Снабжением всеми видами довольствия карательных отрядов «ЕКА» ведала ортскомендатура.

Участники «ЕКА» обеспечивались обмундированием и питанием наравне с германскими военнослужащими. В качестве обмундирования каратели получали зеленого цвета шинели, мундир, брюки, ботинки, пилотку и нательное белье.

Участники «ЕКА» носили полевые погоны светло—зеленого цвета с

черной окантовкой, на головных уборах — кокарду с изображением свастики и орла.

За службу в «ЕКА» выдавалось ежемесячное вознаграждение в сумме 240 рублей, семейным — 500 рублей.

Личный состав «ЕКА» имел на вооружении винтовки, автоматы, пулеметы, минометы, гранаты; командный состав был вооружен пистолетами. Оружие выдавалось, в основном, трофейное.

Деятельность

Борьба с партизанским движением на оккупированной немцами территории являлась одной из главных задач карательных отрядов «ЕКА», а поэтому в борьбе с партизанами «ЕКА» использовали все имеющиеся в их распоряжении средства. Нередко в целях борьбы с партизанами на оккупированной территории карательные отряды «ЕКА» объединялись для совместных действий с полицией СД, личным составом фельджандармерии ГФП, регулярными частями германской армии и отдельными карательными формированиями, созданными немцами.

Отряды «ЕКА» проводили активные репрессивные меры по отношению к жителям, имевшим связь с партизанами и оказывавшим им какую—либо помощь, к семьям советских граждан, находившихся в партизанских отрядах.

Как видно из показаний арестованных карателей и трофейных документов, действуя против лиц, имевших связь с партизанами, и членов партизанских семей, карательные отряды «ЕКА» в широком масштабе применяли расстрелы, насилия, грабежи и издевательства, загоняли в тюрьмы и немецкие лагеря тысячи советских граждан.

Особенно большую активность в борьбе с партизанским движением проявил Подберезинский карательный отряд «ЕКА–5» [...]

В своем личном составе «ЕКА–5» насчитывал до 200 чел. карателей и проводил свою карательную деятельность на территории Локнянского, Бежаницкого, Подберезинского, Кудеверского и Опочецкого районов Великолукской области.

На протяжении лета 1943 г. «ЕКА–5» [...] неоднократно выезжал на борьбу против советских партизан в деревни Булыгино, Шивцево, Андрониково, Токарево, Осоново, Орлинка и др. Локнянского района. В результате проведения этих операций был задержан ряд местных жителей, подозреваемых в связи с партизанами.

Осенью 1942 г. этот же карательный отряд провел крупную операцию против партизан в районе дер. Черелипа Бежаницкого района, во время боя было убито 40 партизан.

Тогда же карателями «ЕКА» были расстреляны и повешены за связь с партизанами 10 советских граждан в деревне Авиново Подберезинского района.

Большая группа участников «ЕКА–5» [...] летом 1943 г. в течение недели производила поиски партизан в районе села Ратча Холмского района. В результате этой экспедиции было расстреляно и замучено 35 человек советских граждан и сожжено 2 деревни.

С целью обнаружения партизан весной 1944 г. отрядом «ЕКА–5» проводилась операция в деревнях Козино, Липовцы, Коровкино, Шулиха Кудеверского района, однако партизан обнаружить не удалось.

В июне 1944 г. [...] совместно с немецким командованием руководил операцией, проводимой «ЕКА–5» против партизан в Росинском лесу (Кудеверский район). В результате карателями было арестовано 7 человек партизан, которые по распоряжению [...] были расстреляны.

Не менее активную карательную деятельность по борьбе с партизанским движением проводил и Локнянский карательный отряд «ЕКА–4» [...]

Отряд делился на 7 взводов (отрядов), действовавших самостоятельно на разных участках Локнянского района. [...]

Помимо самостоятельных действий перечисленные отряды нередко объединялись для проведения совместных карательных экспедиций против партизан.

Карательный отряд «ЕКА–4» [...] производил аресты и расстрелы советских партизан, патриотов и лиц, подозреваемых в связи с партизанами, нес охрану объектов в оккупированном пос. Локня и других крупных населенных пунктах.

Только с марта по декабрь м—ц 1942 г. карательным отрядом «ЕКА–4» в Локнянском районе было расстреляно 180 человек партизан, коммунистов, комсомольцев и др. советских патриотов. Этим же карательным отрядом в районе дер. Новая Порховка и Бельно в 1942 г. было арестовано 60 советских граждан.

В июне 1942 г. карательный отряд в бою с партизанами в дер. Загрязье Локнянского района захватил группу партизан [...], 14 партизан были убиты.

Позднее Локнянский отряд «ЕКА–4» объединился с Подберезинским отрядом «ЕКА–5».

Идрицкий карательный отряд «ЕКА» [...] насчитывал в своем составе 250 чел. карателей и состоял из трех взводов и особого отделения. 1–й и 2–й взводы дислоцировались в сельской местности, где несли охранную

службу при волостях, содействовали немецким оккупационным властям в осуществлении их мероприятий. 3-й взвод нес охранную службу в поселке Идрица. В борьбе с партизанами постоянно использовалось так называемое особое отделение (группа). В наиболее крупных операциях против партизан отряд «ЕКА» участвовал в полном составе.

В течение августа—октября 1943 г. два раза в неделю Идрицкий отряд «ЕКА» совместно с батальоном СС выезжал в карательные экспедиции против партизан вдоль железнодорожного полотна Идрица — Заворуйка.

В ноябре и декабре 1943 г. под руководством немецкого коменданта полковника фон Мелентиа северо—западнее пос. Идрица отряд «ЕКА», совместно с батальоном СС, при поддержке авиации, участвовал в бою против—партизан. В результате каратели сожгли ряд населенных пунктов, захватив большое количество скота и имущества, принадлежащих советским гражданам.

В декабре 1943 г. и в январе 1944 г. Идрицкий карательный отряд «ЕКА» проводил севернее пос. Идрица крупную карательную экспедицию против партизан.

В конце февраля 1944 г. этим же карательным отрядом при поддержке 563-го батальона безопасности северо—восточнее пос. Идрица была проведена карательная экспедиция, в результате которой карателями были арестованы более 50 чел., часть из них была передана в ГФП, остальные отправлены в Германию.

В октябре 1943 г. за связь с партизанами в дер. Болыхах Идрицкого района карателями было расстреляно 16 человек мирных жителей.

В феврале 1944 г. группа участников Идрицкого карательного отряда «ЕКА» в дер. Кохново Идрицкого района за связь с партизанами заживо сожгла в одном из домов 20 местных жителей.

При непосредственном участии карательного отряда «ЕКА» на территории Кудеверского района было насильно мобилизовано и отправлено в Германию 600 человек мирного населения.

Карательный отряд «ЕКА» на территории Бежаницкого района насчитывал около 100 человек карателей [...]

За два выезда в октябре 1942 г. и в марте 1943 г. карателями Бежаницкого отряда «ЕКА» в дер. Макушево Бежаницкого района было расстреляно за связь с партизанами 16 местных жителей.

Только осенью 1943 г. Бежаницким карательным отрядом «ЕКА» было сожжено более 150 домов и изъято у местных жителей 150 голов крупного рогатого скота.

Осенью 1943 г. Бежаницкий отряд «ЕКА» принимал участие в бою с

партизанами в Краснолучинском сельсовете Бежаницкого района, в результате боя было сожжено 10 деревень.

В декабре 1943 г. и январе 1944 г. этот же карательный отряд полностью сжег населенные пункты на территории Завещевского сельсовета Бежаницкого района, расстреливая из пулемета мирных граждан, пытавшихся бежать из горящих домов.

Выезды в карательные экспедиции отряд «ЕКА» часто производил совместно с Бежаницкой фельджандармерией. Так, в начале 1942 г. «ЕКА» с работниками фельджандармерии выезжали на борьбу с партизанами на территорию Дворецкого сельсовета Бежаницкого района.

Начальником Себежского карательного отряда «ЕКА» являлся оберфельдфебель германской армии Чидра (по другим данным Радэ). Отряд насчитывал в своем составе около 200 карателей, которые были разделены на 4 взвода. [...]

Совместно с немцами Себежский карательный отряд «ЕКА» участвовал в массовых карательных экспедициях против партизан, сжигая деревни и расстреливая мирных советских граждан.

Помимо многочисленных операций против партизан внутри района, Себежский «ЕКА» весной 1943 г. выезжал в карательные экспедиции на территорию Дриссенского и Освейского районов Белорусской ССР.

Карательной деятельностью против партизан в Красногородском районе занималась так называемая «ягдкоманда» отряда «ЕКА» [...]

Крупная карательная экспедиция против партизан отрядом «ЕКА» была предпринята в ноябре 1943 г. в северной части Красногородского района. В этой экспедиции совместно с «ягдкомандой» «ЕКА» участвовала и «вахткоманда», а также фельджандармерия ГФП. [...] карательный отряд в борьбе с партизанским движением на территории Красногородского района в широком масштабе применял провокацию, выдавая себя и других карателей за партизан.

В апреле 1944 г. около хутора Речне каратели из засады убили трех партизан и тяжело ранили одну партизанку, которая была зверски зарезана ножами в дер. Ганьково.

Начальником Опочецкого карательного отряда «ЕКА» являлся немец оберфельдфебель Тинельт.

Отряд насчитывал в своем составе около 200 участников и занимался активной карательной деятельностью против партизан на оккупированной территории.

Летом 1942 г. Опочецкий отряд «ЕКА» совместно с фельджандармерией провел карательную экспедицию против партизан в

районе села Глубокое Опочецкого района, в результате чего за связь с партизанами участниками «ЕКА» было арестовано 7 человек советских граждан, трое из которых вскоре были расстреляны.

Крупная карательная экспедиция Опочецким «ЕКА» была предпринята совместно, с фельджандармерией и регулярными частями германской армии в декабре м—це 1942 г. В ходе экспедиции карателями было расстреляно 18 чел. жителей дер. Букайлово.

В августе 1943 г. Опочецкий карательный отряд целиком сжег дер. Лаврихино, где находились партизаны. Население деревни карателями было угнано в гор. Опочку.

В апреле 1944 г. Опочецкий отряд «ЕКА» совместно с немцами в течение 3 дней вел бои с партизанами на границе Опочецкого и Себежского районов. В результате карателями были пленены и доставлены в фельджандармерию 7 партизан.

Пустошкинский карательный отряд «ЕКА» возглавлялся вначале офицером Шилингом, а затем лейтенантом германской армии (фамилия не установлена) и состоял из 200 карателей.

В целях активизации борьбы с партизанами на различных участках Пустошкинского района командованием «ЕКА» были организованы пункты, в которых дислоцировались отделения «ЕКА», состоявшие из 10–12 карателей. Эти отделения нередко проводили самостоятельные операции против партизан.

Пустошкинский отряд «ЕКА» регулярно в полном составе выезжал в карательные экспедиции. Так, в конце 1942 г. в дер. Блинове Пустошкинского района карательный отряд «ЕКА» участвовал в бою с партизанами.

От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918–1998. Тверь, 1998. С.279–285.

Бегомльская операция противника против партизан в мае — июне 1943 г

Совершенно секретно

Обстановка, предшествовавшая операции

Активными действиями партизан в декабре 1942 г. был захвачен город

Бегомль и ряд населенных пунктов в прилегающих к нему районах. В последующих действиях были ликвидированы оккупационные власти в Бегомльском районе, и район стал партизанским.

Такое положение лишило противника удобных коммуникации Полоцк — Борисов, Витебск — Борисов, Лепель — ст. Парфьяново (ж. д. Полоцк — Вилейка), Борисов — ст. Парфьяново, а также нарушило нормальную работу ж.д. Вилейка — Полоцк.

Наличие партизанского района в непосредственном тылу строящегося немцами укрепленного района Ушачи, Лепель, Беленковичи создало у противника огромные затруднения в строительстве и ставило под угрозу раскрытия партизанами всей системы УР.^[408]

Владея Бегомлем, партизаны имели хороший, оборудованный аэродром, через который снабжались боевым грузом не только бригады Бегомльского района, но и партизаны Витебской, Вилейской и Минской областей. На аэродром прилетали самолеты с посадкой, а также практиковалась буксировка планеров. Это обстоятельство вызывало серьезное беспокойство у немцев.

Попытки противника восстановить положение силами окружающих Бегомльский район гарнизонов не имели ни малейшего успеха, и он начал подготовку к крупной операции по овладению Бегомльским районом, сосредоточивая силы в окружающих районах.

Соотношение сил перед операцией

В Бегомльском районе дислоцировались 44 партизанских отряда общей численностью 8158 человек.

К 1.05.43 противник сосредоточил против партизан части общей численностью (ориентировочно) до 62 000 человек, 280 минометов, 218 орудий различного калибра, 16 бронемашин и 19 танков, разместив их вокруг Бегомльского района.

Противник создал, таким образом, почти восьмикратное превосходство в численности войск и подавляющее превосходство в технике.

Кроме того, в процессе операции противник подбросил из Витебска к 14.06.43 в район юго—западнее Полоцка немецкие части и казаков—изменников общей численностью до двух дивизий.

Проведение операции

Основной целью операции противник ставил: блокировать партизанский район, овладеть городом Бегомль, нанося главный удар по нему со стороны Докшицы и Долгиново, очистить от партизан дороги Березино — Лепель, Бегомль — Лепель и, загнав партизан в болота севернее оз. Полик, окружить их и уничтожить.

Для проведения этой операции противник создал 3 основных ударных группировки:

- а) район Глубокое, Докшицы, Парфьянов;
- б) Долгиново, Крайск, Плещицы;
- в) Лепель.

1 этап операции с 1.05.43 по 31.05.43

1.05 противник предпринял наступление от Родашковичи на Дениски против бригады Лунина и от Крайска на северо—восток против бригады Воронянского. Это наступление успеха не имело, так как партизанские бригады, применяя тактику уклонения от фронтальных боев, маневрируя с выходом на тылы противника, вынудили его отойти в исходное положение. Операция против бригады Лунина на этом и закончилась.

2.05 группа противника повела наступление из Долгинова через Избище на Бегомль, но, встреченная отрядом бригады «Железняк» в р—не Избище, вынуждена была отойти в Крайск, где соединилась с Крайской группировкой.

3.05 и 5.05 противник бомбардировал с воздуха город Бегомль и посадочную площадку юго—восточнее города.

4.05 противник, усилив резервом из Илия Крайскую группировку, вновь перешел в наступление против бригады Воронянского с рубежа Слобода, Деревно в общем направлении на Бегомль, применяя тактику прочесывания леса. Партизанские отряды, не принимая фронтальных боев, мелкими группами просачивались в тыл противника и там наносили ему удары. Отряды бригады «Железняк» с направления Бегомль поддерживали бригаду Воронянского. В данной операции противник не добился успеха — бригада Воронянского до конца всей операции продолжала действовать в своем районе — в Малиновских лесах.

До 15.05 противник подтягивал резервы в Докшицы, Долгиново, Плещеницы и Земьин.

15.05 противник перешел в общее наступление на всех направлениях.

Докшицевское направление. Противник крупными силами при

поддержке артиллерии и танков повел наступление в трех направлениях: на Пустоселье, на Добрунь и на Вутуничи с общей задачей овладеть городом Бегомль и переправой у Березинј.

В течение 15, 16 и 17 мая шли бои за овладение переправами через р. Поня. Противник на всех направлениях терпел неудачу. 18.05, подтянув резервы, противник пытался овладеть Тумиловичами и Добрунью, но, понеся потери, перешел на исходное положение. В тот же день повторной атакой противник овладел Тумиловичами и Добрунью, но контратакой партизан был выбит обратно.

Бои за переправы через р. Поня шли до 19.05, когда противнику удалось овладеть западным берегом этой реки.

До 24.05 шли бои на рубеже р. Поня. С 25.05 партизанские отряды бригады «Железняк» от активной обороны перешли к маневренным боям в лесах с. з. Бегомль.

29.05 противник занял Пустоселье и при поддержке Долгиновской группировки — Бегомль.

Долгиновское направление. Подтянув резервы из Будслав, противник при поддержке артиллерии и бронемашин перешел в наступление на Бегомль через Чисти Мильчинские, и только 24.05 противнику удалось овладеть этим населенным пунктом. Дальнейшие действия этой группировки сводились к усилению Докшицкой группировки при занятии Бегомля.

Зембинское и Плещеницкое направления. Подтянув резервы из Борисова и Логойска, противник, силами свыше двух полков, перешел в наступление в северном и северо-восточном направлениях, имея целью, прочесывая леса, очистить от партизан дороги Зембин — Бегомль и Плещеницы — Бегомль. Неся большие потери от партизан бригад Лопатина и Тарунова, а также отряда бригады «Железняк», противник медленно продвигался вперед и только 31.05 вышел на западный берег р. Березина в район Брод, Маковое, Боровляны.

Лепельское направление. Лепельская группировка противника при поддержке танков и во взаимодействии с частями гарнизонов Борисов, Холопенчи и Бараны имела основной целью овладеть дорогами Лепель — Борисов, Лепель — Бегомль и Лепель — Березинј. Основные бои шли вдоль этих дорог, до конца мая противнику удалось овладеть только одной дорогой — Лепель — Борисов.

На Кубличивском направлении противник вел частные бои с бригадой Шляхтунова.

К 1.06. западная группировка противника вышла на рубеж р. Березина

и восточная — на рубеж дороги Лепель — Борисов и севернее до Поплавка.

II этап операции

Противник, понеся значительные потери и не добившись цели операции, спланировал дальнейший ход ее следующим порядком (см. схему плана июньской операции противника).

Проведение операции намечено тремя группами. Наиболее сильная группа «Норд» со стороны Лепеля должна тремя последовательными ударами, при поддержке танков овладеть районами (в характеристике противника сильно укрепленными) Пышно, Ветче и Лесины, уничтожить партизан и в дальнейшем, развивая наступление на юг, прочесать лес и соединиться с группой «Зюд».

Группа «Зюд» имела задачу наступать с рубежа Пруды, Ельница, в северном направлении и, прочесывая леса, уничтожить партизан в районе севернее оз. Палык с последующим занятием дороги Лепель — Бегомль.

Группа «Коупш» имела основной задачей заграждение на рубеже р. Березина. По дороге Лепель — Борисов также намечалось заграждение.

Ход боевых действий в июне месяце не позволил полностью вести операцию по этому плану.

2.06 противник пытался форсировать р. Березина в районах Березино и Кальник, но контратаками партизан был отброшен в исходное положение.

На Лепельском направлении противник превосходящими силами потеснил бригаду Дубровского и 3.06 овладел Пышно, намереваясь развернуть дальнейшее наступление по плану. Однако переброской на помощь бригаде Дубровского семи отрядов из бригад Мельникова и Тябута был нарушен план противника, и отряд «Норд» своей задачи не выполнил.

Не надеясь на тщательность прочесывания леса и в предотвращение ухода партизан из окружаемого района, противник к 14.06 организовал вторую — внешнюю полосу блокировки по линии Лепель — Плисса, на западных берегах рек Поня и Вилия, Крайск — Плещеницы — Зембин, используя для этого регулярные части немцев и части РОА.

16.06 после упорных боев противник ударами от Лепель и Бегомль овладел дорогой Лемель — Бегомль.

Группа «Зюд» во взаимодействии с частями заграждения на дороге Лепель — Борисов оттеснили партизан в район Домжеричских болот.

К 20.06 часть бригады «Железняк», бригады Лопатина, им. Кирова, «Смерть фашизму» и «За Родину» были окружены противником.

В боях 20.06–23.06 противник не смог выполнить своей задачи уничтожения партизан. Все партизаны, прорвав окружение, вышли из

Домжерицких болот и продолжали действовать по тылам противника и на его коммуникациях.

Замыслы противника по ликвидации партизан в Бегомльском районе были сорваны правильными действиями партизан.

Не ввязываясь в фронтальные бои с противником, действуя мелкими группами и маневрируя, партизаны просачивались в тылы карателей и наносили им чувствительные удары.

Действуя таким методом, партизаны не только сохранили свои силы, но и создали в дальнейшем невыносимые условия для карательных частей противника, в силу чего они сами оставили Бегомль, а партизаны до настоящего времени пользуются Бегомльским аэродромом.

Задачи, которые ставил себе противник, были не выполнены.

Вывод

1. Несмотря на огромное превосходство в силах, противник не выполнил своей задачи — ликвидации партизанских отрядов в Бегомльском районе.

Противник был измотан, понес большие потери, и отказался от продолжения операции.

2. Опыт данной операции показывает, что наиболее правильное действие партизан против карательных операций противника — это действие отдельными мелкими отрядами (группами), объединенными единой тактической задачей.

Такие группы, просачиваясь в тылы противника, наносят ощутимый урон, оставаясь невредимыми как боевая единица.

3. Умелые действия партизан, их преданность Родине значительно повлияли на боеспособность изменнических формирований, ускорив процесс их разложения и перехода на сторону партизан. Так, вскоре после операции на сторону партизан перешел полк Родионова—Гиль со всем вооружением, который принимал участие в данной операции.

4. Для проведения карательных операций противник вынужден бросать против партизан большие силы, оголяя тем самым действующие на фронте войска.

Зам. Начальника Разведотдела полковник /А. Храпков/
РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 857. Л. 71–75.

Бланк представительства ЦШПД На Брянском фронте

Сов. Секретно

Экз. № 1

Зам. начальника Центрального штаба партизанского движения товарищу Сергиенко. Докладная записка. О тактике фашистов в борьбе с партизанами по состоянию на 30.11.42 г.

Для борьбы с партизанами немецкое командование редко применяет регулярные немецкие части, используя в этих целях главным образом венгерские, словацкие и румынские войска, а также так называемые «добровольческие» — украинские, белорусские и пр. формирования — наряду с привлечением полицейских сил. Притом, против партизан Брянского фронта из войсковых частей пр—ка действуют венгерские (в основном 108 ПД) а из «добровольческих» формирований — украинские и русские. Венгерские войска обычно охотно идут в бой только первый раз, в расчете на легкую победу и хорошую добычу. В дальнейшем же, после ударов партизан, настроение этих вояк заметно падает, что вполне подтверждается нижеследующими выдержками из официальных документов венгерского командования.

Командир 44 венгерского полка подполковник Пулис в своем боевом рапорте от 26.04.42 года пишет: «Партизаны сильно обстреливали нас. 16 солдат остались без винтовок. Была пушка и большое количество снарядов. Пушка не стреляла, а когда стали возвращаться назад — снаряды исчезли. Солдаты при допросе не сознались, куда они дели снаряды. Солдатам воевать здесь нельзя, так как они не знают местности. Много солдат погибло и ранено. Партизаны убитых и раненых не имеют».

Выдержка из приказа командования венгерскими частями от 1.03.42 г.:

«108–я и 102–я пехотные дивизии требуют санкции откомандироваться с фронта. Я приказал им быть 6 месяцев до прибытия смены двумя новыми дивизиями. Для смены нет дивизий. Солдаты хотят 1 апреля уйти домой. Нельзя. Дивизии будут до осени. На фронт надо много войск. Осенью война кончится, все уйдут домой и будут жить хорошо. Солдаты, дома ваши семьи живут хорошо»...

Примечание: 108–я дивизия действует по сие время против партизан

Брянского фронта. 102-я дивизия, крепко потрепанная нашими партизанами в сентябре с. г., отведена в другой р—н.

Из приказа коменданта гор. Лубны Ергишера:

§ 10. Партизаны в плен не сдаются. Над пленными мадьярами партизаны издеваются, а посему мадьяры не должны сдаваться в плен партизанам, иначе немецкие солдаты будут вынуждены стрелять в сдающихся мадьяр.... 24.02.42 года».

О многом говорит и приказ командира батальона 47-го венгерского полка майора Карменди:

«Приказ 1.05.42 г. 3/47 полка, почта 118/40.

1. Немецкое командование мне сделало замечание, что солдаты плохо воюют.

2. Я слышал, что солдаты не хотят воевать, говорят: партизаны хорошо воюют. Но партизаны воюют плохо. Солдат убитых нет (...)

4. Я точно не знаю, но когда узнаю, тогда скажу, что говорят солдаты.

5. Немецкое командование приказало: всех, кто ведет такие разговоры, арестовать:

а) зачинщиков расстреливать,

б) кто отступает — расстреливать,

в) дезертиров ловить и расстреливать.

6. Мадьярские солдаты не знают, что такое Советский Союз и какие русские, я знаю, что в Советском Союзе жить плохо, Советский народ плохой. Нельзя допускать продвижения Красной Армии вперед. Когда Красная Армия захватит Венгрию — жизни не будет.

7. Венгерская армия, не считаясь с большими потерями, должна наступать. Тогда семья будет жива. Когда Красная Армия заберет Венгрию — всю венгерскую нацию уничтожат.

8. Вначале в венгерской армии не было минометов, артиллерии, поэтому плохо воевали. Видя это, немецкое командование дает хорошую технику.

9. Одна хорошо оснащенная венгерская дивизия быстро продвигается вперед.

10. Венгерская армия воевать будет на Южном фронте, я думаю, она будет быстро наступать.

Приказ прочитать всем солдатам».

Тактика борьбы с партизанским движением освещена в специальной «Дополнительной Инструкции 108-й венгерской пехотной дивизии:

«Мы ведем малую войну, которая отличается от обыкновенной войны. Это должен знать каждый офицер, солдат. Я знаю трудности, вытекающие

из плохой организации, недостаточности обучения, многонациональности, большой территории, плохих коммуникаций, но мы должны преодолеть эти трудности, и мы их преодолеем...»

Первым средством для поднятия боевого духа является организация внезапности... Наступление в «малой войне» имеет форму небольших операций, их надо организовать с большой хитростью, предусмотрев все мельчайшие детали, освободившись от всякого формализма. Еще раз подчеркиваю, что без внезапности нельзя иметь успеха. Самая успешная операция может быть ночью. Надо не бояться ночных операций. Оборона должна быть активной. Мы должны всегда беспокоить противника.

Организация наших сил и огневых средств должна быть днем иначе, чем ночью. Мы должны широко использовать большие оборонительные сооружения... и подчеркиваю, что в первую очередь мы должны думать о том, что наше вооружение имеет сильное впечатление на противника, а не вооружение противника должно пугать нашего солдата. Цель настоящего приказа — уничтожить чувство низкопробности и неполноценности, распространенные среди наших солдат. Этого можно добиться постоянным обучением солдат, находящихся в резерве. Тем же, кто находится на передовой линии, надо ставить простые и мелкие задачи, и после... мы организуем операцию с «превосходящими силами» и обязательным успехом, которые могут поднять дух наших частей... Перед солдатами нужно ставить такую задачу, которая наверняка будет иметь успех, например: перед нашей линией обороны находится группа домов и часть леса, где наверняка нет противника. Мы ставим солдатам задачу — осмотреть этот лес. Мы, в первую очередь, должны стараться завести противника в заблуждение...

В каждой роте организовать одно отделение из отборных солдат, как ударное отделение. В каждом батальоне иметь лучшего офицера для обучения этих ударных отделений.

Командир 108-й венгерской ПД генерал АБТ».

Не лишена интереса оценка сил и средств партизан, произведенная в донесении командира 38-го венгерского пехотного полка Кинге:

«В поселке Нерусса около 600 партизан. Каждый партизан имеет винтовку, и каждая группа в 40 человек имеет 3 станковых пулемета, имеет 3 ручных пулемета, 4 миномета, 4 противотанковых ружья, 5 45-мм орудий. Они направлены в сторону Суземка. Каждое орудие имеет по 100 снарядов.

В дер. Красная Слобода около 500 партизан. Они имеют 25 станковых и 25 ручных пулеметов, 10 автоматов, одно 15-см орудие, 4

противотанковых ружья.

8 км от дер. Мальцево выс. 141, 0 имеется посадочная площадка, где каждой ночью принимаются самолеты, привозят боеприпасы, махорку, водку, одежду, газеты.

Таким образом, партизаны имеют связь с фронтом. Самолеты из Москвы. Туда перевозят раненых... В дер. Бороденка /Трубочевская/ полиция состоит в связи с партизанами...»

Несмотря на запугивание «зверствами» партизан по отношению к пленным, переходы венгерских, чешских солдат к партизанам имеют место. Эти пленные пишут обращения к бывшим сослуживцам, помогают писать партизанам листовки, выступают с устной агитацией, разоблачают ложь офицеров.

Так называемые «добровольческие» — украинские и прочие формирования комплектуются главным образом из военнопленных украинской национальности, но поскольку значительное число военнопленных русских сменило свои фамилии на украинские (учитывая предоставление ряда льгот украинцам), — в их число попало много русских. В первый период зачисление в такие формирования производилось на добровольных началах — за счет антисоветского и уголовного элемента. В качестве командного состава используются бывшие командиры Красной Армии, быв. политработники, а также — немецкие офицеры, занимающие руководящие должности. В лагерях военнопленных украинцы обычно содержатся отдельно, в лучших бытовых условиях.

Вербовке их в «добровольческие» подразделения предшествует большая агитационная работа. В беседах с украинцами агенты гестапо «доказывают», что Украина теперь свободная страна, что украинцы теперь должны идти защищать оружием добытую свободу. Основная часть украинцев записывается в «добровольческие» подразделения отнюдь не в силу большой доходчивости фашистской агитации, а исключительно из соображений попасть в лучшие, чем в лагере военнопленных, условия, а также в надежде скорее перейти на сторону партизан или линию фронта. В последнее время принцип добровольности при комплектовании этого рода частей почти не имеет места, а создание и пополнение их происходит, главным образом, за счет проводимых мобилизаций местного населения в т. н. «русско—немецкое» войско. Такие мобилизации были проведены в Дмитриев—Льговском, Дмитриев—Орловском, Комарическом, Севском и других районах. Более подробно вопрос освещен нами в представленной Вам при № 001074 от 9.11 с. г. докладной записке «О формировании в г. Орджоникидзеграде «Украинского Добровольческого Полка».

В первый период создания полицейского аппарата прием в полицию был основан также на добровольных началах, и на службу туда шли исключительно отъявленные враги советской власти: кулаки и их дети, лица, репрессированные органами советской власти за различные преступления, а также уголовный элемент. Полное представление о такого рода «добровольцах» дают два следующих документа:

«В Речицкую волостную управу От Медведева Николая Ефимовича дер. Дорогинь, Речицкой волости.

Заявление

Прошу Речицкую волостную управу разобрать мое заявление, т. к. я желаю поступить при Речицкой волости полицейским. Беру на себя обязанность выполнять приказания немецкого командования, а также Речицкой волостной управы.

19.01.42 г. Вверенный Вам /Медведев/.

Староста /Медведев/».

Биография

Я, Медведев Николай Ефимович, родился в дер. Дорогинь в 1924 году 1 января в семье крестьянина. Отец мой до революции занимался земледелием, имел до революции две хаты, две лошади, одну корову, сад.

В 1932 году моего отца раскулачили; и по суду он был осужден на 2 года тюремного заключения.

В 1934 прибыл в дер. Дорогинь, где вступил в колхоз со своей семьей в количестве 7 душ, и проработал в колхозе три года, а потом в 1937 году моего отца взяли под стражу в НКВД, где судила Тройка за контрреволюцию и присудила к тюремному заключению на 10 лет.

19.01. К сему: /Медведев/

Староста /Медведев/.

Наряду с некоторым количеством заклятых врагов советской власти, добровольно поступивших на службу к немцам, имеется большая категория насильно мобилизованных, работающих в полиции из—за страха за себя и семью и сочувствовавших партизанам. Значительная часть пошла в полицейские за деньги и паек. Как гласит одно из объявлений, этим изменникам обеспечивается: «зарплата 300 рублей в месяц, полное бесплатное довольствие бойцам, общежитие, бесплатный паек по 400 грамм муки на каждого члена семьи в день, освобождение бойца и семьи от всех налогов и повинностей, предоставление лучших участков земли с полной их обработкой и закреплением за ними в первую очередь, как в

городе, так и в деревне ряда преимуществ».

Наконец, большую прослойку среди полицейских представляют бывшие командиры и красноармейцы Красной Армии, попавшие в окружение и осевшие в селах в качестве «зятьев» или всевозможных специалистов, а затем — из боязни отправки в немецкий тыл или мобилизации в «добровольческие» формирования — пошедшие служить в полицию. Большинство из них живет не под своей фамилией и ждет удобного случая для перехода на сторону партизан или через линию фронта. Среди полицейских и «добровольцев» партизанами проводится соответствующая агитационно—прогандистская работа, в частности, забрасывание специально для них предназначенных листовок. В результате этого, за последнее время лишь только в объединенные отряды западных районов Курской области перешла полиция одного села во главе с начальником полиции, десять полицейских из других деревень и семь командиров из Трубчевского «русско—немецкого» батальона. Отряды: им. Чкалова, Чапаева, Фурманова, группа т. Хохлова (Хинельские леса) ведут переговоры с гарнизонами полицейских о переходе последних на сторону партизан.

Для борьбы с партизанами немцы широко практикуют засылку в партизанские отряды своей агентуры — с целью совершения террористических актов против руководителей отрядов, разложения отрядов, агитации за переход на сторону немцев и т. п., — иногда добиваясь в этом направлении некоторого успеха. Имело место создание немцами лжепартизанских отрядов — с целью дискредитировать партизанское движение путем творимых лжепартизанами бесчинств, грабежей и пр. За последнее время такие лжепартизаны ставят себе целью выискивание партизанских отрядов и групп военнослужащих РККА, выходящих из окружения, передачу их немецким властям.

В борьбе с партизанским движением оккупанты широко применяют методы террора. Так, в районе действия объединенных партизанских отрядов западных районов Курской области сожжены полностью все населенные пункты, население частично истреблено, а около 20 000 человек уведены в неизвестном направлении. Те же методы применяются оккупантами и в других районах действий партизан (см. нашу докладную записку о режиме и массовых зверствах оккупантов). Анализ поступивших к нам за последнее время материалов показывает, что террор, система запугиваний по—прежнему является существенной чертой в деле борьбы оккупантов с партизанским движением. Так, в дер. Низино Знаменского р —на оккупанты объявили, что «...за убитого немца или полицейского

расстреливают 100 человек жителей — по... усмотрению, а в районе железной дороги Брянск — Орел в случае крушения поезда уничтожают целиком ту семью, которой было поручена охрана участка, на котором произошло крушение».

(Из доклада — с места — секретаря Хвастовчевского РК ВЛКСМ секретарю Орловского обкома ВЛКСМ за октябрь с. г.) По данным партизанской разведки, в октябре с. г. по деревням Трубчевского р—на, Орловской области «немецкое командование дало старостам распоряжение: выявить по селам все партизанские семьи и подозрительных и доставить их в концлагери». В этом же духе выдержано и приказание командира Трубчевской роты карателей Макеенко старосте дер. Дубовня: все имущество Поляковой (матери партизана) описать и взять на хранение до особого распоряжения. Полякова за укрытие сына—партизана приговорена к повешению, и труп не снимать трое суток. После трех суток труп похоронить. Объявите гражданам вашей деревни, что кто будет давать приют бандитам — сам будет повешен. 18.10.42 г. Трубчевск.

Принимаются меры и в отношении усиления административного режима, как видно из приказа № 18 от 1.07.42 г. по Кистерской волости:

«В связи с появлением партизан...

1) Старостам установить на окраинах /населенных пунктов/ посты из 2 человек, которых староста должен инструктировать: при появлении незнакомой личности дежурный должен докладывать в волость дежурному охраннику.

2) Довести до сведения всех граждан, что свободное хождение — от восхода солнца до половины десятого вечера. В случае появления свободного хождения граждан — будут расстреляны на месте без всякого предупреждения. Приказ входит в силу с 1.06.42 г. Старшина /подпись/».

В № 28 от 5.11.42 г. органа Локотского окружного «самоуправления» — «Голос Народа» помещен приказ № 114 от 31.10.42 г. «О борьбе с бандитами».

«За последнее время участились случаи налетов оставшихся в лесах бандитов на мирное население вверенного мне округа. Это объясняется тем, что... бандиты не имеют продовольствия и вынуждены голодать. То, что мы не успели сделать оружием — должен сделать голод в лесах зимой... В целях быстрой помощи населению в случае налетов, приказываю:

§ 5. Всем старостам, волостным старшинам и районным бургомистрам по приближении бандитов немедленно сообщать об этом в ближайший телефонный пункт, для чего в каждом селе нужно иметь верховую лошадь

со всадником.

Предупреждаю, что невыполнение настоящего приказа буду рассматривать как прямое предательство и измену родине и виновных привлекать к военно—полевому суду...»

Усиленно охраняются все железнодорожные объекты. Степень усиления охраны зависит от важности объекта и от степени развитости в том или ином районе партизанского движения. Как правило, наиболее ответственные участки и объекты охраняются немецкими частями. Вне зависимости от наличия пленных, а также войсковых подразделений вассальных государств, к охране ж.—д. полотна привлекается и местное население прилегающих к ж.—д. населенных пунктов. Военские части несут охрану путем патрулирования; мобилизованные для этой цели окрестные жители получают под ответственность определенный участок — в поле видимости, — за который отвечают по всем строгостям оккупационного режима. В качестве мероприятия, направленного против диверсионных действий на ж.—д. транспорте, в Троснянском, Кромском р—нах Курской области и др. все зеленые насаждения, прилегающие к ж. д. (шоссе), вырубаются полностью с использованием лесоматериала на строительство оборонных сооружений. В первую очередь это осуществляется в местах, являющихся хорошими подступами для диверсантов.

В Дмитровском, в Дмитриевском, Михайловском р—нах Курской области и др. со стороны оккупантов практикуется прочесывание лесных массивов — силами немецких, мадьярских частей и полиции — с целью лишения партизан их баз, а главное — уничтожения их. Так, например... с 12.10 по 25.10.42, с 3.11 по 11.11.42 и с 17.11 по 20.11.42 г. оккупанты, после основательной артиллерийской подготовки, последовательными цепями прочесывали леса — с непрерывным прострелом из автоматического оружия проходимых ими лесных площадей. В каждой такой операции участвовало от 1,5 до 3 тысяч человек — с охватом площади 1,5 до 8 тысяч га.

Последовательные в своей политике «кнута и пряника» оккупанты, наряду с применением террора, пользуются и методами поощрения различного рода предателей за оказываемую ими помощь в борьбе с партизанами. Газета «Речь» в № 116 от 2.10.42 публикует:

«Награды за помощь германской армии. Германским командованием издано распоряжение, согласно которому командующие административными районами имеют право по представлению дивизий, а также командиров отдельных воинских частей наделять местных жителей,

оказавших германской армии особые услуги по борьбе с партизанами и другие услуги, земельными участками в размере одного гектара с немедленным представлением им таковых».

По данным разведки партизанских отрядов, издан за подписью «имперского министра восточных земель» Розенберга приказ, устанавливающий награды (в т. ч. медали) для лиц из местного населения оккупированной территории, активно участвовавших в строительстве «новой жизни», в борьбе с партизанами, активно помогающих быстрее ликвидировать «последствия большевистского строя». Командующим областью, на основании этого, издан приказ, предусматривающий награды указанным выше предателям, выдаваемые в виде соли, а также земельных наделов в размере 1 га. Староста дер. Добрунь Брянского р—на уже получил за свою предательскую работу значительное количество соли, а также большой надел земли.

Наряду с газетными воплями о «зверствах партизан» (без приведения, впрочем, конкретных фактов), с широким распространением среди населения оккупированной территории листовок на эту тему, — весьма часто практикуется помещение в предательской прессе, а также размножение листовками, различных «писем к партизанам» — обращений — якобы от имени бывших партизан, перешедших на сторону немцев. Специальными листовками—иллюстрациями фашистские пропагандисты пытаются соблазнить партизан «привольным житьем» изменников, добровольно перешедших на сторону немцев (образцы листовок — «8» экз. — прилагаются).

Представитель ЦШПД на Брянском фронте — *Старший майор госбезопасности /Матвеев/.*

За начальника разведотдела майор /Быстров/.

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 909. Л. 144–148 об.

Справка о приемах борьбы немцев с партизанами

Секретно

Ленинградская область

1. Данные последнего времени подтверждают, что одним из основных методов контрразведывательной работы гестапо, направленной на борьбу с партизанами, является насаждение широкой осведомительной сети из местного населения. Кроме осведомителей, гестапо вербует из местных жителей также и в отряды для активной борьбы с партизанами и нашей

разведкой. Подобные отряды и банды выявлены: в районе Порхов действует отряд «самозащиты» численностью 700 человек. В Порхове организована «охотничья группа» из местных жителей в несколько человек. Банда в 150 человек действует в районе Дедовичи — Пожеривицы.

В целях поимки партизан и разведчиков, гестапо практикует периодические налеты этих отрядов на отдельные пункты.

2. В качестве осведомителей, помимо из числа местных жителей, гестапо поселяет в деревнях своих агентов по своим же документам под видом местных жителей. В Пороховском районе имеется до 60 человек таких осведомителей—агентов, о которых не знает и староста.

3. Широкая сеть агентов и осведомителей отмечается в Кингисеппском, Гдовском, Полновецком, Островском, Сошихинском, Славковском и др. районах.

Агентура вербовалась преимущественно из числа бывших коммунистов и комсомольцев сов. актива, которым ставилась задача — установить связь с партизанами, сообщать об этом в гестапо.

4. Органы гестапо начали широко применять провокационный метод выявления партизан или разведчиков, заключающийся в том, что под видом партизан или разведчиков в леса направляются группы агентов гестапо, снабженные поддельными документами, а иногда и радиоаппаратурой. В их задачу входит — установление связи с партизанами и группами разведки, выявление их баз и мест расположения. Эти группы действуют под видом партизан или разведчиков.

5. Для населения, оставшегося в прифронтовой полосе, в целях изоляции его от партизан, немцами введен исключительно жесткий режим. Так, на каждый населенный пункт Тосненского и Мгинского районов назначены коменданты. Все ранее выданные пропуска от населения отобраны. Передвижения между населенными пунктами воспрещены. Для всего населения, в том числе и детей, введены нарукавные повязки, без которых население не может появляться на улице. Цвет повязок разный для каждой деревни.

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1, Д. 744. Л. 2 об.

Тактика противника в борьбе с партизанами в летних условиях

Новые формы борьбы с партизанами можно проследить на опыте партизанского отряда «Красный партизан», вступившего для выполнения

боевого приказа 9 июня с. г. в район своих действий в тылу противника (Ухтинское направление).

18 июня отряд подошел к дороге Вокनावолок (0684) — Латвозеро (9438). Для прикрытия перехода была оставлена засада в составе взвода. Когда ядро отряда отошло до 4 км за дорогу, на засаду напала группа финнов—автоматчиков в 40 человек. В результате завязавшегося боя взят в плен солдат этого карательного отряда.

Через опрос военнопленного установлено: появление партизан было замечено гарнизоном, расположенным в д. Костомукша (7694). Сразу же была сформирована карательная группа из кадровых солдат, преимущественно шюцкоровцев.

Финны, как показывает военнопленный, предполагали, что партизаны нападут на гарнизон, расположенный в глубоком тылу финской территории. Группа была сформирована в количестве 38 человек из Костомукшского и Кентозерского гарнизонов, вооруженных на 50 проц. автоматами, винтовками и гранатами. Впоследствии эта группа была усилена за счет Вокनावолокского гарнизона. В задачу группы входило: следовать по следам отряда, не выдавая себя, а во время налета партизан на гарнизон — ударить с тыла.

После первого столкновения с партизанами отряд двигался расчлененным порядком с целью оторваться от преследования.

Противник применил сигналы для связи передовых дозоров с ядром группы путем подражания крикам кукушки. Эти крики слышны были более учащенно в левой стороне и сзади движения отряда и реже с правой стороны. Во время отдыха отряда крики кукушки прекращались, а как только отряд трогался в дальнейший поход, они возобновлялись.

В результате отряд имел 4 столкновения с противником и был вынужден возвратиться в свой тыл и новым маршрутом пойти в район боевых действий.

Организация карательных отрядов проводилась повсеместно. В некоторых участках эти группы занимались прочесыванием леса. Так, например, группа партизан отряда «Полярник» в количестве 3 человек, находясь в тылу противника, на Кестеньгском направлении, встретила с отрядом противника до 100 человек, которые рассыпались в лесу, охватывая полосу 1000 метров, шли со стрельбой в поисках партизан.

(По матер. доклад, записки ШПД Карельского фронта от 14.08.42 за № 00175.)

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 744. Л. 25.

**Из справки КГБ при Совете Министров УССР о диверсионно
—разведывательной деятельности группы подпольщиков г.
Киева под руководством И. Д. Кудри**

август 1941 г. — ноябрь 1943 г.

...В начале августа 1941 года, когда угроза оккупации Киева стала реальной, Кудря без колебания принял предложение остаться в Киеве для проведения разведывательной работы в тылу противника.

С этого момента Кудря, ставший «Максимом» с помощью группы чекистов втайне даже от своих друзей, стал готовиться к выполнению весьма почетной, ответственной и нелегкой работы разведчика в тылу немецких оккупантов...

Вскоре на улицах Киева можно было видеть типичного «щирого» украинца, по одежде и поведению похожего то ли на учителя, то ли на провинциального художника или деятеля культуры с паспортом и другими документами на имя Кондратюка Ивана Даниловича, а незадолго до вступления в Киев немцев он уже поселился по бывшей Институтской улице в доме № 16 (известном под названием «дом Гинзбурга»).

...Когда сотрудник НКВД УССР после обстоятельной предварительной беседы спросил хозяйку указанной квартиры Груздову Марию Ильиничну, смогла ли бы она в случае оккупации немцами города остаться в интересах советской власти в Киеве, она в первый момент растерялась и с трудом верила тому, что ей, жене репрессированного советскими органами писателя, предлагают остаться в тылу немецких захватчиков для выполнения важного задания, ей доверяют жизнь чекиста.

Соседям о своем жильце она рассказала, что он преподаватель украинского языка и литературы из Харьковской области, с которым она познакомилась на курорте в Сочи и теперь после двухлетней переписки решила, наконец, соединить свою жизнь. Отец его, священник, в свое время был также репрессирован.

Последние перед оккупацией города дни Кондратюк и его невеста на глазах у соседей запасались продуктами и, кажется, не собирались эвакуироваться. В ходе этой работы они устанавливали знакомства с теми, кто откровенно ждал немцев, и таким образом готовили для немцев своих поручителей.

В это же время группа оперативных работников готовила «Максиму» помощников, курьеров, закладывала радиостанцию, тайники с оружием, бланками различных документов, шифры и т. п.

Особую сложность представляла конспиративная закладка и опробование стационарной радиостанции, но и эта работа, благодаря энергии, трудолюбию, сметке и патриотизму скромного советского гражданина, поныне здравствующего и проживающего в Киеве Линкевича Евгения Михайловича, была в короткий срок выполнена. Оставленные для работы в тылу противника радисты Емец и Кравченко в начале августа 1941 года опробовали рацию и получили удовлетворительные результаты.

Таким образом, комплектование и подготовка «Максима» и его группы были в основном закончены. Первоначально в нее вошли: Кудря Иван Данилович — руководитель группы, Груздова Мария Ильинична — содержательница квартиры, на которой был определен на жительство «Максим», и его ближайшая помощница; Емец Константин Михайлович, Кравченко Афанасий Федорович — оба радисты; Линкевич Евгений Михайлович — хозяин квартиры — пункта радиосвязи.

Кроме того, «Максиму» был назван ряд лиц и даны их адреса, с которыми он должен был связаться по паролям уже после оккупации Киева немецкими войсками.

19 сентября части Советской Армии оставили Киев и начали отход в направлении Яготина. В городе наступило своего рода безвластие, начались грабежи, которые еще более усилились после вступления немцев в город, так как немецкие солдаты и офицеры под предлогом наведения порядка сами безудержно грабили, начиная от ювелирных изделий и картин и кончая продуктами питания и мебелью, и все это нескончаемым потоком вывозилось в Германию в качестве трофеев.

Все, что было злобного и ненавидевшего советскую власть, выплеснулось на улицу; нашлись и такие, кто верноподданнически встретил оккупантов с хлебом—солью, брызжа ядовитой слюной на советскую власть. Именно этой категорией подонков немцы вскоре укомплектовали различные управы, полицию и пр.

Пройдя по городу, Кудря возвратился домой и еще раз проверил надежность укрытия документов, оружия, денег в т. п. и в этот же день вручил радисту для передачи в центр первую телеграмму.

Однако первый день работы «Максима» в тылу у немцев начался с неудачи — установить радиосвязь с центром не удалось.

Вторая неудача постигла его 24 сентября, когда был взорван «дом Гинзбурга» и под его развалинами остались различные документы, бланки паспортов и других документов, деньги, оружие, шифры, адреса нужных людей и т. п. «Максим» лишился не только квартиры, что было в конце концов не столь существенно, но погибло то, без чего почти невозможно

было начинать работу в оккупированном городе. Но не таков был «Максим», чтобы от первых неудач терять голову: с еще большей напористостью и осмотрительностью он приступил к своей работе — собирал данные о политико—экономическом положении в Киеве и на Украине, деятельности украинских националистов, подбирал нужных людей, скрупулезно изучал возможность выполнения своего основного задания, связанного с деятельностью палача украинского народа гауляйтера Эриха Коха.

А пока он с Марией Ильиничной, используя свои знакомства и «безупречную репутацию» среди лиц, откровенно ждавших немцев, поселились в новой квартире — по Пушкинской ул. № 37.

В городе тем временем не прекращались пожары и взрывы, принявшие особенный размах в период с 24 по 28 сентября 1941 года. В числе других был взорван склад с принятыми от населения радиоприемниками, немецкая военная комендатура, кинотеатр для немцев и др. И хотя утвердительно никто не может сказать, кто конкретно осуществлял подобные взрывы, уносившие в могилу сотни «завоевателей», нет сомнения, что к этому приложили руку лица, имевшие отношение к группе «Максима». Главное же состояло в том, что заносчивым фашистским «завоевателям» эти взрывы давали понять, что хозяином оккупированной земли являются не они.

Постепенно «Максим» вживался в свою роль, внешне приспособляясь к складывающейся обстановке в занятом немцами, но не покоренном Киеве.

В одну из обычных совместных с Марией Ильиничной «прогулок» по городу «Максим» неожиданно почти у дома, в котором они проживали, столкнулся с бывшим петлюровцем — украинским националистом Тарасом Семеновичем, которого «Максим» после освобождения Западной Украины допрашивал в качестве арестованного, а затем освободил. Случилось то, что в тылу более всего небезопасно: он встретился с человеком, который может его разоблачить как сотрудника НКВД. Как выяснилось в краткой и обоюдонапряженной беседе, Тарас Семенович являлся сотрудником гестапо и, конечно, мог легко прибрать к рукам «Максима». «Максим» призвал все свое самообладание, чтобы не только не показать своих опасений, связанных с этой встречей, но и попытаться использовать ее в своих интересах. И воля, такт и самообладание коммуниста—чекиста победили: Тарас Семенович не только не выдал «Максима», но даже стал одним из его помощников. От него «Максим» узнал о строительстве особо секретного военного объекта в районе Винницы и другие данные. Кроме

того, он рассказал «Максиму», что через него проходят все заявления предателей разных мастей об оставшихся в городе коммунистах, чекистах, различных активистах и т. п. и по поручению «Максима» уничтожал эти заявления. К огорчению «Максима», такой нужный для работы человек вскоре погиб.

В первой половине октября 1941 года из Киева на Большую землю уходили два чекиста, выполнившие свое задание, и «Максим» через них передал в центр первое сообщение о своей работе в оккупированном Киеве.

В своем сообщении «Максим» докладывал о ходе легализации, положении в оккупированном Киеве, о встрече и привлечении к работе на советскую разведку Тараса Семеновича и многом другом, а также сообщил свой новый адрес, пароль для связи и данные для работы радиостанции.

Вскоре после этого «Максимом» в центр были также направлены оба радиста, так как питание для рации пришло в негодность, а к радистам начала проявлять интерес полиция.

Неожиданной и в то же время полезной была встреча «Максима» в конце дня 3 ноября 1941 года с сотрудником НКВД т. Елизаровым, который с группой чекистов, выполнив оперативное задание, попал в окружение, а затем в плен и содержался в дарницком лагере военнопленных. Здесь им удалось подкупить переводчика за ручные часы, сохранившиеся у одного из сотрудников, и таким образом 16.10.1941 года освободиться из лагеря, получив пропуска, как украинцы и жители Киева. Идя втроем по городу, Елизаров и два его сослуживца случайно встретили бывшего сотрудника НКВД Великого Всеволода Ивановича («Стасюка»), проживающего в Киеве под фамилией Заремба Станислав Валерианович, на квартире которого они проживали несколько дней, пока Елизаров не встретил Окипную и не перешел по ее рекомендации на квартиру Бремер.

Елизаров также сказал «Максиму», что он и его товарищ в ближайшие дни уходят из Киева, с тем чтобы перейти линию фронта. «Максим» одобрил это.

На встрече 4.11.1941 г. Елизаров рассказал «Максиму», что встречается со своими товарищами на квартире Бремер Евгении, немки по национальности, зарегистрированной как фольксдэйче, муж которой бывший сотрудник органов НКВД в 1937 году был репрессирован. В момент вступления немцев в г. Киев она помогла 19 командирам РККА переодеться в гражданское платье, а также позже помогла в этом же двум товарищам Елизарова. В настоящее время она поддерживает знакомство с несколькими немцами, занимающими в железнодорожном управлении видное положение. Он также рассказал об Окипной Раисе, артистке

оперного театра, которая познакомила его с Бремер.

Елизаров характеризовал Окипную и Бремер как честных и преданных советской власти людей и высказал возможность использования их в разведывательной работе.

Вскоре по обусловленной связи «Максим» познакомился с Бремер и Окипной, квартира № 7 по ул. Чкалова № 32, где проживала Бремер, стала явкой, а сами они связали свою судьбу с разведывательной деятельностью группы «Максима» и стали его ближайшими помощниками.

На последней встрече с т. Елизаровым 6.11.1941 года «Максим» рассказал ему все, что следует передать в НКВД УССР, снабдил небольшой суммой денег и на следующий день с товарищами направил на Большую землю. Елизаров в свою очередь рекомендовал «Максиму» встретиться с Великим — Зарембой, которого один из сослуживцев Елизарова связал с проживающими в Киеве людьми, могущими представлять интерес для «Максима».

Связь с Окипной и Бремер позволила «Максиму» в последующем познакомиться с целым рядом замечательных советских патриотов, оказавших большую помощь в разведывательной и другой деятельности группы, нередко принимавших решающее участие в приобретении нужных людей непосредственно в логове вражеской разведки или отдавших свои чистые героические жизни во имя победы над фашистской Германией.

Несмотря на потери, связанные с взрывом «дома Гинзбурга», деятельность группы постепенно налаживалась, а сам «Максим» в целях лучшей легализации стал студентом медицинского института.

Наряду с участниками группы «Максима» Окипной и Бремер нужно назвать бесстрашную, инициативную и в то же время в высшей степени дисциплинированную почти пятидесятилетнюю подпольщицу Сушко Марию Васильевну, беспартийную, бывшую сотрудницу НКВД. Пренебрегая опасностью, она распространяла в городе листовки, привлекла свою знакомую Шарафанову Матрену Ивановну и наладила через нее распространение листовок в с. Звонковое, в районе Белой Церкви и других районах Киевской области, хранила у себя наиболее секретные документы «Максима»; изучила, вошла в доверие и подготовила к сотрудничеству с «Максимом» некую Л., состоявшую на службе и являвшуюся близкой знакомой руководителя одного из разведпунктов немцев в Киеве Майера, занимавшегося заброской немецкой агентуры в тыл Советской Армии.

Это родственница Бремер Жени — Ритво Капитолина Васильевна, портниха, которой уже в то время было за пятьдесят лет, активно распространявшая листовки и являвшаяся содержательницей квартиры, на

которой «Максим» осуществлял встречи со своими людьми.

Это еще совсем юная Мирошниченко Лидия Васильевна, исполнявшая весьма многообразные функции: связника, человека, могущего незаметно проследить за приходом на встречу с «Максимом» или членами его группы человека, в котором не были уверены, распространителя листовок, а иногда доставлявшая в нужное место через весь город такие деликатные вещи, как гранаты и другое оружие.

Это Черный Федор Яковлевич, бывший сотрудник милиции, поступивший по заданию «Максима» на службу в украинскую полицию (арестован и расстрелян немцами).

Это Валя Тристан — машинистка, размножавшая листовки.

Как уже упоминалось, был у «Максима» свой человек в гестапо. Его люди работали в железнодорожных мастерских, в гараже немецких оккупационных властей. Рая Окипная установила связи и завоевала доверие среди высших чинов полиции, офицеров армии и т. п., в результате общения с которыми добывала важные разведывательные данные. Женя Бремер располагала связями среди офицеров железнодорожного управления и также получала от них важную информацию.

Благодаря знакомству с Женей, «Максим» привлек к работе бесстрашного и неуловимого Дудкина Жоржа, который совершил множество дерзких актов, в том числе убийство днем на глазах многих людей немецкого майора.

Ближайший помощник и фактически заместитель «Максима» чекист Соболев Митя, он же Сухоруков, также оставленный в Киеве для разведывательной работы, по заданию «Максима» выезжал с разведывательной целью в г. Ровно, где находилась резиденция так называемого рейхскомиссара Украины, палача украинского народа Эриха Коха.

По заданию «Максима» Мария Ильинична Груздова, проявив незаурядную сметку и изворотливость, стала работать управдомом по ул. Кузнечной № 4/6, где располагался разведпункт майора Майера — он же Миллер, он же Мильчевский Антон Иванович, и установила дружеские взаимоотношения с последним. Получив в том же доме квартиру, она, а также приходивший сюда «Максим», имели возможность лично наблюдать деятельность разведпункта, выявлять и учитывать агентуру Майера, готовившуюся для заброски в тыл Советской Армии или возвращавшуюся оттуда, а также используемую Майером по Киеву.

Хотя «Максиму» никто не сделал бы упрека за то, что он не занимался распространением листовок о положении на фронтах, о жизни советского

народа, о неминуемом скором разгроме немецких захватчиков, он, как коммунист, не мог оставаться в стороне, хотя это и создавало его группе много дополнительных трудностей и отвлекало от выполнения основной задачи.

Нужно было прежде всего наладить регулярное слушание радиопередач из Москвы, что наказывалось расстрелом. И тем не менее, как только офицер—железнодорожник уходил из дома Жени Бремер, где он жил, она включала приемник и записывала передачи из Москвы, сводки Информбюро, на основе которых «Максим» составлял текст листовок, Женя печатала их в нужном количестве на машинке, а далее уже приступала к работе служба «экспедиции».

Слово партии, голос народа являлись для советских людей, оказавшихся на временно оккупированной территории, неиссякаемым источником героизма и самопожертвования, разжигали в сердцах советских людей священную неугасимую ненависть к фашистским оккупантам, звали на борьбу с ними до победного конца, вселяли веру в неизбежность разгрома фашистской Германии.

Однако не все в деятельности «Максима» обстояло благополучно. На его след напала немецкая контрразведка и использовала для выявления его деятельности и слежки за ним Великого — Зарембу, ставшего предателем.

Кроме того, «Максим» собрал значительные разведывательные данные, а передать их на Большую землю не имел возможности из—за отсутствия радиосвязи. Ощущался недостаток в некоторых технических и материальных средствах и оружии. В этой обстановке «Максим» принял решение — идти через линию фронта, чтобы возвратиться в Киев более оснащенным для продолжения своей почетной работы в тылу противника.

После соответствующей подготовки в первых числах апреля он вместе с Дудкиным в сопровождении Жени Бремер и Лидии Мирошниченко вышли из Киева и благополучно перешли по льду Днепр. Своим заместителем он оставил Соболева Дмитрия.

Спустя несколько дней после ухода «Максима» и Дудкина в Киев из НКВД УССР прибыли для связи с «Максимом» курьеры, оперативные работники Писковой и Жарко.

Придя к Марии Ильиничне и узнав об уходе «Максима», Писковой и Жарко выслушали ее и приглашенную к ней Женю Бремер о работе группы и снова возвратились в центр.

А через несколько дней, в средних числах апреля 1942 года, к Марии Ильиничне пришел мальчик лет 12 и принес небольшую записку, в которой было написано: «Я задержан. Ты, как жена, можешь меня выручить».

Дополнительно мальчик рассказал, что Иван Данилович был задержан немцами где—то в 80 километрах от Киева и сейчас содержится в дарницком лагере военнопленных в специальном отделении полевого гестапо.

И снова Мария Ильинична призвала на помощь всю свою изобретательность и ловкость, чтобы вырвать «Максима» из лап гестапо. Запасшись положительными характеристиками на «Максима» от предусмотрительно приобретенных знакомых из числа откровенных немецких пособников, Мария Ильинична отправилась в лагерь. Слезы, мастерски разыгранные проклятия в адрес большевиков, простые рубли и золотая монета, вовремя предложенная «на память», сделали свое дело. Как только «муж» оказался на свободе, он предложил срочно заняться освобождением из этого же лагеря Дудкина Жоржа. По разработанному «Максимом» плану на следующий день этого добилась Женья Бремер.

И хотя «Максиму» в высшей степени было неприятно то, что он не повидался с прибывшими из НКВД УССР курьерами, он почти физически ощутил заботу и теплоту, которую о нем проявляют, с болью в сердце представил себе, какие трудности и опасности впустую пришлось пережить этим курьерам на пути из НКВД УССР в Киев и обратно. И он с удесятенной энергией ушел в работу.

А в первой декаде мая 1942 года у «Максима» была новая радость — к нему прибыли уже из Москвы новые курьеры — Анатолий Трусов и Лидия Росновская. И хотя их выброска была в высшей степени неудачной: экипаж самолета в результате обстрела потерял ориентировку и выбросил их 22 апреля не вблизи Киева, а на юге Хмельницкой области, и им пришлось многие сотни километров в пору наибольшего разлива рек и речушек пешком добираться в Киев; после приземления они не встретились и добирались в Киев отдельно, — в результате того, что выброска произошла за сотни километров от Киева, они не смогли доставить рацию с запасным комплектом питания, и это снова обрекало «Максима» на невозможность оперативно передавать добываемые разведсведения в центр. И тем не менее это была большая радость. Прибытие второй группы курьеров свидетельствовало о настойчивых попытках центра снабдить его группу всем необходимым, свидетельствовало о постоянной заботе о нем.

Прибывшие курьеры доставили «Максиму» материальные средства и уточненное задание, связанное главным образом с деятельностью гауляйтера Коха на Украине. После того, как прибывшие курьеры подлечились и отдохнули, они были отправлены «Максимом» на Большую землю с устным отчетом о деятельности группы.

В отчете указывалось, что группой создано 7 диверсионных групп, одна из которых 1 мая совершила крушение немецкого воинского эшелона с боеприпасами и войсками на линии Киев — Жмеринка, а вторая — крупное крушение в Дарнице. Он сообщил также о том, что одной группе удалось вывести из строя тормоз и пустить под уклон в направлении Подола трамвай, переполненный немецкими офицерами; что Рая Окипная заимела прочные связи среди высшего офицерства и оккупационной администрации, от которых черпает различные военные и другие сведения, в результате чего, а также других действий имеются достаточно полные данные об укреплениях и средствах обороны Киева, местонахождении штабов крупных немецких воинских формирований и административных учреждений; ведется учет выявленной немецкой агентуры и предателей; собраны достаточно полные данные о политико—экономическом положении в оккупированных районах Украины; регулярно выпускаются и распространяются как в городе, так и в селах Киевской области листовки; ведется подготовка к выполнению основного задания.

...Диверсионные акты, распространение антифашистских листовок, саботаж мероприятий оккупационных властей и другие действия свидетельствовали об активной и организованной деятельности советских людей, направленной против немцев. И немецкая контрразведка в Киеве прилагала огромные усилия, чтобы раскрыть и пресечь ее, тем более что этого настоятельно требовал Берлин.

...Как ни конспиративно действовал «Максим», как ни придирчиво подходил к приобретению новых связей, гестапо все же удалось напасть на его след и внедрить в его группу своего агента — Грюнвальд Наталью. Однажды весной 1942 года Грюнвальд встретила на улице Окипную Раю и, представившись как знающая ее по Виннице, завязала с ней знакомство. После этого Окипная стала бывать у Грюнвальд, имевшей большую квартиру и работавшей лаборантом в аптеке. Рассказав «Максиму» о своей новой знакомой, Рая получила задание установить с Грюнвальд более близкую связь, так как такой человек для группы был очень нужен. Предварительно он с помощью Раи познакомился с Грюнвальд и побывал у нее на квартире. После нескольких встреч, в том числе в домашней обстановке, «Максим» под видом встреч с Окипной стал использовать квартиру для работы над листовками, а также для встреч со своими людьми. А после того, как однажды потребовалось отремонтировать пишущую машинку, «Максим» решил воспользоваться услугами Грюнвальд, поскольку незадолго до этого она изъявила согласие помогать партизанам.

Обо всем этом Грюнвальд докладывала в гестапо, и за «Максимом» и Раей уже велась слежка.

Последний раз «Максим» вместе с Окипной посетил Грюнвальд в ночь на 5 июля 1942 года. Днем 5 июля «Максим» и Окипная порознь вышли из этой квартиры, причем Рая взяла с собой пишущую машинку и направилась по своим делам. Дойдя до бывшего Сенного базара, Окипная была арестована двумя гестаповцами, а вскоре на одной из квартир был арестован и «Максим».

На следующий день с участием Грюнвальд на улице также была арестована Женя Бремер, а спустя 10–15 дней — ее мать.

После ареста «Максима» и его ближайших помощников возглавлять группу стал неуловимый и бесстрашный чекист Соболев Митя, погибший 4.11.1943 года во время проведения одной из многочисленных своих боевых операций. Его действия были настолько дерзки и ошеломляющи, что им заинтересовались даже руководители гестапо в Берлине.

Это ему Мария Васильевна Сушко после ареста «Максима» передала его особо секретные документы, в том числе его тетрадь с важными разведывательными данными, собранными «Максимом» и участниками его группы. После освобождения Киева от немецко—фашистских захватчиков эта тетрадь попала в руки органов государственной безопасности, и на ее первой странице четким и уверенным почерком было написано: «Всех, нашедших эти записи, прошу советских патриотов хранить эти записи и, в случае моей гибели от рук врагов моей Родины — немецких фашистов, с приходом Красной Армии передать эти записи соответствующим органам. За что я и наша Родина будем Вам благодарны».

На смену ему стал его боевой соратник Печенев Антон. В соответствии с разработанным еще до ареста «Максима» планом, Печенев поступил на работу в гараж штадткомиссариата и удачно совершил диверсионный акт — сжег немецкий гараж с 30 автомашинами, при его участии было взорвано депо станции Киев–1.

При попытке проведения крупного диверсионного акта на Киевской теплоэлектростанции Печенев и возглавляемая им группа попали в засаду, многие были убиты, а он был тяжело ранен и длительное время в тяжелом состоянии находился на одной из конспиративных квартир. При попытке захвата его гестаповцами он, будучи прикован к постели, отстреливался до последнего патрона и затем застрелился.

Киевщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Киев, 1963. С. 215–224.

Доклад о состоянии разведывательной службы в объединенных партизанских бригадах тов. Емлютина на 25 декабря 1942 г

Не позднее декабря 1942 г. Штабу объединенных партизанских бригад тов. Емлютина поставлены следующие основные разведывательные задачи:

1. В основу всей разведывательной службы положить приказ товарища СТАЛИНА № 00189.

2. Создать широкую агентурную сеть в районах действия партизанских бригад, уделив особое внимание созданию агентуры в районах: Брянск, Орджоникидзеград, Жиздра, Навля, Локоть, Севск, Хутор Михайловский, Новгород—Северский, Почеп, Трубчевск, Стародуб.

3. Взять под контроль железные и шоссейные дороги: Брянск — Орел — Брянск — Льгов, Гомель — Брянск, Унеча — Хутор Михайловский с целью систематического наблюдения за перевозками живой силы и техники противника.

4. Установить наличие и строительство оборонительных сооружений по р. Десна.

5. Сбор и обработка сведений военно—политического и экономического характера.

6. Добыча документации противника (приказы, распоряжения военного командования и административных властей, паспортов, печатей, справок, пропусков и других документов, могущих служить правом на проживание и передвижение).

Агентурная обстановка вполне благоприятствует для выполнения этих задач и характеризуется следующими возможностями:

а) Основная масса населения оккупированных районов предана партии и Советскому правительству, симпатизирует партизанам и уверена в победе Красной Армии над оккупантами;

б) Рост брожения, разложения в рядах изменников родины (старост, полиции, солдат немецко—русских частей);

в) Многие партизаны имеют родственные и прочие связи с местным населением.

Все это создает необходимые условия для насаждения широкой агентурной сети из числа советских граждан оккупированных районов, полицейских, солдат, руководителей органов самоуправления.

Организации связи партизанских бригад с их агентурой способствует отсутствие сплошного фронта, а отсюда имеется возможность

проникновения вербовщиков, связников в тыл противника.

Разведывательный аппарат

На 25.12.42 во всех бригадах имеются зам. командиров бригад и отрядов по разведке. Кроме того, при объединенном штабе т. Емлютина создан разведывательный отдел, а при каждой бригаде введены должности пом. начальника по агентурной и войсковой разведке.

Основной руководящий состав командиров—разведчиков, начиная от зам. командиров бригад по разведке, почти впервые на этой работе, следовательно, не имеют опыта разведывательной работы, но все же большинство из них активно включаются в работу и стараются добросовестно выполнять возложенные на них задачи. К таким командирам относятся: начальник разведотдела штаба объединенных бригад — капитан Лопатин, помощники начальников штабов по агентурной разведке бригад: «За власть Советов» — т. Юрченко и бригады «Смерть немецким оккупантам» — т. Кадиновский.

Планирование разведывательной работы

В вопросах ведения и планирования разведывательной работы в партизанских бригадах до сих пор не ликвидирован хаос, отсутствует единое руководство. Разведкой занимаются: партизанские отряды, УНКВД по Орловской области, 4-е Управление НКВД СССР и разведотдел Штаба Брянского фронта.

Казалось бы, при наличии таких разведывательных органов дело разведки должно быть поставлено так, как это требует приказ товарища Сталина, но на самом деле ни один из этих самостоятельно действующих органов разведкой по сути дела не занимается, а только мешают друг другу. В основном разведка зиждится на партизанских бригадах, а все остальные органы занимаются перехватыванием и присваиванием всеми путями разведанных, добываемых партизанскими бригадами, иначе говоря, крадут сведения. Каждый орган, не проверив данные, стремится как можно скорее передать их своим начальникам, в результате чего донесения часто вызывают большое сомнение.

Никакой взаимной информации и контакта в работе между существующими разведорганами в партизанском краю нет. Каждый орган стремится занять главенствующее положение. Без вмешательства Центрального штаба партизанского движения в дело организации ведения разведки в партизанских отрядах существующая там до сих пор неразбериха в этом вопросе не будет ликвидирована.

На декабрь месяц штабом объединенных бригад поставлены каждой бригаде конкретные задачи по разведке. Бригады, в свою очередь,

поставили задачи отрядам.

Планирование же работы в разрезе стоящих задач как в штабах бригад, так и в штабах отрядов отсутствует, а поэтому руководство со стороны зам. командиров бригад, отрядов по разведке идет стихийно.

Командиры—разведчики штабов редко бывают в отрядах, ограничиваясь бумажным руководством.

Не все еще зам. командиров бригад по разведке и разведчики занимаются непосредственно подбором, обучением и вербовкой агентуры, возложив эти функции на отряды.

Состояние агентурной работы

На 25.12.42 агентурная связь создана в следующих населенных пунктах в тылу противника: г. Брянск — 70 агентов, г. Карачев и прилегающие к нему села — 16 человек, д. Супонево — под Брянском — 3 чел., станция Палужье — 1 чел., Навля — 2 чел., Локоть — 1 чел., Комаричи — 6 чел., Севск — 2 чел., прилегающие к нему села — 8 чел., Суземка — 1 чел., Середина—Буда — 11 чел., Жихов — 1 чел., Сагутьево — 2 чел., Трубчевск — 1 чел., Погар и прилегающие к нему села — 3 чел., Почеп — 1 чел., Унеча — 1 чел. Всего имеется 121 агент, из них: работающих в райуправах — 12, старост и работников сельских обществ — 4 чел., полицейских — 9, учителей — 2, железнодорожников — 10 чел.

Агентура в г. Брянске, созданная отрядом Дука, требует тщательной чистки, так как значительная часть ее была связана с провокатором Семеновым.

Наряду с имеющейся агентурой в г. Брянске создается параллельная агентурная сеть.

Анализируя состояние агентурной разведки, можно сделать вывод:

1. Общее количество агентов вполне позволяет получать достаточно разведывательных данных о противнике. Агентурная сеть создана в основных населенных пунктах противника, но связь с ней осуществляется нерегулярно. Руководство агентурой слабое. Разведывательные данные поступают медленно, поэтому теряют иногда свою ценность.

2. Мало агентов в органах самоуправления, в полиции, на ж.—д. транспорте, предприятиях и совсем отсутствуют в органах гестапо, при руководителях политических и административных органов.

3. Слабо налажен контроль за перевозками противника по ж.д. и шоссейными дорогам.

4. Организация специальных диверсий на военных объектах через имеющуюся там агентуру совсем не проводится.

Редко применяются разведывательные комбинации по разработке,

вербовке видных военных, политических руководителей противника или же их истребление.

Подбор, обучение агентурных разведчиков (вербовщиков, связников, маршрутных агентов) не на должной высоте, и эта категория разведчиков редко используется. Основная причина — слабая агентурная подготовка самих работников разведывательных отделений бригад и зам. командиров по разведке.

Положительной стороной агентурной работы является то обстоятельство, что с введением при каждой бригаде должностей зам. командиров бригад по разведке, создание разведывательных отделений при штабах бригад положили конец существовавшим до сих пор неразберихе, обезличке в организации и руководстве агентурной разведкой. Можно полагать, что агентурная разведка будет налажена в духе предъявляемых к ней требований. Большинство руководящего состава командиров — разведчиков активно включаются в работу.

В лучшую сторону по агентурной разведке выделяются бригады: «За власть Советов», 2-й Курской имени Дзержинского, имени Щорса. Совсем еще не налажена агентура в бригадах имени Сталина и в отдельном отряде им. Ворошилова № 2.

Состояние войсковой разведки

Этому виду разведки до создания бригад мало уделялось внимания. Не осуществлялся основной принцип разведки — непрерывность. Разведка велась от случая к случаю.

Штабы отрядов пренебрежительно относились к организации наблюдения за противником. В результате большинство отрядов не знали точного расположения противника, его сил и намерений. Захват контрольных пленных также редко практиковался.

С организацией бригад ведение войсковой разведки значительно улучшилось. Каждая бригада имеет определенные полосы и ответственные направления для войсковой разведки.

Организовано ежедневное представление разведывательных данных штабами бригад в штаб. Периодически с целью уточнения расположения противника, установления нумерации его частей организуют захват «языка». Так, за первую половину декабря месяца на различных участках путем организации поисков захвачено 15 солдат противника, не считая полицейских. Кроме того, благодаря данным агентурной и войсковой агентурной разведки, многие отряды произвели ряд успешных операций по разгрому полицейских гарнизонов, станций, в частности ст. Комаричи, село Ивановское, г. Погар.

Для ведения войсковой разведки при каждом батальоне и отряде имеется отделение пеших разведчиков (10–15 чел.). Качественный подбор разведчиков еще в полной мере не может быть признан хорошим, особенно низка их подготовка.

Сведения разведки не обобщаются, не проверяются и нередко искажаются, а иногда бывают ложными.

Задачи разведывательным подразделениям, как правило, ставились без указания срока работы, в результате чего разведчики, увидев части противника, не стремятся непрерывно следить за их движением, поведением, а немедленно возвращаются в свою часть.

Информационная работа, сбор и обработка документов

Все разведывательные данные от штабов бригад поступают в штаб объединенных бригад в виде разведывательных сводок и донесений. Большое удаление многих бригад от объединенного штаба (30–50 км), отсутствие при этом радиосвязи и подвижных средств затрудняют своевременную доставку разведданных, отчего зачастую они поступают с большим опозданием и теряют свою ценность.

Разведывательные сводки штабами бригад составляются, но разведывательные сведения должным образом не анализируются и не обобщаются. Дополнительные задачи по разведке, исходя из разведданных, ставятся не совсем целеустремленно. Слабо изучаются, добываются и обрабатываются сведения политико—экономического характера.

Отчетные карты ввиду отсутствия карт не ведутся.

Следует отметить, что по сравнению с летним периодом штабы значительно упорядочили сбор, обработку разведданных и документации, повысив в этом отношении ответственность. Прделана большая работа по добыче через агентуру документации, могущей служить правом на жительство и передвижение разведчиков.

Состояние контрразведывательной работы

Контрразведывательной службой занимаются исключительно особые отделы, которые подотчетны только УНКВД Орловской области.

Штабы бригад этим видом разведки не занимаются, так как совершенно нет квалифицированных командиров, которые могли бы выполнить эту задачу. При наличии особых отделов при штабе объединенных бригад и при каждой бригаде вполне достаточно этих органов для ведения контрразведывательной работы, тем более что особые отделы уже имеют широкую контрразведывательную сеть как внутри партизанских отрядов, так и в тылу противника.

Итоги работы представителей Брянского штаба партизанского

движения

а) Проведена проверка состояния разведывательной службы в большинстве бригад.

б) Проведен инструктаж с зам. командиров бригад по разведке и начальниками разведывательных отделений по организации и ведению разведки. На местах давались советы и указания.

в) Под руководством представителей была организована разведка районов Глинное, Нивки, Заложье, Салтановка с целью установления силы противника, его огневой системы для проведения операций партизанскими отрядами по захвату и уничтожению противника в этих пунктах.

Кроме того, представители сами принимали непосредственное участие в проводимых партизанами операциях, в частности капитан Толочко принимал участие в разгроме штаба батальона полка «Десна». В этой операции были захвачены ценные приказы противника.

Общий вывод о состоянии разведывательной работы и о необходимых мероприятиях по ее активизации

1. По сравнению с летним периодом разведывательная служба в партизанских бригадах имеет некоторое улучшение, но все же еще недостаточно развернута и ни в коей мере не удовлетворяет требованиям, предъявляемым приказом товарища Сталина № 00189.

Основной причиной этому является отсутствие в бригадах хорошо подготовленных и опытных командиров—разведчиков.

2. Для активизации всей разведывательной службы необходимо провести следующие мероприятия:

а) Подготовить за счет школы Центрального штаба партизанского движения 10 человек командиров—разведчиков и направить их на должности зам. командиров бригад по разведке для руководства и обучения остального состава разведчиков.

б) С целью систематического контроля и оказания помощи бригадам при штабе объединенных бригад постоянно иметь представителя штаба партизанского движения.

в) В кратчайший срок через Центральный штаб партизанского движения снабдить штабы партизанских бригад необходимой документацией и экипировкой (гражданская одежда) для переброски и легализации агентов, вербовщиков, маршрутных агентов и связников.

г) Для ускорения получения разведывательных данных Брянским штабом партизанского движения и штабом объединенных бригад все бригады обеспечить радиосвязью.

д) Создать при каждой бригаде фонд для агентурной разведки (соль,

табак, мыло и другие дефицитные товары).

Из—за отсутствия специальной аппаратуры партизанскими бригадами не применяется очень важный вид разведки — подслушивание телефонных разговоров противника. К тому же имеются большие возможности. Так, например, бригада «За Родину» расположена недалеко от узла связи Докотского военного округа, связывающего его с Брянском, Орлом, с Навлей, Комаричами, Севском. Кроме того, в Докотье, Навле противник сосредоточил до дивизии пехоты и имеются штабы 102-й п.д. и бригады русско—немецких войск.

Имеется также возможность подслушивания телефонных разговоров Навлинской группировки противника с полком «Десна». Два телефонных провода этих группировок проходят по лесу, контролируемому партизанами.

Необходимо снабдить штабы бригад специальной аппаратурой для подслушивания телефонных разговоров.

Приложение: заявка на изготовление документации и их образцы.

ЗАМ. ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЦШПД на Брянском фронте подполковник
Горшков

Архив С. С. Бельченко.

Докладная записка. О частичном провале агентурной сети в городе и на ж.—д. узле Брянска

Секретно

В конце октября с. г. УНКВД по Орловской области были арестованы как подозреваемые в причастности к гестапо братья Семеновы Олег и Серафим, являвшиеся резидентами в партизанском отряде тов. Дука. В процессе следствия установлено:

Семенов Серафим Иванович, рождения 1903 года, сын бывшего купца и члена Городской Управы г. Брянска, член ВКП(б), к началу военных действий работал в Луганском районе Житомирской области.

Имея задание Луганского РКП(б) остаться в качестве командира партизанского отряда на месте, Серафим после оккупации района немцами бежал оттуда и прибыл в г. Брянск, в дом своего брата Олега, 15.10.41 г., когда город был также оккупирован немцами.

Его брат — Семенов Олег, рождения 1909 г., находясь в Красной Армии на должности нач. связи 325-го арт. полка, попал в сентябре 1941 г. в районе города Золотовска в окружение, из которого вышел переодетым в

гражданское платье и прибыл в г. Брянск, застав там Серафима. По пути следования, в Полтавской области был задержан немцами, но якобы бежал из спецлагеря на вторые сутки.

Оба брата, имевшие, по их словам, целью пробраться в Москву (что вызывает, естественно, сильное сомнение), изменили свое намерение, решив работать в каком—либо местном партизанском отряде. Необходимо отметить, что это их решение совпало со временем наступления Красной Армии, прихода которой жители Брянска ожидали со дня на день.

20.11.41 г. они связались, через своего племянника—партизана Семенова Василия, с Брянским городским партизанским отрядом. Сам Семенов Василий незадолго до того бежал из немецкого плена.

Олег и Серафим оставались в Брянске, работали по выполнению различных заданий командования партизанского отряда. В связи с провалом подготовки взрыва Брянской городской Управы оба брата в феврале с. г. попадают в гестапо, а 1.03. с. г. якобы совершают побег из Брянской тюрьмы. Правдоподобность нарисованных ими обстоятельств побега вызывает серьезное сомнение. Заслуживает внимания также и то обстоятельство, что при допросе Олега немецкий офицер недвусмысленно дал ему понять о выгоде его работы в пользу немцев. Немец, вероятнее всего, не ограничился произнесением по этому вопросу лишь одной фразы.

Под предлогом поисков Брянского партизанского отряда Серафим и Олег оказываются почему—то в противоположной от места нахождения этого отряда стороне — в районе деятельности Орджоникидзеградского отряда тов. Виноградова — и партизанами последнего задерживаются 4.04. с. г. После устного допроса Олега и Серафима тов. Виноградов пришел к выводу о необходимости их расстрела, но под влиянием сотрудников Орловского Отдела НКВД Суровягина и Недосекина согласился на использование задержанных в качестве агентурных разведчиков.

Выполнять свое агентурное задание оба брата были вновь посланы тов. Суровягиным и Недосекиным в Брянск и, на вербовав агентуру, работали в качестве резидентов.

18.06. с. г. Серафим и Олег вновь арестовываются гестапо, но через 15 дней, по их словам, освобождаются (несмотря на то что явно бросающаяся в глаза подложность их паспортов была доказана в процессе следствия) и уходят в партизанский отряд тов. Дука.

В конце июля с. г. тов. Дука назначает Серафима своим заместителем по разведке и передает на связь обоим братьям почти всю агентуру по Брянску.

Вскоре после этого по району Брянска последовали массовые провалы

агентуры при следующих обстоятельствах.

В начале августа 1942 г. с нашим агентом Егоровым П. в театре завел разговор неизвестный, отрекомендовавшийся в качестве лица, связанного с партизанскими отрядами, и попросивший у Егорова помощи в агентурной работе. Легко поддавшись на провокацию агента гестапо, Егоров дал согласие на встречу с якобы доверенным лицом партизанского отряда, которого и пообещал познакомить со своим товарищем — Гришиным.

На явку в условное место Гришин опоздал, а Егоров, встретившись с представителем партизанского отряда — женщиной, дал ей согласие работать в агентурной сети, одновременно рассказав, что он уже работал в этом направлении совместно с тов. Маркиным и Гришиным.

Тов. Гришин, явившись и увидев Егорова с женщиной, известной ему как агент гестапо, ушел незамеченным.

В 20 числах августа в доме наших агентов: жены Маркина и ее матери — Брылевой (сам Маркин незадолго до этого умер) полиция произвела тщательный, но безрезультатный обыск, во время которого полицейские расспрашивали о месте нахождения Егорова. В ту же ночь был арестован Егоров и Гришин. Последний, по его словам, упорно отрицавший предъявленные ему обвинения в связи с партизанами, через некоторое время был освобожден. За домом Маркиной и Брылевой и за ним по месту работы было установлено через уличного старосту и администрацию предприятия наблюдение.

Спустя несколько дней с женой Маркина заводит знакомство следователь сыскного отделения полиции Жуковский, которому Маркина проговаривается о своей связи с нашим агентом Федюшиной, а также двумя агентурными разведчиками партизанского отряда — Анатолием и Серафимом.

Вслед за этим на место прежней службы Федюшиной явился неизвестный, оказавшийся агентом полиции, и, узнав, что Федюшина с работы уволена, встретился с работавшей там же ее сестрой. Ей он сообщил, что прибыл из Москвы по делам партизанских отрядов и с задачей организовать агентуру в г. Брянске. Поскольку сестра Федюшиной не была в курсе агентурной работы, попытка гестаповцев выяснить пароли нашей агентуры оказалась безрезультатной. Прощаясь, он оставил сестре Федюшиной вымышленный пароль.

При обыске на квартире Федюшиной нашли записку, адресованную связанному с ней агенту Сафонову, послужившую поводом для ареста их обоих. На одном из допросов Федюшиной было предложено работать в пользу полиции, а через нашу агентуру ей передано, чтобы она дала

согласие.

Вслед за этим были арестованы, после вторичного тщательного (и опять безрезультатного) обыска, Маркина и Брылева. Обыск и арест производили полицейские, Жуковский и женщина, спровоцировавшая Егорова.

После ареста этой группы агентов были произведены:

- а) смена всех паролей,
- б) персональный, тщательный инструктаж всей агентуры,
- в) временная консервация части агентуры, в результате чего дальнейшие аресты прекратились.

Спустя несколько недель на квартиру нашего агента Батюка явились двое в рабочей одежде, заявившие о себе как о партизанах, потерявших связь с отрядом и имеющих настоятельную необходимость идти в партизанский отряд, спасаясь от полиции. В подтверждение своих слов оба показали партбилеты и партизанские удостоверения.

Когда провокаторы вместе с Батюком, согласившимся указать им дорогу в партизанский отряд, вышли из дому, их тут же арестовала полиция.

Батюк был помещен в общую с одним провокатором камеру. Тот упорно продолжал вести с ним разговор о партизанском движении, о своей преданности родине, о надежде выйти из тюрьмы — при содействии знакомых ему влиятельных лиц, и все же добраться до партизанского отряда. Приняв все за чистую монету, Батюк выдал, как руководителя одной из партизанских групп, тов. Обухова, как знающего дорогу к партизанам — тов. Иванова и, как связиста, Кулика И. Одновременно с арестом Батюка были арестованы наши агенты Сафронова и Ципеляева — ввиду их частых посещений квартиры Батюка, поводом для подозрений которого могло явиться его неосторожное, с точки зрения агента, поведение:

- а) частые случаи невыхода на работу (до 4 дней в неделю) без разрешения немецкой администрации;
- б) частые уходы из дома после работы;
- в) бесцельные и частые хождения к товарищам, находящимся на подозрении у оккупантов;
- г) систематические покупки на базарах на большие суммы — при своем скудном заработке;
- д) устройство в своем доме вечеринок с выпивками, угощениями, карточных игр и прочее.

Вслед за Ципеляевой были арестованы супруги Степановы, на

квартиру которых Ципеляева ходила за почтой. На допросах Степанов предъявленное ему обвинение в содержании явочной квартиры категорически отрицает, несмотря на то что ему были объявлены фамилии партизан, пользовавшихся у него ночлегом. От поведения Степанова будет зависеть исход дела с проверкой в агентуру полиции указанной выше Федюшиной.

13 сентября к жене Обухова явились двое, попросив от имени находящегося на работе ее мужа выдать «для дела» листовки — что она и выполнила. Вечером того же дня Обухов был арестован на улице, когда шел к Иванову, имея при себе письменное агентурное донесение. Жена Обухова на допросе показала, что у них постоянно хранились листовки и газеты (о хранившемся в доме оружии она не знала), а также описала приметы ряда партизан, их посещавших. Вследствие этого она получила право на передачи мужу и свидания с ним. Поведение на допросе самого Обухова установить не удалось.

Предупрежденный своевременно об аресте Обухова и необходимости скрыться Иванов должного значения этому не придавал и на другие сутки был арестован у себя на квартире, причем при обыске у него были найдены две мины замедленного действия. Находившемуся с ним на квартире сыну Кулика — Ивану удалось бежать к партизанам.

Непосредственно перед этим был арестован, после безрезультатного обыска в квартире, Алексей Кулик. Вслед за ним — связанный с Обуховым наш агент Ерохин, освобожденный через две недели.

Агент Седнев, которого поместили на квартире двое из гестапо (под видом посланных от Семенова), дал им сведения о зенитной обороне города Брянска. Дальнейший результат этого дела неизвестен.

Далее, у нашего агента Зезалкина две девушки — агенты полиции безрезультатно пытались установить подробности о его связях и образе жизни.

Аналогичным образом полиция поступила в отношении наших агентов Лебедева и Сиваковой. Он остался работать на месте, а Сивакова выведена, в связи с подозрением, в безопасное место.

Арестовывались также, но через несколько дней были освобождены, наши агенты Васильев и Добряк. Обоим при освобождении было предложено немедленно сообщать в полицию в случае появления кого—либо из партизан.

Эти провалы рассматриваются нами в первую очередь в непосредственной связи с делом Семеновых, хотя на следствии они свою причастность к гестапо отрицают и, ведя себя на допросах крайне

осторожно, тщательно обдумывают свои ответы следователю.

Наряду с тем, расшифровке агентов способствовали заметным образом и обстоятельства, вытекающие из наших недостатков в области агентурной работы.

Последние же частично могут быть объяснены отсутствием опыта у подавляющей части агентов и работников, ими руководящих.

Наши мероприятия в этой связи сводятся, в основном:

а) Консервация всей агентуры, имеющей прямую или косвенную связь с изложенными выше фактами, а равно бывшей на связи с агентами — двойниками Семеновыми или известной последним по другим причинам;

б) Организация агентурного обслуживания агентуры, освобожденной после ареста полицией (Ерохина, Васильев, Добряк и другие), для установления фактов возможного двойничества;

в) Персональному тщательному инструктажу агентуры — с использованием, в отвлеченной форме, примеров настоящего дела; соответствующему инструктажу всего состава, руководящего агентурной работой.

г) Выполнению плана насаждения новой агентуры в районе деятельности отрядов тов. Дука (где изложенные выше провалы имели место [...]).

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 909. Л. 90–92 (об.).

Копия

Сов. секретно

Начальнику белорусского штаба партизанского движения тов. Калинину П. З. Докладная записка (По вопросу постановки агентурной работы в немецких гарнизонах за период с 5 июня по 1 ноября 1943 года)

Составлено 30.10.1943 г.

Всего в немецких гарнизонах имеем агентуры 47 человек, из них за период с 5 июня по 1 ноября 1943 г. завербовано 43 с/о, кроме того, восстановлена связь с 2 с/о, завербованными в 1942 г., и с 2 с/о, завербованными также в 1942 г. Связь прервана из—за того, что они находятся в гарнизоне Старое Сиротино и возможности для встречи нет.

За этот же период времени гестапо схвачено и заключено в концентрационный лагерь 3 с/о: «Гаврилов», «Крупеня» и «Бирюков»; перешли в партизанские отряды, так как дальше оставаться было

невозможно, могли быть схвачены гестапо, 4 с/о: «Вася», «Грозный», «Женя» и «Ольга».

Таким образом, за отчетный период времени имеем с/о 40 чел.

За отчетный период через агентуру из немецких гарнизонов было переведено: добровольцев, полицейских и военнопленных 46 чел., разоблачено немецких шпионов и гитлеровских мерзавцев 11, один из них террорист, имевший задание от гестапо — убить секретаря Сиротинского РК КП(б)Б — комиссара бригады им. Ленина тов. Сипко.

За указанный выше период через агентуру проведена следующая диверсионная работа:

1. 3.8.43 г. на с. Оболь с/о «Васей» была взорвана электростанция, питающая электротоком гарнизон, заводы: кирпичный, льнозавод, ж.—д., станцию и др. объекты.

2. Им же в этот день путем подкладки магнитной мины были сожжены:

а) Льнозавод, перерабатывающий льнотресту, привозимую из Калининской и Смоленской областей для военных нужд. Во время пожара сгорело импортное оборудование.

б) Кирпичный завод, переведенный немцами из Витебска, с суточной производительностью в 10 тыс. шт. кирпича.

3. Источником «Крупеня» также 3.8.43 г. путем взрыва магнитной мины подорван мотовоз, перевозивший торф из болота на погрузочную площадку завода.

4. С/о «Бирюковым» 15.7.43 г. на с. Оболь путем подкладки магнитной мины было сожжено: склад с льноволокном в количестве 20 тонн, готовым для отправки в Германию, и склад с хлебом, где сгорело и испорчено до 10 тонн хлеба.

5. Он же, с/о «Бирюков», 23.8.43 г. на ж.—д. ст. Оболь путем закладки магнитной мины с дополнительным зарядом тола поджег склад с хлебом, в результате сгорело до 150 тонн ржи.

6. 15.8.43 г. с/о «Женя», работая поваром у немцев в п. Оболь, заложила двуокись ртути в котел с целью отравления, но так как двуокись ртути была недоброкачественной, то 24 ч. немцев тяжело болели в течение суток, жертв не было.

7. В порядке выполнения вашего приказа о взрыве водокачки на ж.—д. ст. Оболь, охрану которой несли добровольцы, нами с/о «Гаврилову» и «Бирюкову» было дано задание вступить в добровольческий отряд с целью осуществления диверсионного акта.

13.8.43 г. «Гаврилов» и «Бирюков» были зачислены добровольцами в

отряд, а 28.08.43 г. «Гаврилов» путем подкладки магнитных мин и дополнительных зарядов тола (2) взорвал паровой котел. Таким образом, водокачка была выведена из строя.

8. 27.8.43 г. через Оболь из Полоцка в Витебск проезжал командующий медицинской службы Витебского округа орто—доктор генерал с врачом и денщиком. Во время остановки в Оболи с/о «Крупеней» в машину была подложена магнитная мина, в результате чего машина, дойдя до кирпичного завода п. Оболь, взорвалась, генерал, шофер, врач и денщик убиты.

9. 20.08.43 г. с/о «Бирюковым» в п. Оболь была подложена магнитная мина к грузовой автомашине с живой силой, шедшей из Полоцка на Витебск. Машина около м. Шумилине взорвалась, в результате убито 12 и ранено 7 немцев.

10. С/о «Петро» на ж.—д. станции Оболь 23 июня 1943 г. путем подкладки магнитной мины под ж.—д. состав с бензином учинил взрыв, произошел пожар эшелона, весь состав в 24 вагона с бензином и боеприпасами сгорел, во время пожара погибло до 24 немцев.

11. С/о «Гаврилову» 4.7. путем подкладки термитного шара удалось сжечь деревянный мост между Пущей и торфозаводом, через который производился вывоз готовой продукции к ж.—д. станции Оболь. Движение было прекращено на сутки.

12. Источником «Валя» была запечена магнитная мина в хлеб и пронесена таким образом на Обольский торфозавод. 15.9. «Валя» эту Магнитку подложила под агрегат по добыче торфа, в результате взрыва агрегат выведен из строя.

13. Источником «Вася» при содействии своей матери в п. Оболь 16.9.43 г., путем закладки магнитной мины, был учинен пожар дома, во время которого сгорела немецкая полевая радиостанция.

14. 2.10.43 г. с/о «Орешко» путем подкладки магнитной мины под автомашину в м. Шумилино был учинен взрыв. Убито 2 немца и ранена женщина, находящаяся в кузове.

15. 5.10.43 г. «Орешко» также в м. Шумилино была подложена магнитная мина под автомашину. Результаты неизвестны, ибо машина вскоре, как была подложена мина, ушла на Витебск.

16. Источником «Герман» 10.10.43 г. в м. Сиротино была подложена магнитная мина под грузовую машину. В результате взрыва машина выведена из строя, жертв нет.

17. Также источник «Герман» 17.10.43 г. на ж.—д. станции Ловша подложил магнитную мину в топку паровоза. В результате взрыва паровоз

выведен из строя — жертв нет.

18. При содействии источников «Герман» и «Орешко» в ночь с 21 на 22 октября спецгруппой комсомольского взвода 4 и отряда нашей бригады был пущен под откос эшелон противника, в результате разбит паровоз и 15 вагонов.

Диверсионная работа через агентуру могла быть значительно большей, но отсутствие взрывчатки не дает возможности осуществить это. В настоящее время не имеем ни одной Магнитки и ни грамма тола.

Через агентуру нами также добываются различные разведданные, которые вам докладываются как через радиogramмы, так и в докладных записках.

Из общего числа агентуры представлено к правительственной награде 4 человека: «Герман», «Вася», «Ольга» и «Петро». В ближайшее время будут представлены с/о «Гаврилов», «Бирюков», «Крупеня». По линии командования объявлена благодарность с/о «Орешко», «Васе» и «Тане».

Командир бригады им. Ленина /Самаркин/

Комиссар бригады им. Ленина /Сипко/

Зам. комбрига бригады по разведке /Полетаев/

30.10.43 г.

Верно: Ст. пом. Нач. Разведотдела БШПД Майор гос. безопасности
Ливанов

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 862. Л. 73–75.

Программа подготовки агентурных разведчиков при спецшколе штаба партизанского движения

Секретно

Утверждаю

Начальник Брянского штаба партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта ст. майор госбезопасности /Матвеев/

Организационные указания.

Расчет часов по дисциплинам:

1. Политическая подготовка — 6 часов
 2. Специальная подготовка — 50 часов
 3. Военная подготовка — 30 часов
 4. Санитарная подготовка — 4 часа
 5. Резервное время — 10 часов
- всего — 100 часов

Основной задачей в подготовке агентурных разведчиков является:

а) подготовить беззаветно преданного делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине разведчика, готового самоотверженно и самостоятельно выполнять поставленные перед ним задачи в сложной боевой обстановке;

б) в совершенстве овладевшим методами агентурной работы и конспирации в тылу противника. Знающего организацию фашистской армии и ее вооружение, хорошо знающего агентурную обстановку на территории врага.

Раздел I. Политподготовка (по программе школы)

Раздел II. Специальная подготовка

Целевая установка: разведчик должен знать:

а) цели и задачи разведки, основные требования к разведке. Требования, предъявляемые к разведчику;

б) методы и способы добывания сведений о противнике;

в) административно—политическое устройство на территории, временно оккупированной немцами, и полицейский режим.

Тема № 1. Разведка

2 часа. Цель и задачи разведки в военное время. Виды разведок (войсковая, агентурная, политическая и т. д.), основные требования, предъявляемые к разведке (непрерывность, целеустремленность, достоверность и своевременность доставленного донесения).

Тема № 2. Основные понятия об агентурной разведке

2 часа. Цель агентурной разведки, классификация агентурных работников (резидент, осведомитель, маршагент, связник, вербовщик, хозяин конспиративной квартиры) и задачи каждого из них в отдельности.

Понятие о конспирации, легенде, крыше, явке, конспиративной квартире, пароле, провале, двойнике.

Тема № 3. Задачи агентурной разведки

4 часа. Какие сведения необходимо добывать. На что и как обращать внимание в добывании сведений о противнике: воинские части, их местонахождение, нумерацию, моральное состояние войска, места штабов, аэродромов и признаки их обнаружения. Строительство оборонительных сооружений, дорог, пуск в эксплуатацию разного рода предприятий. Сведения об агентурной обстановке.

Тема № 4. Методы и способы добывания данных о противнике

10 часов. Изъятие в штабах и учреждениях противника приказов, карт, схем, таблиц, наставлений, уставов и т. д. Печать. Радио. Объявления. Опубликованные приказы. Распоряжения. Добывание данных путем

осведомления у местного населения. Личное наблюдение. Подслушивание переговоров при нахождении в кругу разных лиц. Подслушивание телефонных разговоров. Активные и пассивные осведомители. Основные правила при добывании данных: наличие проработанного правила и соблюдение правил конспирации. Дезинформация. Способы проверки достоверности полученных данных.

Тема № 5. Контрразведывательные органы

2 часа. Активация КРО противника в военное время. Задачи КРО противника на временно оккупированной территории. Задачи КРО противника в нашей стране. Методы КРО. Осведомительная сеть КРО противника на временно оккупированной территории: провокаторы, деклассированные элементы, служители религиозного культа, проститутки, двойники. Методы вербовки КРО противника. Преимущество советской разведки перед КРО противника.

Тема № 6. Конспирация

4 часа. Основные методы конспирации. Необходимость конспирации в работе разведчика. Использование опыта работы конспирации нашей партии в период ее подпольной работы. Конспирация своего предназначения, своей фамилии, обращение с документами, записями во время нахождения разведчика на подготовке и правила хранения агентурного материала во время работы на территории противника. Переписка с родственниками и знакомыми. Элементы, гарантирующие конспирацию разведчика: знание агентурной обстановки, легенды, наличие документов, подтверждающих легенду, правила организации конспиративной квартиры, явки, встречи, передачи. Поведение разведчика во время провала и особенно на допросе.

Тема № 7. Агентурная обстановка

10 часов. Элементы агентурной обстановки. Политическое и административное положение на временно оккупированной территории противника. Органы местного самоуправления в городских и сельских местностях. Учет населения и паспортная система: условия проживания, документы, необходимые для проживания и передвижения, удостоверения, пропуска, справки. Режим по отношению к местному населению. Отношение к различным национальностям и различным категориям местного населения, к дезертирам, беженцам, репрессированным, к военнообязанным. Фашистские националистические организации. Религия, торговля и денежное обращение. Режим в прифронтовой полосе.

Тема № 8. Связь

4 часа. Связь — главное в агентурной работе. Требование,

предъявляемое к любому виду связи: своевременность, безотказность, достоверность. Соблюдение конспиративности. Виды связи внутри агентурной точки и вышестоящих органов, радио, связники, устная, личная информация, через связников, самолет, печать, письменный доклад, голуби и светосигналы. Методы осуществления связи: встречи, опознавательные знаки — пароль, явочные квартиры, почтовый ящик.

Тема № 9. Обработка разведанных и порядок составления донесения

4 часа. Основные требования к донесениям. Форма составления донесений: дата, место, час, о противнике, штабах, базах, складах, аэродромах, строительство укреплений, об агентурной обстановке п/р. Решение задач на составление радиодонесений, письменных докладов.

Тема № 10. Методы и способы преодоления линии фронта в военное время разведчика

4 часа. Примеры способов переброски разведчиков иностранными разведчиками в период первой империалистической войны и в настоящее время. Способы преодоления линий фронта: переход линии фронта в районе слабого наблюдения и слабого охранения противника, с разведывательными частями, на танке. Переправа через водную преграду.

Тема № 11. Вербовка

4 часа. Сохранение и соблюдение конспирации при вербовке. Элементы процесса вербовки. Понятие о наводке, активные и пассивные методики. Вербовка по идеологическим мотивам, на почве морального разложения, методом шантажа. Документальное оформление завербованного. Проверка вербуемого на задании.

Раздел III. Военная подготовка

Целевая установка: в результате прохождения программы разведчик должен знать организацию и вооружение германской армии (отделение — пех. дивизия). Уметь определять по внешним признакам штабы, базы, склады, аэродромы, типы самолетов, танков, калибр орудий, по времени прохождения маршевых колонн или их длине — количество войск противника. Умело применять личное оружие в целях самообороны или нападения. Самостоятельно оказывать себе и товарищу неотложную медицинскую помощь.

Тема № 1

16 часов. Организация германской армии (отд. — ПД). Изучение организации и вооружения германской армии. Определение калибров орудий, типов самолетов, бронемашин. Инженерно—оборонительные сооружения и средства химического нападения, применяемые в германской армии. Расположение аэродромов и посадочных площадок и требования,

предъявляемые к ним. Изучение знаков различия в германской армии.

Тема № 2. Парашютное дело

10 часов. Знакомство с парашютом (ПД41). Изучение теории прыжка. Правило приземления с парашютом. Тренировочные занятия на совершение практических прыжков.

Тема № 3. Топография

Основные сведения по топографии. (Изучение местности. Понятие о масштабах, карте, плане. Условные обозначения. Устройство компаса. Ориентирование. Определение сторон света по компасу и др. способом. Понятие об азимуте. Хождение по азимуту). Практические занятия по топографии на местности.

Тема № 4. Огневая подготовка

Изучение матчасти пистолета ТТ, револьвера «наган», оружия иностранных образцов. Гранаты «Ф-1» и «РГД».

Раздел IV. Санподготовка (по программе школы)

Составил нач. инфор. — развед. отдела штаба Партизанского движения Подполковник /Зюряев/

№

О состоянии работы боевой и агентурной разведки партизанских бригад на Волховском и Северо—Западном фронтах.

Обстановка в оккупированных районах Ленинградской области за последнее время коренным образом изменилась. Немецкое командование, чувствуя свою безнадежность положения под Ленинградом, применяет небывалые зверства к мирному населению.

Сжигает их села и деревни, пытается угнать все население в немецкое рабство, вывезти из области хлеб, скот, колхозное и государственное имущество. Против партизан немцы направляют крупные силы карательных экспедиций, разоружают неустойчивые части и гарнизоны, состоящие из солдат РОА.

Местное население оккупированных районов Ленинградской области организует массовое сопротивление против зверских мероприятий врага, пряча от немцев хлеб, скот, имущество, уходит в леса, вливается в партизанское движение. Партизанские отряды, полки и бригады ведут крупные и ожесточенные бои с немецкими захватчиками и организуют

массированные налеты на немецкие военные объекты и гарнизоны.

Соответственно изменившейся обстановки и нового широкого размаха партизанской борьбы изменились методы и характер работы боевой и агентурной разведки.

Все внимание боевой и агентурной разведки в связи с этим направлялось к тому, чтобы днем и ночью непрерывно вести тщательную разведку за передвижением, концентрацией, действиями войск противника, за состоянием его оборонительных сооружений, с тем чтобы командование Ленинградского, Волховского и бывш. Северо—Западных фронтов имело возможность принимать своевременно соответствующие меры.

Внимание разведки также направлялось на разведывание численного состава армейских гарнизонов, их обороны, карательных отрядов и их передвижения, состояния охраны железнодорожных, шоссейных дорог и других стратегических объектов, с тем чтобы дать возможность командованию партизанских бригад принять правильные решения в деле организации разгрома карательных групп и гарнизонов, производства налетов на железнодорожные станции и другие объекты противника. Также одной из основных задач боевой и агентурной разведки было — разложение частей и отрядов РОА и работа с военнопленными, находящимися в лагерях.

1. Работа боевой агентурной разведки партизанских бригад Волховского фронта,

За последнее время работа боевой и агентурной разведки в партизанских бригадах Волховского фронта значительно улучшилось. Опергруппа ДШПД на Волховском фронте (пом. уполномоченного ДШПД по разведке капитан т. Барыгин) подготовила и послала во все подразделения партизанских бригад квалифицированных, прошедших специальную подготовку, заместителей командиров по разведке.

Кроме того, в партизанские бригады с августа месяца заброшены 11 разведывательных групп численностью 69 человек и 8 агитгрупп по 3–4 человека в каждой, имеющих одновременно задачи по разведке.

Как правило, во всех нас. пунктах в районах действия партизанских групп, отрядов, полков и бригад имеется агентурная сеть. Так, например, отряды Волоуева, Зверева, Лучина имеют 11 агентов в нас. пунктах, непосредственно прилегающих или расположенных на Варшавской ж. д. Полки Чебыкина и Егорова имеют 42 агента в крупных нас. пунктах. Бригада т. Корицкого имеет агентуру во всех основных населенных пунктах своего района действий, в том числе: в н. п. Дно, Сольцы, Струги Красные, Уторгош, Б. Уторгош, Гордище, Николаево, Лудони, Батецкая и

др.

Боевая и агентурная разведка, с каждым днем улучшая свою работу, имеет следующие результаты боевой деятельности. За 5 месяцев работы разведано и установлено: 156 гарнизонов противника, 19 полевых и дивизионных штабов, 18 разных складов.

Установлено местонахождение 18-ти аэродромов и посадочных площадок. Установлена нумерация частей и соединений: 132 ПД, 285 ПД, 322 ПД и 24 ПД.

Установлены оборонительные сооружения по рекам: Кереть, Оредж, в районе н. п. Оредж, по р. Великой у городов Псков и Сольцы, по реке Луга, на р. Шелонь в Красногвардейском районе, а также оборонительные сооружения г. Луга. Велось наблюдение по установлению характера воинских перевозок на ж.—д. участках: Луга — Батецкая, Красногвардейск — Луга, Псков — Луга, Ленинград — Новгород, Ленинград — Дно.

Агентура и разведчики ведут работу по разложению вражеских гарнизонов и частей РОА. В результате самоотверженной и настойчивой работы агентов и разведчиков многие вражеские гарнизоны разложены. Солдаты РОА уходят от немцев в леса на соединение с партизанами и частями Красной Армии. Также под действием работы разведчиков и агентов большинство военнопленных и рабочих из немецких трудлагерей разбегаются и переходят к партизанам. Так разбежался полностью Городецкий трудлагерь. Комендант лагеря обер—ефрейтор Весс Герман перешел к партизанам с группой 18 человек, 6 человек из которых пришли с оружием.

Выполняя по—боевому любые поручения командования, разведчики и агентурные работники в своих рядах насчитывают десятки боевых, имеющих всеобщее партизанское уважение товарищей.

Партизаны 11-й бригады заслуженно гордятся боевым разведчиком тов. Рогозиным. Рогозин Иван Яковлевиич — боец партизанской бригадной разведки, комсомолец, в партизанах находится с февраля 1942 года. По—боевому и честно всегда выполняя поручение командования, тов. Рогозин, наряду с основной своей работой по боевой разведке, имеет на счету два спущенных под откос вражеских эшелона, 30 уничтоженных гитлеровцев. Проводя большую массово—политическую работу среди населения, он в 4 деревнях Уторгошского и Лужского районов создал 4 партизанские группы. Более 30 человек вовлечено им в партизаны из солдат РОА.

Боевым и смелым разведчиком, пользующимся общим уважением всех партизан 5-й бригады, является т. Соколов Дмитрий, имеющий на своем счету около 200 уничтоженных Фрицев. За образцовое выполнение боевых

заданий тов. Соколов награжден орденом «Красное Знамя». Мятлев Георгий Константинович, комсомолец, в партизанах с 1 мая 1942 года, участник нескольких десятков боев, 120 раз ходил в боевую разведку и всегда доставлял ценные сведения. На его счету 80 уничтоженных гитлеровцев. За находчивость и храбрость награжден часами и командованием бригады представлен к правительственной награде.

2. Работа боевой и агентурной разведки партизанских бригад на Северо—Западном фронте.

Новая обстановка и возросший размах партизанской деятельности в оккупированных районах зоны Северо—Западного фронта неизбежно вызвали рост и необходимость улучшения работы по разведке.

Командование опергруппы ЛШДП при Северо—Западном фронте (пом. Уполномоченного ЛШПД по разведке майор т. Буйнов) и партизанских бригад за последнее время особо обратили внимание на рост численного состава боевой разведки и агентурной сети, обучение молодых кадров и повышение требовательности в работе от каждого разведчика и агента.

В результате ожесточенных боев партизан с крупными карательными отрядами в сентябре — октябре и ноябре месяцах партизанские бригады потеряли в этих боях много хороших и опытных разведчиков и агентов. Так, 3-я партизанская бригада только за сентябрь и октябрь м—цы потеряла 50 чел. боевых разведчиков и до 25 чел. агентов.

Командование партизанских бригад в деле укрепления и поднятия работы по разведке на высоту, соответствующую возросшим требованиям, новые кадры по разведке подбирает из лучших партизан, организует с ними учебу, проводит большую воспитательную работу, одновременно пресекая в корне недисциплинированность и разболтанность. Так, например, в 3-й партизанской бригаде им. Германа за последние два месяца численный состав разведки увеличился почти вдвое и достиг 283 чел. Восстановлена заново резидентура в г. Остров в количестве 9 чел., Чихачево — 4 чел., посланы 5 групп в районы нас. пунктов: Пушкинские Горы, Новоржев, Пожеревицы.

В сентябре текущего года проведено совещание с заместителями командиров партизанских подразделений по разведке с подведением итогов боевой разведки. Проведено 55 занятий по боевой разведке с молодыми кадрами, 15 собраний с личным составом разведчиков и 43 совещания с командирами.

Боевая деятельность разведки и агентурной сети немедленно обеспечивает командование Северо—Западного фронта и партизанских

бригад донесениями о передвижении войск и военной техники противника, строительстве и состоянии оборонительных рубежей, численном составе гарнизонов врага, состоянии охраны железных и шоссейных дорог и другими важными разведанными.

Разведчики и агентура вели работу по разложению гарнизонов РОА. Проводили разъяснительную работу среди военнопленных.

В сентябре месяце агентурные работники и разведчики разложили более 10 вражеских гарнизонов. Обеспечили переход к партизанам до 1000 человек, кроме того, в сентябре м—це гестапо арестовало 300 человек, которые были разложены нашими агентами. В октябре агентурными работниками и разведчиками разложены гарнизоны в дер. Полозове, Уза, Ашево, Самуйлиха — общей численностью до 700 чел. Доставили в расположение партизанских бригад разложенных лиц в гор. Порхове — более 600 военнопленных из солдат РОА.

Разведчик и агентурные работники 1-й партизанской бригады в ноябре месяце разложили 6 вражеских гарнизонов в нас. пунктах: Баторы, Локоть, Терентино, Половово и направили из них в партизанскую бригаду более 800 чел., кроме того, этими же разведчиками и агентами доставлены к партизанам 85 человек из распущенного ими гражданского лагеря. В гор. Псков за один день подготовили и переправили к партизанам 25 военнопленных и отравили в столовой 25 гитлеровцев.

Агентурные работники и разведчики, наряду с разведработой, деятельностью по разложению гарнизонов, нередко дополняют свою боевую деятельность непосредственным участием по разгрому вражеских гарнизонов и совершению диверсий. Так, агенты и разведчик принимали непосредственное участие по разгрому гарнизонов в нас. пунктах: Выбор, Носове и Горушка, обеспечивали данными состояния системы охраны ж. д. Псков — Остров, чем оказали большую помощь в проведении партизанами двух крупных налетов на этот участок ж. д.

В период с 15 по 21 сентября агенты 3-й партизанской бригады доставили на нефтебазу Шелонь (пригород Порхова) магнитные мины, взорвали и сожгли 1500 тонн горючего. Этими же минами на ж. д. около станции Порхов взорвали цистерны с горючим. 27 сентября агентом «Пирог» на станции Порхов сожжено сено, а агентом «Яблоко» сожжено 3 вагона высококачественного льна. Одновременно с выполнением боевых заданий по разведке, разведчики и агентурные работники, соприкасаясь с местным населением, ведут среди крестьян агитационно—массовую работу, поднимают местных жителей на вооруженную борьбу против немцев.

Агенты и разведчики всегда являются живыми агитаторами среди местного населения, занимаются распространением листовок, проводят собрания с местными жителями, зачитывают и разъясняют сводки Совинформбюро, мобилизуют местное население на сопротивление всем мероприятиям германского командования.

Советский народ всегда встречает их с радостью, задает им много вопросов о жизни в Советской стране, оказывает помощь в получении тех или иных разведданных.

Разведчики и агенты 3-й партизанской бригады им. Германа только в сентябре провели 56 массовых собраний в разных населенных пунктах. Читка сообщений Совинформбюро проводилась в октябре ежедневно более чем в 100 населенных пунктах. За этот месяц распространено среди населения более 25 000 советских листовок.

При выполнении сложных и боевых задач много имеется примеров мужества и стойкости разведчиков и агентурных работников. Так, например, одна из связных 2-го полка 3-й партизанской бригады, под кличкой «Дуся», выполнив задание по связи в Дно и Порхове, возвращаясь назад с полной схемой оборонительных линий вокруг Дно — Порхов, в районе Грамулинских лесов обнаружила группу военнопленных, бежавших из Порховского лагеря, в количестве 49 человек. Она решила группу взять и доставить в бригаду. Однако, достигнув гарнизона Оклад — Подгорье и Киверово, они встретились с карателями. Безоружная группа военнопленных была немцами расстреляна, а связная «Дуся» схвачена. При допросе и обыске у нее обнаружили материалы разведки, но, несмотря на полное доказательство и применение пыток, «Дуся» категорически отказалась указывать лиц, к кому ходила на связь. 15 октября она была отправлена в Дно, к этому же числу были арестованы все ее родственники, аресты же работников резидентуры Порохов, Дно не последовали. Значит «Дуся» честно и мужественно себя держала и бесстрашно отдала за Родину свою молодую жизнь. В сентябре месяце резидентура города Остров в количестве 9 человек и во главе с резидентом Филипповой Милой была раскрыта и захвачена. Две недели подвергались страшным пыткам молодые агенты, но гестапо ничего от них не добилось, и все девять человек были расстреляны. Группа молодых патриотов в возрасте от 18 до 25 лет, проявив мужество, стойкость и преданность своей Родине, погибли смертью храбрых от грязной руки немецких захватчиков.

14 сентября командир полковой разведки 3-й бригады тов. Панов в составе разведчиков Иванова Николая, Павлова Бориса получил боевое задание — любой ценой произвести наблюдение в течение 12 часов за

большаком Пушкинские Горы — Новоржев. При выполнении задания группа была три раза обнаружена противником, три раза смелые разведчики вели с врагом бой и после каждого боя занимали новый пункт наблюдения. Таким образом, преодолевая все препятствия, боевое задание разведгруппой Панова было выполнено.

Разведгруппа т. Фадеева А. М. этой же бригады, в количестве 4 человек, получив боевое задание идти по маршруту, на пути встретила противника в количестве до 100 человек. Враг открыл пулеметный огонь. Четверка в свою очередь ответила из автоматов и приняла неравный бой. Командир команды был ранен в руку. Умело маневрируя и прикрывая друг друга, все четверо разведчиков вышли из окружения без потерь и доставили партизанам ценные данные о противнике. 2 октября противник численностью около 600 человек, имея при себе 2 танка, 3 пушки, 5 батальонных минометов и до двух десятков пулеметов, повел наступление против 3-й партизанской бригады в р—не Жглеве, Лехино, Шариха. В деревне Лехино располагались 45 человек бригадных разведчиков. Эта группа смельчаков решила принять на себя весь неравный бой с противником. Любой ценой отстоять рубеж Лехино и не допустить врага к деревне Шариха, где был расположен штаб партизанской бригады. Неравный и ожесточенный бой длился с 12 до 18 часов. Враг обрушил на горстку храбрецов всю свою огневую мощь 2 танков, 3 орудий, 5 батальонных минометов и более чем 20 пулеметов. Противник буквально заливал свинцовым огнем каждый квадратный метр местности. Кроме того, к 14 часам немцы вызвали авиацию, которая бомбежкой и пулеметным обстрелом обрушилась на группу партизан—разведчиков.

Несмотря на громадную интенсивность вражеского огня и на то, что уже вся деревня горела, подожженная снарядами и минами противника, разведчики держались самоотверженно и стойко. Только к наступлению темноты партизаны оставили населенный пункт и отошли...

За время жестокого боя противник потерял около 100 человек убитыми, разведчики имели в этом бою ранеными и убитыми — 26 человек, в том числе был смертельно ранен зам. начальника бригадной разведки капитан т. Лукьянов, также был ранен зам. к—ра бригады по разведке капитан т. Панчешный и комиссар бригадной разведки лейтенант т. Косырев. За проявленную доблесть, мужество и отвагу многие разведчики награждены правительственными наградами. Так, например, только по 3-й партизанской бригаде награждены медалями и орденами 50 человек, представлены к награде — 40 человек, объявлена благодарность командованием бригады — 18 разведчикам.

Наряду с положительной стороной, в работе боевой разведки и агентурной сети имеют место существенные недостатки, которые относятся как к боевой разведке и агентуре, так и к командованию партизанских бригад, организующему и направляющему эту работу.

Большим недостатком во всей организуемой работе боевой разведки и агентурной сети является еще недостаточно тщательный подбор кадров, их обучение и воспитание. В командах разведчиков отсутствуют топографические знания, слабо организовано дело по изучению дорог, состояния местности, ориентировке, особенно в ночное время, правил разведки по осмотру населенных пунктов, осторожности, хитрости и скрытности подходов к вражеским объектам.

Имеют место факты нарушения дисциплины, хулиганства и малодушия. 15 сентября 1943 г. немецкими агентами гестапо была схвачена связная под кличкой «Нина». На допросе эта связная проявила нестойкость и рассказала немцам, с кем она встречалась. В результате 9 человек резидентуры г. Остров были арестованы и расстреляны.

В сентябре только по одной 3-й бригаде, вследствие неподготовленности к работе и нарушения дисциплины при выполнении боевых заданий, были разоблачены и арестованы немецкой службой 9 связных и 4 агента.

В нарушении дисциплины имеется такой факт: 22 сентября с. г. командир взвода разведки 3-й бригады т. Игнатъев с двумя группами был послан на боевое задание, одновременно имея попутную задачу заготовить продукты питания. Игнатъев не выполнил боевого поручения по разведке и вместо заготовки продуктов в нас. пункте Чуни достал 6 литров самогона, напился до полусознания и отдал приказ разведчикам наступать на строительный батальон, расположенный по р. Великая. Командир одной из групп тов. Бобров насильно отвез пьяного Игнатъева в дер. Пшонкино, где Игнатъев снова дает приказание двигаться на Воронцово, и только благодаря тому, что была вызвана дополнительная команда, пьяного доставили в расположение бригады. Всего за 2 месяца в боевой разведке 3-й бригады вынесено 18 выговоров, 9 человек расстреляны, как неисправившиеся, 4 чел. переведены в другие подразделения и 6 командиров команд боевой разведки переведены в рядовые.

Ленинградский штаб партизанского движения решительно потребовал от уполномоченных ЛШПД на Волховском и Северо—Западном фронтах улучшить работу разведорганов и поставить им первоочередной задачей — разгром вражеских штабов, захват штабных офицеров и документов штабов, с тем чтобы своевременно и полностью вскрыть замыслы врага. С

этой целью Ленинградский штаб партизанского движения потребовал немедленно создать боевые разведгруппы по 50 чел., а в отдельных отрядах — бригады по 25 человек из самых смелых и лучших партизан.

Составил:

Начальник 2-го Отдела Штаба Подполковник *Василенко*

15.12.43.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 82. Л. 50–56.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 984. Л. 59–64.

В ЦК ВКП(б) тов. Сталину и в тов. Маленкову

№...

КОПИЯ

Сов. секретно

В партизанскую бригаду им. Фрунзе Минской области пришел и сдался в плен австриец Муцак Рудольф, по специальности артиллерист. При допросе он показал, что немецкие инженеры изобрели орудие, так называемое «Флакцильгердт», и снаряд к нему реактивного действия с большой разрушительной силой. Орудие предназначено для нанесения ударов по городам и отдельным центрам Англии с дальностью 270–300 км.

Муцак Рудольф далее показал, что идет усиленная подготовка кадров для орудий. Батареи, на которых обучался личный состав, отправлены на побережье Франции в г. Сент—Омер. Орудие «Флакцильгердт» изготавливается в городе Посан (Германия).

Показания похожи на действительность, что подтверждает Главное Артиллерийское Управление Красной Армии, которому переданы акт допроса и эскизы.

При допросе Муцак Рудольф не сказал, из чего состоят химические вещества «Т» и «Z», которые имеют большое значение во всей системе «Флакцильгердт».

Для уточнения некоторых данных и более подробного описания конструкции орудия, снаряда и химического состава Муцак Рудольф затребован в Москву.

Посылаю Вам копию допроса и эскизы «Флакцильгердт».

Протокол допроса

ноября месяца, 25 дня 1943 г.

Я, начальник ОО бригады им. Фрунзе, сержант госбезопасности Гуринович, допросил Муцак Рудольфа Рудольфовича, 1923 года рождения, по национальности австриец, образование среднее, не судим, б/п, уроженец г. Вены, Седьмого района, Найштифткасс, 125, кв. 11.

Вопрос: Расскажите свою биографию.

Ответ: Я, Муцак Рудольф, родился в 1923 г. в г. Вена (Австрия) в семье служащего, мой отец работал на резино—ткацкой фабрике бухгалтером. В городе Вена я проживал до 1934 г., учился в школе. В 1934 г. я из Вены выехал в Советский Союз в г. Москву к своей тете по фамилии Мясникова Гильда, которая в то время проживала во Фрунзенском районе, Зубовский бульвар, дом № 27. В Москву я прибыл 6 июля 1934 г. Муж моей тети Мясников Семен Николаевич работал тогда при «Экспортхлебе» бухгалтером.

В сентябре месяце 1934 г. в г. Москве я поступил учиться в немецкую школу. В середине 1935/36 учебного года эта школа была закрыта, и я в январе 1936 г. был переведен в русскую среднюю школу, которую окончил в 1939 г. В 1938 г. я обратился в Наркоминдел с ходатайством выдать мне визу на проезд в Лондон к моей матери Муцак Павлине, которая вскоре после моего отъезда в г. Москву, в том же 1934 г. выехала в г. Лондон. В Наркоминделе мне ответили (осенью 1938 г.), что в г. Лондон я могу только выехать по германскому паспорту. В ноябре месяце 1938 г., после получения ответа от Наркоминдела, я сразу обратился в германское посольство за получением разрешения для выезда в г. Лондон к своей матери. В начале 1940 г. я получил германский паспорт. В январе 1941 года от германского посольства я получил разрешение на выезд в г. Вену, так как выехать в Лондон по германскому паспорту я не мог: Германия с Англией находилась в войне.

С 1939 г. после окончания десятилетки и до 1940 г. я нигде не работал, жил на иждивении своей тети. После получения германского паспорта и моего личного знакомства с инженером Домеровым, работником германского посольства в г. Москве, с января 1940 г. устроился на работу в германском посольстве и работал под личным руководством Домерова, учился на электрика. Здесь я проработал до января 1941 г. по день моего выезда в Германию, в г. Вену.

В г. Вену я прибыл 22 января 1941 г., остановился у своей тети по фамилии Мюллер Королины, по адресу Седьмой район, Найштифткасс, 125, кв. 11. Отец мой в это время работал в частной страховой кассе бухгалтером. Муж моей тети по фамилии Нахтман Вилли служил в германской армии рядовым солдатом в Чехословакии.

В феврале месяце 1941 г. я устроился на работу в г. Вене электромонтером на частном предприятии в монтажной конторе, где и работал до октября 1941 г. В октябре месяце меня повесткой вызвали в г. Берлин в министерство для занятых восточных областей, где я подвергся испытаниям: русскому устному и письменному языку, после чего меня направили на работу в г. Слуцк (Белоруссия) к окр. комиссару Карлу в качестве переводчика.

В г. Слуцк я прибыл в начале ноября 1941 г. и приступил сразу к работе. Переводчиком окр. комиссара я работал до января 1942 г. В январе 1942 г. меня из Слуцка окр. комиссар направил в г. Минск в генеральный комиссариат в отдел 2–Б (в подчинении этого отдела находятся биржи труда всех районов). В этом отделе я работал переводчиком. Отделом 2–Б заведовал немец Фрайденберг, убит партизанами.

15 апреля 1942 г. я получил повестку на вызов меня в г. Вену для прохождения военной службы. В г. Вену я прибыл 18 апреля, 20 апреля убыл в воинскую часть в 5–ю батарею 92–го зенитного запасного батальона, где проходил первоначальное обучение, занимался изучением 20–мм пушки 1938 г. и общевойсковой подготовкой. В начале мая 1942 г. наша часть, в которой я служил, выехала во Францию в г. Арас. В Арасе 92–й зен. зап. батальон был переименован в 690–й батальон. Солдаты батальона занимались подготовкой и состояли в зен. обороне города.

Летом 1942 г., число и месяц я точно не помню, но в моей личной военной книжке записи есть, меня из 690–го батальона перевели в г. Сандомер, в 4–ю батарею 694–го зенитного батальона. Я состоял в воздушной обороне. Через 2 недели из г. Сандомер группу солдат, в том числе и меня, направили в г. Лиль в 4–ю батарею 687–го зенит. батальона, где я находился около 2 месяцев. Здесь германское командование собирало солдат для отправки на восточный фронт. В ноябре 1942 г. из г. Лиля 4–ю и 1–ю батареи без мат. части отправили на восточный фронт.

В начале декабря 1942 г. мы прибыли в г. Харьков, из г. Харькова меня направили в г. Алексеевку, в 12–й зен. полк 10–й зен. моторизованной дивизии, во взвод связи. В начале января 1943 г. наша часть начала отступление, 10–й зен. полк участвовал в боях около г. Алексеевки. Во второй половине января полк прибыл в г. Харьков, где находился около 2 недель, после чего взял направление в сторону Киева. Ехали поездом ровно 3 суток, т. к. ж. д. была забита отступающими войсками. В г. Киеве 10–й полк находился около недели, солдаты отдыхали. Из г. Киева наша часть выехала в г. Кременчуг, где стояла до начала марта. В начале марта полк выехал в Кировоград, оттуда через Умань к с. Ново—Украинка, где 14

марта 1943 г. состоялся бой, как нам говорили, с регулярной советской частью (видимо, это были партизаны). Бой длился около 8 часов. После 2 часа я был ранен и исход боя точно рассказать не могу, потому что был отправлен в г. Умань в госпиталь, куда прибыл 15 марта. 20 марта из госпиталя направили в г. Львов, т. н. соборное место, куда приезжали многие раненые. Числа 25 марта с. г. в лазаретном поезде я был направлен в м. Пфронтенрид, возле швейцарской границы, куда прибыл 1 апреля с. г., где находился на излечении до 21 апреля. Из м. Пфронтенрид я получил трехнедельный отпуск в г. Вену. После окончания отпуска я выехал в г. Берлин в 1-ю батарею 12-го зап. зен. батальона 1 —го зап. полка, куда прибыл 13 мая, где находился до 30 октября 1943 г.

Все это время занимался строевой подготовкой. За время нахождения в Берлине я два раза ездил в отпуск по 2 недели. Находясь в Берлине, я написал заявление командиру батареи, в котором просил, чтобы меня отправили на восточный фронт, и вместо того, чтобы меня отправить на восточный фронт, меня отправили на побережье Восточного немецкого моря в м. Брустерорт, куда я прибыл 31 октября в 14 батарею 155 полка. Для м. Брустерорт было установлено секретное название Визенгрунд. Название части, в которой я служил, сохранялось в строгом секрете. Условное название полка (секретное) — Цугфогель.

В этой части всех солдат обучали новоизобретенному оружию. Изучали материальную часть этого орудия, знакомились с чертежами, обучались стрельбе учебными снарядами. В м. Брустерорт я находился до 15 ноября. В этот день я попросил разрешение отпустить меня в м. Доммелькейм у Кенигсберга. Это разрешение я получил. В г. Кенигсберг я приехал 15 ноября в 19 часов, где находился целые сутки, ночевал в солдатской гостинице. 16 ноября в половине 7 вечера я сел в поезд, который шел в направлении Брест—Литовска, куда прибыл на следующее утро в 6 часов. В половине 10 утра 17 ноября в Брест—Литовске я сел в поезд, который идет на город Минск. В г. Минск я прибыл в 4 часа утра 18 ноября и остановился у своей знакомой по фамилии Попова Галя, проживающей по Комаровской ул., около пивоваренного завода. Попова работает при Минском Горбанке переписчицей. На квартире гр. Поповой я ночевал 3 ночи, считая ту ночь, в которую я прибыл в г. Минск.

20 ноября в 11 часов утра на грузовой немецкой машине из г. Минска я приехал в г. Слуцк, куда прибыл в 15 часов и зашел к своим знакомым по фамилии Бадзялик, где покушал и переночевал одну ночь.

21 ноября я ушел к своей знакомой Рачковской Фрузе, проживающей по Садовой улице возле сапожной мастерской. Рачковская в настоящее

время работает официанткой в окр. комиссариате. У нее я ночевал 2 ночи. На второй день я рассказал Рачковской, в каком положении я очутился, и высказал свое мнение о том, что я хочу перейти на сторону советской власти. Она мне посоветовала, что выход из положения можно найти — это значит (она мне сказала), чтобы я шел в партизанский отряд, и рассказала мне маршрут, куда и через какие пункты я должен идти, для того чтобы встретить партизан.

23 ноября, согласно указанному мне маршруту, я отправился в партизанский отряд и в районе д. Гороховка встретил партизана, который забрал меня и 24 ноября доставил в партизанский отряд.

Вопрос: Когда и по каким причинам ваша тетьа попала в Москву, а мать в Лондон? Где находится ваш отец в настоящее время?

Ответ: В 1929 г. моя тетьа со своим мужем Мясниковым, который до этого работал в Советском торговом представительстве в г. Вене, выехала в Советский Союз. С тех пор она живет в г. Москве.

Моя мать из г. Вены в г. Лондон уехала в 1934 г. после моего отъезда в г. Москву по случаю большой безработицы. Выезд из г. Вены в другие государства разрешался всем желающим.

В настоящее время мой отец находится в г. Вене.

Вопрос: Что послужило причиной вашего выезда в г. Москву?

Ответ: Находясь в г. Вене, моя мать не могла содержать меня на своем иждивении, т. к. нигде не работала. В это же время моя тетьа, которая жила в г. Москве, хлопотала о моем приезде в Москву и достала мне документы на право выезда в Москву. Это и явилось причиной моего выезда в Москву.

Вопрос: Находясь в Советском Союзе, принимали ли советское подданство?

Ответ: Находясь в Советском Союзе, в начале 1935 г. я принял подданство—гражданство Советского Союза.

Вопрос: Вы считались гражданином Советского Союза. Каким путем вы очутились на предприятии, где работал сотрудник германского посольства инженер Домеров? Не было ли в этом вопросе препятствий со стороны советской власти?

Ответ: В 1938 г. я обратился в германское посольство за получением германского паспорта для выезда в г. Лондон. В посольстве я встретился, познакомился с инженером Домеровым, который предложил мне остаться на работе в посольстве, на что я дал согласие. И в начале 1940 г. приступил к работе. Я имел дело с электропроводками и работал под непосредственным руководством инженера Домерова. Препятствий со стороны сов. власти в моем поступлении на работу в германское

посольство не было.

Вопрос: Каким путем вы смогли получить визу в Германию на постоянное место жительства, ведь гр—нам Советского Союза такие документы не выдавались?

Ответ: Будучи гражданином Советского Союза, я получил визу на выезд в Германию. Препятствий в этом вопросе мне со стороны сов. власти не чинилось. В Германию я ехал с германским паспортом. Я после получения немецкого паспорта считался германским подданным.

Вопрос: Какие причины побудили вас ехать в Германию?

Ответ: Я требовал, т. е. старался получить документы для выезда в г. Лондон к своей матери, но к моменту получения этих документов Германия с Англией находилась в положении войны, с германским паспортом ехать в г. Лондон мне было нельзя. Поэтому я решил ехать в г. Вену к своему отцу, т. к. родственные чувства у меня к нему были большие.

Вопрос: Находясь в г. Москве, кого вы знали из служащих в советских учреждениях? Назовите их фамилии и места работы.

Ответ: Из служащих в сов. учреждениях, кроме своего дяди Мясникова, я никого не знал. Иногда со своим дядей я ходил к его знакомым, но фамилии их не знаю.

Вопрос: Работая в г. Москве, вы были связаны с инженером германского посольства Домеровым? По каким вопросам и в какой степени?

Ответ: Работая в германском посольстве с инженером Домеровым, я был связан только по работе, других связей у меня с ним не было.

Вопрос: Расскажите, где было размещено германское посольство в Москве, численность его состава и откуда такие данные для вас известны?

Ответ: Германское посольство в г. Москве занимало около 10 домов в различных местах города. Численность состава посольства для меня не известна.

Вопрос: Кого из сотрудников германского посольства вы лично хорошо знаете?

Ответ: Из сотрудников германского посольства я никого не знаю, за исключением инженера Домерова.

Вопрос: По прибытии из Советского Союза в Вену, куда вас вызывали и какими вопросами интересовались? Кто с вами беседовал?

Ответ: По прибытии из Советского Союза в г. Вену меня вызывали в гестапо, интересовались, что я делал в г. Москве, зачем приехал обратно в

Германию, получал ли я какое—либо задание в Советском Союзе перед моим отъездом в Германию. Всего меня в гестапо вызывали три раза, последний раз в конце июня 1941 г., после объявления войны Германией Советскому Союзу. Интересовались, когда и зачем я выехал в Советский Союз, где работал, с кем знаком из граждан Советского Союза и кого я знаю из эмигрантов в Сов. Союзе.

Сфотографировали меня со всех сторон с номером, сделали отпечатки со всех пальцев на бумаге, записали приметы, произвели полный обмер и осмотр. В конце я подписал протокол допроса, меня предупредили, чтобы я молчал о том, что меня вызывали в гестапо. Также сказали, чтобы я никому ничего не говорил о том, что я был в Советском Союзе, и не рассказывал нигде о жизни в Советском Союзе.

Фамилии чиновника гестапо, который меня допрашивал, я не знаю.

Вопрос: Во время работы в Слуцком окр. комиссариате личным переводчиком окр. комиссара Карла через ваши руки проходил ряд секретных документов. Расскажите их содержание, из каких вышестоящих организаций эти документы исходили?

Ответ: Работая переводчиком окр. комиссара Карла, я занимался выпиской пропусков гр—нам для выхода из города через запретную зону, переводил документы районных старост о выполнении сдачи плана сельхозпоставок, просматривал заявления, поступающие от вольных граждан, некоторые из них переводил на немецкий язык для подачи комиссару. Никаких секретных документов через мои руки не проходило, эти документы проходили через руки личного секретаря Карла.

Вопрос: Кто сообщал окр. комиссару Карлу о подозрительных лицах, о настроениях населения? Назовите фамилии этих лиц.

Ответ: Лиц, которые сообщали окружному комиссару Карлу о подозрительных лицах для немецкой власти и о настроениях населения, я не знаю. Эти лица всегда имели связь с полевой полицией и жандармерией и в очень редких случаях приходили к Карлу, по каким вопросам — я не знаю, с переводчиком жандармерии и полиции участия в этих разговорах я не принимал.

Вопрос: По каким вопросам службы вы встречались с начальником окр. полиции Шнеком? Вспомните, о чем вы с ним беседовали.

Ответ: С начальником окр. полиции Шнеком я встречался несколько раз по вопросам выписки пропусков и освобождения военнопленных из Слуцких лагерей.

Вопрос: Назовите фамилии чиновников немецких учреждений,

работающих в Слуцке.

Ответ: В г. Слуцке работает гебиткомиссар Карл, городской инспектор Вагнер, зам. комиссара по пропаганде Бругерман, ассистент биржи труда (определение людей по работам) Эдер Антон, кассир комиссариата Мильдэ, шеф лесхоза Бирман и нач. окр. жандармерии л—т Миллер. Фамилии других чиновников, служащих в то время в немецких учреждениях, я не знаю.

Вопрос: Вы говорили, что когда работали в г. Слуцке, общались среди многих лиц гражданского населения. Назовите их фамилии и где они работают.

Ответ: Из гражданского населения я знаю Рачковскую Фрузу, работает официанткой в окр. комиссариате, и гр—на Бадялика — рабочий весоремонтной мастерской, городского ветеринарного врача, фамилию я забыл, он часто заходил ко мне в комиссариат.

Вопрос: Кого вы знаете по работе в г. Минске, их фамилии, занимаемая должность и в какой степени вы с ними были знакомы?

Ответ: По работе в г. Минске в отделе 2—Б я знал нач. отдела Фрайденберге и Шрейтера, который разъезжал по предприятиям г. Минска и требовал повышения производительности труда. Других сотрудников по работе я не знаю, фамилии их забыл.

Вопрос: Какие документы во время вашей работы в г. Минске переводчиком в ген. комиссариате проходили через ваши руки? Назовите их содержание.

Ответ: В мои обязанности по работе в отделе 2—Б входило переводить на немецкий язык советские книги по вопросам социального страхования. Немцы собирались издавать новые законы по соцстрахованию в Белоруссии. Поэтому интересовались законами социального страхования, существовавшими в Белоруссии до войны. Также в мои обязанности входили разъезды по предприятиям г. Минска вместе с немцем Шритером.

Вопрос: Расскажите подробно, что из себя представляет вновь изобретенное орудие, его технические свойства и назначение?

Ответ: Немецкие инженеры изобрели это орудие для нанесения ударов по вражеским объектам на далекое расстояние, в частности, для ударов по английской промышленности и городам за причиняемый ущерб германским городам от бомбардировок английской авиацией. Это то орудие, так нам говорили, при помощи которого немцы будут расплачиваться с Англией.

Вновь изобретенное орудие, только один ствол, имеет длину 42 метра и состоит из 7 частей. Задняя часть ствола укреплена в железобетон. Угол

возвышения ствола равняется 6 градусам. Верхняя часть ствола во всю длину имеет продольное окно, по которому ходит выступ поршня. Сам поршень двигается по каналу ствола и имеет длину около 1 м. Ствол орудия, кроме укрепления его задней части в железобетон, держится на 7 железных подпорах. С правой стороны задней части ствола стоят 2 круглых баллона с воздухом 150 атм. Из этих баллонов идут 2 соединительные трубки к 2 бакам, в одном из них находится химвещество «Т» в количестве 42 кг, в другом вещество «ЗЕТ» (Z) 6,5 кг. В момент производства выстрела открывается клапан, и воздух из баллонов с большой быстротой врывается в баки с химическим веществом, откуда подает его в камеру разлагания, которая находится в задней части ствола. При соединении 2-х веществ в камере образовывается большое количество паров белого цвета с характерным звуком затяжного взрыва (по силе равного 88-мм пушке) без выделения тепла и света. Под давлением газов поршень движется вперед. Снаряд, имеющий форму самолета, скользит по рельсам, которые положены по обеим сторонам окна, идущего вдоль ствола. Дальнейший полет снаряда производится при помощи ракетного аппарата.

Вся аппаратура, стоящая с правой стороны пушки: баллоны с воздухом, баки с химвеществом и соединительные трубки, назыв. паропроизводителем.

Расчет для обслуживания пушки состоит приблизительно из 35 чел. Называется пушка — Flackzillgerdt (Флакцильгердт) — метательное орудие зенитной артиллерии. Полк, в состав которого входит батарея, где служил я, имеет специальное секретное название (Zügvogel) (Цюгфогель).

Вот все то, что можно было сказать в кратких чертах о вновь изобретенном орудии, его назначении и технических свойствах.

Вопрос: Что вам известно о практическом применении новоизобретенного орудия Флакцильгердт?

Ответ: О практическом применении нового орудия Флакцильгердт мне известно следующее: по рассказам лиц, которые проводили с нами занятия и присутствовали при практической стрельбе, снаряд орудия летит от 270 до 300 км. Начальная скорость полета снаряда — 400 км, дальнейшая достигает 700 км в час. При падении снаряд на земле уничтожает все в радиусе до 4 км. Внутри снаряда имеется автоматический разлагатель, при помощи которого с момента вылета через 35 минут снаряд сам по себе разрывается. Вес снаряда достигает 2,5 т.

Мне самому лично пришлось принимать участие в учебных стрельбах, которые проводились на побережье Восточного немецкого моря у м. Брустерод. Полет снаряда при учебной стрельбе, без ракетного аппарата

достигал 80 м. Вес снаряда доходил до 2,5 т и был набит цементом. После выстрела этот снаряд обратно забирали и трактором подвозили к орудию для дальнейших учебных стрельб.

До совершения выстрела производились следующие работы: продольное окно закрывалось трубой в длину 42 м при помощи крючков из алюминиевой проволоки, после чего вставляли поршень в камеру разлагателя и проталкивали вперед до 2 м, закрывали камеру разлагания специальным затвором, наполняли баки химвеществами «Г» и «Зет», а баллоны — воздухом, вкатывали снаряд на рельсы, лежащие по обеим сторонам вдоль продольного окна трубы при помощи подъемного крана. Когда все было готово, весь расчет уходил в укрытия. Командир орудия нажимал на кнопку, которая соединялась проводкой с паропроизводителем, при открытии клапана сжатый воздух в 150 атм. поступает в баки с химвеществом, выталкивая последние в камеру разлагания. В это время происходит выстрел. Поршень с канала орудия вылетает и падает приблизительно в 70–80 м от орудия. Для производства одного выстрела затрачивалось до 40 минут времени. Батареи, которые установлены на побережье Франции, имеют при себе по 2 паропроизводителя, их расчеты производят выстрел в течение 25 минут.

Новоизобретенное орудие Флакцильгердт в настоящее время совершенствуется германскими инженерами.

Вопрос: Что из себя представляет снаряд орудия Флакцильгердт, его внутреннее содержание?

Ответ: Снаряд орудия представляет форму самолета—истребителя. Корпус снаряда похож на снаряд, задняя часть его постепенно суживается и на конце имеет рулевое управление. По обеим сторонам снаряда имеются плоскости, с верхней части к снаряду прикреплен ракетный аппарат.

Внутренняя часть снаряда (передняя) начинена взрывеществом, в задней части размещена аппаратура управления, кроме того, в передней части еще имеются 2 простых и один автоматический взрыватель и бак с химвеществом, которое по трубе поступает в ракетный аппарат. Около бака с химвеществом имеется бутылка с сжатым воздухом, при помощи которого в ракетный аппарат поступает горючее [...]. Внизу снаряда имеются 2 плоских металлических выступа, при помощи которых снаряд во время производства выстрела скользит по рельсам, лежащим по обеим сторонам вдоль продольного окна орудия.

При падении снаряд взрывается и воздухом уничтожает все, что находится на поверхности земли в радиусе до 4 км.

Вопрос: Расскажите о ракетоаппарате, двигающем снаряд.

Ответ: Ракетоаппарат укреплен на поверхности снаряда и имеет форму кишки, которая показывает направление ветра при посадке самолета. Сверху ракетного аппарата в передней части самолета установлена свеча, подобно свечам у автомашин, которая через стенку проходит вовнутрь аппарата, дает искру и воспламеняет горючее. При сгорании горючего в ракетном аппарате образуется большое количество газов, которые поступают в заднюю часть аппарата и выталкиваются наружу с очень большой силой, и с прикосновением с воздухом этих газов получают сильные толчки, при помощи которых снаряд двигается вперед. При воспламенении горючего в ракетном аппарате получают сильные взрывы и гул наподобие мотора внутреннего сгорания. Когда летит снаряд, то думаешь, что в воздухе летят несколько самолетов.

Вопрос: Как широко может производить Германия выпуск орудия Флакцильгердт и что вам известно о дислокации заводов, выпускающих эти орудия?

Ответ: Как широко может Германия производить выпуск орудий Флакцильгердт, для меня неизвестно. Из разговоров, которые происходили между солдатами, я знаю, что завод по выпуску таких орудий и снарядов имеется в г. Посау (Posau).

Вопрос: Расскажите подробно, что вам известно о подготовке технического персонала для вновь изобретенных орудий?

Ответ: За последнее время, как мне известно, набирали солдат по счету в 25 батарей. В каждой батарее насчитывалось до 180 человек. Предполагалось увеличение личного состава батареи до 400 чел. У побережья Восточного немецкого моря, где я обучался, было только 2 учебных орудия. Личный состав всех батарей обучался исключительно на этих орудиях. Те батареи, личный состав которых необходимое первоначальное обучение прошел, отправлены на побережье Франции в г. Сандомер.

Вопрос: Что вам известно о применении орудий Флакцильгердт на восточном фронте?

Ответ: Разговоров о применении орудий Флакцильгердт на восточном фронте я не слышал. Эти орудия, как мне известно, в первую очередь будут применяться против Англии.

Вопрос: Расскажите о составе химвещества «Т» и «Зет». Запах, цвет и их действие на сопровождающие предметы.

Ответ: Вещество «Т» — прозрачная, бесцветная жидкость, удельный вес ее составляет более единицы. При соприкосновении с любым веществом последнее сгорает. Химвещество «Т» содержится только в

алюминиевой посуде, другие металлы разлагаются, без запаха, растворяется в воде. При попадании на тело человека легко смывается водой. Работающие возле него надевают резиновую одежду. Из чего состоит вещество «Т», мне неизвестно.

Химвещество «Зет» — жидкость темно—красного, вишневого цвета, без запаха, разлагающе действует только на органические вещества, на металлы не действует. Удельный вес более 1,5 единицы. При соединении этих веществ мгновенно выделяется большое количество паров.

Вопрос: Кого вы знаете из офицерского состава части, в которой вы служили? Назовите их фамилии.

Ответ: Из командиров части, в которой я служил, я знаю ком. полка по фамилии Вахтель (полковник—зенитчик), ком. полка подчинялся генерал—лейтенанту Акстгельму, штаб которого находился в предместьях Берлина (Бернау), командиром нашей батареи был ст. лейтенант Кох.

Больше из командного состава части, в которой я служил, я никого не знаю.

Вопрос: Что вы еще желаете дополнить к вопросам, касающимся последнего вашего места службы?

Ответ: К вопросам, касающимся последнего моего места службы, я могу дополнить следующее: снаряд при вылете из орудия отклоняется в сторону и получает первоначальную скорость под углом 6 градусов. Дальнейший полет снаряда регулируется приборами, которые имеются внутри снаряда и направляют его полет в цель попадания. Первоначальное отклонение полета снаряда в сторону сделано с целью маскировки орудия создания ложного предположения у противника о месте расположения батарей.

Личный состав батарей одновременно обучается стрельбе из зенитных орудий. На предмет отражения налетов вражеской авиации на батареи, стреляющие по объектам противника.

Вопрос: Расскажите, что означают записи в вашей записной книжке: «в столице Украины» на 7 стр. и «Неля» на 27 стр., а также почему часть листов из вашей записной книжки уничтожена?

Ответ: Запись на 7 стр. от 8 февраля «в столице Украины» означает, что в это время я был в г. Киеве, по поводу чего сделал соответствующую отметку. Что касается записи «Неля», то это имя русской девушки, с которой я встречался в одном из парков еще во время моего пребывания в г. Берлине. Эта девушка была родом из Харькова.

Часть листов из записной книжки мною вырвана в г. Кенигсберге, т. к. там записаны адреса моих знакомых, которые проживают в восточных

областях, на оккупированной территории, моих родственников, проживающих в г. Вене, из—за опасения своего ареста, т. к. я из Кенигсберга до Слуцка ехал без проездных документов.

Вопрос: На обложке вашей военной книжки поставлен штампель на русском языке «20 января 1943 г.» Расскажите, что он означает и кем поставлен?

Ответ: Штампель «20 февраля» на русском языке на моей военной книжке поставлен во время моего пребывания в г. Харькове, когда я заходил в солдатскую столовую «Сольдатенгейм» и получал папиросы. Если бы такой штампель был, я бы несколько раз смог заходить и получать папиросы.

Вопрос: Что означают русские адреса в вашей записной книжке и по каким причинам они здесь оказались?

Ответ: Русские адреса в моей записной книжке — это адреса русских военнопленных, находящихся в Германии. Я с ними был знаком, и они знали о том, что я собираюсь переходить в Советский Союз за линию фронта, поэтому они дали свои адреса, чтобы я передал их родным о том, что они живы. Территории, где живут их родные, освобождены Красной Армией.

Вопрос: Что вы писали в заявлении командованию об отправке вас на восточный фронт?

Ответ: В заявлении командованию я писал: «Я 2 зимы находился на восточном фронте, рана, которая мною получена, залечена, и я прошу, чтобы меня послали на восточный фронт для борьбы против Красной Армии». Вместо того, чтобы послать на восточный фронт, меня послали в восточную Пруссию.

Написав такое заявление, я преследовал совершенно другую цель — переход на сторону Красной Армии.

Вопрос: Сколько лично вы получали писем от своего отца и матери, когда находились в Москве? Расскажите их содержание.

Ответ: Писем от своей матери я получал совсем мало. Последнее письмо мною было получено в апреле 1940 г., в котором она писала, что ей живется хорошо, и просила меня, чтобы я во что бы то ни стало приехал к ней. От своего отца я писем совершенно не получал.

Вопрос: Когда и где вы меняли свою фамилию, что послужило причиной?

Ответ: Своей фамилии я никогда и нигде не менял.

Вопрос: Что вам известно о зверствах немцев в оккупированных областях Советского Союза. Назовите фамилии конкретных

виновников этих зверств.

Ответ: Мне известно, что в г. Слуцке по личному приказанию Карла в конце 1941 г. повешен один учитель, фамилию которого я забыл, за антигерманскую агитацию.

Вопрос: Что вам известно о массовой гибели русских военнопленных в г. Слуцке?

Ответ: Мне известно, что в г. Слуцке в лагере военнопленных ежедневно погибало много русских солдат от голода и массовых эпидемических заболеваний. По приказу военного командования русские военнопленные находились под открытым небом, огороженные колючей проволокой. С ними обращались хуже, чем с животными.

Вопрос: Расскажите, какую задачу и от кого вы получили, отправляясь в партизанский отряд?

Ответ: В партизанский отряд я прибыл по своему личному желанию и ни от кого никакого задания не получал.

Вопрос: Что вы желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: К своим показаниям я желаю дополнить следующее: я хочу сказать, что я прибыл в партизанский отряд для того, чтобы вести борьбу против немецких захватчиков на стороне партизан.

Протокол с моих слов записан правильно и лично мною прочитан, в чем и расписываюсь

/Муцак/

Допросил — Нач. ОО бригады им. Фрунзе Сержант госбезопасности — Гуринович.

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 21. Л. 98–112.

№

Сов. секретно

Главное управление контрразведки «СМЕРШ» центральный штаб партизанского движения товарищу Пономаренко.

20 АВГУСТА 1943

№ 45820

Как вам известно, по указанию товарища Сталина, оперативное обслуживание штабов партизанского движения и борьба с агентурой

противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложены на органы контрразведки «СМЕРШ».

Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой «Русской освободительной армии» и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки «СМЕРШ», допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы — размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц.

В целях усиления борьбы с агентурой противника, прошу дать указание по линии штабов партизанского движения о следующем:

1. Все поступающие материалы из партизанских отрядов о задержании или явках с повинной шпионов, диверсантов, террористов, захваченных официальных сотрудников и документов немецких разведывательных органов — передавать в органы контрразведки «СМЕРШ».

2. По требованию органов контрразведки «СМЕРШ» доставлять из тыла противника задержанных шпионов, диверсантов, террористов, а также официальных сотрудников и документы разведывательных и контрразведывательных органов.

3. Сообщать в органы контрразведки «СМЕРШ» о переходах на сторону партизан групп и подразделений «РОА» и других созданных немцами формирований.

Лиц из этих формирований, интересующих органы контрразведки, доставлять на нашу сторону по требованию органов контрразведки «СМЕРШ».

Абакумов.

№

**Главное управление контрразведки «СМЕРШ» товарищу
Абакумову. На № 45620**

Руководящие органы партизанского движения считают одной из важнейших своих задач усиление борьбы с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, и в этом отношении проводят большую и серьезную работу.

Главное управление контрразведки «СМЕРШ», занимаясь оперативным обслуживанием штабов партизанского движения, при соответствующей организации дела могло бы также проводить многие мероприятия, направленные на усиление борьбы с агентурой противника.

Руководствуясь этим соображением, мы многие материалы и интересующих Вас людей, захватываемых партизанами, как только они доставлялись из тыла врага, направляли по Вашему адресу, хотя управление до последнего времени и не занималось организацией работы по борьбе с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды.

Однако мы считаем необходимым и впредь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления, передавать Вам.

Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться.

То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, то мы это только приветствуем, хотя слышим об этом впервые.

Возникает другой вопрос, почему со времени организации «СМЕРШ» никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что намечают предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника, почему не проведено ни одно мероприятие, а в партизанских отрядах нет ни одного вашего работника. Вы, как это видно из письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки «СМЕРШ» решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их.

Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника, эти ваши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому смыслу.

Как же так, захватить агента врага и не допросить его. Как же тогда командиры и комиссары отрядов и бригад и штабы партизанского

движения будут в состоянии вести дальнейшую борьбу с агентурой противника. Органы контрразведки «СМЕРШ» пока практически в этом деле не пришли на помощь партизанскому движению.

Больше того, партизанские отряды своими средствами и методами разоблачили тысячи шпионов, многие из которых доставлены из тыла противника, и немалое количество из них передано Вам, таких, например, разоблаченных нами без участия «СМЕРШ», как Никитин, Веревкин, Гаврилов, Катков и др.

От вас, однако, мы не получили ни одного крайне интересующего нас сообщения о методах противника по борьбе с партизанами и ни об одном агенте врага, проникшем в тот или иной партизанский отряд, не получили каких бы то ни было материалов, полезных для борьбы с агентурой противника в партизанских отрядах. Вы сами понимаете, какое важное значение имеет получить материалы о действиях противника и вовремя дать направление партизанским отрядам в их сложной работе по борьбе с агентурой противника, чтобы они сумели перехитрить разведку противника.

В результате такой постановки дела минские партизаны, например, смогли осуществить в районе Минска такое серьезное мероприятие, как разложение полка «СС» так называемой «Русской освободительной армии», организовать переход личного состава полка на сторону партизан и захватить крупных агентов врага — Богданова и др.

Мы просим Вас привести конкретные примеры, в какие различные адреса рассылаются штабами партизанского движения доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы. На каком основании Вы делаете подобное заявление? Информация дело серьезное и организуем ее так, как находим необходимым, и информируем того, кого считаем необходимым.

В свой очередь мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас, к примеру сказать, 4-е управление НКГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала.

Нам кажется, что известная часть работников управления, если судить по их поведению, хотела бы быть в некоторого рода начальственном отношении к руководящим органам партизанского движения и рассматривать их вроде как подчиненные «СМЕРШ» органы.

Но это глубокое заблуждение, которое ничего кроме разочарования не может принести таким работникам.

№

Сов. секретно

Справка УНКВД по Орловской области об оперативно—чекистских группах УНКВД, находящихся при партизанских отрядах группы тов. Емлютина

11 августа 1942 г.

1. Оперативно—чекистская группа на правах Особого отдела дивизии дислоцируется при штабе тов. Емлютина.

1. Начальник оперативно—чекистской группы штаба отрядов — Абрамович Иван Егорович, начальник Трубчевского РО НКВД.

2. Заместитель начальника оперативно—чекистской группы — Бенционов Исаак Евсеевич.

3. Помощник начальника оперативно—чекистской группы — Морозов Владимир Кириллович — оперуполномоченный Мглинского РО НКВД.

4. Забельский — ст. лейтенант госбезопасности, начальник отделения 4 отдела УНКВД.

2. Оперативно—чекистская группа по обслуживанию партизанских отрядов и населения Навлинского района: Начальник оперативно—чекистской группы тов. Кугучев Алексей Иванович — начальник Навлинского РО НКВД. Группа состоит из 5 человек работников НКВД и милиции.

3. Трубчевская оперативно—чекистская группа по обслуживанию отрядов и населения Трубчевского района. Группа состоит из 5 человек работников НКВД и милиции. Начальник группы — Савкин Алексей Васильевич — начальник Трубчевского РОМ НКВД.

4. Выгоническая оперативно—чекистская группа, состоящая из 4 человек. Начальник группы — Скрипкин Петр Васильевич — ст. оперуполномоченный Клинецовского горотдела НКВД.

5. Суземская оперативно—чекистская группа. Начальник группы — Лазунов Николай Николаевич — бывший работник Особых отделов НКВД.

6. Севская оперативно—чекистская группа. Начальник группы — Гузеев Иван Григорьевич — оперуполномоченный Суземского РО НКВД.

7. Отряды им. Ворошилова № 1 и 2, не входящие ни в какие районы, обслуживаются двумя оперработниками НКВД.

Эти данные по состоянию на 1 июля 1942 года могли измениться ввиду произошедших изменений в отрядах.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО ОРЛОВСКОЙ ОБЛ. МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ФИРСАНОВ)

УДААБО. Ф. 1650. Оп. I. Д. 81. Л. 55–54. Подлинник.

Секретарю Цк Кп(б) члену военного совета 3–й ударной армии тов. Пономаренко

Сов. секретно

Спецсообщение

О проявлениях бандитизма в районах Витебской области по состоянию на 30.5.42 г.

На территории Запольского, Шабровского и др. с/советов Суражского района Витебской области появились бандитские группы, которые совершают убийства партизан и бойцов Красной Армии, вооружаясь за счет изымаемого у них оружия.

13 мая с. года в Шабровском с/совете недалеко от д. Шабры был убит партизан из бригады Шмырева, посланный с пакетом в отряды. У убитого была взята только винтовка, а пакет, который партизан держал в руке, остался. На этом же месте через 30–40 минут того же дня был убит второй партизан.

20 мая с. года на участке партизанского отряда Гурко около д. Сапроны был убит боец Красной Армии.

Того же числа партизан Степанов находился в дер. Пристань, которому сообщили, что в доме гр—на Игнатенко находится подозрительный неизвестный человек. В связи с отсутствием у него документов Степанов задержал его и конвоировал в Чеснорский с/совет. В пути следования этот неизвестный ударил кувшином по голове Степанова и пытался отнять винтовку. Завязалась борьба. Убедившись в безнадежности своих попыток, бандит бросился бежать. Степанов открыл по нему огонь и вновь задержал, ранив его в левую ногу, и доставил в Суражское РО НКВД.

На допросе неизвестный назвал себя Сыродоевым Евстафием Кузмичом, 1894 года рождения, житель д. Прибытково Меховского района. В декабре 1941 г. дезертировал из РККА, сдался в плен к немцам, был отпущен и проживал дома. В первой половине мая 1942 г. партизанами был

захвачен и направлен в Усвятский Райвоенкомат, Смоленской области. 15 мая 1942 г. Сыродоев райвоенкоматом был направлен в воинскую часть в д. Кунья, но в пути с группой лиц снова дезертировал. Он также показал, что хотел убить партизана с целью воспользоваться его винтовкой, а затем уйти в лес на нелегальное положение.

Бандитские проявления имеют место на территории и других населенных пунктов Суражского района.

28 мая с. года председатель Запольского с/совета Емельянов сообщил о том, что в деревнях Плотки, Ковалево, в колхозах «Перемога» и «Червонный Стяг» оперирует небольшая группа бандитов, которые совершают организованные ночные грабежи в колхозах. Группа состоит из дезертиров и полицейских, скрывающихся в лесах.

В дер. Винтеи проживает Иванова Акулина Христофоровна, 1920 года рождения, муж которой находится в банде. Иванова А. Х. подозревается в связях с немецкими оккупантами.

В целях борьбы с дезертирством и проявлением бандитизма оперативными группами Суражского РО НКВД через местные органы власти с 22 по 27 мая 1942 года была произведена перерегистрация призывного контингента с 1896 по 1924 год включительно по всем 12 с/советам, освобожденным от немецко—фашистских оккупантов.

В результате проведенного вышеуказанного мероприятия по вызову местных органов власти должно явиться в призывные пункты 376 человек, явилось — 375 человек. Кроме того, ввиду неполного и неточного учета по с/советам призывного контингента на призывные пункты совершенно без вызова явилось 145 человек. Всего таким образом вместо 376 человек явилось 520 человек, из них направлено в РККА — 123 человека, в партизанские отряды — 44 и 353 человека по разным причинам получили отсрочки и отпущены по домам для производства с/хозяйственных работ.

Приняты меры установления местонахождения бандитских групп и ликвидации последних, озадачены партизанские отряды.

В населенных пунктах, засоренных бандитским элементом, подбираем кандидатуры на вербовку для дополнительного выявления бандитских проявлений.

Руководитель опер, чекистских групп НКВД Витебской области капитан госбезопасности /Юрин/

2 июня 1942 г.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 47–49.

КОПИЯ

Сов. секретно

Секретарю ЦК ВКБ(б) члену военного совета 3-й ударной армии тов. Пономаренко. О засылке агентуры в партизанские отряды немецкой разведкой по состоянию на 1 июня 1942 г.

Агентурно—следственной работой установлено, что за последнее время германская разведка проявляет большую активную деятельность, направленную на разложение партизанского движения, путем засылки своей агентуры в партизанские отряды из числа полицейских, старшин управ и «общин».

В партизанском отряде тов. Курмилева, действующем в Суражском районе Витебской области, выявлены:

1. Дроздов Ф. В. — в период немецкой оккупации работал старшиной Запольской управы. Активно помогал немецким войскам в снабжении продовольствием. За время работы старшиной управы сдал немецкой армии свыше 1200 центнеров мяса, свыше 1000 центнеров хлеба. Вел активную борьбу с партизанским движением.

2. Ларионов Я. Р. — в период немецкой оккупации работал старшиной «общины» к—за им. Сталина Запольского с/совета, Суражского района. За время работы старшиной «общины» с августа месяца 1941 г. по март 1942 г. показал себя активным пособником фашистским властям.

Канько — в период немецкой оккупации вел активную борьбу с партизанским движением. Принимал участие в нападении на партизанский лагерь, где в землянке было убито несколько партизан.

В партизанском отряде тов. Дьячкова, действующем в Меховском районе, находится Орлов Павел Андреевич

Орлов П. А. в период немецкой оккупации работал старшиной Поташинской волостной управы Меховского района, требовал от старшин «общин» полного выполнения плана по зернопоставкам. За невыполнение планов избивал старшин «общин». Зачитывал на колхозных собраниях немецкие приказы и призывал колхозников на оказание помощи немецкой армии. Предупреждал об ответственности за связь с партизанами.

Дроздов, Ларионов и Канько нами арестованы и ведется следствие.

В отношении Орлова подготавливаем дополнительные материалы на арест.

Для быстрейшего очищения партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины, кроме ранее имевшейся агентуры в отрядах, нами проведены дополнительные вербовки из числа членов партизанских отрядов.

2 июня 1942 г. д. Долговицы Нач. опер. чекистской группы НКВД по Витебской обл. — капитан госбезопасности — /Юрин/
РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 554. Л. 50–51.

Сов. секретно

Секретарю ЦК КПБ(б) члену военного совета 3–й ударной армии тов. Пономаренко

На территории временно оккупированных районов Белоруссии и особенно из Витебской области на нашу территорию переходит исключительно большое количество местного населения. В отношении большинства из них мы при фильтрации безусловно никаких компрометирующих материалов пока не получаем, что не дает нам основания их задерживать.

В то же время оставлять их на месте, т. е. по существу в прифронтовой полосе, нецелесообразно, так как среди них, естественно, имеются пока незоблаченные агенты германской разведки.

Не имея определенного места их концентрации, мы вынуждены отпускать их, и они бродят по нашим тылам без учета и контроля.

В отношении бывших военнопленных—окруженцев или бежавших из плена имеются конкретные указания о направлении их в спецлагеря или через сборные пункты в воинские части.

В отношении местного населения непризывного возраста и не военнопленных, выходящих из тыла противника, считаю целесообразным направлять их или в какие—либо лагеря или определенные районы их концентрации, с выдачей им на руки соответствующих документов, не дающих права жительства в неуказанных районах концентрации.

В районах, где они бы концентрировались, организовать их дальнейшую проверку и фильтрацию.

Прошу срочно решить этот вопрос и указать конкретные места, порядок их направления, иначе они нас наводняют своим потоком и не дают работать.

2 июня 1942 г. д. Долговицы.

Руководитель опер. чекистских групп НКВД по Витебской области капитан госбезопасности /Юрин/

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 52–53.

Сов. секретно

Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко. Спецсообщение. О засорении партизанских отрядов предателями и изменниками родины по состоянию на 25.5.42 г.

В партизанских отрядах личной проверкой установлены факты засорения отрядов предателями, провокаторами и шпионами, засылаемыми фашистской разведкой в целях разложения отрядов изнутри.

В нашем распоряжении имеются следующие факты.

В партизанском отряде тов. Курмилева находится в настоящее время в качестве бойца Сазонин Александр, который с первых дней прихода немцев в Сураж поступил на службу в полицию, служил полицейским при Кравцовской управе.

Сазонин А. является активным пособником фашистских оккупантов, имел тесную связь с немцами, пользовался у них авторитетом и считался надежным полицейским.

В сентябре 1941 года Сазонин задержал и убил в дер. Подмощи Кравцовского сельсовета бежавшего из плена лейтенанта РККА. Ежедневно ездил по селам и грабил семьи коммунистов и партизан. Осенью Сазонин ездил грабить семью командира партизанской бригады тов. Шмырева, неоднократно ездил в карательные экспедиции на партизан. В своей верноподданнической службе оккупантам, беспощадных грабежах населения Сазонин дошел до такой степени, что уволен из полиции, после чего он пришел в отряд.

Младший брат Сазонина также работает в полиции и в настоящее время.

За последнее время в отряд принято трое полицейских — Шкридов Карл Иванович, Богданов Петр Матвеевич, Павлов Александр Гаврилович. Все эти полицейские служили в полиции при стеклозаводе «Новко» Суражского района, и 1.02.42 года тов. Дик принял их в отряд. Шкридов, Богданов и Павлов во время службы у оккупантов активно боролись против советских граждан, помогали немцам вылавливать военнопленных и евреев. Они словили трех евреев и выдали их немецкому отряду, стоящему в дер. Островское, где этих евреев расстреляли.

В феврале 1942 года в отряд тов. Дика из Витебска прибыло трое неизвестных, назвавшихся: Баранов Иван Кириллович, Михальченко Аркадий Андреевич и Стояков Иосиф Федорович, и заявили, что в Витебске у них имеется оружие, а сами они желают служить в партизанском отряде. Тов. Дик без проверки отпустил их в г. Витебск за

оружием, но никто из них не вернулся. 10.5.42 г. эти лица появились в отряде тов. Райцева, также заявили, что они имеют оружие и желают вступить в отряд, и снова были отпущены в Витебск за оружием, но не вернулись. Надо полагать, что эта группа ходит по отрядам с целью разведки по заданию немцев, а благодаря беспечности командиров уходят из отрядов безнаказанно.

Поступившие данные о командире партизанского отряда тов. Дике говорят о том, что он в 1937–1938 годах работал в Станьковском сельпо Минского района, где совершил растрату и бежал, но органами НКВД был разыскан и предан суду, был судим к принудработам.

В период пребывания на оккупированной территории тов. Дик был арестован немецкими оккупантами как партизан, допрашивался и освобожден якобы по рекомендации знакомых ему полицейских.

Эти данные дают основание полагать, что Дик завербован немецкой разведкой и был освобожден с задачей влиться в партизанский отряд, взять в свои руки руководство и парализовать деятельность отряда.

Практическая деятельность Дика, как начальника отряда, красноречиво подкрепляет эти предположения. Этот отряд является самым пассивным, ни одной наиболее существенной операции не провел. Смолдовская операция 13–14 мая по существу является не результатом его деятельности, а инициативой самого Михайлова, комиссара и нач. штаба отряда. Дик, наоборот, тормозил посылку группы задержкой подбора людей, подготовкой продуктов, чем вызвал жалобу мне на Дика со стороны тов. Михайлова.

В отношении Дика выражают недовольство сами командиры и бойцы отряда, жалуясь на его бездеятельность и отсиживание отряда, на неспособность и нежелание наиболее серьезно проводить какую—либо операцию. О его недалёкозоркости, а возможно и сознательной деятельности по засорению отряда, свидетельствует такой факт.

Из этого отряда была послана в Оршу разведчица Волкова Валентина с задачей установления связи с действующим там партизанским отрядом. Разведчица быстро вернулась и привела с собой представителя Оршанского партизанского отряда. На вопрос к разведчице, почему она быстро вернулась, она заявила, что немцы подвезли от Орши до Витебска на машине, а вместе с ней и представителя Оршанского партизанского отряда. На второй вопрос, чем вызвана такая доброта фашистов — подвозить партизан, она ответила, что она дала немецкому шоферу несколько яиц и он согласился их подвести.

Дик, несколько не смущаясь, принял их обоих в отряд и доволен, что

связался с Оршанским отрядом, который насчитывает 1000 партизан.

Разведчица признана, безусловно, своей, беспрепятственно посещает все подразделения отряда и даже обошла все соседние отряды, осмотрела местоположение подразделений отрядов, штабов и готовится к очередной посылке в тыл врага. На мои вопросы к Дикю: проверена ли ваша разведчица, вы в ней уверены, он обиженно ответил: «Если бы не был уверен, то не посылал бы в тыл противника. Она с Оршанским отрядом все —таки связалась и привела от них представителя».

Заподозрив в этой разведчице агентуру гестапо, я лично вызвал представителя из Оршанского партизанского отряда, который на мой вопрос признался, что он вызывался в гестапо, что в партизанском отряде не состоит и никакого отряда в Орше в 1000 человек не знает, а послал его якобы лейтенант—окруженец, с которым они легально проживают в г. Орше.

Этот «делегат» из Орши мной арестован и допрашивается. Разведчица успела уйти на передовую линию отряда и ускользнула от допроса. Но через нач. отряда и бригады она мною вызвана для опроса.

В зависимости от дальнейшего хода допроса о ней решу вопрос дополнительно. Не исключена возможность, что разведчица могла быть использована гестапо вслепую с подводем к ней «представителя» от Орши. Возможно, и сама перевербована гестапо.

К подбору людей в отряд тов. Дик относится безразлично, кроме вышеуказанных трех полицейских 10 мая с. года принял 12 дезертиров РККА из Комаровского сельсовета.

В отряде тов. Курмелева 1 мая 1942 г. во время боя в землянке партизан около дер. Слободки были захвачены в плен 5 партизан, из них одна девушка. 4 человека из числа захваченных находятся под следствием. Немцы освободили девушку якобы по причине того, что у нее в полиции работает отец, и на основе этого ее без проверки приняли в отряд.

Курмелев принял в отряд 6 человек—дезертиров с оружием и послал их привести еще 40 человек, но посланцы не вернулись.

В отряд тов. Дика прибыло 10 чел. без оружия и были мобилизованы в белорусскую дивизию, 7.5.42 г. бежали в лес, за ними посланы их жены.

В отряд тов. Бирюлина с оружием прибыл из Витебска полицейский, 1921 года рождения, уроженец и житель города Витебска, с января 1942 года по май служил полицейским в Витебске. Не допросив его и не проверив, приняли в отряд. Мною тщательно допрошен, получены от него разведданные.

Учитывая, что на нашей территории у него имеется мать, он мною

завербован и под другой фамилией направлен в г. Витебск для организации среди знакомых полицейских диверсионно—террористических групп, которые, совершив теракты на командование полиции и комендатур, должны явиться к нам с оружием и захваченными документами. Этот акт подорвет доверие фашистов к русским полицейским, и они сами начнут стрелять, что вызовет разгон полиции своими руками, что нам и нужно.

В отряд тов. Райцева 5.5.42 г. прибыл Гриценко Анатолий, 1920 г. р., уроженец г. Фрунзе, по национальности украинец, грамотный, холостой, служил в РККА в 153–м с. п. в 150–м отдельном батальоне в должности командира батареи. Около Лиозно был взят в плен и находился в лагере военнопленных в г. Витебске. В октябре 1941 г. добровольно вступил в германскую армию и служил в автоколонне при аэродроме.

Гриценко нами завербован и направлен в г. Витебск с задачей связаться с знакомыми служащими в немецкой армии, которые якобы не желают больше служить, но боятся явиться к нам, предложить им совершить теракт над офицерами и бежать к нам. Этим актом преследуется цель подорвать доверие к украинцам со стороны фашистов.

9.5.42 г. отрядом задержана группа из 9 человек, из которых наиболее подозрительными являются: Бакаев Александр Алексеевич, 1910 г. р., урож. г. Куйбышева, русский, б/п, образование незаконченное среднее, служащий, женат, до войны работал и жил в г. Витебске методистом в спортобществе «Спартак».

При оккупации г. Витебска немцами проживал в г. Витебске, а в ноябре, с 8 по 17 1941 г. был под арестом в немецкой фельджандармерии. При освобождении из—под стражи Бакаева офицер жандармерии потребовал от него сообщать о появлении коммуниста Козловского, скрывающегося от ареста жандармерии. Бакаев дал согласие. 7 декабря 1941 г. Бакаев был вызван в фельджандармерию, где предложено ему работать у них слесарем, и он дал согласие. Работал там до 6 мая 1942 г., до момента ухода из г. Витебска.

Сафронов Петр Лаврентьевич, 1903 г. р., урож. дер. Дровнево, Даниловской волости, Рославского уезда, русский, чл. ВКП(б) с 1929 года, работал в РК милиции трудколони НКВД. При оккупации г. Витебска арестовывался полицией, но благодаря знакомству с нач. полиции г. Витебска был освобожден и до момента ухода из Витебска нигде не работал. Является инициатором организации группы ухода из г. Витебска.

Ведется расследование на предмет разоблачения их шпионской деятельности.

В целях вскрытия деятельности германской разведки в отрядах мной

направлены опергруппы других районов в помощь Лиознянской, Сурожской, Городокской и Меховской опергрупп для вербовки агентуры в отрядах и среди населения в районе расположения отрядов.

Проводим вербовку засланной агентуры из числа жителей деревень прифронтовой полосы.

О результатах выполнения наших мероприятий и материалах расследования сообщу дополнительно.

В отрядах выделены отдельные работники, ранее работавшие в милиции, для ведения разведки, прекратив практику, когда с разведчиками говорили все кому не лень и все их знали. Такая практика вела к расшифровке разведчиков и увеличению двурушников. Выделенные товарищи соответствующим образом проинструктированы.

Руководитель опер, чекистской группы НКВД Витебской области — капитан госбезопасности — Юрин.

24.5.42 г.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 39–46.

***Начальнику штаба партизанского движения при ставке Верховного
Главного командования товарищу Пономаренко П. К. О работе
оперативно—чекистских групп в п/отрядах***

В целях борьбы с возможным проникновением шпионов, провокаторов, террористов, выявления паникеров в партизанских отрядах, штаб совместно с Орловским Областным Управлением НКВД в июне месяце 1942 г. создал (из числа работников НКВД) оперативно—чекистские группы при партизанских отрядах.

За июль месяц оперативно—чекистскими группами разоблачено 62 вражеских элемента.

В районе деятельности Суземских отрядов разоблачено и расстреляно 11 человек, в том числе:

террористов — 3

изменников Родины — 4

антисоветчиков — 4

В Трубчевских партизанских отрядах разоблачено и расстреляно 10 человек:

изменников Родины — 3

антисоветчиков — 2

аферистов — 1

агентов полиции — 4

В Навлинских отрядах расстреляно 11 человек:

немецких агентов — 6

мародеров — 1

агентов полиции — 4

В отряде им. Ворошилова № 1–7 человек:

разведчиков—шпионов — 5

агентов полиции — 1

мародеров — 1

В районе деятельности Выгонических отрядов разоблачено 19 человек, в отряде им. Ворошилова № 2 разоблачено 2 шпиона.

Поступившие материалы свидетельствуют о том, что противник засылает в массовом масштабе свою агентуру с задачей разложения отрядов и проведения террористической, шпионской деятельности. Так, например:

В Навлинском отряде разоблачена и расстреляна группа засланных шпионов:

1. Фомичева Александра Семеновна, 1919 г. р., уроженка с. Пластовое, Навлинского района.

2. Ивлиев Михаил Лаврентьевич, 1916 г. р., уроженец Беловского с/с, Богатовского района, Куйбышевской области, кандидат ВКП(б).

3. Груздев Николай Ильич, 1918 г. р., уроженец Вологодской области, чл. ВЛКСМ.

4. Титов Дмитрий Иванович, 1919 г. р., уроженец Читинской области.

Следствием установлено, что Фомичева в течение 2–х месяцев работала уборщицей у немцев в казармах, сожительствовала с немцами. В июне 1942 г. завербована немецкой комендатурой г. Брянска и направлена в отряды: перешла линию фронта. Вместе с ней были направлены: Ивлиев, Груздев, Титов — из украинского фашистского батальона, которые прибыли с задачей влиться в партизанские отряды.

Навлинской опер—чекистской группой разоблачен и расстрелян Шилин Алексей Петрович, 1912 г. р., который, будучи в п/о в феврале 1942 г. без боя сдался немцам, был доставлен в Выгоническую полицию, а в апреле переведен в Брянскую тюрьму, допрашивался гестапо, освобожден из тюрьмы и направлен в лагерь военнопленных, откуда переведен в украинский батальон. 8 июля был вызван в г. Орджоникидзеград, где завербован и направлен в качестве разведчика в район отрядов.

Опер—чекистская группа разоблачила и расстреляла Крисанова Андрея Ивановича, 1901 г. р., судимого ранее на 5 лет, исключенного из

партии, проживающего в дер. Шашуево, Навлинского района, за то, что Крисанов 18.1.42 г., находясь в землянке с другими, во время прихода карателей убежал, не предупредив остальных партизан, которых немцы убили. Пробрался на должность политрука взвода, скрыв свою судимость и исключение из партии. Незаконно расстрелял жену командира танковой части Красной Армии Зубенко Нину Матвеевну, фальсифицировал клеветнический материал на жителя села Крапивное Лысенкову Ф. А., обвинив ее в шпионаже.

Раскрыта и ликвидирована эсэровская террористическая группа:

1. Ульяншиков Дмитрий Иванович, 1882 г. р., уроженец села Негино, Суземского района — судим в 1920 г. за эсэровскую деятельность.

2. Никишин Федор Константинович, 1884 г. р., уроженец села Негино, судим в 1937 г. за вредительство в колхозе.

Ульяшников и Никишин организовали к/р сборище в количестве 8 человек, на котором приняли решение совершить террористический акт против председателя Негинского с/совета Климченкова и секретаря партбюро партизанского отряда им. Дзержинского Филатова Якова Свиридовича и после перейти к мадьярам в карательный отряд. Два участника этой терргруппы — Хороборкин П. З. и Ульяншиков А. А. успели уйти к карателям.

Опер—чекистской группой разоблачены и расстреляны:

1. Ковалев Михаил Иосифович, 1924 г. р. — из колхоза «Красный Октябрь», Почепского района.

2. Ковалев Иван Иосифович, 1922 г. р.

3. Шипулин, Иван Данилович 1905 г. р. — из поселка Высокий Стан, Первомайского с/с, Почепского района.

4. Безносенко Родион Пахомович — с. Котовка, Почепского района.

Вся эта группа нелегально получила от начальника полиции оружие для уничтожения партизан, тесно была связана с гестапо. 10.5.42 г. в г. Почеп выдали 4-х партизан: Горизгало, Фурсина, Нимкова и Гордеева, которых немцы поймали и расстреляли.

Разоблачены и расстреляны:

1. Ткачев Афанасий Андреевич, 1921 г. р., уроженец с. Ямное Суземского района — боец партизанского отряда.

2. Рудников Федор Константинович, 1919 г. р., уроженец с. Ямное — боец отряда.

Ткачев имел тесные связи с Рудниковым К., находящимся в Трубчевской полиции, и агентом полиции — Рудниковым Ф. И. и Свистковым Василием, который выдал сведения о партизанском отряде,

нелегально хранил несколько винтовок, гр—ку Блохину пытался застрелить за то, что боялся разоблачения ею. Имел попытку совершить террористический акт над командиром отряда т. Кошелевым, но промахнулся.

Рудников Ф. К. являлся агентом полиции, проник в группу самообороны и поддерживал связь с отцом, работающим в Трубчевской полиции.

Разоблачены и расстреляны:

1. Скоробогатов Григорий Степанович, 1905 г. р., уроженец села Невдольск, Суземского района. За то, что будучи бойцом отряда «За власть Советов» — дезертировал, 15 дней скрывался, перешел к мадьярам, передал им сведения о стоянке отряда. 26.5.42 г. завербован Севской городской полицией в качестве агента и переброшен в район отряда с задачей разведки.

2. Куликов Кирилл Фролович, 1900 г. р., украинец и житель села Семеновка, Суземского района, будучи в отряде, перешел на сторону врага, передал карателям данные об отряде и стал агентом полиции.

3. Щемелинин Василий Федорович, уроженец дер. Гряды, Почепского района, дезертир, работал в полиции.

28.7.42 г. расстреляны:

1. Максименко Иван Максимович, 1917 г. р., уроженец д. Износково, Львовского района, Курской области.

2. Коробец Григорий Алексеевич, 1917 г. р., уроженец д. Надежковичи, Погарского района.

3. Малашенко Виктор Иванович, 1924 г. р., уроженец д. Луки, Подгарского района.

Указанная группа, как установлено следствием, до 12.7.42 г. состояла у немцев на службе. Скрыв это, они вступили в Харьковский партизанский отряд, получив оружие, пробыли 7 дней в отряде и с оружием, по сговору, сбежали из отряда с задачей перехода к немцам, но были выявлены через агентуру.

Из материалов, поступивших от опер—чекистских групп, усматривается, что за последнее время в отрядах имеют место факты дезертирства и перехода на сторону врага. В Суземском районе за время боев с 19 по 27 июля 1942 года перешло на сторону врага 65 человек, дезертировало 362 человека, без вести пропало 10 человек, убито 7 человек, ранено 12 человек бойцов отрядов и бойцов групп самообороны. Этому способствовало то обстоятельство, что штабы отрядов при боевых операциях находились далеко от поля боя — в 5–10 км.

Имелся такой факт, когда комиссар одного отряда — Ковальчук во время боя находился в обозе за 10 км, и вместо руководства боем посылал связников в отряд узнать, не угрожает ли ему опасность там находиться...

В связи с трудностями и усиленным нажимом противника, среди личного состава отрядов появляются упаднические настроения, неуверенность в победе Красной Армии (Трубчевск, Выгоничи).

Боец—пулеметчик Плотников Ефим Агафонович, член ВЛКСМ, 1922 г. р. распространял слухи о непобедимой немецкой армии и сдал свой комсомольский билет.

Бойцы Шолупенко и Бегун стали высказывать мнения, что политические итоги года освещены неправильно, что наша армия имеет больше потерь, чем указано.

Из отряда им. Суворова, Суземского района, выделились две бандгруппы в 9 и 12 человек, которые возглавили Данченко Василий Евдокимович — житель с. Чернь и Солоников Николай Владимирович — житель с. Кр. Слобода. Обе группы имеют цель — уничтожение партизанского руководства. Ими уже убит командир разведки отряда Бережков И. А. и обезоружено 15 бойцов—партизан.

Среди ряда бойцов отрицательные настроения усиливаются тем, что их семьи при наступлении немцев ушли в леса, не имеют продовольствия и находятся в трудных условиях. И те семьи, которые остались в селах на стороне немцев, перетягивают партизан к переходу к ним.

Немцы сейчас приняли такую тактику: усилили агитацию за переход на их сторону партизан, обещая им и их семьям гарантию сохранения жизни. За Десной, где находится часть семей партизан и часть ушедших партизан, временно прекратили расстрелы, в то же время полностью уничтожаются села, где были расположены партизаны, сжигая их дотла и уничтожая население.

В ряде отрядов имеет место нетерпимая беспечность со стороны начальства. Так, например, в отряд № 1 им. Ворошилова приняли 2-х женщин — Телятникову и Калашникову, допустили их работать в штаб, с ними стали сожительствовать командир батальона Надежкин и нач. штаба Муравьев. Сейчас эти обе женщины разоблачены как немецкие шпионки и расстреляны.

В том же отряде командир батальона Степняк принял в отряд Бондаренко Ефросинью Григорьевну, 1913 г. р., которая, пробыв несколько дней, ознакомилась с положением в отряде и сбежала.

В связи с наличием за последнее время фактов дезертирства и перехода на сторону врага, особенно в Трубчевских, Суземских

партизанских отрядах, я принял решение: направить группу работников штаба партизанского движения для разбора позорных фактов в этих и других партизанских отрядах, принятия на месте всех необходимых мер по очищению отрядов от морально и политически разложившихся руководителей отрядов, поднятия бдительности в отрядах и повышения их боеспособности в борьбе с врагами.

О проделанной работе сообщу докладной запиской.

Начальник штаба партизанского движения при Совете Брянского фронта (Матвеев)

8 августа 1942 года

№ 00293

г. Елец.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16–23.

Начальнику особого отдела соединения п/о Полесской области тов. Михайловскому

Сов. секретно

В результате проводимых агентурно—оперативных мероприятий установлено, что в последнее время противник активизирует свою агентурно—разведывательную работу, засылает агентуру в партизанские отряды и в места, где по его предположению партизанские отряды имеют связь с местным населением.

1 июня с. г. Мозырским п/о был задержан неизвестный. На допросе назвал себя Ивановым Иваном Ивановичем, 1924 г. р., по национальности немец, уроженец д. Магдынь Овручевского р—на Житомирской области, заявил, что он бежал от преследования со стороны немецких властей и имеет намерение вступить в партизанский отряд.

После соответствующей проверки через агентуру, имеющуюся в г. Мозыре, было установлено, что Иванов работал до момента своего прихода в п/о в полиции города и специально направлен гестапо для разведывательной работы в один из партизанских отрядов.

На допросе Иванов показал, что он действительно завербован Мозырским отделением гестапо и направлен в Мозырский партизанский отряд с целью установления численного состава отряда, его вооружения, места дислокации, должен пробыть в отряде не более 3–4–х дней, после чего убежать из отряда и представить данные, интересующие гестапо.

4 июня с. г. Мозырским п/о также был задержан некий Чижиков

Владимир Георгиевич, 1924 г. р., уроженец г. Речицы. При выяснении личности Чижикова было установлено, что он является агентом гестапо, работал в г. Речица и направлен в Мозырьский район для разведывательной работы.

5 июня с. г. группой партизан Ельского п/о был задержан Журо Сергей Савельевич, уроженец г. Новгород—Северска, по национальности украинец, рождения 1917 г. На допросе показал, что он в апреле м—це 1941 г. был призван в РККА, служил в в/ч 7490 (мотомехполк), 2 июля 1941 г. попал в плен под Минском. Далее Журо показал, что начиная с апреля 1943 г. по 1 июля работал при Овручском гебитскомиссариате пропагандистом.

1 июня Журо был вызван в Овручское отделение СД, завербован и послан по определенному маршруту в населенные пункты Овручского и Ельского районов с целью установления численного состава и вооружения партизанских отрядов, расположенных в этой зоне.

Разоблаченные агенты немецкой разведки Иванов И. И., Чижиков В. Г. и Журо С. С. нами расстреляны.

На должности нач. штаба Сельского п/о до 28 мая с. г. работал Байбурин Хамит Якубович, по национальности татарин, уроженец д. Сафрово Чищменского района БССР, 1918 г. р. 27 мая 1943 г. Байбурин вручил командованию п/о письмо, якобы полученное им от связной отряда «Антонины», в котором сообщалось, что якобы указанная выше связная, находясь в м. Ельскудной из своих знакомых, узнала о том, что Ельское отделение гестапо посылало в распоряжение Ельского п/о свою агентуру, через которую установило численный состав отряда и его вооружение. В этом же письме были оклеветаны командиры п/о и нанесена клевета по адресу партизан. В связи с тем, что содержание письма вызвало сомнение в его правдоподобности, было проведено расследование, в результате которого установлено, что письмо это сфабриковано самим Байбуриным, после чего Байбурин был арестован.

На допросе Байбурин признался в том, что письмо было написано им с целью показать, что в отряде руководящий состав ни на что не способен и что всеми делами руководит он, Байбурин.

За фабрикацию провокационных писем и клевету по адресу партизан Байбурин расстрелян.

В настоящее время оперативным составом партизанских отрядов нашей зоны проводится работа по созданию разведывательной, контрразведывательной и диверсионной агентуры.

В г. Мозыре нами завербован агент «Бойко». При беседе с ним

выяснено, что он является резидентом Мозырского отделения СД, имеет у себя на связи до 8 агентов (списки которых передал нам).

Завербован нами агент «Жилкин». Работает зам. начальника Мозырской полиции, передает интересующие нас данные в отношении противника, а также через него ведется соответствующая работа среди полицейских.

В последнее время нами завербован агент «Огонь», работавший стрелочником на ст. Мозырь. Агента «Огонь» думаем использовать для совершения диверсионного акта на станции Мозырь.

В поселке Ельск имеется резидентура из числа работников полиции. Эту резидентуру возглавляет «Антон Титович».

Оперативным составом укомплектованы пока только Мозырский и Ельский п/о. На должность оперуполномоченного Ельского п/о назначен Важник Николай Прокофьевич. В остальных отрядах объединения оперуполномоченные будут подобраны в ближайшее время.

Начальник особого отдела объединения п/о Южноприпятской зоны, Полесской обл. /Шилов/

Верно: Сотрудник 2-го отд. БШПД майор госбезопасности /Земсков/
РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 862. Л. 3–5.

№

Совершенно секретно

Приказ начальника штаба партизанского движения Брянского фронта и начальника управления НКВД по Орловской области.

Содержание: О работе оперативно—чекистских групп при партизанских отрядах и о взаимоотношении нач. опергрупп с командованием.

№ 654

6 декабря 1942 года

г. Елец

Неоднократные попытки фашистского командования ликвидировать партизанские отряды в открытом бою оканчивались для него большими потерями, а партизанские отряды, из этих боев выходя победителями, еще более закалились и приобрели боевой опыт.

Немецкое командование и его разведорганы принимают все меры к тому, чтобы подорвать и разложить партизанское движение изнутри. Они забрасывают свою агентуру в районы деятельности отрядов с задачей выведать тайны партизан, разложить политически отряды, проводить диверсию и террор в отношении командиров и политработников партизанских отрядов. Это подтверждается значительным количеством дел, проведенных опер. — чекистским отделом НКВД при партизанских отрядах.

Созданные оперативно—чекистские отделения при партизанских отрядах полностью себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины.

Однако отдельные командиры партизанских отрядов, получая информацию от оперативно—чекистских групп, вместо оперативного использования этой информации в интересах укрепления отрядов не принимают действенных мер, а зачастую игнорируют сообщения чекистов, нанося тем самым ущерб партизанскому движению.

Агенты немецкой разведки Калашникова и Телятникова, войдя в доверие быв. комбата партизанского отряда Надежкина и его нач. штаба Муравьева, сблизилась с ними. Надежкин, несмотря на информацию оперативно—чекистского отдела о неблагонадежности Калашниковой и Телятниковой, устроил их на работу в штаб, где они продолжали заниматься шпионской деятельностью вплоть до их ареста.

Командир батальона Чирканов принял в качестве разведчицы явно подозрительную Федорову [...]. Федорова оказалась агентом германской разведки, засланной немецкой комендатурой с разведывательными целями, собрала данные и ушла к немцам.

Несмотря на протесты оперативно—чекистского отделения, командир отряда Бойко принял к себе в штаб Андросову, сблизился с нею, доверил ей хранение совершенно секретных документов. Андросова оказалась агентом фашистской разведки.

Отдельные командиры незаконно вмешиваются в оперативные функции оперативно—чекистских групп, пытаясь подменить руководство этими группами.

Так, быв. комиссар Суземского отряда Паничев без оснований освободил из—под стражи арестованного за принадлежность к немецкой разведке.

Командир отряда Сеченко без ведома начальника оперативно—чекистского отделения освободил из—под стражи арестованного

Джигитова.

Командир отряда Покровский отдал приказ о снятии с работы начальника опер. — чекистского отделения Макарова и назначил его политруком, на что не имел никакого права.

Командир отряда Гузенко и его нач. штаба Кочур никаких мер по информации оперативно—чекистского отд. не принимал и незаконно требовал подчинения им начальника оперативно—чекистского отд. Куликова.

Такие факты могли иметь место только потому, что антисоветские элементы, пробравшиеся в отряды, пытаются всеми силами подорвать авторитет оперативно—чекистских групп, а отдельные командиры, вместо пресечения этих враждебных действий, сами устанавливают неправильные взаимоотношения с работниками НКВД.

Имеют место факты, когда командиры при наличии возможности не оказывают необходимой помощи оперативно—чекистским группам в проведении оперативных мероприятий, направленных на разрушение коммуникаций врага, отказывают в взрывчатке и др. средствах боевой техники и вооружения и свои неправильные действия пытаются объяснить различными необоснованными мотивами.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командованию объединенных партизанских отрядов — т.т. Емлютину и Бондаренко разъяснить всему начальствующему составу партизанских отрядов, что оперативно—чекистский отдел и его группы действуют на правах Особого Отдела НКВД и непосредственно оперативное руководство их оперативно—чекистской деятельностью осуществляется управлением НКВД Орловской области и представителем Центрального штаба партизанского движения при штабе Брянского фронта, что командование отрядов обязано оказывать им всемерное содействие в проводимой работе.

2. Разъяснить, что назначение и снятие оперработников производится только начальником Управления НКВД или начальником штаба оперативно—чекистского отдела, действующего в районе партизанских отрядов, по принадлежности.

3. Установить, что оперативно—чекистское отделение и отдел имеет право производить арест и предание суду Военного Трибунала преступного элемента:

- а) из лиц рядового и младшего начсостава с санкции прокурора;
- б) из лиц среднего и высшего начсостава с санкции прокурора и командования объединенного штаба партизанских отрядов;

4. Охрану и конвоирование арестованных внутри партизанского края возложить на комендантские взводы партизанских отрядов.

5. Установить, что направление самолетами на советскую территорию лиц из партизанского края должно производиться по согласованию с оперативно—чекистским отделом.

6. Обязать начальников оперативно—чекистских отделений и отдела соответственно информировать командование отрядов и объединенного штаба о материалах, касающихся положения дел в отрядах, о добытых разведданных, необходимых для боевой деятельности отрядов и проведения оперативных мероприятий по разрушению коммуникаций врага.

Разрешить командирам партизанских отрядов включать в отчетность соответствующего отряда результат боевой деятельности специальных групп оперативно—чекистских отделений по разрушению коммуникаций врага по донесениям нач. оперативно—чекистских отделений.

7. Начальнику оперативно—чекистского отдела — ст. л—ту государственной безопасности тов. Лизунову улучшить обслуживание отрядов и всемерно усилить агентурно—разведывательную работу на территории противника.

8. Командировать в район деятельности штаба партизанских отрядов начальника 4-го отдела УНКВД — ст. лейтенанта госбезопасности т. Ждорова, которому вместе с командованием штаба провести организационную перестройку оперативно—чекистских групп и расстановку личного состава в соответствии с проведенной реорганизацией партизанских отрядов, оказать практическую помощь оперативно—чекистскому отделу в улучшении оперативной работы.

Председатель центрального штаба Начальник управления НК партизанского движения — член НКВД по Орловской обл. военного совета Брянского фронта — майор госбезопасности ст. майор государственной безопасности /Фирсанов/ /Матвеев/

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

№

Инструкция. Оперработникам КРО, направляемым в Партизанский Край, для чек. обслуживания партизанских бригад.

(Утверждена 4 сентября 1942 г. Зам. начальника Управления НКВД ЛО майором госбезопасности Ивановым)

Сов. секретно

I. Основные задачи:

Учитывая, что немецкие разведывательные органы и, в частности, отделения гестапо на территории временно оккупированных районов в качестве одной из первоочередных задач ставят перед собой борьбу с партизанским движением путем массового внедрения своей агентуры в партизанские отряды с целью их разложения, насаждения сети предателей во всех населенных пунктах, создавая повсеместно полицейские и карательные отряды из среды антисоветского и уголовного элемента, вся ваша работа должна протекать по следующим направлениям:

1. Создание крепкого негласного агентурного аппарата в каждом партизанском отряде с целью быстрого выявления предателей, изменников и агентуры противника с немедленной их ликвидацией.

2. Использование квалифицированной агентуры при партизанских отрядах для подбора и насаждения резидентур в оккупированных немцами районах с целью:

а) Сбора разведданных для Красной Армии.

б) Создания диверсионных и террористических групп по уничтожению штабов, воен. объектов и генералитета фашистской армии.

в) Выявления шпионов и диверсантов, переброшенных фашистами на территорию СССР.

3. Заброски специальных боевых разведывательно—диверсионных групп для установления связи с агентурой и активных операций.

II. Основные мероприятия:

Для осуществления указанных задач вам необходимо:

1. Произвести точный учет партизан, побывавших в плену у немцев, влившихся в отряды из оккупированных районов, выделив для агент, разработки первоочередную категорию, подозрительную по своему прошлому или поведению.

2. Подобрать из среды честных боевых командиров и бойцов партизанских отрядов резидентов и агентуру, которых направить целевым порядком на вскрытие вражеской агентуры.

3. Наиболее способных в разведыв. отношении агентов проинструктировать и подготовить в разрезе выполнения специальных заданий по насыщению агентуры в оккупированных районах.

4. Тщательно отработать с резидентами и агентами, выделенными вам для ведения закордонной работы, вопросы вербовки, конспирации, явок,

четкой и быстрой связи с применением кодированной связи по радиии, предусмотрев возможные варианты поведения агентуры в тылу противника вплоть до провалов и возможных перевербовок.

5. Подготовить условия для приема и сбора материалов, документов и трофейных предметов /оружия, радиии и т. п. немецкого обмундирования, денег, документов и т. п./ от возвращающихся из боевых операций отрядов и групп, произвести учет выявленных ими контрагентов вражеских разведчиков, диверсантов, предателей как на оккупированной немцами территории, так, в особенности, выявляя каналы проникновения противника на территорию СССР. Также собирать исчерпывающие данные о режиме, агентурной обстановке, документации и политико—экономич. состоянии оккупированных районов.

7. Все добытые материалы путем опросов и агентурной работы, проведенной Вами, помещать в декадных отчетах, которые 10, 20 и 30 каждого месяца регулярно направлять в 2 адреса:

КРО НКВД — г. Тихвин, КРО УНКВД — г. Ленинград.

Примечание: Внеочередные сообщения о выброске вражеской агентуры и добытые важные развед. данные передавать по радиии немедленно.

Зам. Нач. КРО УНКВД ком. гос. безопасности /Альтшуллер/

г. Тихвин

Из архива С. С. Бельченко

Заключительное донесение. По вопросу о покушении на генерального комиссара Белоруссии, гауляйтера майора запаса Вильгельма Кубе в ночь на 22.9.1943 г.

КОПИЯ

Секретно

(У — Тдв., № 410/43 — д.)

В ночь на 22. 9. 1943 в 0 час. 40 мин. в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были, безусловно, смертельные. Его труп в полуобгоревшем состоянии был вынесен из охваченной пожаром спальни поднятой по тревоге дежурной командой и служащими газовой команды.

Лежащая рядом его жена Анита Кубе, урожд. Линденколь, которая была на 8-м месяце беременности, осталась невредимой и отделалась

только нервным шоком. Его трое маленьких детей, которые находились в другой комнате, отделенной от спальни ванной, спали и остались также невредимыми.

От удара взрывной волны обстановка спальни была почти полностью разбита. Находящийся в Минске на Театральной улице № 27 жилой дом, который граничил непосредственно со зданием генерального комиссариата, внешне не пострадал.

При осмотре места происшествия немедленно назначенной «Большой особой Комиссией», состоявшей из СС—штурмбанфюрера и криминал—советника Бондорфа (Bondorf) — в качестве руководителя, а также представителей из сектора уголовной полиции (СС—оберштур. мфюрера Брейер (Breyer) и сектора государственной полиции (СС—оберштурмфюрера и криминал—Комиссара Хайса (Heiss), во время просеивания мусора и обломков были обнаружены и изъяты материальные остатки.

Руководствуясь материалами расследований, проведенных подобными особыми комиссиями по поводу взрывов мин в различных важных немецких учреждениях, СС—оберштурмфюрер Брейер установил, что в данном случае речь идет об остатках замедлителя магнитной мины неопределенного срока действия английского происхождения.

Примененная мина, при проверке на месте происшествия, несомненно, была установлена примерно за 12 часов на выступающих пружинах матраца металлической кровати гауляйтера Кубе и там взорвалась. В пользу этого предположения говорит также характер ранения гауляйтера. Действие мины было ослаблено матрацем и телом гауляйтера. Этим можно объяснить также невредимость его жены.

Так как дом гауляйтера день и ночь охранялся собственной охраной из 12 человек полиции (Ordnungspolizei), вопрос встал только о тесном круге лиц, состоявшем из обслуживающего персонала и входивших в дом.

Дознание ограничилось поэтому в первую очередь на немедленной установке этого круга лиц, которые в течение последнего дня перед покушением что—либо делали в доме гауляйтера.

На месте происшествия были задержаны работающие и занятые в домашнем хозяйстве четыре горничные.

Их проверка вначале не показывала какой—либо связи с покушением.

Уже утром 22.9.43 было установлено, что единственная живущая из—за недостатка места вне дома служанка Елена Мазаник, 4.4.1914 г... р. (имя Карина), проживающая в Минске по ул. Театральной № 48, кв. 10, отсутствовала.

Так как такие существенные обстоятельства дали известные основания к подозрению, ее квартира была вскрыта. Оказалось, что она почти пуста.

Сестра Мазаник, ведущая совместно с ней домашнее хозяйство, Валентина Шутская 1918 г. р. (имя Валя), также отсутствовала.

Расследование на установленном месте службы сестры (казино немецкого суда в Минске) показало, что Ш., якобы из—за болей, вызванных спазмами сосудов, 21.9.43 в 10.30 оставила свое рабочее место. Перед уходом она попросила предоставить ей 21.9.43 выходной день.

При дальнейшем расследовании у различных доверенных лиц, которые имели контакт с Ш., выяснилось, что М., хотя и поддерживала отношения с немцами, очевидно с целью разведки, была настроена антинемецки. Так, недавно при своей подруге она высказывала гордость тем, что русская, и что люди при советской власти жили намного лучше, чем при немцах.

Также было установлено, что ее первый муж был расстрелян немцами как партизан и что второй муж работал шофером в НКВД г. Минска.

Мазаник выдавала себя доверенному лицу как служащую Центрального Комитета НКВД. Поэтому предположение, что только она могла совершить покушение, было правильным. Это предположение в дальнейшем расследовании было подкреплено.

Ее тесную связь с НКВД подтверждает и то обстоятельство, что она пыталась некую Галину Липскую, из круга своих знакомых, завербовать для шпионской деятельности против немецких войск. Липская, однако, это предложение отклонила. Свое положение в доме гауляйтера М. определенно использовала в целях разведки, т. к. она неоднократно имела возможность убраться его служебный кабинет.

В связи с этим особое внимание вызывает то, что, пожалуй, для всех остальных служащих дома, но не для Мазаник, генеральный комиссар требовал проверку через гестапо. Подобная проверка в отношении ее, таким образом, не состоялась.

Свое бегство обе сестры маскировали тем, что они уже за несколько дней до покушения продавали свои пожитки и носильные вещи. М. пришла 21.9.43 как обычно в 7 часов утра на работу в дом гауляйтера, жаловалась работницам на сильную зубную боль и в 10.30 оставила дом. Свой преждевременный уход она маскировала, как и ее сестра Ш.: через свою подругу попросила фрау Кубе о перенесении ее выходного дня на 21.9.43.

По особому распоряжению гауляйтера, она лечила зубы у немецкого врача, однако 21.9.43 ее там не было.

При дальнейшей проверке круга знакомых обеих сестер натолкнулись

якобы на любовника М. по имени Степан, который был установлен в лице Стефана Тиллнера (Stefan Tellner), руководителя почтового отделения в генеральном комиссариате.

Теперь, благодаря этому, возникла возможность установить деревню вблизи Минска, куда обе сестры ездили ухаживать за матерью.

Однако дом матери в деревне Малая Малюковчина оказался закрытым и пустым. Ключи были переданы родственнице сестер, некой Анне Рулькевич. Все имущество вывезли два возчика, один из которых был некий Павел Кароль, житель соседней деревни Потребби. С его помощью удалось вычислить квартиру в предместье Минска по ул. Заславской № 35–а, кв. 6.

Владелица этой квартиры сначала отрицала, что приняла беглецов, однако после очной ставки призналась, что она действительно за плату в 100 рейхсмарок приняла их и их имущество отдала своему соседу Николаю Дрозду.

Беглецами были Валентина Ш. и ее мать Анна Ш., а также двое малолетних детей Валентины. При обыске в доме Дрозда была действительно найдена различная одежда в замурованном потайном подвале.

Среди вещей находилось также темно—голубое пальто, которое было без сомнений опознано служанкой гауляйтера Галиной Вигал как собственность Мазаник.

Позже в деревянном сарае, в штабеле дров, были найдены два детонатора, которые по показаниям Дрозда принесла некая «Мария», по прозвищу «Черная Мария». Позже она была установлена как Мария Осипова. (Приметы: примерно 30 лет, рост 1.75, гибкая, черные волосы, смуглое длинное лицо.)

Хозяин усадьбы Николай Дрозд 15.8.1886 г. р., а также его жена Елена Дрозд 1890 г. р. и их дочь Регина Дрозд 16.10.1923 г. р. были арестованы незадолго до их подготовленного бегства.

Дрозд признался, что 18.9.43 Мария Осипова и Мария Дуброва ждали его на мосту в Минск, когда он возвращался из деревни Вячи со сбора ягод домой, и он получил от них две мины. Их он принес в свой дом, где они были спрятаны Осиповой в саду.

Находившаяся под арестом Дуброва вынуждена была подтвердить, что эти данные соответствуют действительности и она получила эти мины в лесу недалеко от деревни Вячи от неизвестного мужчины, вероятно, партизана.

В ходе дознания далее было установлено, что Осипова с апреля с. г.

жила у Дрозда и неоднократно предпринимала так называемые «служебные поездки». Также она во время проживания у Дрозда развернула активную антинемецкую пропаганду и авторитетно воздействовала на круг своих знакомых.

Осипова поддерживала связь с некой «Тоней» (приметы: примерно 40 лет, среднего роста, гибкая, волосы соломенного цвета, зачесанные на пробор, лицо в оспинах, в черном платке, темная одежда и черные сапоги), которая, очевидно, также работала на партизан. Тоня и Мария Осипова имели общие дела и были часто вместе. Тоня должна была также знать семью Ш., т. к. она ожидала ее 20.9.43 и содействовала в устройстве на ночлег.

Тоня и Осипова провели ночь на 21.9.43 у Дрозда. Осипова оставила квартиру Дрозда 21.9.43 в 5.30 утра, после чего Тоня вместе с беглецами и возчиком, данные которого не удалось установить, уехала по направлению к Минску.

Известно, что Ш. вышла на работу в немецкий суд в 7 утра.

В 11 утра Осипова вернулась к Дрозду и вскоре после этого оставила дом, якобы для того, чтобы предпринять снова служебную поездку. Дрозд показал в отношении Осиповой, что речь идет о чрезвычайно деятельном агенте партизан. Она предлагала его и его семью в случае преследования переправить в Москву.

Без сомнения, Мария Осипова 21.9.43 утром принесла мины в Минск и там лично или через связного передала их Мазаник, которая в это время еще находилась в своей квартире на Театральной улице, 48.

Связным был Георгий Куликов 28.5.1914 г. р., передававший письма и пакеты Мазаник и Осиповой.

В дальнейшем его задача заключалась в том, чтобы разведывать для Осиповой настроения среди населения, в немецких частях, месторасположения отдельных подразделений вермахта и другие важные сведения.

При этом ему содействовал некий Владимир Сибко, 17.11.1912 г. р., который работал музыкантом в «немецком Доме». Свои задания он выполнял, пользуясь благосклонностью знакомых официанток, показывавших ему почту от немецких солдат, выписывал отдельные номера полевых почт и др. важные подробности из писем, то есть любыми путями пытаясь заполучить сведения о немецких войсках.

Эту деятельность оба продолжали длительное время и передавали материалы Осиповой через Галину Липскую.

...В связи с арестом Куликова и Сибко была раскрыта широко

разветвленная и хорошо организованная разведывательная служба партизан и тех, кто стоял за ними.

Были выявлены важные следы, которые указывали на подготовку к новым покушениям и на других связников разведчиков. У бывшего любовника Мазаник Стефана Тиллера была изъята годная к репродукции ее фотография.

Что касается задержанного Куликова, то его следует рассматривать вместе с Марией Осиновой как лицо, вручившее Мазаник мины, предусмотренные для покушения на гауляйтера.

Проводившийся розыск Мазаник и ее родственников, а также Марии Осиновой и Тони, закончился безуспешно, так как они после выполнения специального задания с помощью Осиповой были отправлены в Москву на самолете из ближайшей партизанской области.

Осипова использовала также в качестве связного Марию Дуброву, которая, без сомнения, как закоренелая коммунистка получала от нее задания. Так, при заключительном обыске в ее квартире были обнаружены спрятанные между досок пакетики с пятью бумажками (облатками), содержащими стрихнин. Химический анализ точно показал, что речь идет о смертельно действующем яде.

Принимая во внимание тесную связь вышеуказанных лиц, можно почти со 100-процентной уверенностью сделать вывод, что в случае неудачи покушения с миной вся семья Кубе была бы отравлена стрихнином. Количество изъятого яда хватило бы, чтобы отравить более 100 человек.

Далее, благодаря работавшей на кухне немецкого суда Ш., имелась возможность подмешать яд в отпускаемые блюда.

Оценка всех сторон дела показывает, что Мария Осипова — лицо, действующее по заданию Москвы, и именно НКВД.

Непосредственная исполнительница — Елена Мазаник, как уже упоминалось, также относится к НКВД.

Сведения о жизни и обычаях семьи Кубе и другие важные происшествия, благодаря роду работы Мазаник, легко передавались в Москву.

Дрозда и Дуброву необходимо рассматривать как закоренелых коммунистов. Куликова и Сибко они использовали в качестве подвижных связных.

Находящиеся под арестом родственники Дрозда (жена и дочь) знали о преступной деятельности вышеуказанных лиц.

Липская — соучастница, однако она отклоняла всякую активную разведывательную деятельность. Задержанный в ее квартире Леонид

Етишко, 17.8.17 г. р., по расследованию не имеет никакого отношения к делу. Поскольку у него нет постоянного занятия, вопрос стоит о его использовании на работах.

Также необходимо поступить и с Липской. К арестованным, за исключением Липской и Етишко, я предлагаю применить острейшие средства государственной полиции.

Случай должен быть передан в IV отдел для дальнейшей обработки и использования.

Командир DS Rad SD Белоруссии распорядился распустить Большую специальную комиссию (GSK) к 29.9.1943 г.

Подписал *Бондорф*, СС—штурмбаннфюрер и криминал—советник, руководитель Большой специальной комиссии.

А. Ю. Попов. Ликвидация гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе (Донесение криминал—советника Бондорфа. 1943 г.) // Исторический архив. № 1. 2002. С. 45–52.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Российский государственный архив социально—политической истории
Агентурное донесение 1–го отдела 3–го Управления НКВД СССР «О некоторых недостатках и работе партизанских отрядов в партизанском районе командира отрядов т. Емлютина» от 15.07.42. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л.108–112.

Аналитическая справка ГРУ «О формах и методах борьбы фашистских захватчиков против партизанских отрядов». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 6–14.

Аналитическая справка ГРУ «О тактике борьбы противника с партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 741. Л.36–39.

Выписка из доклада секретаря Сумского подпольного обкома КП(б) Украины т. Куманька «О мародерстве партизан» от 3.12.42.//РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1,Д. 1107. Л. 6.

Данные о боевой деятельности партизан Белоруссии по периодам «Рельсовой войны». // РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

Доклад Гиммлера «Борьба с бандами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1,Д. 1103. Л. 39.

Допрос агента гестапо, бывшего лейтенанта Красной Армии А. Б. Ларикова. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 949. Л.14–25.

Директива начальника тылового района Северного фронта № 1198/41 от 14.09.41 «О создании агентурной сети». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 124.

Докладная записка на имя начальника ЦШПД П. К. Пономаренко от 03.03.43 «О негативных явлениях в партизанских отрядах». //РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 1–11.

Докладная записка на имя заместителя начальника ЦШПД С. С. Бельченко от 07.08.43. «О преступной деятельности командира 10–й партизанской бригады Калининского штаба партизанского движения Вараксова». // РГАСПИ. Ф.69. Оп. 1. Д. 748. Л. 7–10.

Докладная записка на имя начальника политического отдела ЦШПД т. Малина «Об отдельных фактах отрицательных явлений со стороны

командного и политического состава партизанских отрядов Орловской и Курской областей». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1–3.

Докладная записка начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) т. Александрову «О разведывательной деятельности гестапо против партизан Калининской области». // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 164. Л. 10–11.

Докладная записка «О шпионской, диверсионной и террористической деятельности немецкой разведки и работе гестапо в партизанских отрядах Белоруссии» от 7.04.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1092. Л. 62–68.

Докладная записка на имя начальника Разведуправления ЦШПД генерал—майора Аргунова «О частичном провале агентурной сети в городе и на ж.—д. узле Брянске». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 90–92.

Докладная записка на имя П. К. Пономаренко начальника оперативно—чекистской группы по Витебской области капитана госбезопасности Юрина от 16.05.42 «О состоянии и деятельности отрядов партизанских бригад т. Шмырева и т. Дьячкова». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 1–2.

Докладная записка на имя С. С. Бельченко командира разведотдела штаба партизанского движения на Калининском фронте капитана Подгорного «О состоянии агентурной работы во временно оккупированных Красногородском, Опочецком, Себежском районах Калининской области и восточных районах Латвии» от 1.01.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 741. Л. 19–20.

Докладная записка начальнику Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин у от командира бригады им. Ленина т. Сакмарина «По вопросу постановки агентурной работы в немецких гарнизонах за период с 5 июня по 1 ноября 1943 г.» от 30.10.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 862. Л. 73–75.

Докладная записка на имя начальника ЦШПД т. Пономаренко наркома госбезопасности Меркулова «О недостатках в чекистской работе в партизанских отрядах Белоруссии» от 26.12.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 52.

Докладная записка в ЦШПД «О недостатках разведывательной деятельности партизан Ленинградского ШПД» от 1.07.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 984. Л. 29–30.

Докладная записка на имя т. Пономаренко «О работе железнодорожного транспорта на временно оккупированной территории Орловской области» от 11.05.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1092. Л. 40.

Докладная записка на имя П. К. Пономаренко «О шпионской, диверсионной и террористической деятельности немецкой разведки и

работе гестапо в партизанских отрядах Белоруссии». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1092. Л. 64–67.

Докладная записка на имя Берия начальника УНКВД по Орловской области майора госбезопасности Фирсанова «О состоянии партизанской борьбы против немецких оккупантов в юго—западных районах Орловской области» от 10.05.42. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2–4.

Докладная записка на имя С. С. Бельченко начальника латвийского штаба партизанского движения полковника А. К. Спрогиса «О несогласованности действий оперативных групп НКВД и ГРУ с местными партизанскими отрядами» от 19.08.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 2.

Донесение начальнику Особого отдела соединения партизанских отрядов Полесской области от начальника Особого отдела объединения партизанских отрядов Южноприпятской зоны Полесской области «Об оперативных мероприятиях в отношении агентуры противника». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 862. Л. 3–5.

Донесение на имя начальника ЦШПД т. Пономаренко из главного Управления контрразведки «СМЕРШ» «О немецких разведывательно—диверсионных школах». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 762. Л. 1.

Инструкция «10 основных положений для немецкого солдата по борьбе с партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 231–232.

Инструкция «Об обращении с перебежчиками—партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 757. Л. 62.

Инструкция «О мерах по борьбе с партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 759. Л. 1–4.

Информационный бюллетень ЦШПД № 2 «Применение партизанскими отрядами мин замедленного действия» от 31.05.1943. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 702. Л. 6–19.

Инструкция «Особые указания для борьбы с партизанами» штаба 17–й немецкой армии за № 4130/41. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 164. Л. 2–8.

Краткий доклад «Об организации и ведении разведки в партизанских отрядах Кличевского района (БССР)». // РГАСПИ, Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 26.

Материалы ГРУ «О фашистской пропаганде». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 32–34.

Материалы ГРУ «О мероприятиях немцев в области культуры». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 39–41.

Обзор «О мерах немецких оккупантов по борьбе с советскими партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 322. Л. 4.

Отчет о карательных операциях против партизан «Михаэль» и

«Дрейк». // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 99. Л. 1–97.

План работы разведотдела ЦШПД по созданию квалифицированной агентуры и организации ее централизованного учета от 14.07.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л.5–12.

Приложение к специальному приказу 37–пп от 21.12.41. «О мероприятиях против партизан». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 819. Л. 8.

Приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31.10.41. // РГАСПИ, Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 120.

Приказ 95–й пехотной дивизии «Об осведомительской функции старост» от 8.10.41. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 123.

Приказ 26–й немецкой дивизии № 575/41 с от 11.09.41 «О денежной оплате за содействие в борьбе с партизанами». //РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 126.

Приказ немецкой 4–й танковой армии «О секретном делопроизводстве» от 30.08.41. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 128.

Приказ немецкого генерала Рокверса № 1198 от 14.09.41 «О противодействии партизанам». // РГАСПИ. Ф.69.Оп. 1.Д.818.Л. 131.

Приказ немецкого генерала Шенкендорфа № 52 от 14.09.41 «Об охране тыла и борьбе с партизанами». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 131.

Радиограмма начальнику РО ЦШПД от начальника РО ЗШПД Храпко от 14.06.43 «О настроениях среди немецких солдат». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 936. Л. 44.

Разведывательная сводка № 12 Калининского ШПД от 02.02.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 23.

Разведывательная сводка № 13 Калининского ШПД от 07.02.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 24.

Разведсводка БШПД № 3 от 11.01.44 «О секретном немецком складе с химическими веществами в баллонах». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 852. Л. 17.

Разведсводка Украинского ШПД № 58 от 15.06.43 «О мерах гитлеровцев по охране железных дорог». // РГАСПИ. Ф.69.Оп. 1.Д. 1103. Л. 23.

Разведсводка Белорусского ШПД № 35 от 16.06.43 «О карательных мерах оккупантов». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1103. Л.20.

Сообщение 4–го Управления НКВД в ГКО т. Ворошилову от 19.11.42 «О намерении немцев использовать против партизан газы». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1 Д. 746. Л. 286.

Сообщение на имя т. Пономаренко начальника ШПД при Военном Совете Брянского фронта т. Матвеева от 8.08.42 «О работе оперативно—

чекистских групп в партизанских отрядах». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16–23.

Сообщение Западного ШПД от 25.01.43 «О карательных мерах фашистов против мирного населения». // РГАСПИ. Ф.69.Оп. 1.Д. 1104. Л. 21–21.

Специальная записка Западного ШПД № 01069 «О тактике немцев в борьбе против партизан» от 22.04.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1.Д. 1103. Л. 14.

Спецсообщение на имя т. Пономаренко руководителя оперативно—чекистской группы НКВД Витебской области капитана госбезопасности Юрина от 30.05.42 «О проявлениях бандитизма в районах Витебской области». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 47–49.

Спецсообщение на имя т. Пономаренко руководителя оперативно—чекистской группы НКВД Витебской области капитана госбезопасности Юрина «О засылке агентуры в партизанские отряды немецкой разведкой» от 1.06.42. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 50–51.

Список заместителей командиров партизанских отрядов по разведке штаба партизанского движения на Карельском фронте на 27.08.43. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 741. Л.66–67.

Справка «О работе немецкой контрразведки по проверке документов». //РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1146. Л.84.

Спецсообщение на имя т. Пономаренко руководителя оперативно—чекистской группы НКВД Витебской области капитана госбезопасности Юрина «О засорении партизанских отрядов предателями и изменниками Родины» от 25.05.42. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 39–46.

Справка «Об агентурной обстановке на территориях, временно оккупированных фашистскими захватчиками». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 1–8.

Справка «Об агентурной обстановке на временно оккупированной территории Карело—Финской ССР на 1.08.44». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 22–28.

Справка «О приемах борьбы немцев с партизанами в Ленинградской области». // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 24.

Справка «О методах борьбы немцев с партизанами на территории Украины» // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 60.

Схема германских административных органов во временно оккупированных городах СССР. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 853. Л. 52.

Российский государственный военный архив

Данные о боевой деятельности украинских партизан на вражеских

коммуникациях. // РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

Наставление по устройству заграждений на железных дорогах. // РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 98. Л. 3–24.

Технические листки №№ 1–7 Украинского штаба партизанского движения. // РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–13.

Управление делами архивов администрации Брянской области

План насаждения новых партизанских отрядов в западных районах Орловской области. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–101.

План разведки информационно—разведывательного отдела 111 ПД при Военном Совете Брянского фронта на август 1942 г. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 68. Л. 11–13.

Программа подготовки агентурных разведчиков при спецшколе ШПД при Военном Совете Брянского фронта на август 1942 г. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 82. Л. 150–156.

Программа трехдневных сборов старших уполномоченных опергрупп армии. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 82. Л. 31–34.

Программа подготовки партизанских отрядов прифронтовых районов при ШПД при Военном Совете Брянского фронта от 9.09.42. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 116. Л. 91–94.

Справка о партизанском движении в Орловской области. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–97.

Справка «О чекистских группах УНКВД по Орловской области, находящихся при партизанских отрядах группы т. Емлютина» от 11.08.42. // УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 33–34.

Центральный оперативный архив ФСБ России

Радиограмма из района действий партизанских отрядов Емлютина. ЦОАФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 638. Л. 66–67.

Сообщение в НКВД СССР из района г. Борисова от 1.04.43. «О распаде партизанских бригад Железняк и «дяди Васи». ЦОАФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 475. Л. 17.

Сообщение начальнику ЦШПД из 4–го Управления НКВД «О негативных явлениях в партизанском отряде Яремова». ЦОА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 480. Л. 216–217.

Спецсообщение заместителю наркома госбезопасности т. Меркулову «О результате диверсии на ст. Осиповичи опергруппы Рабцевича от 30.07.43». ЦОА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 477. Л. 233.

Спецсообщение об антисоветской деятельности руководящего состава партизанского отряда, действовавшего на территории Издешковского района Смоленской области. ЦОАФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 635. Л. 112–

114.

Спецсообщение начальнику 4-го Управления НКВД из района г. Ровно. ЦОА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 468. Л. 93.

Справка на агента НКВД УССР «Никитина». ЦОА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 642. Л. 14–15.

Библиография

- Авдеев А.* Там помнят о нас. М.: Мол. гвардия, 1985. С.32–87.
- Агабеков Л., Иванов Е.* Радирует «Запад». М.: Политиздат, 1967. С. 158.
- Альтерман И. Л.* Связисты ОМСБОНа. // Динамовцы в боях за Родину. Кн. 2. М.:ФИС, 1979. С. 170–177.
- Абсалямов М., Андрианов В.* Организация партизанских сил и формы руководства их боевой деятельностью в Отечественной войне.// Воен. — истор. журн. 1966. № 9. С. 31–38.
- Андрианов В. Н.* Базирование и материально—техническое обеспечение партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны. // Военно—истор. журнал. 1972. № 5. С. 48–57.
- Андрианов В. Н.* Из опыта боевых действий партизан против карателей. // Военно—истор. журнал. 1979. № 1. С.36–42.
- Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М.: ВКШ КГБ СССР, 1990. С. 11.
- Артемов И. Н.* В эфире партизаны. М., 1971. С. 74–129.
- Боровских П. И.* Взрыв не произошел. Киев: Политиздат Украины, 1979. С.161.
- Боярский В. И.* Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 304.
- Боярский В. И.* Партизанство вчера, сегодня, завтра. М.: Граница, 2003. С.477.
- Брюханова А., Кузнецов В.* Разведчик Николай Кузнецов. Свердловск, 1964. С. 247.
- Бутенко Б. И.* Партизанское приветствие. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 1. М.:ФИС, 1975. С. 51–63.
- Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. М.: Политиздат, 1971. С. 462.
- Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М.: Воениздат, 1959. С.10–112.
- Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.* М.: Воениздат, 1965. С. 621.
- Вершигора П. П.* Невыдуманные приключения. Кишинев, 1960. С. 395.
- Вершигора П. П.* Рейд за Сан и Вислу. М.: Воениздат, 1960. С.259.
- Винаров И.* Бойцы тихого фронта. М.: Воениздат, 1971. С. 21–74.
- Война в тылу врага.* Вып. 1. М.: Политиздат, 1974. С. 446.
- Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* М.:

Юриздат, 1975. С. 532–549.

Всенародная борьба в Белоруссии против немецко—фашистских захватчиков. Т. 3. Мн., 1985. С. 35–118.

Гнидюк Н. «Медведевцы» в Ровно. // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 224–271.

Герои подполья. М.: Политиздат, 1966. С. 574.

Герои подполья. 3–е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1972. Вып. 2. С. 479.

Гладков Т. Легенда советской разведки. М.: Вече, 2001. С. 445.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Людиново — воздание и возмездие. Людиново, 1995. С. 199.

Гладков Т., Кизя Л. Ковпак. М.: Мол. гвардия, 1973. С.286.

Гриднев В. М. Разработка фашистской Германией планов оккупационного режима в сельских местностях Советской России (1940–1941 гг.). // Вопр. истории. 1970, № 5. С.79–86.

Давыдов И. Ю. Камарадо Серго. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 2. М.: ФИС, 1979. С. 75–82.

Давыдов И. Ю. Профессор Зевелев из 15–й. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.:ФИС, 1985. С. 110–118.

Давыдов И. Ю. Спортсмены из «Славного». // Динамовцы в боях за Родину. Кн. 1. М.:ФИС, 1975. С. 73–87.

Дедюля И. П. Партизанский фронт. М., 1975. С. 110–167.

Документы и материалы по истории советско—польских отношений. Т. 7. М.: Наука, 1973. С. 509.

Диксон Ч., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия: Пер. с англ. М.: Изд—во иностр. лит., 1957. С. 291.

Дубина К. В. В годы тяжелых испытаний. Киев: Обл. кн. — газ. изд—во, 1962. С. 263.

Желянин Я., Поздняков И., Лузгин И. Без линии фронта. Мн.: Беларусь, 1975. С. 85–129.

Закалюк К. П. Грачев «Центру». М.: Политиздат, 1977. С. 120.

Зинченко Ю. И. Боевое взаимодействие партизан с частями Красной Армии на Украине 1941–1944. Киев: Наук, думка, 1982. С. 186.

Засухин В. Специальное задание. // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 113–135.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991. С. 332.

Золотарь И. Ф. Записки десантника. М.: Мол. гвардия, 1955. С. 18–67.

Золотарь И. Ф. Под маской бургомистра. // Партизанские дни. М.:

ДОСААФ, 1971. С.9–42

Ивлиев Е. Крест и маузер. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.:ФИС, 1985. С. 118–126.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. М., 1966. С.139–150.

История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 7. М.: Воениздат, 1976. С. 551.

Калашников Б. В. Подрывник Хазов. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.: ФИС, 1985. С. 95–100.

Калинин П.З. Партизанская республика. Мн.: Беларусь, 1968. С.28–64.

Калинин /7,3. Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии. // Военно—истор. журнал. 1962. № 10. С. 41–58.

Киселев В. К. Партизанская разведка в Белоруссии (июнь 1941–июль 1944 гг.). // Вопр. истории. 1974. № 12. С. 12–19.

Киселев В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. Мн.: БГУ, 1980. С. 128.

Клоков В. И. Всенародная борьба в тылу немецко—фашистских оккупантов на Украине 1941–1944. Киев, 1978. С. 60–122.

Ковальский П. В Брестских лесах. Мн., 1970. С. 64–137.

Колесников ЮЛ. Лабиринты тайной войны. М.: Вече, 2001. С.542.

Королев Н. Ф. Отряд особого назначения. М.: ДОСААФ, 1968. С.41–94.

Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 1998. С.137–206.

Коровин В. В., Шибалин В. И. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С.56–81.

Корольков Ю. В катакомбах Одессы. М.: Мол. гвардия, 1968. С.25–118.

Котов Л. В. Смоленское подполье. М.: Моск. рабочий, 1966. С.90–102.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8–е изд., испр. и доп. Т. 6. М., 1971. С. 23–24.

Кравченко И. С. Борьба белорусских партизан против немецко—фашистских оккупантов. Мн., 1950. С. 369.

Кравченко И. О., Залесский А.И. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1959. С. 118–195.

Курлат Ф. Л. Бригада особого назначения. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.:ФИС, 1985. С. 10–24.

Курносоев А. А. Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко—фашистских захватчиков (1941–1945 гг.). // История СССР. 1965. № 3. С. 12–19.

Курносков А. А. Борьба советских людей в тылу немецко—фашистских оккупантов. Историография вопроса. // История и историки. М., 1965. С. 184–193.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 181.

Лобанок В. Е. Партизаны принимают бой. М.: Политиздат, 1972. С.93–167.

Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко—фашистских войск 1941–1945. М.: МГУ, 1985. С.241.

Логунова Т. А. О днях партизанских. М.: Политиздат, 1969. С.34–85.

Логунова Т. А. Партизанское движение в центральных областях РСФСР в первый период Великой Отечественной войны. // Вестник МГУ. 1974. № 9. С. 46–58.

Лукин А. Приговор приведен в исполнение. // Партизанские дни. М.: ДОСААФ, 1971. С. 77–96.

Лукин А., Гладков Т. Николай Кузнецов. М.: Мол. гвардия, 1971. С.36–72.

Машеров П. М. Патриотическая борьба молодых партизан Молодеченской области. Мн., 1945. С. 4–63.

Медведев Д. Н. Сильные духом. Киев: Политиздат Украины, 1980. С.467.

Михайлашев Н. Невидимый фронт. // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 180–204.

Мищенко Г. П., Мигрин Г. П. Задача особой важности. Киев: Вища школа, 1985. С. 206.

Наумов Д. Лесная война. Казахстан, 1968. С. 128–170.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2001. С. 717.

Павлов В. Проводник. // Партизанские дни. М.: ДОСААФ, 1971. С. 42–67.

Партизанская борьба белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1959. С. 53–76.

Попов А. Ю. Деятельность органов государственной безопасности СССР по организации партизанского движения в начальный период Великой Отечественной войны. // Бартеневские чтения: Тез. докл. и сообщ. Липецк, 2000. С.249–255.

Попов А. Ю. К вопросу об эффективности операции «Рельсовая война» на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. // Вехи минувшего: Ученые записки истор. фак—та. Липецк, 2000. С.190–198.

Попов А. Ю. Ликвидация генерального комиссара и гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. // Военно—исторический архив. 2001. № 8 (23). С. 100–114.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003. С.382.

Попов А. Ю. Материалы ТАСС об убийстве Кубе. Советская пресса об убийстве Кубе. // Военно—исторический архив. 2001. № 8 (23). С. 85–100.

Попов А. Ю. Правовое регулирование деятельности советских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны. // Военно—исторический архив. 2001. № 6 (21). С. 70–78.

Прудников М. С. Неуловимые действуют. М.: Воениздат, 1965. С. 175.

Прудников М. С. Особое задание. М.: Мол. гвардия, 1986. С.12–95.

Прудников М. С. На линии огня. М.: Сов. Россия, 1989. С.334.

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко—фашистских захватчиков в 1941–1945 гг. М.: Наука, 1982. С. 536.

Распопов Д. П. На путях — минеры. //Динамовцы в боях за Родину. М.: ФИС, 1975. С. 167–175.

Сабуров А. Н. Силы неисчислимы. М.: Воениздат, 1967. С. 287.

Соловьев А. К. В тылу врага. // Минская правда. 25 февраля 1976.

Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 1. Киев, 1980. С. 552.

Сообщение Советского Информбюро: Сб. материалов. Кн. 1. М.: Совинформбюро, 1944. С. 456.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15–23.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. М.: Вымпел, 1997. С. 438.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999. С.288.

Старинов И. Г. Мины ждут своего часа. М., 1964. С. 39–74.

Старинов И. Г. Подрывники на коммуникациях агрессора. // Вопр. истории. 1988. № 7. С. 43–49.

Ступин В. И. Замполиты ОМСБОНа.//Динамовцы в боях за Родину. Кн. 2. М.: ФИС, 1979. С. 134–141.

Федоров Е. С. Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев, 1995. С. 27–69.

Фирсанов К. В поединке с врагом. // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 204–224.

Фрунзе М. В. Военная доктрина и Красная Армия. // Избр. сочинения. М., 1977. С. 22–23.

Фуллер Д. Ф. Ч. Вторая мировая война: Пер. с англ. М.: Изд—во
иностр. лит., 1956. С. 550.

Список сокращений

а/с — антисоветский

ВВ — взрывчатые вещества

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз

Молодежи

ВШ КГБ — Высшая школа КГБ

гестапо — тайная государственная полиция гитлеровской Германии

ГКО — Государственный Комитет Оборона

ГО — городской отдел

ГПУ — Главное политическое управление

ГРУ — Главное разведывательное управление

ГШ — Генеральный штаб

ГФП — полевая полиция гитлеровской Германии, военный аналог

гестапо

д. — дело

КО — Калининская область

ком. — командир, комиссар

КРО — контрразведывательный отдел

к/р — контрреволюционный; контрразведывательный

л. — лист

ЛО — Ленинградская область

ЛШПД — Ленинградский штаб партизанского движения

МЗД — мины замедленного действия

ММД — мины мгновенного действия

МРО — межрайонный отдел

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

НМ — неизвлекаемые мины

об. — оборот

ОВ — отравляющие вещества

ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения

ОО — особый отдел

оп. — опись

ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне и авиационно—
химическому строительству СССР

ПД — пехотная дивизия
РГАСПИ — Российский государственный архив социально—
политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РДР — разведывательно—диверсионная резидентура
РО — райотдел
РОА — «Русская освободительная армия»
РП — ручной пулемет
РУ — разведуправление
СД — служба безопасности гитлеровской Германии
сд — стрелковая дивизия
ск — стрелковый корпус
СМЕРШ — («Смерть шпионам») — советская военная контрразведка
в годы Великой Отечественной войны
СНК — Совет Народных Комиссаров
с/о — секретный осведомитель
сп — стрелковый полк
с/с — секретный сотрудник
УДААБО — Управление делами архивов администрации Брянской
области
УНКВД — управление НКВД
УР — укрепленный район
ф. — фонд
ЦОА ФСБ России — Центральный оперативный архив ФСБ России
ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения

Список иллюстраций

Л. П. Берия. Народный комиссар внутренних дел

П. А. Судоплатов. Начальник 4-го Управления НКВД—
НКГБ СССР

Н. И. Эйтингон. Заместитель начальника 4-го Управления НКВД—НКГБ СССР

М. Ф. Орлов. Командир ОМСБОН НКВД СССР

В. В. Гриднев. Командир ОМСБОН НКВД СССР

В. С. Абакумов. Начальник контрразведки СМЕРШ

Герой Советского Союза В. А. Лягин

В. Г. Старинов. Помощник начальника ЦШПД по диверсиям

Герой Советского Союза И. Д. Кудря

Герой Советского Союза В. А. Молодцов

Герой Советского Союза Д. Н. Медведев. Командир отрядов «Митя» и «Победители»

А. А. Лукин. Заместитель командира отряда «Победители» по разведке

Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов. Агент—боевик отряда «Победители»

Герой Советского Союза Д. В. Емлютин. Организатор партизанского движения в Орловской области

Герой Советского Союза С. А. Ваушасов. Командир отряда
«Местные»

Герой Советского Союза В. А. Карасев. Командир отряда
«Олимп»

Генерал—майор М. И. Баскаков. Начальник Карельского штаба партизанского движения

Герой Советского Союза П. Г. Лопатин. Командир отряда «Дядя Коля»

Герой Советского Союза М. С. Прудников. Командир отряда
«Неуловимые»

Герой Советского Союза Е. И. Мирковский. Командир отряда
«Ходоки»

Герой Советского Союза К. П. Орловский. Командир отряда
«Соколы»

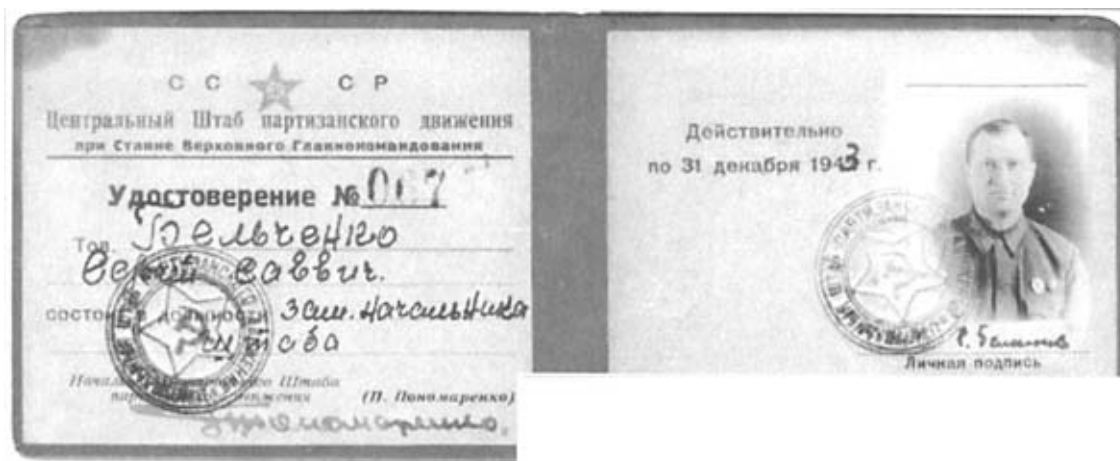
Герой Советского Союза Ф. Ф. Озмитель. Командир отряда
«Грозный»

Герой Советского Союза Н. А. Михайлашев. Командир отрядов «Вперед» и «Буря»

Герой Советского Союза Н. А. Прокопюк. Командир отряда «Охотники»

Удостоверение генерала С. С. Бельченко — заместителя начальника ЦШПД

Герой Советского Союза А. М. Рабцевич. Командир отряда «Храбрецы»

М. В. Маклярский. Начальник отделения 4-го Управления

Герой Советского Союза Л. Паперник

Герой Советского Союза М. Б. Осипова

Сумка, в которой Елева Мазаник пронесла мину

Герой Советского Союза Е. Г. Мазаник

Гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе (в центре)

План акта возмездия в минском театре. Тогда В. Кубе повезло

Похороны В. Кубе. С речью выступает А. Розенберг

Начальник ЦШПД П. К. Пономаренко (слева) и его заместитель С. С. Бельченко в 1980-е годы

Генерал—полковник С. С. Бельченко. 9 мая 2001 года.
Стадион «Динамо», г. Москва

notes

1

Выходили исследования В. Н. Андрианова, В. В. Коровина, И. Г. Старинова и др., имеющие до сих пор гриф секретности.

Киселев В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. Мн.: БГУ, 1980; *Он же.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 42–56; *Мищенко ГЛ., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. Киев: Вища школа, 1985.

Андреанов В. Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная
в тол. М.: Мысль, 1991.

Коровин 6.8. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 1998.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. М.: Вымпел, 1997; Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999; Мины ждут своего часа. М., 1964; Подрывники на коммуникациях агрессора. // Вопросы истории. 1988. № 7. С.43–49.

Боярский В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. М.: Граница, 2003.
С. 221–228

См. напр.: История партизанского движений в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Атлантида — XXI век, 2001.

Пережогин В. А. Солдаты партизанского фронта. М.: ИРИ РАН, 2001.
С. 245.

Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ—ПРЕСС—КНИГА, 2002. С. 2.

Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Олма—пресс, 2002; *Он же.* НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003; *Он же.* Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. // Отечественная история. 2003, № 3. С. 123–127; *Попов А. Ю., Цветков А. И.* Русский диверсант — Илья Старинов. СПб.: Нева, 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 3. Кн. 2. М.: Русь, 2003. С. 208–211.

См. подробнее в параграфе 1.1.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1.Д. 818. Л. 230.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 164. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1.Д. 1103. Л. 5–10.

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 104. Л. 126–130.

Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, вып. 1. М., 1974. С. 39, 58.

См. напр.: *Строкач Т. А.* Партизаны Украины. Киев, 1943.

Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко—фашистских войск 1941–1945. М.: МГУ, 1985. С. 15.

Логунова Т. А. Указ. соч. С. 17.

См.: *Агабеков Л., Иванов Е.* Радирует «Запад». М.: Политиздат, 1967; *Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. М.: Политиздат, 1971; Партизанская хроника. М.: Воениздат, 1959; *Засухин В.* Специальное задание // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 113–135; *Золотарь И. Ф.* Записки десантника. М.: Мол. гвардия, 1955; Под маской бургомистра. // Партизанские дни. М., 1971. С. 9–42; *Королев Н. Ф.* Отряд особого назначения, М.: ДОСААФ, 1968; *Курлат Ф. Л.* Бригада особого назначения. // Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.: ФИС, 1985. С. 10–24; *Лукин А.* Приговор приведен в исполнение. // Партизанские дни. М., 1971. С. 77–96; *Лукин А., Гладков Т.* Николай Кузнецов. М.: Мол. гвардия, 1971. С. 36–72; *Медведев Д. Н.* Сильные духом. Киев: Политиздат Украины, 1980; *Михайлашев Н.* Невидимый фронт. // Фронт без линии фронта. М.: Моск. рабочий, 1975. С. 180–204; *Прудников М. С.* Неуловимые действуют. М.: Воениздат, 1965; Особое задание. М.: Мол. гвардия, 1986; На линии огня. М.: Сов. Россия, 1989; *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996 и др.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т 2. Кн. 1–2. М.: Русь, 2000; Т. 3. Кн. 1–2. М.: Русь. 2003; Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. М.: ТЕРРА, 1999.

См. подр.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108–112; Д. 748. Л. 1–11;
Д. 1107. Л. 6–15.

«Известия» № 40, 29 февраля 1996 г.

Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации 1994–1996. Нормативные акты, практика, комментарии. М., 1997. С. 188–191.

Боярский В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 3.

Сборник законов СССР 1938–1975. М., 1975. С. 22.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 401. Л. 8–11.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999. С. 123.

Там же.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 149.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 4.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., испр. и доп. М., 1971. Т. 6. С. 23–24.

Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 1998. С. 138.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. М.: ТЕРРА, 1999. С. 48.

Беседа произошла 14 февраля 2001 г. *(Прим. автора.)*

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–17.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. М.:ТЕРРА, 1999. С. 114.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 518.

ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг.
М.:ОЛМА—ПРЕСС, 2001. С. 15.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 163.

Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 178.

Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 179–180.

Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 179–180.

Там же. Д. 13. Л. 145–147.

Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 179.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945.
М.,1965. Т. 6. С. 272.

Ваушиасов С.А. На тревожных перекрестках. М.: Политиздат, 1971. С. 30.

ЦОА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 642. Л. 14.

Стариное И. Г. Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999. С. 113.

Боярский В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 51.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1977. С. 43.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 181.

Фрунзе М. В. Указ. соч. С. 22–23.

Фрунзе М. В. Указ. соч. С. 22–23.

Боярский В. И. Указ. соч. С. 52.

Там же, Л. 37.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.

Там же.

РГВА. ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.

Там же. Л. 37.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 38.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная
в тол. М.: Мысль, 1991. С. 223–256.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров. М., 1989. С. 12.

Там же.

РГВА.Ф. 40973. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.

Боярский В. И. Указ. соч. С. 58.

Старинов *И. Г.* Подготовка партизанских кадров. С. 17.

Там же. С. 13.

Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров. С. 19.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 854. Л. 2.

Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров. С. 20.

Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров. С. 20.

Там же. С. 21.

Боярский В. И. Указ. соч. С. 60.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 17.

Линия «Д» — диверсии; «Т» — террор. (Прим. автора.)

Боярский В. И. Указ. соч. С. 61–62.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 23.

Андреанов В. Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М.: ВКШ КГБ СССР, 1990. С. 7.

В тройки, как правило, входили представители обкомов партии, органов госбезопасности и военной разведки. Данная практика применялась и во время создания Центрального штаба партизанского движения, однако ввиду ее неэффективности к началу 1943 г. была отменена. *(Прим. автора.)*

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн.1. М.: Русь, 2001. С.188.

В дальнейшем С. С. Бельченко стал одним из руководителей партизанского движения, заместителем начальника ЦШПД (*Прим, автора.*).

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003.
С. 41.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная
в тол. М.: Мысль, 1991. С. 82.

ОСНАЗ. От бригады особого назначения — к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М.: Олма—пресс, 2001. С. 14.

И.Г. Старинов после войны долгое время преподавал в Высшей школе КГБ СССР. (Прим. автора.)

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 350.

Андрянов В. Н. Указ. соч. С. 31.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 784. Л. 24.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003.
С. 44.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 784. Л. 24.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1.Д. 100. Л. 12.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 100. Л. 13.

Там же. Д. 68. Л. 43.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003.
С. 46.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне.
Т. 2. Кн. 2. С. 75.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.

См.: *Мищенко Г.П., Мигрин Г.П.* Задача особой важности. Киев: Вища школа, 1985. С. 150–151.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Людиново — воздание и возмездие. Людиново, 1995. С. 36.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 153.

Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 3. Оп. 25. Д. 1. Л. 3–5.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003.
С. 50.

В источнике не приводятся его установочные данные. *(Прим. автора.)*

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.

Там же.

Там же. Л. 51.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.

Там же.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.

Там же. Л. 61.

ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг.
М.: Олма—пресс, 2001. С. 15.

ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу» 1941–1981 гг.
М.: Олма—пресс, 2001. С. 15.

ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг.
М.: Олма—пресс, 2001. С. 16.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 4.

Там же. С. 72.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.
Изд. 9. Доп. и испр. Т. 7. М., 1985. С. 229–230.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Людиново — воздание и возмездие. Людиново, 1995. С. 90.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Указ. соч. С. 91.

Там же.

Прудников М. С. На линии огня. М.: Сов. Россия, 1989. С. 17–194.

Авторство этой записки оспаривает И. Г. Старинов. С его слов, это он подал записку П. К. Пономаренко, а тот уже потом за своей подписью ознакомил с ее содержанием И. В. Сталина. См. подр.: *Старинов И. Г. Второй фронт. // Боярский В. И. Партизаны и армия. С. 260.*

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко—фашистских захватчиков 1941—1944. М.: Наука, 1982. С. 80.

Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 81.

Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 85.

Там же.

Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 85.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 86.

Там же.

Нарком внутренних дел УССР с 26.02.41 по 29.07.43.

Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 86.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. С. 72–118.

Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Олма—пресс, 2002. С. 159.

Осипов Г. О. Товарищ Артур, кто Вы? М.: Политиздат, 1989. С. 83.

Бутенко Б. И. Партизанское приветствие. //Динамовцы в боях за Родину. М.: ФИС. С. 51–62.

Большинство бойцов отряда, когда ударил сильнейший мороз, получили обморожения (не было валенок), вследствие чего многие из них погибли. *(Прим. автора.)*

Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 2000. С. 17.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 91.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 1.

Там же. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 3.

Там же. Д. 458. Л. 92.

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1,Д. 818. Л. 120.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 6.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 7.

Там же. Д. 739. Л. 12.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Людиново — воздание и возмездие. Людиново, 1995. С. 71.

Там же. Д. 744. Л. 92.

Там же. Л. 93.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 92.

Там же.

Там же.

Там же. Д. 818. Л. 127.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 128.

Там же. Д. 739. Л. 9.

Там же.

Там же. Л. 9.

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 125. Д. 99. Л. 2–75.

Там же. Л. 14–17.

Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 131.

Там же. Л. 132.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 132.

Там же. Д. 739. Л. 9.

Там же. Д. 744. Л. 60.

Там же. Д. 739. Л. 6.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1.Д. 818. Л. 116.

Там же. Л. 117.

Там же. Л. 119.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1.Д. 818. Л. 119.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же. Д. 739. Л. 6.

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1,Д. 818. Л. 124.

Там же. Д. 325. Л. 15.

Коровин В. В. Указ. соч. С. 16.

Гладков Т., Калиниченко Ю. Указ. соч. С. 67.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 88.

Там же. Д. 739. Л. 8.

Там же. Л. 7.

201

Там же. Д. 818. Л. 124.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 8.

Там же.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 8.

207

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1,Д. 1090.Л.3.

Там же. Д. 739. Л. 8.

Там же.

Об этом, в частности, в беседах с автором упоминал ветеран партизанского движения И. Г. Старинов.

211

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 149.

Там же. Л. 151.

215

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 7.

Там же. Л. 9.

217

Там же. Д. 818. Л. 8.

Федоров Е. С. Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев, 1995. С. 27.

220

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1,Д. 1103. Л. 20.

221

Там же. Д. 821. Л. 7.

222

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 48.

Там же. Л. 2.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1.Д. 152.Л.5.

Там же. Л. 20.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 152. Л. 7.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 762. Л. 1.

229

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 762. Л. 1.

Там же. Д. 739. Л. 8.

Отец бывшего министра иностранных дел России Игоря Иванова.

Командир партизанского отряда. *(Прим, автора.)*

*Иванов С. В. За линией фронта. //Динамовцы в боях за Родину. Кн. 1.
М.: ФИС, 1975. С. 112.*

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма—пресс, 2003.
С. 93.

Киселев В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944.
Минск: БГУ, 1980. С. 41.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 44.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 945. Л. 1–94; Д. 1103. Л. 20–28.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 41.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 41.

УДААБО. Ф.1650. Оп. 1. Д. 68. Л. 39.

241

УДААБО. Ф.1650. Оп. 1. Д. 68. Л. 39.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 51.

243

Там же.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 52.

245

УДААБО.Ф. 1650. Оп. 1,Д. 68. Л.11.

246

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1.Д. 68. Л. 12.

247

РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д. 790. Л. 128.

Артемьев И. Н. В эфире партизаны. М., 1971. С. 129.

Бобров Н. И. Смертник. Записки агентурного разведчика. М.: Золотая аллея, 1999. С. 129.

Киселев В. К. Указ. соч. С. 59.

251

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 82. Л. 42.

Там же. Л. 44.

253

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1.Д. 82.Л.24.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 5.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7. М.: Воениздат, 1976.
С. 313.

256

РГАСПИ. Ф. 6 9. Оп. 1. Д. 791. Л. 52.

Там же. Л. 4.

258

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 8.

Там же.

260

УДААБО. Ф. 1650, Оп. 1, Д. 68. Л. 15.

261

Там же. Л. 42.

262

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 11.

Там же.

Там же. Л. 12.

265

УДААБО. Ф. 1650. Оп. Т. Д. 68. Л. 42.

Там же. Л. 43.

267

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 741. Л. 66–67.

Коровин В. В., Шибалин В. И. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 56.

Соловьев А. К. В тылу врага. // Минская правда. 25 февраля. 1976.

Ковальский П. В Брестских лесах. Минск, 1970. С. 64.

271

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1.Д. 68. Л. 13.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 82. Л. 51.

УДААБО.Ф. 1650. Оп. 1. Д. 68. Л. 43.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 291.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. М., 1999. С. 123.

277

РГВА. Ф.40973. Оп. 1, Д. 28. Л.18.

Там же.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 223.

280

РГАСПИ.Ф. 69. Оп.1.Д. 702. Л. 10.

281

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.

Там же. Л. 59.

РГАСПИ.Ф. 69. Оп.1.Д. 702.Л. 13.

Там же. Л. 14.

285

РГАСПИ.Ф. 69.ОП.1,Д. 702. Л. 14.

Там же.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 48.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 225.

Ивлиев Е. А. Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.:ФИС, 1985. С. 118–119.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 226.

Калашников Б. В. Подрывник Хазов. // Динамовцы в боях за Родину.
Кн. 3. М.: ФИО, 1985. С. 95–96.

Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Указ. соч. С. 227.

Там же. С. 229.

Там же.

Ивлиев Е. А. Были огненных лет. М.: ДОСААФ, 1983. С. 29–30.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1, Д. 110. Л. 11.

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

Там же.

Там же.

300

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1, Д. 110. Л. 12.

301

Там же.

Там же. Л. 2.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 230.

Ваушасов С. А. Партизанская хроника. Минск: Беларусь, 1971. С. 288–290.

Там же.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. М.: Вымпел, 1997. С. 364.

Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 322.

Там же.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия. М.: Вымпел, 1999. С. 162.

Старинов И. Г. Указ. соч. С. 162.

311

Там же. Л. 9.

312

Там же.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 241.

314

Там же.

316

РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 98. Л. 3.

Имеется в виду оставшихся в живых после сталинских «чисток» специально обученных диверсантов в 1929–1933 гг.

318

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

319

Там же.

320

РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

Андреанов В. Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 102; 184. *Коровин В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 1998. С.137–206; *Мищенко ГЛ., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. Киев: Вища школа, 1985. С. 120; *Киселев В. К.* Партизанская разведка. Мн.: БГУ, 1980. С. 34–82.

Андрянов В. Н. Указ. соч. С. 102.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 52–53; Д. 949. Л. 14–25; Д. 1092. Л. 62–64.

Андрянов В. Н. Указ. соч. С. 103.

325

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16.

326

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

Там же.

329

Там же.

330

Там же.

331

УДААБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

Там же.

Колесников ЮЛ. Лабиринты тайной войны. М.: Вече, 2001. С. 223–236;
Запись беседы с ветераном ОМСБОН НКВД СССР академиком РАЕН
А. И. Зевелевым от 18.10.2001.

Командир отряда — капитан государственной безопасности П.Г. Лопатин. *(Прим, автора.)*

Золотарь И. Ф. Под маской бургомистра. // Партизанские дни. М.: ДОСААФ, 1971. С. 932.

Мищенко ГЛ., Мигрин Г. П. Указ. соч. С. 121.

337

РГАСПИ, Ф. 69. Оп. 1.Д. 153. Л. 297.

Мищенко Г. П., Мигрин Г. П. Указ. соч. С. 122–123.

Мищенко ГЛ., Мигрин ГЛ. Указ. соч. С. 106.

Мищенко Г. П., Мигрин Г. П. Указ. соч. С. 106.

Попов А. Ю. Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 123–127.

Мищенко Г. П., Мигрин Г. П. Указ. соч. С. 108.

343

Там же.

Дедюля И. П. Партизанский фронт. М., 1975. С. 167.

Андрянов В. Н. Указ. соч. С. 109.

Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 125.

347

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 336. Л. 10–11.

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1,Д. 336.Л. 12–16.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 190.

Андрянов В. Н. Указ. соч. С. 111.

351

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108.

Генерал—майор А. Н. Сабуров. *(Прим. автора.)*

353

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 110.

354

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 110.

Там же. Л. 111.

356

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 1.

Там же. Д. 74. Л. 9–12.

358

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 52.

359

Там же.

360

Там же.

Боярский В. И. Указ соч. С. 149.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 278.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 279.

364

РГАСПИ.Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 374.

С. А. Ваупшасов. *(Прим, автора.)*

Верхозин А. М. Самолеты летят к партизанам. М.: ИПЛ, 1966. С.107.

Мазаник Е. Г. Казнь фон Кубе — гауляйтера Белоруссии // Партизанские были. М.: Воениздат, 1958. С. 478.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 280.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 479.

Из немецких источников явствует, что Шутская работала в казино немецкого суда. Елена Мазаник утверждает, что сестра работала уборщицей на кухне в немецком суде.

371

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 211.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 479–480.

373

РГАСПИ.Ф. 625. Оп. 1,Д. 105. Л. 212.

374

РГАСПИ.Ф. 625. Оп. 1,Д. 105. Л. 213.

375

Там же. Л.212.

В некоторых документах Зубко, Зубков.

377

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 213.

Там же. Л. 214.

Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко—фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М.: Наука, 1982. С. 35.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 480.

381

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 215.

382

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 216.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 481.

Там же. С. 483.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 484.

386

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 185.

387

Запись беседы с Н. В. Троян от 27 января 2002 г.

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 37. Л. 134–135.

Запись беседы с заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны генерал—полковником С. С. Бельченко от 17 марта 2001 г.

Старинов И. Г. Второй фронт // В. И. Боярский. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Минск — Москва, 2001. С. 269.

Мазаник Е. Г. Указ. соч. С. 475–487.

392

Запись беседы с генерал—полковником С. С. Бельченко от 17 марта 2001 г.

См. подр.: *Попов А, Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Олма—пресс, 2002. С. 258–260.

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Указ. соч. С. 282.

Гладков Т. К. Легенда советской разведки. М.: Вече, 2001. С. 342.

Там же. С. 343.

Гладков Т. К. Указ. соч. С. 345.

Там же.

Гладков Т. К. Указ. соч. С. 348.

Гладков Т. К. Указ. соч. С. 375.

Покушение на Коха хотя и тщательно планировалось, но по различным причинам так и не состоялось. *(Прим. автора.)*

Гладков *Т. К.* Указ. соч. С. 375.

Мищенко ГЛ., Мигрин Г. П. Задача особой важности. Киев: Вища школа, 1985. С. 142.

Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Олма—пресс, 2002. С. 192–243.

Черчилль У. Вторая мировая война. Мемуары: В 6 т. М., 1955. Т. 5. С. 238.

Диксон Ч., Гельбурн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Иностранная литература, 1957. С. 263–290.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Нева — М.: Олма—пресс, 2001.

408

Укрепленный район.